Міністерство освіти і науки України

Заснований
у 1997 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію
друкованого засобу масової інформації № 222,

серія 33,

20 червня 1997 р.

Адреса редакції :

Україна, 69063,

м. Запоріжжя, МСП-41,

вул. Жуковського, 66

Телефони

для довідок:

(0612) 64-26-05,

(0612) 69-98-26

Факс: 641724

В і с н и к

Запорізького державного університету

- **Філологічні науки**

№4, 2002

Запорізький державний університет

Запоріжжя 2002

Вісник Запорізького державного університету: Збірник наукових статей. Філологічні науки /Головний редактор Толок В.О. – Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2002. – 210 с.

Затверджено як наукове фахове видання (Бюлетень ВАК України, 1999, № 4)

Затверджено Науковою Радою ЗДУ (протокол засідання № 5 від 29.12.2002 р.)

Відповідальні за випуск: Біломорець В.П., кандидат філологічних наук, доцент,
Хейлік Т.О., кандидат філологічних наук, доцент

Редакційна рада

Головний редактор – Толок В.О., доктор технічних наук, професор

Відповідальний редактор – Сисоєв Ю.О., кандидат технічних наук, доцент

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Чабаненко В.А. - доктор філологічних наук, професор, заступник головного редактора,

Білоусенко П.І. - доктор філологічних наук, професор,

Іваненко В.К. - доктор педагогічних наук, професор,

Науменко А.М. - доктор філологічних наук, професор,

Пахомова Т.О. - доктор педагогічних наук, професор,

Скибіна В.І. - доктор філологічних наук, професор,

Тихомиров В.М. - доктор філологічних наук, професор,

Турган О.Д. - доктор філологічних наук, професор,

Шевченко В.Ф. - доктор філологічних наук, професор.

ISBN 966-599-222-8 © Запорізький державний університет, 2002

ЗМІСТ

АЗАРОВА Н.В. *7*
СЛОВОТВОРЧІ ПРОЦЕСИ У ВІЙСЬКОВІЙ ТЕРМІНОЛОГІЇ (НА МАТЕРІАЛІ ДЕВЕРБАТИВНОЇ ІМЕННИКОВОЇ СУФІКСАЛЬНОЇ ДЕРИВАЦІЇ В УКРАЇНСЬКІЙ ТА РОСІЙСЬКІЙ МОВАХ) *7*

АНОХИНА Я.А.
УЛЫБКА В РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ ***11***

АПОЛОНОВА Л.А.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИРЕКТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА ***14***

БАЙРАМОВА Л.К., ЯРУЛЛИНА А.Г.
ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЯХ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ***16***

БЕЛОМОРЕЦ В.П.
ОВЛАДЕНИЕ ВНИМАНИЕМ СЛУШАТЕЛЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТ РИТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ***19***

БЕЛОМОРЕЦ В. П., ХЕЙЛИК Т.А.
КОЛОРАТИВЫ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ И ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XX И НАЧАЛА XXI ВВ. ***23***

БОНДАРЧУК М.Н.
СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АВИАЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ ***26***

ГЕЙЧЕНКО Е.И.
КОММУНИКАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА ***27***

ГЕТЬМАН И.Д.
АКТИВИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ ПРИ КОМПАРАТИВНОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТА ***29***

ГОРОВОЙ Д.Ю.
ПУНКТУАЦИОННО-СМЫСЛОВОЙ ОТРЕЗОК КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ПУНКТУАЦИИ ***30***

ГУЛЬЧИН М.Б.
СЕМАНТИКА АУДИАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНОЙ СИНЕСТЕЗИИ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ ***31***

ДИТЬКОВА С.Ю.
РЕМИЗОВ И ДОСТОЕВСКИЙ – ИРРАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «ПОТАЙНОЙ МЫСЛИ» И «ОГНЕННОЙ РОССИИ» А.М. РЕМИЗОВА) ***36***

ДРАГАН Н. П.
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНТРОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ СПОРТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ***41***

ДУКА Л.И.
ПРАГМАТИКА ОНИМОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ ***45***

ЄМЕЛЬЯНОВА О.В.
ВЕРБАЛЬНІ ТА НЕВЕРБАЛЬНІ ЗАСОБИ ПІДТРИМАННЯ БЕСІДИ З БОКУ АДРЕСАТА ***48***

ЗАРВА В.А.
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ДОБРА И ЗЛА В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н.ТОЛСТОГО ***51***

ЗУБЕЦЬ Н.О.
РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКА КОНТРАСТИВНА ЛЕКСИКА ***56***

ИВАНЕНКО В.К.
ПОСТРОЕНИЕ ВАРИАНТОВ ОПИСАНИЯ НА ОСНОВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА **59**

ИЩЕНКО В.И.
БЕЗУДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ, КРОМЕ ПЕРВОГО ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА, В РУССКИХ ГОВОРАХ **63**

КОБЯКОВА И.К.
РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В НЕАВТОРСКИХ ШУТКАХ **65**

КОСЕНКО А.А.
ТИПЫ ТВОРЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРАЗОВ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА Л.АНДРЕЕВА **68**

КОСОЛАПОВА Т. Н.
МОТИВ ЗЕРКАЛА В ПОЭЗИИ А. БЕЛОГО И Х.Л. БОРХЕСА **71**

КОСТЮК В.В.
РОСІЙСЬКА МОВА В ЗАСОБАХ МАСОВОЇ ІНФОРМАЦІЇ ЗАПОРІЗЬКОГО РЕҐІОНУ **73**

КОШМАН И.Н.
УКРАИНСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РУССКОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ) **76**

КРАВЧЕНКО Н.К.
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ТОЛКОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ **79**

КРАВЧЕНКО Я.П.
ДНЕВНИК С.И.СМИРНОВОЙ-САЗОНОВОЙ КАК ПРИМЕР ЖЕНСКОЙ СТРАТЕГИИ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ **82**

ЛИТВАК С. Я.
ТЕОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ **86**

ЛИТВИНКО О.А.
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ АНГЛІЙСЬКОЇ ТЕРМІНОЛОГІЧНОЇ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРІАЛІ СУБМОВИ НАСОСОБУДУВАННЯ) **90**

МАЦЕГОРА И.Л.
СПОСОБЫ УСТРАНЕНИЯ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ ДЕФЕКТНОСТИ ГЛАГОЛА В РУССКОЙ РЕЧИ **93**

МИЩЕНКО Т. Н.
ЛЕКСИКО – СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ **96**

МУРАВИН А.В.
«ЦЕ ДІЛО ЗАТЯЖНЕ…» (М.П. ДРАГОМАНОВ И А.И. ЖЕЛЯБОВ В РОМАНЕ Ю.В. ТРИФОНОВА «НЕТЕРПЕНИЕ») **100**

МУРАЧ Л.А., ПОЛЕЖАЕВА Н.А.
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ШКОЛЬНОМ ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ **103**

НЕЖЕБИЦКАЯ Е.В.,, САПЛИН Ю.Ю.
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОМОКОМПЛЕКСОВ "ТИПА" И "ЧИСТО" В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ **105**

НЕЖЕНЕЦ Э.В.
ПОНЯТИЙНЫЙ ПОЛИМОРФИЗМ КАК ИСТОЧНИК НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ **108**

ОНУФРІЄНКО Г.С.
ГІБРИДИЗАЦІЯ ТЕРМІНА ЯК ДИНАМІЧНА ТЕНДЕНЦІЯ РОЗВИТКУ ЛЕКСИКИ МОВИ НАУКИ І ТЕХНІКИ **110**

ПАВЛЕНКО И.Я.
ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) **114**

ПАЗЮК Н.В.
СИМВОЛІКА КОЛЬОРІВ У ПОЕЗІЇ МИКОЛИ ВОРОНОГО **120**

ПАЦЕРА Л.В., ДОРОФЕЕВА Н.Н.
ПЕРЕВОД В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ **124**

ПЕТРОВ А.В.
ОТРАЖЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ В СТРУКТУРЕ СУБСТАНТИВНЫХ КОМПОЗИТОВ **128**

ПЕТРОВА Л. А.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНТЕГРАЛЬНЫХ СЕМ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ГЛАГОЛА **134**

ПОГРЕБНАЯ В.Л.
«ЖЕНСКАЯ» КРИТИКА 60-80-Х ГГ. XIX СТ. О ЖЕНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ .. **139**

ПРИСТАЙКО Т.С.
ДИСКУРСНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ ПО МЕТАЛЛУРГИИ) **145**

РУКОЛЯНСЬКА Н.В.
АБРЕВІАЦІЯ В УКРАЇНСЬКІЙ ЮРИДИЧНІЙ ТЕРМІНОЛОГІЇ **147**

САПЛИН Ю.Ю.
АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА XX - XXI ВВ. **150**

САХАРОВА Я.О.
ДЖ. БАЙРОН И Ф. ДОСТОЕВСКИЙ (ОБЩНОСТЬ ПРОБЛЕМАТИКИ, ЛИТЕРАТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЕ РОДСТВО ОБРАЗОВ) **154**

СОЛДАТКИН Д.В.
ИММАНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ О.МАНДЕЛЬШТАМА "ИМПРЕССИОНИЗМ". **158**

СОЛОГУБ Л.О.
ТЕКСТ - ОДИН ІЗ ЗАСОБІВ МОДЕЛЮВАННЯ МОВЛЕННЄВОГО СЕРЕДОВИЩА **160**

СТОЛЯРОВА Л.П.
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОСТРОЕНИЯ ДИСКУРСА В ТЕЛЕНОВОСТЯХ **162**

ТАБАРЕВ В.З.
ПРАКТИКУМ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ) **164**

ТАЙМАЗОВА Л.Л.
ИСТОРИЧЕСКАЯ "ПАМЯТЬ" НАРОДА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ И МЕМУАРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ **167**

ТЕМНАЯ О.В.
ТРАДИЦИИ Ф. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ М. ВОЛОШИНА **170**

ТИХОМИРОВ В.Н.
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЗАРУБЕЖНОМ МИРЕ **177**

ТОМИЛИНА Г.Я.
РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ОДЕЖДЫ) **180**

УДОВИЧЕНКО Ю.А.
ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО МИРА В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ДАР» **183**

ФОМЕНКО Е.Г.
РЕЧЕВОЙ ЖАНР И ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ «ДОМА» А.П. ЧЕХОВА И «ЭВЕЛИН» ДЖ. ДЖОЙСА) **187**

ХЕЙЛИК Т.А.
ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ДЕХРИСТИАНИЗАЦИИ И РЕХРИСТИАНИЗАЦИИ В РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ XX ВЕКА ***190***

ХЕЙЛИК Т. А., БОГОМОЛОВА О. В.
ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ***195***

ЧЕРНЫШОВА Т.А.
О ФЕНОМЕНЕ ПРЕДСИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ ***198***

ЭМИРСУИНОВА Н.К.
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИСТИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ В.А. ЖУКОВСКОГО ***202***

ЮФЕРЕВА Е.В.
МИНИАТЮРА СЛУЧЕВСКОГО: ЭКСПЕРИМЕНТ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ***204***

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ СТАТЕЙ У “ВІСНИК ЗАПОРІЗЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ” ЗА ФАХОМ “ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ” ***208***

УДК 81’373.611’276.6:355:[811.161.2+811.161.1]

СЛОВОТВОРЧІ ПРОЦЕСИ У ВІЙСЬКОВІЙ ТЕРМІНОЛОГІЇ (НА МАТЕРІАЛІ ДЕВЕРБАТИВНОЇ ІМЕННИКОВОЇ СУФІКСАЛЬНОЇ ДЕРИВАЦІЇ В УКРАЇНСЬКІЙ ТА РОСІЙСЬКІЙ МОВАХ)

Азарова Н.В., здобувач

Запорізький юридичний інститут МВС України

Досліджено через порівняння з російською мовою віддієслівні іменникові деривати в українській військовій термінології, утворені суфіксальним способом, описано словотвірні моделі, визначено найактивніші словотвірні форманти

Ключові слова: іменникові терміни, суфіксація, словотвірний формант, словотвірна модель, семантична, структурна та синтаксична функції суфікса.

Азарова Н.В. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕВЕРБАТИВНОЙ СУФФИКСАЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ) / Запорожский юридический институт МВД Украины

Исследованы через сравнение с русским языком отглагольные дериваты-имена существительные в украинской военной терминологии, образованные суффиксальным способом, описаны словообразовательные модели, определены наиболее активные словообразовательные форманты.

Ключевые слова: термины-имена существительные, суффиксация, словообразовательный формант, словообразовательная модель, семантическая, структурная и синтаксическая функции суффикса.

Azarova N.V. WORD-FORMING PROCESSES IN MILITARY TERMINOLOGY (ON THE MATERIAL OF VERBAL NOUN SUFFIXION IN THE UKRANIAN AND RUSSIAN LANGUAGES) / Zaporizhzhya law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine

The article contains the analysis of verbal nouns formed with help of suffixes in Ukrainian military terminology in comparison with Russian language. It gives the description of word-forming patterns and defines the most productive word-forming means.

Key words: noun terms, suffixion, word-forming mean, word-forming pattern, semantic, structural and syntactic functions of suffixes.

Дослідження словотвірних процесів галузевих термінологій останніми роками набуває великої ваги. Способи творення термінів розглядалися науковцями в дисертаційних роботах, статтях, монографіях на матеріалі окремих природничих, гуманітарних, технічних знань: біологічної (Л.Симоненко), будівельної (В.Марченко, І.Чепіга), весільного обряду (Н.Грозовська), економічної (Т.Панько), електротехнічної (Л.Козак), лісової і деревообробної (Н.Шило), математичної (А.Крейтор), машинобудівної (О.Литвин), металургійної промисловості (Н.Ктитарова), мінералогічної (Н.Овчаренко), правничої (Г.Онуфрієнко, Н.Руколянська, О.Сербенська), психологічної (Л.Векслинець), риторичної (З.Куньч), фізичної (А.Пілецький, І.Процик), хімічної (Г.Наконечна) та ін. До питань словотвору в українській військовій термінології частково зверталися Михайленко Т. [1], Мурашко Л. [2] , Яремко Л. [3] та інші. Разом із тим проблема комплексного дослідження словотвору в цій галузевій термінології є цілком на часі.

Джерельною базою дослідження обрано сферу фіксації військової термінології української та російської мов – “Російсько-український словник для військовиків” А.Бурячка, М.Демського, Б.Якимовича [4], “Російсько-український військовий словник” упорядника Лісної О.О. [5], "Російсько-українсько-англійський військовий словник" укладачів В.Я.Карачуна, І.А.Черненка, С.М.Чиж, О.О.Карачун [6], а також “Російсько-український словник наукової термінології: Суспільні науки” укладачів Й.Андерша, С.Воробйової, М.Кравченко та ін. [7], “Українсько-російський словотворчий словник” З.Сікорської [8].

У попередніх публікаціях нами розглянуто способи морфологічного словотвору у військовій термінології. Логічним продовженням наукових розвідок є дослідження суфіксальної деривації як одного з найпоширеніших способів словотвору в українській та російській мовах взагалі і в термінології, зокрема.

Об’єктом дослідження обрано іменникові терміни, оскільки вони виступають основним носієм спеціального понятійного значення в галузевих термінологіях, у тому числі й військовій, здатні відображати різноманіття значеннєвого спектру понятійної сфери на позначення осіб (*сотник, полковник*), опредметнених дій (*завоювання, маневрування*), предметів (*броньовик, літак*) тощо.

Метою дослідження є аналіз суфіксальної деривації військових іменників, утворених від дієслів, що за частотністю посідають значне місце поміж похідних іменників, визначення словотвірної структури досліджуваних одиниць, зокрема словотвірних модей, з’ясування активності словотвірних формантів.

Суфіксальний спосіб термінотворення у військовій термінології виявляє найбільшу активність порівняно з іншими способами. "Поява в слові суфікса сигналізує про наявність у нього певного узагальненого значення (семантична функція), вираженого в спеціальній формі (структурна функція), за яким це слово потрапляє до певного лексико-граматичного класу слів (частини мови) і здатне виконувати в реченні певну синтаксичну роль (синтаксична функція). З огляду на повноту охоплення функцій суфікси вважаємо еталонними одиницями суфіксальної підсистеми мови. Приймаємо таке їхнє визначення: суфікс – суфіксальна одиниця, яка бере участь у процесі деривації, а отже, має семантичну, структурну та синтаксичні функції в слівній структурі" [9, 31].

Серед суфіксів - компонентів однослівних українських військових термінів-іменників виступають як власнемовні **-нн(я), -ин(а), -ник, -ець, -ач**, так і чужомовні (**-аці/я, -ир/їр, -аж, -ур(а), -ад(а)**). У творенні військових дериватів шляхом суфіксації спостерігається тенденція до концентрації активного словотворення в небагатьох типах. На сучасному етапі розвитку української та російської мов найбільшу активність виявляють відповідно українські суфікси **-нн(я), -ник, -аці(я), нульовий суфікс** та російські суфікси **-ни(е), -к(а), -ник, -аци(я), нулевой**.

Процес творення військових похідних найдоцільніше унаочнити словотвірними моделями. Поняття словотвірної моделі є одним з ключових в українському та російському словотворі, хоча в сучасній мовознавчій літературі досі немає чіткого його визначення. За основу приймаємо визначення словотвірної моделі, запропоноване Горпиничем В.О. [10, 30-31], згідно з яким "модель - це еталон структури слова, який імітує граматичну (дериваційну) правильність у відповідності з певною теорією. Словотворення за моделлю - це утворення за правилами". Відповідно до цього "складниками моделі є: 1) основа твірного слова як компонент семантичної бази похідного (тема похідного); 2) дериватор як носій нового значення похідного (рема похідного); 3) морфонологічні явища як засоби сполучуваності твірного слова з дериватором".

Аналіз віддієслівних іменникових похідних для вираження словотвірного значення опредметненої дії, процесу у військовій термінології дозволяє розподілити їх за такими моделями, що відповідає словотвірним можливостям сучасної української літературної мови:

1) **V + -нн(я) (-енн(я), -анн(я), -інн(я), -уванн(я), -юванн(я), -ованн(я)**. Значну кількість військових похідних утворено саме за цією моделлю. Суфікс -нн(я) є одним з найпродуктивніших у сучасній українській літературній мові і найактивнішим при творенні опредметнених назв, процесів у військовій термінології. За свідченням Городенської К.Г., "транспозиційний перехід дієслово → іменник зумовлюється здатністю дієслова виконувати синтаксичну функцію підмета. Потрапляючи в позицію підмета, дієслово набуває функціональних ознак іменника, але при цьому виникає невідповідність категоріального значення дієслова зайнятій ним синтаксичній позиції. Узгодження значення із невласною синтаксичною функцією відбувається шляхом заміни дієслова іменником, оскільки для нього ця позиція є первинною, власною. …іменники мають сферу первинних лексичних значень - предметних і вторинних - значень дієслів, переведених у позицію субстантива" [11,102-103].

Твірними основами для девербативних іменників служать префіксальні дієслівні основи доконаного виду з кінцевим **–ити**: *захопити → захоплення (*рос. *захват), висадити → висадження (*рос. *высадка), розрядити → розрядження (*рос. *разряд);* дієслова недоконаного виду з суфіксальною основою на **–а/-я**: *перезаряджати → перезаряджання (*рос. *перезарядка), постачати → постачання (*рос. *снабжение), спливати → спливання (*рос. *всплытие); спускати → спускання (*рос. *спуск), стріляти → стріляння (*рос. *стрельба);* дієслова недоконаного виду зі словотвірним суфіксом **-ува/-ювa** в основі інфінітива, від яких утворюються терміни із значенням подовженості процесу дії: *вистежувати → вистежування (*рос. *выслеживание), зосереджувати → зосереджування (*рос. *сосредоточение), маневрувати → маневрування (*рос. *маневрирование), мінувати → мінування (*рос. *минирование); опромінювати → опромінювання (*рос. *облучение); розгромлювати → розгромлювання (*рос. *разгром); укомплектувати → укомплектування (*рос. *укомплектование).*

Твірна основа на **–ува/-ювa** є найпродуктивнішою в сучасній українській літературній мові й відзначається високою активністю у військовій термінології. Твірним у подібних словотвірних моделях може виступати як власнемовне слово (*завоювати → завоювання (*рос. *завоевание), посилювати → посилювання (*рос. *усиление), рознабоїти → рознабоєння (*рос. *распатронирование), розосереджувати → розосереджування (*рос. *рассредоточение), розстрілювати → розстрілювання (*рос. *расстреливание), рятувати → рятування (*рос. *спасение),* так і запозичене з інших (переважно з французької) мов (*анексувати → анексування (*рос. *аннексирование), бліндажувати → бліндажування (*рос. *блиндажирование*), *блокувати → блокування (*рос. *блокирование), кодувати → кодування (*рос. *кодирование), патрулювати → патрулювання (*рос. *патрулирование), шифрувати → шифрування (*рос. *шифрование, шифровка)*.

Дієслова, що виступають як твірні, за структурно-семантичною ознакою можна об'єднати кількома групами:

1) дієслова, що вказують на завершену дію: *виконати → виконання (*рос. *исполнение), винищити → винищення (*рос. *истребление), розгромити → розгромлення (*рос. *разгром), розчистити → розчищення (*рос. *расчистка), розшифрувати → розшифрування (*рос. *расшифровка);*

2) дієслова, що виражають дію, яка відбувається повторно, ще раз або заново, інакше: *перебазувати → перебазування (*рос. *перебазирование), перегрупувати → перегрупування (*рос. *перегруппировка), перезаряджати → перезаряджання (*рос. *перезарядка), перекидувати → перекидування (*рос. *перекидывание), переозброїти → переозброєння (*рос. *перевооружение);*

3) дієслова на позначення процесуальної дії: *анексувати → анексування (*рос. *аннексирование), мінувати → мінування (*рос. *минирование), стежити → стеження (*рос. *слежка), формувати → формування (*рос. *формирование), форсувати → форсування (*рос. *форсирование), штурмувати → штурмування (*рос. *штурм);*

4) дієслова на означення надмірної дії: *перебороти → переборення (*рос. *преодоление), переважати → переважання (*рос. *преобладание), перевантажити → перевантаження (*рос. *перегрузка);*

5) дієслова, що вказують на допоміжну дію: *підкріпити → підкріплення (*рос. *подкрепление), підсилювати → підсилювання (*рос. *усиление), підтримувати → підтримування (*рос. *поддержка);*

6) дієслова на позначення разової дії: *удавити → удавлення (*рос. *удавление), утопити → утоплення (*рос. *утопление).*

Окрім основного значення – опредметненої дії, "деривати, співвідносні з дієсловами доконаного виду, часто набувають додаткових лексико-словотвірних значень – продукту, наслідку дії, суб'єкту, місця дії" [12, 69]. Наприклад, *визволити → визволення (*рос. *освобождение), зруйнувати → зруйнування (*рос. *разрушение), озброїти → озброєння (*рос. *вооружение), розблокувати → розблокування (*рос. *разблокирование), укомплектувати → укомплектування (*рос. *укомплектование)* (результат, наслідок дії); *бліндажувати → бліндажування (*рос. *блиндажирование); розмістити → розміщення (*рос. *размещение), розосередити → розосередження (*рос. *рассредоточение), розташувати → розташування (*рос. *расположение)* (місце дії); *дезертирувати → дезертирування (*рос. *дезертирство), командувати → командування (*рос. *командование), конвоювати →конвоювання (*рос. *конвоирование), патрулювати → патрулювання (*рос. *патрулирование)* (суб'єкт дії). Отже, лексико-семантична структура іменникових віддієслівних дериватів підлягає розширенню за рахунок вторинних предметних та спеціальних значень, що набуває ознак тенденції.

На розмежування назв незавершеної, багаторазової та завершеної дії, номінації явищ структурно вказують дієслова, що належать до недоконаного та відповідно доконаного виду: *фланкувати → фланкування (*рос. *фланкирование)* (недокон. вид), *завоювати → завоювання (*рос. *завоевание)* (докон. вид). Іменники, опредмечуючи процес, дію, зберігають з дієсловом тісний зв'язок, який відбувається як у значенні, так і у видових ознаках: *визволити → визволення (*рос. *освобождение), загарбати → загарбання (*рос. *захват), лавірувати → лавірування (*рос. *лавирование)*. Проте інколи в дериватів, співвідносних за формальними ознаками з дієсловами доконаного виду, спостерігається тенденція до позначення незакінченої дії або тривалого процесу, результату дії, наприклад, іменник *розвантаження* (рос. *разгрузка*), утворений від дієслова доконаного виду, вказує як на процес, так і на результат дії. Це явище підтверджують і джерела фіксації військової термінології [4-5], де до російських термінів, утворених від дієслів доконаного виду, подають українські відповідники, утворені від дієслів обох видів, ставлячи на перше місце похідні від дієслова доконаного виду, наприклад, рос. *уничтожение* - укр. *знищення, нищення;* рос. *укрепление* - укр. *укріплення, укріплювання*; рос. *удаление* - укр. *віддалення, віддаляння;* рос. *заряжание* - укр. *заряджання, зарядження*. Деякі сучасні джерела [6] при поданні українських відповідників у дужках містять позначки з вказівкою на вид дієслова, наприклад, рос. *затемнение* - укр. (незаверш. д.) *затемнювання,* (заверш. д.) *затемнення*; рос. *перезаряжание* - укр. (незаверш. д.) *перезаряджання*, (заверш. д.) *перезарядження*; рос. *назначение* - укр. (незаверш. д.) *призначання*, (заверш. д.) *призначення.*

2) **V + нульовий суфікс**: *вибухати → вибух (*рос. *взрыв), запускати → запуск (*рос. *запуск), наступати → наступ (*рос. *наступление), опиратися → опір (*рос. *сопротивление), пеленгувати → пеленг (*рос. *пеленг), перекидати → перекид (*рос. *переброска), розгромити → розгром (*рос. *разгром).* Твірною основою для більшості подібних похідних виступають префіксальні дієслова недоконаного виду з кінцевим суфіксом **-а**/**-я**: *налітати → наліт (*рос. *налет), підступати → підступ (*рос. *подступ), розстріляти → розстріл (*рос. *расстрел), рухати → рух (*рос. *движение).* Поряд з основним лексико-словотвірним значенням опредметненої дії, деривати цього типу можуть набувати й інших значень, зокрема, результату дії: *нарізати → нарізь (*рос. *нарезка), націлити →націл (*рос. *наведение), розігнати → розгін (*рос. *разгон), розривати → розрив (*рос. *разрыв).* Нульова суфіксація у творенні військових термінів-іменників виявляє значну активність і в українській, і в російській мові.

3) **V + -к(а):** *вербувати → вербовка* (рос. *вербовка*), *екіпірувати → екіпіровка* (рос. *экипировка*), *наводити → наводка* (рос. *наводка*), *осікати → осічка* (рос. *осечка*), *розвідати → розвідка* (рос. *разведка*), *ставити → ставка* (рос. *ставка*). Деривати, утворені за цією моделлю, можуть також указувати на результат дії (*знаходити → знахідка* (рос. *находка*), *розшифрувати → розшифровка* (рос. *расшифровка*)) або предмет, за допомогою якого здійснюється дія (*вибухати →* вибухівка (рос. взрывчатка)). Проте в кількісному відношенні похідні з цим суфіксом не виявляють значної активності у військовій субмові.

4) V +**–ин(а), -тв(а)** на позначення інтенсивної дії: *стріляти → стрілянина* (рос. *стрельба*), *бити → битва* (рос. *битва*). Ці словотвірні моделі є непоширеними.

Спостерігаються у військовій термінології на позначення опредметненої дії, процесу й деривати з суфіксами іншомовного походження, які утворено за моделями: **V+ -аці(я)/-і(я):** *анексувати → анексія (*рос. *аннексия), дегазувати → дегазація (*рос. *дегазация), демобілізувати → демобілізація (*рос. *демобилизация), дислокувати → дислокація (*рос. *дислокация), комплектувати → комплектація (*рос. *комплектация), контузити → контузія (*рос. *контузія), ліквідувати → ліквідація (*рос. *ликвидация), стабілізувати → стабілізація (*рос. *стабилизация);* **V + -ад(а):** *блокувати → блокада* (рос. *блокада*)*;* **V + -аж**: *пілотувати → пілотаж* (рос. *пилотаж*). Суфікс **–аці(я)/-і(я)** – досить поширений при творенні військових іменникових термінів, питома ж вага похідних, утворених за допомогою суфіксів **–ад(а)**, **-аж,** є незначною. При цьому на словотворчі можливості впливає "акліматизація" запозиченої лексеми в мові-реципієнті та її семантико-морфологічна здатність (або нездатність) поєднуватися з автохтонними основами, коренями та афіксами "внаслідок словотворчої асиміляції і у відповідь на соціальне замовлення щодо номінації нових спеціальних понять цієї галузі знань" [13, 62].

Значну групу похідних у військовій субмові становлять віддієслівні іменники із загальним словотвірним значенням "носій процесуальної ознаки". Аналіз девербативних іменників цього значення дозволяє представити їх такими моделями:

1) **V + -ник /-івник, -овник, -льник** на позначення особи як виконавця певної дії (за сталим заняттям, професією або тимчасовим заняттям): *вартувати → вартівник (*рос. *страж), вербувати → вербувальник (*рос. *вербовщик), воювати → войовник (*рос. *воин), завойовувати → завойовник (*рос. *завоеватель), загарбати → загарбник (*рос. *захватчик), маскувати → маскувальник (*рос. *маскировщик), перебігати → перебіжник (*рос. *перебежчик), постачати → постачальник (*рос. *поставщик), призивати → призовник (*рос. *призывник), розвідати → розвідник (*рос. *разведчик), рятувати → рятівник (*рос. *спасатель), спостерігати → спостережник (*рос. *наблюдатель).* Твірними основами для цих похідних виступають дієслова доконаного виду на **-ати**, а також дієслова недоконаного виду з суфіксами **-ува/-юва**. Ця словотвірна модель є досить активною у творенні агентивних назв. За моделлю **V + -ник** утворено й іменники на позначення предмету, за допомогою якого виконується дія. Проте кількість таких похідних є обмеженою: *запалити → запальник* (рос. *воспламенитель*), *зарядити → зарядник (*рос. *заряжатель), затримати → затримник* (рос. *удержник*).

2) **V + -ч /-ач, -яч**: *винищувати → винищувач* (рос. *истребитель*), *командувати → командувач* (рос. *командующий*), *розвідувати → розвідувач* (рос. *разведчик*), *спостерігати → спостерігач* (рос. *наблюдатель*). Представлена модель значно поступається за активністю моделі **V + -ник** у військовій термінології.

Не відзначаються активністю й словотвірні моделі **V + -ець**: *обороняти → оборонець* (рос. *защитник*), *перемагати → переможець* (рос. *победитель*), *стріляти → стрілець* (рос. *стрелок*); **V + -тель**: *визволити → визволитель* (рос. *освободитель*); **V + -щик /-чик**: *літати → льотчик* (рос. *летчик*), *налітати → нальотчик* (рос. *налетчик*); **V + -ак/-як**: *воювати → вояк* (рос. *воин*).

Словотвірні моделі з іншомовними суфіксами для творення віддієслівних іменників у військовій термінології також не є активними, бо представлені незначною кількістю дериватів: **V + -атор/-ятор/ -итор**: *аналізувати → аналізатор (*рос. *анализатор), детонувати → детонатор (*рос. *детонатор), стимулювати → стимулятор* (рос. *стимулятор*) (на позначення предмета, що бере участь у певному процесі, дії, реакції); **V + -ищ-е/-овищ-е/-бищ-е/-лищ-е**: *стріляти → стрільбище* (рос. *стрельбище*), *сховати → сховище* (рос. *убежище, укрытие*), *руйнувати → руйновище* (рос. *развалины*) (для вказівки на місце, призначене для виконання якоїсь дії або вказівки на результат дії).

Отже, результати дослідження дозволяють стверджувати, що суфіксальний спосіб творення слів як найпродуктивніший в українській та російській мовах, виявляє високу активність і в окремих субмовах, зокрема у військовій термінології. Девербативні іменникові терміни утворюють значну кількість поміж військових термінів-іменників, утворюючись за різними моделями, найактивнішими з яких виступають **V +-нн(я), V +-ник,V + нульовий суфікс.**

Подальше визначення шляхів термінотворення у військовій субмові, дослідження найактивніших і найпродуктивніших способів, словотвірних моделей сприятиме розробці теоретичних засад нормування і

стандартизації української військової лексики, яка з часу здобуття Україною незалежності потребує вдосконалення, впорядкування, стабілізації і належного широкого застосування у військовій справі.

ЛІТЕРАТУРА

1. Михайленко Т.Д. Інтра- та екстралінгвістичні аспекти формування і функціонування військової терміносистеми в національних мовах: Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук.-К., 1996.-48с.
2. Мурашко Л.В. Українська військова лексика в її історичному розвитку (військові звання та посади): Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук.-К., 1997.-21с.
3. Яремко Л.П. Формування української військової термінології: Автореферат на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук.-Дрогобич, 1997.-16с.
4. Бурячок А., Демський М., Якимович Б. Російсько-український словник для військовиків.-К., 1995.-384с.
5. Російсько-український військовий словник / Упор. О.О.Лісна.-К., 1992.-80с.
6. Російсько-українсько-англійський військовий словник: Близько 20000 слів / Уклад.: В.Я.Карачун, І.А.Черненко, С.М.Чиж, О.О.Карачун.-К.: Техніка, 2001.-750с.
7. Російсько-український словник наукової термінології: Суспільні науки / Й.Ф.Андерш, С.А.Воробйова, М.В.Кравченко та ін.-К., 1994.-600с.
8. Сікорська З.С. Українсько-російський словотворчий словник.-2-ге вид., перероб. і допов.-К., 1995.-256с.
9. Карпіловська Є.А. Суфіксальна система сучасної української літературної мови: будова та реалізація: Монографія.-К, 1999.-297с.
10. Горпинич В.О. Словотворення і словотвір української мови: Навч. посібник. - К., 1995. - 68с.
11. Городенська К.Г. Реалізація семантичного потенціалу дієслів у синтаксичних дериватах // Словотвірна семантика східнослов'янських мов.-К., 1983.-С.102-113.
12. Словотвір сучасної української літературної мови.-К., 1979.-406с.
13. Онуфрієнко Г.С. Французькі запозичення в юридичній термінології східнослов’янських мов: парадигматичний і синтагматичний аспекти // Мовознавство. - 2002. - № 1. - С.60-62.

УДК 81’271:316.722 (=82)

УЛЫБКА В РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Анохина Я.А., студент магистратуры

Запорожский государственный университет

Статья рассматривает проблему применения улыбки в русской коммуникативной культуре. Особое внимание уделяется оценке улыбки как невербального средства общения в языковой картине мира и в русском коммуникативном поведении.

Ключевые слова: улыбка, культура, коммуникация, поведение, невербальное общение, вежливость, искренность

Анохіна Я.А. ПОСМІШКА В РОСІЙСЬКІЙ КОМУНІКАТИВНІЙ КУЛЬТУРІ / Запорізький державний університет, Україна

Стаття розглядає проблему застосування посмішки в російській комунікативній культурі. Особливаа увага приділяється оцінюванню посмішки як невербального засобу спілкування у мовній картині світу та у російській комунікативній поведінці.

Ключові слова: посмішка, культура, комунікація, поведінка, невербальне спілкування, ввічливість, щирість

Anohina Y.A. SMILE IN THE RUSSIAN COMMUNICATIVE CULTURE / Zaporizhzhya State University, Ukraine

The article implies the problem of smiling in the Russian communicative culture. Particular attention is payed to the estimation of smiling as nonverbal component of communication in the Language picture of the world and in the Russian communicative conduct.

Key words: smile, culture, communication, conduct, nonverbal communication, politiness, sincerity

Улыбка как важный компонент общения играет одну из главных ролей в коммуникативной культуре, но тем не менее количество работ, посвященных данному вопросу, весьма ограничено. Это связано с фактом так называемой закрытости советского общества от стран капиталистических, основной доминантой которых являются рыночные отношения, высокая степень конкуренции и т.д.

Период конца XX – начала XXI вв. характерен повышением интереса ученых-исследователей к рассматриваемой проблеме. Коммуникативная культура – это «коммуникативное поведение народа как компонент его национальной культуры, отвечающий за коммуникативное поведение нации» [1]. Термин ‘коммуникативное поведение’ впервые использован в работе И.А.Стернина (1989): «Коммуникативное поведение – совокупность норм и традиций общения определенной группы людей» [2].

Общекультурные нормы коммуникативного поведения национально специфичны. В структуре русского поведения и общения улыбка занимает место, отличное от коммуникативного поведения многих стран Запада, Востока, а также США. Существующие «межкультурные национальные стереотипы, несмотря на свою поверхность, значительную относительность и традиционность, отводят русским людям эпитет мрачные» [3]. Однако этот эпитет не совсем справедлив. Для русской коммуникативной культуры характерна так называемая бытовая неулыбчивость, выступающая как одна из наиболее ярких черт русской кинестетической коммуникации.

Для русской коммуникативной культуры характерна открытость и искренность. Отсюда – привычка не скрывать своих чувств. Повседневный же быт, жизнь русского человека были на протяжении веков борьбой за существование. Озабоченность, таким образом, закрепилась как нормативная бытовая мимика русского человека. Улыбка как бы олицетворяет некое исключение – достаток, хорошее настроение, что является привилегией отнюдь не большинства русских людей. Это «дополнительный внешний элемент в общении, который не всегда бывает уместен и необходим» [4]. Н.А.Некрасов («Мороз – красный нос») говорит о неулыбчивой женщине как об идеале русском:

Она улыбается редко,
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить.
…Лежит на ней дельности строгой
и внутренней силы печать.

В языковой картине мира улыбка оценивается по-разному. В американском, немецком, японском коммуникативном поведении улыбка – сигнал вежливости, а значит, его обязательный компонент. Постоянная вежливая улыбка называется у русских ‘дежурной’ и считается проявлением неискренности. В качестве желательного элемента общения допускается искренность – добродушная улыбка, демонстрирующая личное расположение к собеседнику.

Русские писатели часто обращали внимание на отличие русской (искренней) улыбки и американской (неискренней) – странной и искусственной для русского человека. М.Горький утверждал, что на лице у американцев прежде всего видишь зубы, М.Жванецкий пишет, что американцы улыбаются, как будто включены в сеть, а М.Задорнов называет американскую улыбку хронической. Таким образом, постоянная вежливая улыбка считается признаком неискренности, лицемерия и может ассоциироваться у русского человека с так называемой *‘сардонической’, дьявольской улыбкой* (“улыбкой от лукавого”), напоминающей «предсмертные корчи лица» [5]. На Западе, Востоке и в США улыбка (*keep smiling*) стала «символом экономического и социального успеха, в определенном смысле напоминая надевание ритуальной маски» [6]. Ср.русскую поговорку: *Делу время – потехе час* и китайскую поговорку*: Кто не может улыбаться, тот не сможет открыть лавку.* В русском понимании улыбка часто отождествляется со смехом и является признаком веселья, на Западе же улыбка – символ преуспевания, техника овладения которым считается целым искусством. При этом следует учитывать умелое сочетание улыбки, взгляда, позы, жеста, от которых зависит многообразие видов улыбки. Например, по социальной шкале можно выделить: заискивающую или снисходительную; презрительную или поощряющую и т.д. Улыбка на западный манер является равноправной и может быть названа улыбкой процветания, в России же характерно отсутствие так называемой равноправной улыбки. Особенности русской улыбки поддерживаются и русским фольклором, где можно найти массу поговорок и пословиц, связанных с улыбкой, шуткой, смехом. Например, в сборнике В.Даля сотни таких единиц, большинство из которых оценивают характеризуемые явления как довольно негативные[7]:

Набьет улыбка оскомину.
Кто смешлив, тот и слезлив.
В чём живет смех, в том и грех.
Смех без причины – признак дурачины и т.д.

Таким образом, в русском коммуникативном поведении можно выделить следующие слагаемые особенности улыбки:

1) Улыбка считается принятой в случае искреннего и личного расположения к собеседнику. Русская улыбка рассматривается как искреннее выражение хорошего настроения. Улыбка русского человека должна иметь вескую причину, известную окружающим. Этой причиной может быть как материальное благополучие улыбающегося, так и его психологическое состояние комфорта (мне хорошо, приятно, я доволен и т.д.).

2) В русском общении есть случаи, когда улыбка считается совсем необязательным компонентом:

   - улыбка в русском общении не всегда является сигналом вежливости;
   - при исполнении служебных обязанностей, при выполнении какого-либо серьёзного дела;
   - автоматически отвечать на улыбку улыбкой;
   - при встрече взглядом с незнакомым человеком (в отличие от американцев, русские обычно отводят взгляд).

3) Улыбка может быть оценена негативно в случае передачи плохих новостей. Ср: В некоторых культурах имеет смысл предохранение собеседника от огорчения. Так, И.Эренбург в воспоминаниях рассказывает о китайце, который с улыбкой сообщил ему о смерти своей жены. Такая улыбка, как пишет И.Эренбург, означала: «вы не должны огорчаться, это моё горе»[8]. В России же подобная улыбка – показатель чёрствости, даже жестокости. В России также не принято улыбаться, если нет хорошего настроения или материального благополучия. Общественное мнение часто осуждает так называемую улыбку самоподбадривания: «у неё семеро детей по лавкам, а она ходит улыбается» и т.д.

В русском сознании улыбка как бы требует определенного времени для своего осуществления. Она рассматривается как некий самостоятельный коммуникативный акт, который как таковой в большинстве случаев излишен. В свое время на аналогичную проблему в сатирической форме указывал А.Райкин: «Смеяться надо в специально отведенных для этого местах». Однако при всех различиях улыбка – это всегда «то, чего мы более всего ищем в лице собеседника» [9,52]. Отметим, что рыночные отношения нашего времени являются стимулом к появлению профессиональной ‘коммерческой’ приветливости, что не может не сказаться на таком невербальном компоненте русской коммуникативной культуры, как улыбка.

ЛИТЕРАТУРА

1. http: \\commbehavior.narod.ru/Rus Fin/RusFin2000/Sternin 4.htm
2. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения //Communikativ-Lunktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. С.279-282.
3. Стернин И.А. Улыбка в русском общении //РЯЗР. – 1992 –№2 – С.54-57.
4. http: \\commbehavior.narod.ru/Rus Fin/RusFin2000/Turunen 1.htm
5. http: \\domnicov.novayagazeta.ru/2000-7d.shtml
6. http: \\www.iatr.md/noostera/em-3-rus.html
7. Даль В.И. Пословицы русского языка. Сборник: В 3 т. (Живое слово). – М.: Русская книга, 1998. – 640 с.
8. Эренбург Э.И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. - Т. 3. – М.: Советский писатель, 1990. – с.248-496.
9. Гольдин В.Е. Речь и этикет. –М.: Просвещение, 1983. – 112 с.

УДК 81’271: 811.112.2

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИРЕКТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА

Аполонова Л.А., ст. преподаватель

Гуманитарный университет “ЗИГМУ”

Описываются языковые средства, используемые в речи мужчинами и женщинами с целью смягчения негативного воздействия директивных высказываний.

Ключевые слова: директивные высказывания, речевые акты, языковые средства.

Аполонова Л.А. ДЕЯКІ ОСОБЛИВОСТІ ДИРЕКТИВНИХ ВИСЛОВЛЮВАНЬ З ТОЧКИ ЗОРУ ГЕНДЕРНОГО ПІДХОДУ / Гуманітарний університет “ЗІДМУ”, Україна

У статті іде мова про засоби, яки використовують у мовленні чоловіки та жінки з метою пом’якшення негативного впливу директивних висловлювань. Ключові слова: директивні висловлювання, мовленеві акти, мовленеві засоби.

Ключові слова: директивні вислови, мовні акти, мовні засоби.

Apolonova L.A CHARACTERISTIC PROPERTIES OF DIRECTIVE SPEECH ACTS FROM THE GENDER STANDPOINT / Zaporizhzhya institute of state and municipal government, Ukraine

The article describes the language means, which are used by men and women to make directive utterances less categorical.

Key words: “face threatening acts“, directive utterances, speech acts, language means.

Директивные высказывания, как известно, требуют от слушающего выполнения некоторого действия. При этом говорящий оказывает на собеседника определенное давление, вторгаясь в его личную сферу, заставляя вести себя соответственно побуждению или подталкивая его к непосредственному совершению действия. Это дает основания относить директивы к числу речевых актов, угрожающих “лицу” слушающего.

Согласно теории Брауна–Левинсона, исследующих вежливость как языковую универсалию, существуют особые механизмы, служащие для смягчения негативного воздействия побуждения и дающие возможность слушающему сохранить свое “лицо”. Исходным пунктом их рассуждений является обнаружение того факта, что представители разных культур и носители разных языков выбирают сходные (“лингвистически параллельные”) структуры для выражения побуждения на языковом и социальном уровне. В своем исследовании они показывают, что универсально-языковые принципы часто соответствуют тем принципам, которые конституируют социальные взаимоотношения. Эти социальные взаимоотношения характеризуются особым типом речевой интеракции. С одной стороны, данная интеракция содержит отображение социальных ролей коммуникантов, т.е. те параметры, в соответствии с которыми мы вступаем в социальные взаимоотношения. С другой стороны, речевая интеракция включает в себя то, что Браун-Левинсон называют “strategic language use” – сознательное употребление определенных языковых средств для достижения желаемой цели.

Опираясь на данное положение, авторы разработали инструментарий для описания социологических аспектов языка, взаимоотношений между употреблением языка и социальными характеристиками говорящих. Одной из основополагающих характеристик коммуникантов Браун-Левинсон считают наличие своего “лица” (face) у каждого из них. Под этим термином понимается представление говорящего о самом себе, которое содержит два разных аспекта. “Отрицательное лицо” включает право на свободу действия и защиту от вторжения в личную сферу. “Положительное лицо” означает стремление говорящего быть положительно оцененным окружающими, т.е. стремление создать у них выгодное представление о себе [1,с.61]. Авторы исходят из того, что в процессе социального взаимодействия говорящие стремятся сохранить “лицо” всех участвующих в коммуникации. С этой целью они компенсируют те речевые акты, которые угрожают сохранению “лица”.

В качестве компенсации ликоповреждающего характера директивных высказываний могут быть использованы средства различных уровней.

Среди вербальных средств смягчения побуждения на уровне высказывания – дополнительные речевые акты извинения, оправдания, констативы в функции обоснования, реализация директивов в виде имплицитных и косвенных речевых актов, а также так называемые средства позитивной и негативной вежливости (отрицательная вежливость сигнализирует о том, что сохраняется свобода в принятии решения, свобода действий; положительная направлена именно на языковую организацию высказывания, позволяющую сохранить лицо собеседника).

Анализ языкового материала показывает, что существуют различия в использовании данных средств между мужчинами и женщинами. Примеры нашей выборки на материале немецкого языка свидетельствуют о том, что в сходных ситуативных условиях женщины чаще, чем мужчины, используют

речевые акты оправдания (в 40 и 30% случаев соответственно). Для мужчин характерным является более частое употребление извинений в сочетании с кратким изложением просьбы.

Просьба, как разновидность директивного речевого акта, в свою очередь, имеет комплексный характер. Языковое оформление просьбы может быть существенно различным в зависимости от социальной ситуации и от того, каких усилий потребует от адресата ее выполнение. Например, обращаясь к близкому человеку с просьбой бытового характера, как мужчины, так и женщины, как правило, используют простой императив, нередко в сочетании с вокативом:

1) MARIANNE: Zieh mir die Decke noch weiter über die Schultern. So, ja, jetzt ist es gut.[2, c.180]

2) JOHAN: Ehe ich's vergesse: Liebe Marianne, bezahle deine Straffzettel fürs Falschparken…[2, c.47].

Социально неравноправная ситуация, когда просьба адресуется вышестоящему лицу (например, непосредственному начальнику) заставляет говорящего формулировать высказывание более мягко - при помощи косвенных речевых актов, оптативных конструкций и т.д.:

3) - Mich kann man nicht mit Orden glücklich machen, Herr Oberst, … aber wenn ich eine Bitte äußern darf…[3, c.324].

4) FOTOGRAF (*taucht auf):* Wollen Sie bitte so freundlich sein und einander ansehen. So, ja, so, ja. Ich wollte nur… Verzeihung… [2, c.12].

Мужской речи свойственна лаконичность как при выражении просьбы, так и других видах побуждения. Меньшая эмоциональность создает впечатление изложения просьбы строго по существу, а обоснование делает ее еще более убедительной:

5) JOHAN: Stell ihn bitte auf halb sechs. Ich muß außerdem noch ein paar Sachen einpacken. Um neun muß ich zu einer Konferenz im Institut sein.[2, c.81]

6) G r o v e. Stören Sie mich nicht, Bengsten. Bis morgen mittag darf mich keiner stören. Nicht zu sprechen.[4, c.13].

В употреблении обоснований побуждения выявлены различия несколько иного характера. Обоснования используются с приблизительно одинаковой частотностью представителями обоих полов, но их качественный состав отличается. Женщины строят свои высказывания при помощи большего количества предложений обосновывающего характера, нередко располагая их как в пре-, так и в постпозиции по отношению к директиву, употребляя разные типы обоснования (например, эмоционально-оценочные суждения или суждения, поясняющие причину, по которой нужно выполнить действие):

8) 7) MARIANNE: Komm her und setz dich zu mir aufs Sofa, Johan. Ich muß mit dir über etwas reden. Nein, mach nicht so ein erschrockenes Gesicht. Es ist wirklich nichts Schlimmes [2, c.31].

Данный признак распространяется и на оптимизацию директивных высказываний с помощью языковых средств других уровней. Их количественный состав более высок в женской речи. Женщины не только обосновывают побуждение, но и применяют в пределах одной реплики стилистические средства (простые и синонимические повторы), обращения (mein Liebling), уменьшительные суффиксы (mein Alterchen, Mamachen):

9) MARIANNE: Nein, ich habe nur eine unheilbare Leidenschaft für das Gesunde. Komm jetzt, mein Alterchen, laß uns gehen [2,c.148].

Повторы и обращения не имеют различий в использовании по половому признаку, но могут быть характеристикой индивидуального стиля говорящего, выражением его эмоционального состояния:

10) Mamlock: Setz dich, Werner, setz dich, schreibe!!…Schreibe! Du bist Journalist, dein Amt ist wahrheitsgetreue Berichterstattung… Schreibe! [5, c.39]

11) PRÄSIDENT: Ich bitte Sie doch zu bleiben, Herr Professor. Gerade wenn Sie dem Kollegen wohlgesinnt sind, müssen Sie bleiben. [6, c.65]

"Чтобы достичь желаемого изменения действительности, говорящий должен суметь вызвать изменение в сознании побуждаемого таким образом, чтобы он понял намерение побуждающего, воспринял его и выполнил действие, с помощью которого реализуется желаемый предмет побуждения" [7, S.159]. Этому служат косвенные и имплицитные речевые акты. Их применение обусловлено скорее ситуативным и социальным контекстом, нежели чем принадлежностью к сильному или слабому полу:

12) MARIANNE: Du wirst wohl mit Gustav drüber reden müssen [2, c.38].

13) Megerlin. Ich würde gern eine Decke um die Schultern legen. Es ist kühl. [4, c.55].

Вывод о том, что женщины чаще используют механизмы компенсации негативного воздействия как для смягчения директивных высказываний, так и при построении диалогических реплик в целом, подтверждается данными зарубежных исследователей [8, с.220]. В этой связи открытым остается вопрос о причинах такого, более частого применения женщинами компенсационной стратегии. М.Поль, в частности, указывает на отсутствие единого мнения о том, следует ли рассматривать такой стиль общения как “бессильный”, являющийся проявлением женской слабости, или же считать его “кооперативным”, направленным на сотрудничество в общении.

Таким образом, при рассмотрении директивных высказываний с точки зрения гендерного подхода, обнаруживаются как общие, так и различные черты в их языковом оформлении представителями противоположных полов. Использование компенсационных стратегий для митигации негативного воздействия директивов обусловлено не столько гендерным фактором, сколько совокупностью всех ситуативных, контекстных и социокультурных параметров, присутствующих в момент произнесения высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown Penelope/Stephen Levinson. Politeness, Some Universalsin Language Usege, Cambridge, University Press, 1987.
2. I.Bergman. Szenen einer Ehe, Verl. Volk u.Welt, 1979.
3. J.-M.Simmel. Es muß nicht immer Kaviar sein.-Drömer Knaur.-München, Zürich.-1970.-560 s.
4. Fred von Hörschelmann. Das Schiff Esperanza, Stuttgart: Reclam.-1971.-71 s.
5. F.Wolf. Professor Mamlock. Dramatik. Schauspiel. Reclam Bibliothek. Leipzig.-1965.-87 s.
6. C.Götz. Dr.med.Hiob Prätorius.-Reclam Stuttgart, 1971.-78 s.
7. D.Viehweger. Konstitutive Bedingungen von Aufforderungshandlungen. In: Ahti Jänti et. al. (Hg.), Festschrift für L.Seppänen zum 60.Geburtstag, Tampere. - S. 157-170
8. M.Pohl.Geschlechtsspezifische Unterschide im Sprachverhalten.-Frankfurt am Main, Berlin (u.a.): Lang, 1996.- (Europäische Hochschulschriften, Reihe 6, Bd.541).-233 s.

УДК 81.374.3

ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЯХ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Байрамова Л.К., д. филол. н., профессор, *Яруллина А.Г., ст. научный сотрудник

Казанский государственный университет
**Институт Татарской энциклопедии АН РТ*

В статье рассматривается проблема вестернизации русского языка и доказывается необходимость включения западноевропеизмов в словари с дефинициями.

Ключевые слова: вестернизация, дефиниции.

Байрамова Л.К., *Ярулліна А.Г. ВІДОБРАЖЕННЯ В СЛОВНИКАХ ВЕСТЕРНІЗАЦІЇ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ / Казанський державний університет, *Інститут Татарської енциклопедії АН РТ, Росія

У статті розглядається проблема вестернізації російської мови та доводиться необхідність включення західноєвропеїзмів до словників з дефініціями.

Ключові слова: вестернізація, дефініції.

Bayramova L.K., Yarullina A.G. REFLECTION OF RUSSIAN LANGUAGE VESTERNIZATION IN DICTIONARIES/ KAZAN STATE UNIVERSITY, *TATAR ENCYCLOPAEDIA INSTITUTE AS RT

Vesternization of Russian launguge hase been studied. The article arcalysis new borrowings in dictionaries and speech.

Key words: vesternization, definition.

Заимствования – вполне закономерный путь обогащения любого языка. Коренные изменения в общественно-политической, экономической жизни России конца 20-го века вызвали большой поток иностранных слов (в основном западноевропейских) в лексику русского языка, что находит отражение в различного рода словарях. При этом можно отметить разную степень устойчивости западноевропеизмов

в русском языке. Так, в «Словарь новых иностранных слов» Н.Г.Комлева [2] включено 1500 лексем-неологизмов, и они рядовому носителю русского языка малоизвестны. Некоторые из них до сих пор остались таковыми, не войдя в широкое употребление. Например:

бебиситтер (англ.) – доверенное лицо, ухаживающее за ребенком в период отсутствия родителей (или их занятости);

яппи (англ.) – американский молодой человек, делающий политическую карьеру; член молодежного движения 80-х гг. – амбициозный, материалистичный, странный;

холинг (англ.) – способность некоторых домашних животных (собак, кошек, голубей и др.) самостоятельно находить дорогу домой и др.

Другие же, будучи постоянно «на слуху», интуитивно, постепенно и по определенной конситуации осваиваются носителями русского языка. И эти слова зарегистрированы в словарях иностранных слов: «Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкования, этимология» [1]; «Словарь современных понятий и терминов» [3]. Последний содержит 9 тысяч современных понятий и терминов, в т.ч. многочисленные западноевропейские заимствования, которые получили хождение в последние годы:

авиашоу – пилотажное выступление специально подготовленных групп на самолетах;

авизо (ит.) – уведомление о выполнении расчетной операции;

ависта (ит.) – надпись на векселе или документе денежных расчетов о сроке оплаты;

авуары (фр.) – средства банка или государства в иностранной валюте, ценных бумагах и золоте, находящиеся на хранении в банках иностранного государства;

акциз (фр.) – государственный косвенный налог;

аудио (лат.) – составная часть сложных слов, обозначающая все, что связано со звукозаписью и звукопроизводством;

аудит (англ.) – финансово-экономическая проверка, ревизия бухгалтерских книг, счетов и т.д.;

аудитор (лат.) – спец. ревизор, финансовый контролер;

байт (англ.) – основная единица объема информаций;

банкомат – спец. устройство для автоматической выдачи наличной валюты;

бизнес-класс – отдельное помещение для состоятельных людей;

бизнес-план – план-проект хозяйственно-коммерческой деятельности;

факсимиле (лат.) – точное воспроизведение чьей-либо подписи, чужого почерка;

факс-модем – электронное устройство, в котором конструктивно объединены *модем* и *факс*;

факторинг (англ.) – приобретение права на взыскание долгов, на перепродажу товаров и услуг с последующим получением платежей по ним;

шоумен (англ.) – специалист по организации и проведению *шоу*;

эксклюзивный (лат.) – составляющий исключительную принадлежность кого-чего-либо и т.д.

В 2001-2002 учебном году в КГУ на филологическом факультете был проведен эксперимент среди студентов, в котором приняли участие более 100 человек. Ставилась задача: выяснить компетенцию молодежи в значениях новых заимствованных слов. Эксперимент показал, что освоение западноевропеизмов в 60% - 70% случаев носит «искривленный» характер. Последний проявляется в том, что западноевропеизмам приписываются значения следующего характера:

1. Более общее значение:

саммит – встреча; вместо: встреча, переговоры глав государств; встреча в верхах;

холдинг – компания; вместо: акционерная компания, использующая свой капитал для приобретения контрольных пакетов акций др. компаний с целью установления контроля над ними;

электорат – избиратели; вместо: избиратели, голосующие за определенную политическую партию;

вексель – ценная бумага; вместо: письменное долговое обязательство строго установленной формы, в соответствии с которым его владелец имеет право требовать с лица, подписавшего это обязательство, уплаты указанной суммы денег;

лизинг – аренда, продажа под проценты; вместо: долгосрочная аренда машин и оборудования.

2. Более узкое значение:

импичмент – обвинение против президента, отставка президента; вместо: особый порядок привлечения к ответственности и судебному рассмотрению дел о преступлениях высших должностных лиц; лишение

полномочий лиц, избранных в орган законодательной, государственной или местной власти, за грубые нарушения законов (первоначально в отношении президента в конгрессе США);

рокер – мотоциклист; вместо: член молодежной группы, увлекающийся экстремальной ездой по ночному городу на мотоциклах без соблюдения правил уличного движения и поведения;

саше – род матерчатой сумки, конверт; вместо: ароматическая подушечка, наполненная смесью твердых душистых веществ, которая кладется в белье.

3. Значение по частотной синтагматике этого слова:

спикер – спикер Госдумы; депутат; вместо: лицо, председательствующее в палате представителей; председатель палаты общин в Англии; в последнее время употребляется к председателям палат парламента России;

аншлаг – полный зал; вместо: объявление, извещающее о полной распродаже билетов; крупный заголовок в газете, «шапка»;

контрафакция – нарушение авторских прав; вместо: незаконное использование на своей продукции товарных знаков других известных фирм в целях введения в заблуждение покупателей; литературная подделка или мистификация;

чартер – перевозка морским или воздушным путем; вместо: договор о морской (воздушной) перевозке грузов или пассажиров с условием предоставления нанимателю всего судна или его части на определенный срок (рейс).

4. Значение, ассоциативное с паронимом:

триллер – кровавые разборки; произведение с криминальным сюжетом; захватывающий фильм про убийства; жанр в киноискусстве с элементами насилия, убийств (пароним – *киллер*).

Проведенный эксперимент указывает на необходимость включения западноевропеизмов с точными дефинициями и в региональные энциклопедические словари, ибо часть западноевропеизмов, несмотря на их известность в узкопрофессиональной сфере, для широкого круга читателей остается непонятной. Тем более что дефиниции иностранных слов в разных словарях даны по-разному и не унифицированы. Ср.:

фэнтези (англ.) – чистая ненаучная фантастика [3];

фэнтези (англ.) – литературный жанр, возникший в первой половине столетия в англоязычной прозе; литература, занимающая промежуточное положение между научной фантастикой и сказкой, ведет родословную от народных эпосов европейских стран. Литература, богатая поэтическими причудливыми образами, представляющая сверхъестественные и нереалистические события и характеры. Основоположниками считаются американец Р.Говард и англичанин Р.Р.Толкин [2];

хайринг(англ.) - среднесрочная форма аренды машин и оборудования [3];

хайринг(англ.) – форма экспортной кредитной операции (обычно среднесрочного характера), при которой права собственности на товар арендатору не передаются [2];

хоспис – спец. клиника для безнадежно больных [3];

хоспис – больница для неизлечимых, где больные окружены особым вниманием и заботой [2];

хит-парад(англ.) – список наиболее популярных музыкальных произведений [3];

хит-парад(англ.) – газетно-журнальный или радио-телевизионный список исполнителей, награжденных по выбору читателей, слушателей и зрителей; воспроизведение этого почетного списка по радио и телевидению в очередности полученных оценок или очков, определяющих популярность произведений или исполнителей (обычно с конца к началу списка) [1];

В «Татарском энциклопедическом словаре» [4] включено более 100 западноевропеизмов в названия статей (так называемые «черные слова»): *аукцион, аудит, арбитраж, аренда, антология, ампир, аллергология, акционерное общество, акциз, агглютинация, кооперация, концерн, бюджет, брокер, биржа, диаспора, дуализм, клиринг, колледж* и др. Включение западноевропеизмов в словарь обосновано также и тем, что без них сейчас уже невозможно описать ту или иную научную проблему, отрасль науки, биографию выдающейся личности и т.д. Так, в «Татарском энциклопедическом словаре» большая часть включенных западноевропеизмов связана со следующими отраслями:

- биогеографии: *интродукция, эндогенный, экологический паспорт, дефляция, абразия, экзогенный процесс* и т.п.;

- медицины: *трансиллюминация, мебикар, иннервация, остеосинтез, медиаторы, тест-система, мониторинг, аллерген, вертеброневрология* и др.;

- права и политики: *автономия, лютеранство, дуализм, интегрирование, федералисты, унитаристы, ратификация* и др.;

- техники и математики: *дисперсные среды, гетерогенные системы, деструкционный, олигомер, экстракционные процессы, сенсибиляция,, оптическая либрация* и др.;

- экономики: *ваучер, бонитировка, брокер, инвестиция, менеджмент, лицензия, лизинг, конверсия, ипотека, кадастр, маркетинг, холдинг, факторинг*.

Понятия, обозначаемые западноевропеизмами, входят как в узкую сферу профессиональной деятельности человека, так и в его общественную и личную жизнь. Поэтому включение этого слоя лексики русского языка в словари является необходимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Н.Н., Арапова Н.С. и др. Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкования, этимология. – М.: Цитадель, 1997.
2. Комлев Н.Г. Словарь новых иностранных слов. – М., 1995.
3. Словарь современных понятий и терминов /Бунимович Н.Т. и др. – М.: Республика, 2002.
4. Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999.

УДК 811.161.1'271.2:808.5.159.925

ОВЛАДЕНИЕ ВНИМАНИЕМ СЛУШАТЕЛЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТ РИТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Беломорец В.П., к.филол.н., доцент

Запорожский государственный университет

Статья анализирует актуальные аспекты русской риторической культуры.
Ключевые слова: современный русский язык, риторика, лингвокультура.

Біломорець В.П. ОВОЛОДІННЯ УВАГОЮ СЛУХАЧІВ ЯК ЕЛЕМЕНТ РИТОРИЧНОЇ КУЛЬТУРИ: ЛІНГВОДИДАКТИЧНИЙ АСПЕКТ / Запорізький державний університет, Україна
Стаття аналізує актуальні аспекти російської риторичної культури.
Ключові слова: сучасна російська мова, риторика, лінгвокультура.

Belomorez V.P. CAPTURING ATTENTION AS AN ELEMENT OF RHETORIC CULTURE: LINGUADIDACTIC ASPECT / Zaporizhzhya State University, Ukraine
The article analyses actual aspects of Russian rhetoric culture.
Key words: modern Russian, rhetoric, linguaculture.

Современное общество справедливо называют информационным. XXI век - эпоха делегирования все большего объема управляющих функций социально-информационным технологиям, которые представляют разнообразные системы средств и методов информационного воздействия на общество с целью достижения искомого социального результата.

Исследователь социально-информационных технологий Н.А.Сляднева отмечает: "В роли ведущего агента нового уровня (этапа) технологизации социального управления выступает информация, подобно тому, как она становится базовым ресурсом практически всех сфер деятельности. В сфере управления информация является активным субстратом, концентратом социальной энергетики, носителем управляющих смыслов (социальной семантики) и телеологии" [11]. Социальные технологии (разумеется, на новом уровне) возрождают интерес к традиционной риторической проблематике. Поэтому рубеж XX - XXI веков считают временем расцвета неориторики, которая возвращается к традиции на основе нового культурно-филологического знания, обогащенного достижениями социо- и психолингвистики, лингвистической прагматики, теории дискурса. лингводидактики. Активно разрабатываются проблемы риторизации общего и специального образования, авториторики, риторического анализа СМИ и даже художественной речи ([1], [3], [4], [5], [8], [16]). Помимо старого значения термина "риторика" - наука о

теории и практике ораторской речи, - складываются, как минимум, два новых употребления - "наука о любых речевых формах воздействующей коммуникации" и даже "дисциплина, изучающая принципы порождения реальных высказываний".

Можно небезосновательно утверждать, что развитие риторической образованности отдельной личности и риторической культуры общества в целом могут препятствовать негативным последствиям манипулятивных социально-информационных технологий и повышению информационной безопасности современного мира. Эта безопасность зависит как от передаваемых социальных смыслов, так и от выбранных частных приемов передачи информации. Приемы и средства воздействия (особенно в определенном контексте применения) могут быть социально позитивными, нацеленными на взаимодействие, убеждение адресатов акций, так и асоциальными, агрессивными, рассчитанными на жесткую манипуляцию, подавление личности. Как совпадение, так и диссонансы целей, контекста и частных приемов информационных технологий могут усиливать и ослаблять энергетику управляющего воздействия, маскировать подлинные цели когнитивно-речевого воздействия и т.п.

Риторический анализ и риторическое образование приобретают в современных условиях особую роль еще и потому, что перемещается вектор динамики нормотворческих процессов литературного языка - из сферы художественно- эстетической в сферу прагматико-информационную (риторическую) [9].

Согласно широко известной схеме Р.Якобсона, контакт между отправителем и получателем сообщения является одним из существенных компонентов общения как такового [17, 319]. А саму "потребность в контакте" [10, 6] приравнивают к потребности в самосохранении.

Любое коммуникативное взаимодействие "в принципе является не хаотичным, но упорядоченным явлением. Определение характера и степени этой упорядоченности на сегодняшний день весьма проблематично, но можно предположить, что они зависят, в частности, от тех стратегических направлений и тактических приемов, которые осуществляются"[12,107].

Несомненно, что овладение вниманием собеседника - важный и необходимый элемент эффективной коммуникации и даже самого контакта общающихся. В связи с этим можно говорить о внимании в широком смысле слова (как результате психологического влияния) и о внимании как условии поддержания контакта и осуществления разнообразных коммуникативных намерений (достижения информативных, суггестивных и др. целей). По преимуществу, мы в данной статье будем говорить о внимании во втором из перечисленных значений. Оговоримся также, что овладение вниманием в межличностном коммуникативном взаимодействии и во взаимодействии социальном, публичном также имеет определенные особенности. В данной статье приоритет отдается публичному общению.

Любой говорящий на данном языке неосознанно применяет для овладения вниманием собеседника и аудитории (как иногда говорят, коллективного собеседника) соответствующие тактические приемы, но тот, кто стоит перед проблемой коммуникативного мастерства, "начинает их "коллекционировать" с тем, чтобы управлять беседой и решать в ее ходе свои проблемы максимально успешно"[12,106].

Приемы овладения вниманием можно подразделить на

- психотехнические (основанные на учете закономерностей восприятия человеком информации и восприятия человеком человека);

- лингвистические (основанные на сознательном использовании свойств и выразительных возможностей языка);

- дискурсивные (основанные на использовании свойств текстов определенной культурно-коммуникативной направленности).

В популярной литературе по риторике предлагается и иная классификация: ситуативные, речевые и психологические. Не вызывает сомнений, что эта типология естественно коррелирует с указанной выше, хотя и не прибегает к современной терминологии лингвистики и теории коммуникации.

Наконец, специалисты по методике лекционной пропаганды С.Ф.Иванова и С.А.Минеева предлагают следующую "типологию средств, активизирующих внимание и мыслительную деятельность слушателей: композиционные, психолого-педагогические, речевые и аудиовизуальные" [6,147].

По нашему мнению, любая из классификаций в значительной мере является условной, поскольку основным коммуникативным каналом (в единстве всех составляющих общения) является вербальный. Значит, и овладение вниманием слушателей - прежде всего явление психолингвистическое и лингводидактическое. "Чтобы читать хорошо ...,- устами своего героя заявлял А.П.Чехов, - нужно, кроме таланта, иметь еще сноровку и опыт .... Передо мною полтораста лиц [...]. Цель моя - победить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имею ясное представление о степени ее внимания и о силе разумения, то она в моей власти" [15,310-311].

Овладение вниманием - процесс динамический и подразделяется на три этапа: "привлечение внимания", "удержание внимания" и "стабилизация внимания". Каждый из выделенных этапов имеет риторическую специфику, проявляющуюся в соответствии определенным элементам классической риторики (инвенции, диспозиции, элоквенции, мемории и акции), в реализации тех или иных коммуникативно-языковых функций (скажем, фатической, информативной, директивной, метакоммуникативной и др.), в связи с определенными композиционными элементами ораторского выступления, в преимущественном использовании тех или иных конкретных приемов.

Так, первым элементом привлечения внимания слушателей выступает ситуативное обращение, выполняющее функции непрямой оценки, эмоционально-интеллектуального контакта, представления, социально-ролевой и психологической диспозиции (старший/младший, младший/старший, равноправные партнеры, лектор/слушатели, адвокат/суд, истец/суд и т.п.). Например, рассмотрим любовные обращения кавалера Дансени к маркизе де Мертей из романа Шодерло де Лакло "Опасные связи": *О вы, любимая мною! О ты, обожаемая! О вы, положившая начало моему счастью! О ты, сделавшая его полным! Чувствительный друг, нежная любовница... Ах, сударыня, успокойтесь, это спрашивает друг. О подруга, будь счастлива, это мольба влюбленного...* Как видим, кавалер вовсе не стремится решительно и бесповоротно преодолеть дистанцию, он скорее рад поиграть с дамой, то эмоционально приближаясь к ней, то отдаляясь от нее. В любовной жизни романтика XVIII - XIX вв. первое обращение на "ты" - волнующее событие, погружение в духовную близость, - припомним хотя бы хрестоматийное пушкинское "*Пустое вы сердечным ты она, обмолвясь, заменила и все счастливые мечты в душе влюбленной возбудила"* - у кавалера же это не более чем стилистический эпистолярный прием: его колебания между "ты" и "вы" подозрительно симметричны, на самом деле подчинены хитроумной тактике куртуазных отношений (см. более подробный анализ в [8,3-4]).

Действенным приемом привлечения внимания слушателей издавна считается необычный (неожиданный для данной ситуации, аудитории, темы и т.д.) зачин - классик теории красноречия А.Ф.Кони называл его крючком. на который нужно поймать внимание слушателей. Типология зачина включает несколько моделей - занимательная история, притча, актуальная цитата, эпиграф, афоризм, объявление цели и задач выступления, сформулированное в логической или эмоционально-выразительной форме, т.н. "рекламный" [6,145] заголовок. Однако во всех случаях несомненно одно: только краткость и емкость (лаконичность) зачина обеспечат его роль в привлечении внимания. Точно акцентирует характер единения с аудиторией и причину своего обращения к ней архитектор Ф.В.Валицкий в выступлении по радио в блокадном Ленинграде: *"Когда я узнал, что мне предоставлена честь говорить с вами, мои товарищи, то подумал: кто я такой, чтобы просить вас, воины и труженики, выслушать меня?! Что сделал я в своей жизни? Построил несколько домов - два из них уже разбиты немецкой авиацией и артиллерией. Написал несколько книг по архитектуре. Но это же капля в море!"* [14]. Еще короче зачин публичной лекции профессора Н.А.Умова по случаю 300-летия Декарта: "*Три столетия, отделяющие нас от дня рождения Декарта, обнимают эпоху беспримерного роста научного знания"*[13,84]. Наблюдается определенная зависимость типа зачина от характера дискурса (рекламно-политический, академический, судебно-защитительный и т.д.), а также от психо-эмоционального склада говорящего.

Удержание внимания - этап более длительный и, несомненно, более сложный. Среди требований к нему можно назвать новизну излагаемых сведений, практическую значимость материала, эмоциональность и занимательность. Главная задача этого этапа - включение слушателей в активную интеллектуальную и эмоциональную деятельность, "сотворчество" с говорящим. На этом этапе многое зависит от индивидуального когнитивно-речевого стиля говорящего и соответствия этого стиля уровню и потребностям аудиториии. Тем не менее спектр может быть достаточно широким: стиль может быть драматическим, сатирическим, комедийным, эссеистическим, научно-академическим, документальным, патетическим, созерцательно-философским, даже стилем боевика или триллера, саспенса или детектива. Однако, как гласит афоризм Цицерона, "самое трудное в речи, как и в жизни, - это понять, что в каком случае уместно" [7,196]. Так, А.Авторханов, характеризуя ораторскую манеру известного политического деятеля 20-х гг. прошлого века Карла Радека, вспоминает: "Слава о его остроумии, публицистической находчивости была обоснованна... Но от блестящих острот в речах Радека в памяти оставались только эти остроты, а не содержание речи" [2,63].

По нашему мнению, наиболее распространенными (и вместе с тем действенными) приемами являются внутренняя диалогизация, создание проблемных и дискуссионных ситуаций, активизация творческого воображения слушателей, решение ситуативных задач.

Прием диалогизации (общение с внутренним, "молчаливым" собеседником) не только оживляет изложение, но и позволяет подчеркнуть структурно-логически наиболее важные элементы содержания речи. Элементы дискуссии целесообразно включать в монолог в виде деловых и ролевых ситуаций, позволяющих переходить от назидательно-дидактического тона к проблемному изложению.

Пример психолого-речевой ситуации: "Во время лекции вам задали вопрос. Как вы будете реагировать на это? 1) Не замечу ; 2) Прервусь и отвечу ; 3) Прервусь, не отвечу, но сделаю замечание ; 4) Внешне не

отреагирую, но в дальнейшем отвечу на поставленный вопрос; 5) Скажу, что отвечу спросившему индивидуально, после лекции ; 6) Попрошу слушателей все вопросы задавать в конце занятия, пообещав оставить для этого 5-10 минут в конце лекции".

Активизация творческого воображения слушателей осуществляется включением в ход лекции деловых мини-игр (игроками могут выступать сам лектор и один из слушателей, аудитория при этом выполняет роль арбитра; роль арбитра может выполнять лектор, а игроками выступают 2-3 слушателя и др.). Примеры таких игр: "Интервью", "Тема", "Пресс-конференция", "Описание", "Экспромт". Все эти приемы помогают дополнить вербально-логические построения сетью ассоциативных образов.

"Стабилизация внимания" включает разнообразные приемы снятия усталости (занимательные примеры, аудиовизуальные вкрапления, приемы "умного юмора", неожиданная интерпретация всем известного факта в контексте темы выступления).

Если приемы овладения вниманием поддаются каталогизации и классификации, то, несомненно, они могут стать предметом изучения и целенаправленного обучения. Такая работа должна включать формирование риторической компетенции (теоретической и аналитико-практической), решение отдельных задач в направлении от цели к средству (как добиться?) и от средства к цели (зачем это можно использовать?), наконец, формирование индивидуального риторического стиля: "Все плохие ораторы похожи друг на друга, каждый хороший оратор хорош по-своему. Это как плаванье: плавают все люди по-разному, а тонут одинаково" (В.О.Ключевский)[7,203].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. - М.:Наука,1996.- 349 с.
2. Авторханов А. Утопист Бухарин и реалист Сталин // Слово.-1991.-№3.-С.62-67
3. Барахович И.И. Формирование коммуникативной компетентности студентов педколледжа.- Красноярск.2000.-249с.
4. Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. - М.: Прогресс,1989
5. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика.-Ростов-на-Дону:Феникс,1995
6. Иванова С.Ф., Минеева С.А. Тем, кто учит лекторов. - М.:Знание,1985.-176 с.
7. Как слово наше отзовется. - Кн. 2-я / Сост. А.В.Кирсанов. - М.: Московский рабочий.1985.-367 с.
8. Махов А.Е. Любовная риторика романтиков. - М.: Знание, 1991.- 64 с.
9. Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации // Вопросы языкознания.-2001.-№1.-С.98-132
10. Потылико Г.П. Культура общения и личность. - К.: Общ-во "Знание" УССР, 1984.- 63 с.
11. Сляднева Н.А. Социально-информационные технологии: социокультурные аспекты. - http:// www.fact.ru
12. Тарасова И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. - М.: Высшая школа, 1992.- 175 с.
13. Умов Н.А. Значение Декарта в истории физических наук // Чихачев В.П. Лекторское красноречие русских ученых XIX века. - М.: Знание.1987.-С.84-85
14. Чаковский А.Б. Блокада. - М.: Советский писатель, 1975.- С.321-323
15. Чехов А.П. Скучная история // Чехов А.П. Сочинения: В 2 т. - М.: Художественная литература, 1982.- Т.1.- С.304-339
16. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. - СПб.: Питер, 1988.- 418 с.
17. Якобсон Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р. Избранные работы. - М.: Прогресс, 1985

УДК 811.161.1’373.23:81’373.72 “19/20”

КОЛОРАТИВЫ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ И ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XX И НАЧАЛА XXI ВВ.

Беломорец В. П., к.филол.н, доцент, Хейлик Т.А., к.филол.н., доцент

Запорожский государственный университет

В статье анализируется характер и направленность развития переносного значения колоративных слов и фразем, включающих цветообозначения, в русском языке наших дней и языке начала прошлого века.

Ключевые слова: колоратив, коммуникативные универсалии, номинация, инновация, экспрессивно-оценочное значение, фрейм.

Біломорець В.П., Хейлік Т.О. КОЛЬОРАТИВИ ЯК ЗАСІБ СОЦІАЛЬНОЇ НОМІНАЦІЇ І ОЦІНКИ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ ПОЧАТКУ XX ТА ПОЧАТКУ XXI СТОЛІТЬ / Запорізький державний університет, Україна

У статті аналізується характер і напрямок розвитку переносного значення кольоративних слів і фразем, що вміщають кольоропозначення, в російській мові сьогодення і мові початку минулого століття.

Ключові слова: кольоратив, комунікативні універсалії, номінація, експресивно-оцінювальне значення, фрейм.

Belomorez V.P., Kheylik T.A. COLOURATIVES AS A MEANS OF SOCIAL NOMINATION AND EVALUATION IN RUSSIAN LANGUAGE OF THE BEGINNING OF THE 20TH AND 21ST CENTURY / Zaporizhzhya State University, Ukraine

In the article the authors analyses the character and direction of the development of figurative meaning of colourative words and idioms, which include semantic components of colour, in modern Russian language and in the language of the beginning of the last century.

Key words: colourative, communication universals, nomination, expressively-evaluative meaning, innovation, frame.

Известно, что колоративная лексика активно используется различными языками как средство именования личностей и групп людей по социально-идеологическим (*красные, зеленые, коричневые, чернорубашечники, красный сват* - "агитирующий вступать в колхоз" [5,535]), социально-иерархическим (*белая кость, голубая кровь*), профессиональным (*синеблузники, синие воротнички, белые воротнички, серая скотинка, люди в белых халатах, черный труд*), этническим (*черные, желтолицые, цветные, белые*), гендерным (*синий чулок, серая мышка, красная косынка – “передовая комсомолка”, голубые, розовые*), конфессиональным *(черное и белое духовенство* в Православии) признакам, именования отношений (*мне глубоко фиолетово, пить по-черному*), социальных явлений (*красный крест, белая книга, желтый дом, красный ренессанс, зеленая жатва,* "Белый *великан*" – "кампания по выращиванию кроликов пионерами" [5, 77], *Белый дом, белая смерть* – о кокаине; о сахаре и соли, *синий* - “покрытый татуировкой; пьяный“ [6, 525], *зеленые, зелень* - о долларах США [6, 214]), оценки моральных (*черная злоба, белая зависть, черноротый, серость*), возрастных и психологических (*розовые очки, алые паруса, радужные надежды, желторотый, желторотик, фиолетовый* - “странный, непривычный, причудливый“ [6,632]) свойств, перифрастических номинаций топонимов *(Красная Ницца* – о Крыме, *Город Желтого Дьявола* – о Нью-Йорке*).*

Вероятно, переносное употребление колоративов можно было бы отнести к коммуникативным универсалиям, обусловленным лингвокогнитивными свойствами человека как такового.

Тем не менее характер и направленность развития переносного значения колоративных слов и фраземных номинаций, включающих цветообозначения, наряду с общим, имеют особенности в разных этноязыках и в разных исторических срезах одного и того же языка.

Целью данного исследования и является анализ своеобразия развития переносных номинативных и экспрессивно-оценочных значений у колоративов в русском языке наших дней и языке начала прошлого века. Возможность сопоставления вытекает из социально-исторического сходства моментов: бурный рост информации, скачкообразный характер процессов социального развития и т.д.

Общей для обоих рассматриваемых периодов является актуальная модель развития переносного значения - как в случае однословной номинации, так и при неоднословном именовании в основе переноса лежат характеристики метонимического типа: например*, голубые береты* - те, кто имеет в форме одежды голубой берет; *зеленка* - прифронтовая лесная зона, обозначаемая на картах зеленым цветом и т.д. По сравнению с прошлым веком, в начале нынешнего активизируются аналогические инновации: по аналогии с *белой, серой и черной пропагандой* появляются *белый, серый и черный пиар*; по аналогии с *краповыми беретами* (первоначально экзотизм: о спецподразделениях "быстрого реагирования" в США) появляются *красные, черные, зеленые, голубые береты* как номинации воинских

подразделений разного назначения в СССР (и в современной России); по аналогии с *белым* и *красным террором* появляется *зеленый террор* (о протестах экологистов).

Начало нынешнего века характеризуется изменением как номинативных, так и оценочно-характеристических значений колоративной лексики и фразеологии. Так, "*розовый*", означавшее в начале прошлого века либерала, в годы гражданской войны - сочувствующего (в той или иной степени) "красным" (большевикам), в наши дни прежде всего означает приверженицы нестандартных любовных отношений.

Речь, разумеется, не идет о полной утрате ранее развившихся значений: *розовый* - "либерал" переходит в ксеническую зону, сохраняется в активном употреблении "*розовые очки*", "*розовые шоры*", "*розовая героиня*", *"розовые отношения"*, однако наибольшей внеконтекстной силой характеризуется именно специфическое "сексуальное" значение.

Актуализация сексуально-интимного аспекта присутствует и в современном переносном значении колоратива "голубой" (в этой связи ср. *голубое золото, голубой корабль* – "хлопкоуборочный комбайн", *голубой патруль* - экологисты; добровольные помощники рыбнадзора, *голубая героиня* – театральное амплуа наивной девушки, *"голубой воришка Альхен*" у И.Ильфа и Е.Петрова, "*Голубая книга*" у М.Зощенко, советский мультфильм 80-х гг XX в. "*Голубой щенок*").

Семантическая модификация названных субстантивированных прилагательных в целом объективно опирается на существующие в общественном сознании стереотипы: "сексуализация" лексики, особое внимание к семантике "телесного низа" закономерно наблюдаются в переходные в социально-идеологическом отношении эпохи (Европейское Возрождение как результат кризиса средневековой идеологии, "проблема пола" в русской культуре рубежа XIX-XX вв., "сексуальная революция" в США как проявление кризиса системы традиционных протестантских ценностей и т.д.). Как нам кажется, сказанное подтверждается наблюдениями и в других зонах лексической инноватики [8,59].

Смена идеологических "координат" отчетливо проявилась в семантической трансформации оценочного значения слова "*красный*". Так, в начале XX века это слово, несомненно, имело высокую позитивную экспрессию: оно становилось базой словообразования населенных пунктов - *Красноармейск, Краснознаменск, Краснокаменск, Красногвардейск, Красноград, Краснодар, Красный Луч, Красный Холм, Красный Ткач* (до 1929г. – с. Шувоя), *Красный Профинтерн* – поселок городского типа в Донецкой обл., *Красное Эхо* и др.; названия городских объектов – *ул. Красная, ул. Красных зорь;* личных имен – *Красномира, Красарма (*Красная Армия), *Краснослав;* входило в сложные номинации с функцией повышения в ранге - так, до революции выходил "*Сатирикон*", а после революции - "*Красный сатирикон*", всего же, по нашим наблюдениям, в 20-е годы XX века колоратив "красный" в переносном значении входил в названия более 30 периодических изданий - "*Красная звезда*", "*Красный слон*", "*Красный пролетарий*", "*Красный перец*", "*Красный смех*", *"Красные всходы*", "*Красный воин*", *"Красная нива", "Красная новь", "Красное чудо"* и др. (Сравните название современного романа Э.Тополя *"Красный газ"* – о газопроводе "Сибирь – Западная Европа").

Помимо повышения в ранге, эксплуатация названного колоратива уточняла идеологическую позицию или служила средством мимикрии под господствующую позицию: *красная гулянка, красные посиделки* - "формы проведения досуга в первые годы Советской власти" [7, 155], *красный список, красный уголок, красная яранга, красная доска (*передовиков), *красная свадьба, красные крестины, красный богатырь* – "о советском воине, герое, защитнике Родины" [5, 58], синоним - *красный витязь.*

"Позитив" семантики "красный" закреплялся в системе прецедентных текстов (ср.: "*Красный цвет - лучший цвет, без него жизни нет. Красным флагом дорожить - честным быть и храбрым быть"* - О.Высотская*; "И Красному знамени славной Отчизны мы будем всегда беззаветно верны*" - С.Михалков).

А в начале нынешнего века знак оценки изменился на противоположный. Характерным в этом отношении является следующий контекст, представляющий стиль мышления молодого (не страше 30 лет) журналиста: *"Россия была подобна нераскрашенной картинке в детском журнале. Тысячу лет эту картинку раскрашивали - преимущественно, красным. Цветом людской крови"* (Известия-Украина. - 2003.- 29 янв. - С.2). Таким образом, произошла смена когнитивного фрейма: в начале прошлого века *красный* - элемент фреймов "борьба", "свобода", в наше время - фреймов "гибель", "низкое качество": *красная тачка (сборка)* - "компьютеры отечественного или восточноевропейского производства" [5, 290] (Ср.: *желтая сборка* - "техника, произведенная в Юго-Восточной Азии).

Заметим, что неизменным остался ассоциативный принцип формирования оценочного значения, изменился же акцент - с мыслительного целеполагания (зачем? во имя чего?) на чувственно воспринимаемый результат (что конкретно?), следовательно, изменился и когнитивный сценарий - с "футурума" на "презенс". Такие изменения охватывают значительно большую группу лексики, чем

колоративы, и демонстрируют кардинальные изменения в структуре общественного сознания, в частности, в восприятии такой культурно-исторической категории, как "Время".

Несколько иные изменения когнитивного сценария наблюдаются в развитии переносной семантики колоратива "*зеленый*". В начале прошлого века (годы гражданской войны) *зеленые* - это анархистские бандитские и полубандитские формирования, часто дислоцированные в лесах, полях - "на природе". Следовательно, "зеленый" - это противостоящий порядку, цивилизации. Оппозиция природа / культура решается в пользу культуры. На рубеже XX-XXI вв. указанная оппозиция (ввиду глобального экологического кризиса) поменяла полярность и решается в пользу "природы". *Зеленые* - синоним экологистов.

Антонимический к "*красному*" в качестве социально-идеологического термина колоратив "*белый*" имел несколько иную судьбу. В развитии семантики этого слова наглядно прослеживается культурная устойчивость, имеющая при поливалентности координат развития общественного сознания возможности сохраняться.

Формирование идеологического компонента семантики [4,37] у слова "*белый*" уже было предметом специального анализа [1]. Однако помимо значения "приверженец монархической идеи", (позже - "любой противник Советской власти"), данный колоратив продолжал сохранять культурно-историческую сему "чистый, незапятнанный" – *белые одежды, в белых перчатках, люди в белых халатах* - как "высокая" перифраза к *врачи, белое золото* - перифраза к *хлопок, белая жатва* – уборка хлопка. В качестве средства трансляции культурного смысла выступали канонические культовые тексты, в т.ч. и в художественно-эстетической ретрансляции, а также клише и шаблоны СМИ. В поддержку выступали также культурные традиции регионально-цивилизационного типа [3,20].

Напротив, *красный* и в художественной речи пережил семантическую трансформацию: ср. функционирование фраземы *краснокожая паспортина* у В.Маяковского и В.Войновича [2].

Таким образом, инновационные процессы в области семантики колоративной лексики и фразеологии на рубеже XX и XXI веков демонстрируют сочетание устойчивости и изменчивости моделей как результат взаимодействия когнитивных и социальных свойств языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленин А.В. Белогвардейцы, золотопогонники.. // Русская речь.-1999.- № 6.- С. 80-86.
2. Зыкова Е. «Краснокожая паспортина» В.Войновича (об употреблении крылатых слов в художественном тексте) // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры. – Оломоуц, 1995. – С. 28-29.
3. Клещикова В.Н. Формула цветка. Образ мира в поэзии М.Цветаевой //Русская речь.-1998.-№ 5.-С.19-22.
4. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц //Вопросы языкознания.-2000.-№4.-С.26-41.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
6. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 736 с.
7. Селищев А.М. Выразительность и образность языка революционной эпохи // Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С.147-158.
8. Юдина А.Д. Окказионализмы на страницах периодики //Русская речь. - 1999.-№ 5.-С.56-59.

УДК 811.161.'276.6:629.73

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АВИАЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ

Бондарчук М.Н., к. филол. наук

Киевский национальный авиационный университет

В статье исследуется система авиационных терминов в социолингвистическом контексте.
Ключевые слова: термин, фактор, социолингвистика.

Бондарчук М.М. СОЦІАЛЬНІ ФАКТОРИ ВИНИКНЕННЯ ТА РОЗВИТКУ АВІАЦІЙНИХ ТЕРМІНІВ / Київський національний авіаційний університет, Україна

У статті досліджується система авіаційних термінів у соціолінгвістичному контексті.
Ключові слова: термін, фактор, соціолінгвістика.

Bondarchuk M.N. SOCIAL FACTORS OF AVIATION TERMS APPEARANCE AND DEVELOPMENT / Kyiv National aviation University, Ukraine

The article investigates system of aviation terms in social context.
Key words: term, factor, sociolinguistics.

Бурный научно-технический прогресс, происходивший в XX столетии, качественно обусловил быстрое поступательное развитие науки и техники особенно в сфере самолетостроения и самолетовождения. В 1903 году лишь узкий круг специалистов знал о первом полете на летательном аппарате тяжелее воздуха, для современного человека авиация – обычный вид транспорта.

Мечта человека подняться в небо и парить там, подобно птице, появление новых материалов и технологий стимулировали работу исследователей.

Резко увеличилось количество талантливых людей, интересующихся воздухоплаванием. Так, вплоть до конца XIX века известны были только имена Леонардо да Винчи и М.В.Ломоносова, начало XX века ознаменовано появлением таких талантливых изобретателей, как А.Ф.Можайский, Ф.Дю Тампль, О. Лилиенталь, Н.Е.Жуковский, Х.Максим, К.Адер, Л.Блерио, А. Сантос-Дюмон, Ф.Фербер, Я.М. Гакель, Д.П.Григорович, У. и О.Райт, И.И.Сикорский и многие другие. В сжатые сроки качественно повысить уровень авиационных исследований и экспериментов. Кроме этих социальных факторов нельзя не отметить Первую мировую войну, подготовку и ход Великой Отечественной войны, послевоенное развитие и освоение космического пространства, которые послужили толчком к эволюции авиационного дела.

Возникновение новых реалий, явлений и понятий требовало их номинаций – начала создаваться и формироваться авиационная терминология.

Проблема становления русских авиационных терминов волновала специалистов уже в самом начале их возникновения. В 1912 году вопрос «О воздухоплавательной терминологии» обсуждался на II-ом Всероссийской воздухоплавательном съезде. В дискуссиях о создании «единого авиационного языка» участвовали так называемые «славянофилы», стремившиеся все иноязычные термины, пришедшие из французского, английского, немецкого языков, заменить русскими эквивалентами *(например: аэродром* на *летокрун, траектория* на *летопуть, аппарат для испытания давления силы* на *давомер, гидроплан* на *водоплан, биплан* на *двуплан, моноплан* на *одноплан, аэроплан* на *воздухоплан* и т.д.*)*, и так называемые «западники» - сторонники употребления иноязычных слов для обозначения понятий авиационного дела. Благодаря их усилиям в русском языке закрепились такие термины, как *аэродинамика, дирижабль, пропеллер, фюзеляж, аэростат и т.д.*

В настоящее время в авиационной терминологии можно наблюдать семантические процессы метафоризации иноязычной лексики. Так, например, термин *манёвр*, вошедший в русский язык из французского manoeuvre и обозначающий «изменение в курсе (корабля, самолёта)» [1,518], в первое время использовался для наименования некоторых изменений летательного аппарата в воздухе. Со временем данный термин приобрёл расширительное значение, а каждое новое движение самолёта потребовало новой номинации за счет переосмысления (метафорического или метонимического) слов общеупотребительной лексики, создавая при этом термины, обладающие внутренней формой, которую обеспечивает образная мотивированность.

Сравним: 1) фигура высшего пилотажа *бочка* – «самостоятельный *манёвр* самолёта, представляющий собой вращение вокруг продольной оси» [2,26]; 2) фигура простого пилотажа *горка* – «*манёвр*, совершаемый в вертикальной плоскости» [3,158]; 3) фигура простого пилотажа *колокол* – «*манёвр*, выполняемый в вертикальной плоскости» [4,279] и т.д.

Таким образом, мы наблюдаем, как социальные факторы вызвали к действию внутренние законы языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.
2. Боргест Н.М., Данилин А.И., Комаров В.А. Краткий словарь авиационных терминов / Под ред. В.А. Комарова. – М.: Изд-во МАИ, 1992.
3. Остославский И.В. Аэродинамика полёта. – М., 1957.
4. Авиация: Энциклопедия / Гл. ред. Г.П. Свищев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.

УДК 808.2:378.147:378.661-057.875-054.6

КОММУНИКАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА

Гейченко Е.И., к.пед.н., доцент

Запорожский государственный медицинский университет

В статье делается попытка определить роль и некоторые функции текста по специальности в процессе формирования у иностранных студентов коммуникативной компетенции при обучении русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: язык специальности, коммуникативная компетенция, текст, типы и смыслы.

Гейченко К.І. КОМУНІКАТИВНІ МОЖЛИВОСТІ МЕДИЧНОГО ТЕКСТУ / Запорізький державний медичний університет, Україна

У статті зроблено намагання визначити роль і деякі функції тексту за фахом у процесі формування в іноземних студентів комунікативної компетенції при навчанні російській мові як іноземній.

Ключові слова: мова за фахом, комунікативна компетенція, текст, типи та смисли.

Geychenko E.I. COMMUNICATIVE POSSIBILITIES OF MEDICAL TEXT / Zaporizhzhya Medical State University, Ukraine

In the report the attempt is made to define the role and some functions of the text on speciality while forming communicative competence of foreign students in the process of teaching Russian language as a foreign one.

Key words: language of speciality, communicative competence, text, types and meanings.

Известно, что содержание обучения является положительным мотивационным фактором, если оно соответствует потребностям и интересам обучаемых. С учётом переориентации на их коммуникативные потребности обучение русскому языку как иностранному, его цели и принципы приобретают деятельностную направленность.

В медицинском вузе на всех этапах обучения иностранных студентов русскому языку текстам по специальности как основной единице обучения отводится особая роль в свете коммуникативно-деятельностного подхода.

Во-первых, тексты по специальности в известной мере выступают в роли «языковой среды» как носители речевого своеобразия изучаемого языка и как важный источник расширения лексического запаса обучаемых, особенно в той его части, которая связана с их будущей профессиональной деятельностью.

Во-вторых, они служат средством усвоения установившихся приёмов словоупотребления, содействуют осмысленному постижению грамматических правил (словоизменение и сочетаемость слов), являются образцом языковых моделей научного стиля речи и коммуникативных речевых действий. Коммуникативная устроенность научного текста обусловливает конкретные семантико-синтаксические отношения между предложениями. Специфика научного текста выявляет несвойственную другим видам когерентную способность дейктических слов, союзов, повторов и иных коннекторов. В последние годы в исследованиях прослеживается большое внимание к языковой коммуникации, т.е. рассмотрение языковых средств непосредственно в употреблении, в действии. Ведь текст представляется неким структурированнным, конституированным целым, состоящим из определённых формальных и смысловых единиц и средств языка, при помощи которых можно передать определённое содержание. Применимость логико-синтаксического (выявление связей компонента текста) и логико-тематического анализа (актуальное членение, выявляющее тема-рематические связи) вновь демонстрирует взаимосвязь интер- и интралингвистического подхода, а также «лингвистичность» любого исследования функционирования языка.

Процесс формирования у иностранных студентов коммуникативной компетенции не отвергает знаний учащихся лингвистической информации. Следует лишь отметить, что при этом материал подаётся минимизированным, особым образом сгруппированным, так, чтобы теоретические сведения были лишь ориентировочной основой для речевой деятельности.

И, наконец, тексты языка специальности активизируют процесс обучения воздействующей направленностью профессионально обусловленного применения системы средств общения.

Мы сторонники того мнения, что для всех 4 видов речевой деятельности и для самостоятельной работы, нацеленной на активизацию учебного процесса, можно и должно подбирать соответствующие научные тексты, отвечающие определённому этапу обучения. Существенная разница такого рода текстов только в том, что на начальном этапе обучения иностранных учащихся русскому языку используются адаптированные научные микротексты, а на основном этапе – оригинальные тексты.

Точка зрения оппонентов состоит в том, что на первом и втором курсах необходимо использовать также адаптированные тексты языка специальности, на наш взгляд. не оправдана. Бесспорно, препарированные тексты менее эффективны для учебного процесса. Они лишены всей полноты словоупотребления языка специальности и тем самым не только снижают учебную мотивацию у иностранцев, но и не дают должной отдачи в усвоении изучаемого.

В последнее время при обучении профессиональной речи центр внимания главным образом переносится не на закрепление стереотипных навыков говорения, не на тренировку в выполнении некоторой зафиксированной операции или последовательности операций, а на формирование способности к решению коммуникативной задачи, на выработку гибких, способных к свободному переносу, внутреннему и внешнему варьированию и т.п. коммуникативных умений. В процессе уяснения и усвоения речевых действий, адекватных ситуации общения, учащийся опирается на ориентировочную основу действия, которую в нашем случае представляет собой информационный текст, построенный на основе обучающей проблемной коммуникативной ситуации. Последняя должна обязательно включать в себя проблему общения, т.е. содержать мотив реальной деятельности. Важно, что знакомясь с таким текстом, обучающийся знакомится не только с лингвистическими, но и с экстралингвистическими факторами построения речевого высказывания. Лексико-грамматический материал такого текста, подлежащий усвоению, отбирается и презентуется строго в зависимости от коммуникативной ситуации и строится на логико-семантическом принципе.

При формировании у иностранных студентов коммуникативной компетенции, с одной стороны, важно, что медицинский текст используется русистами в качестве текста-источника, который состоит из определённых функционально-коммуникативных блоков (определение, введение в понятие, гипотеза, вывод и др.). Текст-источник является моделью для формирования самостоятельного коммуникативно-мотивированного высказывания. Этому способствуют определённые задания по выработке умений и навыков оперирования информативным содержанием текста: вычленение главной (необходимой) информации, составление планов (назывного, вопросного, сложного и т.д.), тезисов, аннотации, реферата и другие виды творческих работ.

С другой стороны, важна типологизация текстового материала по специальности. В понятие типового текста включается совокупность типовых смыслов и способов их реализации. Для каждого типа текста характерна определённая смысловая структура. Медицинские тексты содержат следующие типовые смыслы: 1) определение (дефинизация) процесса; 2) классификация процесса; 3) качественная характеристика процесса; 4) периодизация процесса; 5) значение процесса и др.

Эти типовые смыслы имеют соответствующие способы выражения. Типовые смыслы и способы их реализации соотносятся с определёнными, также типовыми, способами запроса этой информации, т.е. типами коммуникативных заданий.

Таким образом, по каждому типу текста (тексты о предметах, процессах, свойствах и т.д.) материал в обобщённом виде может быть представлен в трёх аспектах: 1) типовые смыслы; 2) способы их реализации; 3) типы коммуникативных заданий. Такой способ позволяет органически связать текстовой типизированный материал в плане содержания и в плане выражения с типовыми способами запроса содержания в нём информации и тем самым обеспечить базу для построения коммуникативно-ориентированного обучения.

УДК 811.161.1 (072.3)

АКТИВИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ ПРИ КОМПАРАТИВНОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТА

Гетьман И.Д., соискатель

Учебный комплекс технического образования Коммунарского района (г.Запорожье)

Статья освещает один из методов развития познавательной деятельности учащихся на уроках литературы. Проведение сопоставительного анализа совмещается с активизацией синтаксических конструкций сложноподчинённых предложений, что способствует развитию навыка свободного использования названных конструкций в речи.

Ключевые слова:: компаративный анализ, сопоставление, текст, речь, синтаксические конструкции

Гетьман І.Д. АКТИВІЗАЦІЯ МОВЛЕННЄВИХ УМІНЬ УЧНІВ СТАРШИХ КЛАСІВ ПРИ КОМПАРАТИВНОМУ АНАЛІЗІ ТЕКСТУ / Навчальий комплекс технічної освіти Комунарського району м. Запоріжжя,Україна

Стаття висвітлює один із методів розвитку пізнавальної діяльності учнів на уроках літератури. Проведення порівняльного аналізу поєднується з активізацією синтаксичних конструкцій складнопідрядних речень, що сприяє розвитку навички вільного використання конструкцій у мовленні.

Ключові слова: компаративний аналіз, порівняння, текст, мовлення, синтаксичні конструкції.

Hetman I.D. COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TEXT AS A MEANS OF ACTIVIZATION OF THE HIGH SCHOOL PUPILS SPEECH HABITS / Technical College, Ukraine

One of the methods for activizing cognitive capacities of the High School pupils at the lessons of the Russian literature is being deseribed here.While doing the comparative analysis of the text pupils activize the necessery synthatic constructions which include complex subordinate clauses. This kind of work helps the pupils to use such constructions freely in their speech.

Key words: the comparative analysis of the text, comparison, speech, the synthatic constuction.

Современная система образования большое внимание уделяет развитию практической языковой и коммуникативной компетенции учащихся. Важное значение имеет не только использование выработанных речевых умений и навыков при изучении и анализе грамматических единиц на уроках русского языка, но и применение знаний во время построения связных высказываний при изучении других дисциплин. В этом случае речевые умения, необходимые для построения текста, при правильном их использовании переходят в речевые навыки более высокого порядка.

Практика изучения литературы в школе привела к необходимости искать эффективные методы преподавания. Таким методом, позволяющим активизировать познавательную деятельность учащихся, поднять её на качественно новый, исследовательский уровень, является компаративный метод изучения художественных произведений. Целесообразным следует считать такой порядок компаративного анализа художественных произведений с учётом их проблематики:

1. Аргументация объективности исследования путём расширения предметных знаний: акцентоация внимания на особенностях исторического времени и творческой манеры поэта или писателя.
2. Разъяснение смысла названия с выходом на проблематику произведений.
3. Внимание к слову, к значению ключевых слов, важных для понимания проблематики произведения.
4. Анализ произведений с точки зрения проблематики и проникновение во внутренний мир лирического героя или героя произведения.
5. Постижение замысла автора через осуществление соавторства с ним.
6. Определение современного звучания проблематики и своевременности обращения к ней.
7. Исследовательская работа по изучению формы произведения в единстве с содержанием.

Однако недостаточное владение техникой анализа текста со стороны учащихся, затруднения в построении связного высказывания высокого порядка мешают работе. Актуальной становится проблема обучения учащихся анализу художественного произведения и конкретно компаративному анализу.

Рассмотрим, каким образом мы предлагаем учащимся активизировать речевые навыки при анализе одноименных стихотворений А.С. Пушкина «Пророк» (1826) и М.Ю. Лермонтова «Пророк» (1841). Изучение в 9 классе творчества этих поэтов совпадает по времени с закреплением темы «Виды сложноподчинённых предложений» на уроках русского языка. С понятием сложноподчинённого предложения учащиеся знакомятся в 5 классе, а в 9 классе они углубляют знания, учатся различать, строить и использовать в речи разные виды сложноподчинённых предложений. Всё это значительно

облегчает усвоение видов сложноподчинённых предложений, способствует развитию навыка свободно использовать такие синтаксические формы в речи.

Рассмотрим образец сравнительного анализа стихотворений, включающего различные виды сложноподчинённых предложений.

Сопоставляя факты биографии и творчества А.С.Пушкина и М.Ю. Лермонтова, приходим к выводу, что период зрелости каждый из поэтов ознаменовал обращением к проблеме взаимоотношений поэта-пророка и человека, назначения поэта и поэзии. Кстати, временной промежуток в 15 лет, который разделяет появление стихотворений, ознаменовался важными историческими переменами. Когда декабристское движение потерпело поражение, изменилась общая направленность и тональность произведений.

Оба стихотворения имеют некоторые сходства. С одной стороны, они, являясь поэтической аллегорией, переносят читателя туда, где поэт является пророком, а с другой - авторы сближают поэта и пророка потому, что уверены в их божественном предназначении.

Хотя в стихотворениях названных поэтов отражается близкое понимание назначения поэта и поэзии, но есть и различное в их представлениях о роли поэтического дара. А.С. Пушкин своим стихотворением призывает поэта писать так, чтобы осуществить своё высокое предназначение:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Стихотворение Лермонтова, являющееся своеобразным продолжением стихотворения Пушкина, показывает трудный путь поэта-пророка:

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!
Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Если поэт готов служить людям, то он должен пройти этот путь достойно, несмотря ни на что.

и А.С. Пушкин, и М.Ю.Лермонтов используют различные средства языка, поэты строят произведения по-разному, чтобы лучше выразить основную мысль стихотворения. Следовательно, А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов развивают «вечную» проблему, обогащая русскую литературную традицию.

Стремление воспитать в учащихся качества внимательного читателя, развить любовь к слову способствует поиску и разработке активных форм изучения языка и литературы.

УДК 81,35. 003.86

ПУНКТУАЦИОННО-СМЫСЛОВОЙ ОТРЕЗОК КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ПУНКТУАЦИИ

Горовой Д.Ю., соискатель

Дошкольное учреждение №278, г.Запорожье

Автор выражает своё отношение к теории пунктуационно-смысловых отрезков, оценивает их особенности, утверждает, что при обучении пунктуации целесообразно опираться не на понятие пунктограммы, а на пунктуационно-смысловой отрезок.

Ключевые слова: пунктуационно-смысловые отрезки, знания, умения, навыки, опознавательные признаки, пунктуационные знаки.

Горовий Д.Ю. ПУНКТУАЦІЙНО-СМИСЛОВИЙ ВІДРІЗОК ЯК ОСНОВНА ОДИНИЦЯ ПУНКТУАЦІЇ / Дошкільний заклад №278, м. Запоріжжя, Україна

Автор виражає своє ставлення до теорії пунктуаційно-смислових відрізків, оцінює їх особливості. Стверджує, що при навчанні пунктуації доцільно опиратися не на поняття пунктограми, а на пунктуаційно-смисловий відрізок.

Ключові слова: пунктуаційно-смислові відрізки, знання, уміння, навички, пізнавальні ознаки, пунктуаційні знаки.

Gorovoy D.Y.. PUNCTUATION'S-SENSE SEGMENT AS MAIN UNIT OF PUNCTUATION / Nursery school №278, Zaporizhzhya, Ukraine.

The author concerns consideration to theory of punctuation's-sense segment, evaluates their peculiarities, insists that concept about punctuation's-sense segment is base for punctuation's knowledges (not a punctogramm).

Key words: punctuation's-sense segment, knowleges, skills, practices, identification attributes, punctuation's marks.

В девяностые годы прошлого века М.Т. Баранов предложил применять понятие пунктуационно-смыслового отрезка, называя его основной единицей пунктуации, то есть «осмысленной структурой, остающейся после членения» [1,193], нахождение которой в тексте или отдельном предложении отличается следующим. Во-первых, синтаксическая природа пунктуационно-смысловых отрезков характеризуется тем, что они могут быть и предложенческими, и словосочетательными, и словными. Во-вторых, такие отрезки обозначаются графическими средствами членения письменной речи при помощи постановки пунктуационных знаков или завершения, или разделения, или выделения. Наконец, опознавательными признаками пунктуационно-смысловых отрезков являются их морфологические, синтаксические, ритмомелодические и смысловые особенности.

М.Т. Баранов справедливо подчёркивает, что использование понятия пунктуационно-смысловой отрезок в бóльшей мере способствует достижению конечной цели пунктуации – формированию относительного и абсолютного уровня грамотности. Мы разделяем точку зрения М.Т. Баранова, согласно которой пунктограмма не может быть основной единицей пунктуации. С одной стороны, пунктограмма отождествляется со знаком препинания и пунктуационным правилом. С другой – она «отрывается от назначения пунктуации членить коммуникативные единицы на смысловые отрезки» [1,194].

Помогая учащимся овладевать сведениями по пунктуации и вырабатывать необходимые умения, следует опираться как на знания морфологии, так и синтаксиса, наблюдать за смыслом, а также интонацией. Всё это необходимо учитывать потому, что особенностями пунктуационных навыков является то, что они «никогда не достигают полной автоматизации» [3,120]. Формируя пунктуационную зоркость, целесообразно **всецело** «опираться на теорию пунктуационно-смыслового отрезка, на опознавательные признаки таких отрезков» [3,23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов М.Т. Методика преподавания русского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 368 с.
2. Иваненко В.К. К вопросу о формировании пунктуационной зоркости//Методика викладання філологічних дисциплін. – Запоріжжя: ЗДУ, 1998. – С.23-28.
3. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. – М.: Просвещение, 1988. – 240 с.

УДК 811.161.1

СЕМАНТИКА АУДИАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНОЙ СИНЕСТЕЗИИ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Гульчин М.Б., к. пед.н, доцент

Херсонский государственный университет

В статье рассматриваются метафоры синестетического и концептуального типов.

Ключевые слова: метафора, синестезия.

Гульчин М.Б. СЕМАНТИКА АУДІАЛЬНО-ВІЗУАЛЬНОЇ СИНЕСТЕЗІЇ В РОСІЙСЬКОМУ ХУДОЖНЬОМУ МОВЛЕННІ/ Херсонський державний університет, Україна

У статті розглядаються метафори синестетичного та концептуального типів.

Ключові слова: метафора, синестезія.

Gul'chin M.B. SEMANTICS OF AUDIO-VISUAL SYNETHTESIS IN RUSSIAN BELLES-LETTRES/ Kherson State University, Ukraine

The article describes conceptual and synethtetic metaphors.

Key words: metaphor, synethtesis.

Известные классификации переносных лексических значений в языке обычно включают в себя две принципиально отличные разновидности: метафору, понимаемую как перенос по сходству участвующих в акте вторичной номинации денотатов, и метонимию, рассматриваемую как перенос по их смежности. Наличие в языке дихотомии метафора/метонимия подтвердилась в процессе установления Р. О. Якобсоном лингвистических синдромов для двух основных типов афазии [1]. Функциональный перенос, вычленяемый некоторыми авторами (Д. Н. Шмелев, И. К. Сазонова) [2], может рассматриваться как одна из разновидностей переноса по сходству (т. е. метафоры), а синекдоха – как разновидность переноса по смежности (т. е. метонимии) [3].

Однако есть в языке случаи переноса, упрямо не укладывающиеся в традиционную бинарную схему. В самом деле: что может быть общего между ощущением горького вкуса и чувством разочарования? В чем сходны между собой материальные предметы большой высоты и акустическое впечатление от интенсивной частоты звучания? А между тем выражения *горькое разочарование* или *высокая нота* не представляются нам алогичными или неестественными. В данных случаях, очевидно, речь не может идти о сходстве денотатов-«виновников» семантического сдвига. Здесь взаимодействуют соответствующие им сигнификаты, между которыми в сознании носителей языка обнаруживаются или устанавливаются отношения гомологии. В случаях, подобных первому (кроме *горького разочарования*, к ним могут быть отнесены выражения *сладость победы, светлые чувства, тоска зеленая* и т. д.), мы сталкиваемся с так называемой концептуальной метафорой, противопоставленной исследователем Е. О. Опариной метафоре индикативной. «В индикативной метафоре, – пишет автор, – в роли обоих компонентов – и обозначаемого и образного средства – выступают конкретные предметы, непосредственно воспринимаемые органами чувств. В концептуальной метафоре ситуация представляется иной. Вспомогательный компонент здесь не только дает имя обозначаемому, но и является основой для его осмысления, для вычленения и включения в новое значение важных, с точки зрения говорящего, сторон объекта» [4]. Второй случай является примером синестезии – приема, состоящего в употреблении слова, связанного с одним органом чувств, в значении, относящемся к другой психической модальности (*светлый голос, теплый колорит, сладкий зной* и т. п.).

К немногочисленным исследователям-лингвистам, обратившим внимание на данное языковое явление, принадлежат, например, на Западе С. Ульманн, в Польше С. Скорупка и М. Подраза-Квятковска, в России Д. Н. Шмелев, В. Г. Гак, С. В. Воронин, Н. А. Кожевникова, И. Н. Горелов (синестетической проблематикой гораздо больше занимаются философы, физиологи и психологи). Языковой аспект синестезии изучен крайне мало, а к наименее исследованным в нем проблемам относится семантика интермодального переноса.

В русском языке, как и в любом другом (синестезия, как убедительно доказал С. Ульманн, является семантической универсалией [5]), немало общеязыковых клишированных синестезем: *ледяной тон; холодный взгляд; кислая мина; сладкие звуки; тонкий запах; тяжелый взгляд; тонкий звук; густой голос; тяжелый запах; ноги гудят; голова гудит; руки ноют; руки немеют* и т. п. Частотны эти приемы и в фольклоре. Довольно многочисленны синестетические и концептуальные метафоры с модификатором сенсорного значения в русских народных пословицах и поговорках. Вот примеры из известного сборника В. И. Даля: «У нее голосок – не кишка, а волосок»; «У тебя голосок, что бабий волосок (тонок да долог)»; «Чужой хлеб в горле петухом поет»; «Уху сладко, глазам падко, а съешь – гадко»; «На языке мед, а под языком лед»; «На языке медок, а на сердце ледок»; «Речи как мед, а дела как полынь»; «Говорит воду, а во рту сухо»; «Говорит красно, а поглядишь – пестро»; «Говорит прямо, а делает криво»; «Первая рюмка колом, вторая соколом, а остальные мелкими пташками»; «Будешь сладок – живьем проглотят; будешь горек – проклянут»; «Говорит бело, а делает черно» [6]. Но истинной «родной стихией» синестезии является художественная речь.

Уже довольно давно нас интересует семантика интермодального переноса в произведениях русских писателей XIX-XX веков. Поскольку «предметом семантики является классификация и систематизация значений и изменений значений» [7], главной задачей проводимого нами исследования является построение своего рода семантической модели синестезии, раскрывающей ее универсальные механизмы в сопоставлении с уже имеющимися в лингвистической литературе моделями других известных типов переносных значений слов. В частности, установлено, что семантическое движение здесь может осуществляться в 20-ти возможных направлениях, если принять в качестве основы «европейский культурный стандарт» [8] представлений о пяти сенсорно-семантических модальностях (зрительной, слуховой, осязательной, обонятельной и вкусовой). Одно из таких направлений – перенос *слух* $\rightarrow$ *зрение*.

Основное синестетическое содержание аудиально-визуального переноса – аудиализация («озвучание») зрительного впечатления. Перенос *слух* $\rightarrow$ *зрение* менее частотен как в системе языка, так и в русской

художественной речи, чем перенос *зрение → слух* (*светлый голос, сверкающая рулада* и т. п.), что может объясняться чисто психологически – бóльшим значением зрения в жизни человека.

Одна из разновидностей аудиально-визуальных синестезем – *экзистенциальная* (> лат. exsistentia – существование), сообщающая о самом наличии зрительного впечатления с помощью слуховых лексем: «Мы видим, мы ***слышим,*** / Как *светят нам солнца* <…>» (К. Бальмонт. Тончайшие краски); «Захар Павлович, стоявший тут же, насильно держал открытыми свои глаза, чтобы из них *не капали* ***во всеуслышание*** *слезы*» (А. Платонов. Чевенгур).

Одновременное наличие нескольких визуальных объектов может быть передано с помощью лексемы *хор*, имеющей как аудиальное, так и визуальное значение, однако всегда предполагающей слуховое впечатление. Данная синестезема для русской художественной речи традиционна и обычно связана с описанием звезд: «На стоге сена ночью южной / Лицом ко тверди я лежал, / И ***хор*** *светил*, живой и дружный, / Кругом раскинувшись, дрожал» (А. Фет. На стоге сена ночью южной…); «Торжественно ***звучит*** *на небе звездный* ***хор***» (А. Блок. Ищу спасенья).

К традиционным синестетическим переносам, зафиксированным словарями, относится и использование в визуальном значении слова *гамма*: *гамма звуков – гамма красок*. Визуальное значение ее актуализируется с помощью синестеземы *нота*, также использованной в визуальном значении (*оттенок*), в следующем примере: «И разлучить не можешь глаз / Ты с пыльно-зыбкой позолотой, / Но ***в гамму*** *вечера* влилась / Она тоскующею ***нотой*** <…>» (И. Анненский. Май).

Отсутствие света и вообще зрительных впечатлений может быть передано синестетической ассоциацией с отсутствием звуков, тишиной: «После ветра опять настала тишина, и ее покрыл еще более ***тихий*** *мрак*» (А. Платонов. Котлован).

Близка к данной ассоциации и синестезема в следующем примере, но здесь она означает отсутствие движения, неподвижность: «***Стихнули*** и постарели / *плечи бедные твои*» (Б. Ахмадулина. О, еще с тобой случится…).

Доступные зрительному восприятию процессы ассоциируются с процессами звучания. В известном стихотворении М. Лермонтова периодическое мигание звезд синестетически соотнесено с процессом *говорения*: «Ночь тиха, пустыня внемлет Богу / И *звезда с звездою* ***говорит***» (М. Лермонтов. Выхожу один я на дорогу…).

Общим параметром (квалитатом) для слуха и зрения является понятие *интенсивности*. Интенсивность звучания характеризуется как *громкость*. Звуковые лексемы, включающие в состав своей семантики сему ‘громкость’, могут использоваться в качестве синестезем со значением интенсивности процесса зрительного восприятия (*пристальный*), заметности, яркости воспринимаемого зрением объекта (*кричащий, яркий, пестрый* и т. п.).

Так, в примере «Пожалуйста, / ***Громче*** *смотрите* / ***Во все колокола*** *и глаза*<…>» (В. Каменский. Иронический памятник) синестезема *громче* имеет значение ‘*пристальнее*’. Лексемы *кричащий* и *крикливый* традиционно имеют в языке синестетический аудиально-визуальный смысл. *Кричащий* – это вообще ‘обращающий на себя внимание чем–нибудь необычным, странным, вызывающим’ (*наряд, заголовок*). *Крикливый* является синонимом данной синестеземы и имеет значение ‘заметный, яркий, пестрый’: «За экипажем / ***крикливо*** *тянется толпа созвездий* / *пестрополосая*» (В. Маяковский. Я); «***Кричат*** *афиши пышно-пестрые,* / И ***стонут*** *вывесок слова*» (В. Брюсов. Вечерний прилив); «Эти, цвета пламени без огня горевшие, эти, ***криком о помощи без звука вопиявшие*** *поля* холодным спокойствием окаймляло с края большое, уже к зиме повернувшееся небо <…>» (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Сема громкости звучания содержится и в других лексемах, которые могут становиться аудиовизуальными синестеземами со значением *яркости, блеска, сияния*: «В дряхлую спину ***хохочут и ржут*** / *Канделябры*» (В. Маяковский. Облако в штанах); «<…> И ***верещанье*** *звезд* щекочет слабый слух <…>» (О. Мандельштам. Кому зима…).

Лексемы со значением *звонкости, мелодичности, звучности* используются в качестве аудиовизуальных синестезем для характеристики объектов *ярких, блестящих, светящихся*. Здесь наблюдается и обратная семантическая зависимость: данные квалитизмы соответствуют друг другу и при переносе *аудиально-визуальном*: «По дороге голосисто / Раздается ***яркий*** *звон* <…>» (П. Вяземский. Еще тройка); «***Яркой*** лентой извивался *голос* Феди» (М. Горький. Мать); «<…> За ***сверканьем*** *задорного смеха* / Я истомы люблю полосу» (И. Анненский. Я люблю).

В примере «В синюю высь ***звонко*** / *Глядела* она, скуля <…>» (С. Есенин. Песнь о собаке) выделенная синестезема означает ‘блестящими глазами’. Подобная синестезема у того же автора – «А у низеньких околиц / ***Звонно*** *чахнут тополя*» (С. Есенин. Гой ты, Русь моя родная...) – вызывает ассоциацию с ярко освещенными объектами зрительного восприятия.

Синестезема *звон* используется для характеристики *яркого света*: «<…> ***звон*** *белого солнца* замер за горой на тонущих лугах» (А. Платонов. Чевенгур). В примере «Он [цыпленок] был *закован* ***в звон*** *капусты*» (Н. Заболоцкий. Свадьба) та же синестезема, но здесь, вероятно, хроматизм: ярок не свет, а цвет.

Яркость света передает и синестезема *смех* в следующем примере: «<…> И *солнце* ***смехом*** *золотым* / В окошке белом заиграло <…>» (С. Городецкий).

Лексемы, включающие сему ‘пение’, обычно имеют значение звонкости звучания, что сближает их с упомянутыми выше. Так, одно из значений лексемы *петь* – ‘издавать заливистые щелкающие звуки, свист’ (так говорят о певчих и некоторых других птицах: *соловей поёт*). Лексема *певучий* обозначает ‘мелодичный, похожий на песню, пение’ (*голос, речь, звуки*).

Синестеземы, образованные на базе данных лексем, передают впечатление *яркости, сильной освещенности*: «<…> И ***пели*** *лунные лучи* / ***В мое расширенное ухо***» (А. Белый. Карма); «<…> И каждый из мрака смотрел и слушал, / Как белое *платье* ***пело*** *в луче*» (А. Блок. Девушка пела в церковном хоре…); «Зарею небо зажжено. // Вонзился в небо первый *луч,* / Так нежно ал и так ***певуч***» (С. Городецкий).

Противоположную функцию выполняют синестеземы с примарным значением *тихого* звучания. Их визуальный смысл – *неяркость, слабая освещенность*: «<…> И ***тихою*** *зарей - верхи дерев горят* <…>» (Б. Пастернак. Пиры); «Кто-то тайным ***тихим*** *светом* / Напоил мои глаза (С. Есенин. Не напрасно дули ветры...); «Рассвет был *сер*, как ***спор в кустах,*** / Как ***говор арестантов***» (Б. Пастернак. Еще более душный рассвет).

Подобный смысл у и синестеземы *глухой*. Своеобразное чередование *неяркости* (выраженной синестеземой *глухо*) и *яркости* зрительного впечатления мы наблюдаем в следующем примере: «И ***глухо,*** как от подачки, / Когда бросят ей камень в смех, / *Покатились глаза собачьи* / *Золотыми звездами в снег*» (С. Есенин. Песнь о собаке).

Та же формула – *неяркий, матовый=тихий, глухой* – наблюдается и в области визуально-аудиального переноса: «***Матовый*** *шум* телеграфных проволок» (М. Горький. Мать).

Неожиданность появления объекта зрительного восприятия, *вспышка* света характеризуется с помощью синестезем с примарным значением *громкого* и *короткого* звучания – *удар, выстрел* и т. п.: «***Ударь хлопушкою*** *округи*» (Б. Пастернак. Двадцать строф с предисловием); «*Заря* ***как выстрел в темноту***» (Б. Пастернак. Да будет); «*Прямые лысые мужья* / *Сидят,* ***как выстрел из ружья*** <…>» (Н. Заболоцкий. Свадьба); «Так *открываются*, паря / Поверх плетней, где быть домам бы, / *Внезапные,* ***как вздох****, моря*» (Б. Пастернак. Я их мог позабыть).

С помощью лексем, передающих *частоту* звучания, характеризуются визуальные впечатления *цвета*. При этом наблюдается следующая закономерность: лексема, имеющая примарное значение *высокого* звучания, становится аудиовизуальной синестеземой со значением *светлого* цвета, *темный* цвет характеризует *низкое* звучание.

Так, в примере «Глаза его *белели*, ***как щелчок***» (И. Бродский. Был черный небосвод светлей тех ног…) синестезема *щелчок* имеет примарное значение ‘негромкий звук короткого удара’, на наш взгляд, обязательно высокой частоты.

А синестезема *ворчливо* в примере «Костлявой мельницы крестец, / Как крепость, *высится* ***ворчливо***» (Б. Пастернак. Мельницы) образована на базе лексемы со значением ‘издавать короткие, **низкие** звуки’ и означает объект зрительного восприятия *темной* окраски.

Таковы основные слухо-зрительные соответствия при аудиовизуальной синестезии.

В некоторых случаях синестезия такого типа носит единичный, исключительно индивидуальный характер.

Довольно оригинально изображена энергичная жестикуляция глухонемых собеседников в одной из стихотворных бытовых зарисовок А. Вознесенского: «Два были без шапок. // *Их руки* ***орали***» (А. Вознесенский. В магазине).

На наш взгляд, ничем иным, как лишь простым созвучием, не может объясняться такая, например, синестезема О. Мандельштама: «Окрашена ***охрою хр****иплой,* / Ты вся далеко за горой <…>» (О. Мандельштам. Армения).

Чисто зрительным впечатлением преимущественно широкого или преимущественно узкого раствора рта при произнесении выделенных слов может объясняться возникновение следующей аудиовизуальной синестеземы у И. Бродского: «[стопа следов не оставляет. – М. Г.] на *площадях,* ***как „прощай”,*** *широких,* / *в улицах узких,* ***как звук „люблю”***» (И. Бродский. Лагуна).

Изучение синестезем разных типов еще раз показывает, что одной из характерных черт художественной речи является семантическое обновление уже имеющегося в языке лексического материала, создание и функционирование необычных словесных тропов. Как в психологии, где описываются изоморфные данному явлению факты, так и в лингвистике и литературоведении синестезия зачастую рассматривается в качестве некоей аномалии – органической либо вербальной. Если пренебречь пейоративными коннотациями, содержащимися в общеязыковом значении слова «аномалия», следовало бы признать, что интересующий нас феномен, действительно, находится за пределами обычного словоупотребления. Однако, как справедливо подчеркивает Н. Д. Арутюнова, «как „дом бытия" язык прежде всего отрабатывает нормативные концепты; как орудие общения он больше устремлен к аномалиям» [9]. Более того, по мнению исследователя, «развитие семантики стимулировано аберрациями. Всем ненормативным, редким и необычным явлениям обеспечен прямой выход в лексику. Словарный состав языка, едва ли не в большей мере, отражает патологию, чем норму» [10].

Специфические для языка художественной литературы приемы практически все обусловлены «отклонениями от семантического шаблона». Н. Д. Арутюнова делит их на две категории: 1) сводимые (с потерей образности) к семантическому стандарту (риторические тропы и фигуры), т. е. интерпретируемые аномалии, 2) несводимые к стандартной семантике (прагматические аномалии, абсурд, нонсенс) [11].

К первому типу приемов и относится синестезия, изучение семантики которой может значительно обогатить наши представления о типах и механизмах переноса лексических значений слов и особенностях языка художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Jakobson R. Selected Writhgs, vol. 2. Word and Language. The Hague – Paris, Mouton Publishers, 1971, p. 239–259.
2. См.: Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – С. 19; Сазонова И. К. Переносное значение слова // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с. – С. 200.
3. Именно это подчеркивает, например, Н. Д. Арутюнова (Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 300), а также авторы «Словаря-справочника лингвистических терминов» Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова (М.: Просвещение, 1985. – С. 276).
4. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 70.
5. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – Вып. 5 (Языковые универсалии). – М.: Прогресс, 1970. – С. 279.
6. См.: Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1984.
7. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – С. 35.
8. Day S., *Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors*, Psyche, 2(32), July 1996. – http://psyche.cs.monash.edu.au/v2/psyche-2-32-day.html
9. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – С. 3.
10. Там же, С. 307.
11. См. там же, С. 312.

УДК 821.161.1 – 3.09

РЕМИЗОВ И ДОСТОЕВСКИЙ – ИРРАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «ПОТАЙНОЙ МЫСЛИ» И «ОГНЕННОЙ РОССИИ» А.М. РЕМИЗОВА)

Дитькова С.Ю., к.пед.н., доцент

Запорожский государственный университет

В статье даётся интерпретация связей между творчеством А.М. Ремизова и «романным полем» Ф.М.Достоевского на уровне осмысления природы человека.

Ключевые слова: иррационализм, фантастический реализм, мифический реализм, русская идея.

Дітькова С.Ю. РЕМІЗОВ ТА ДОСТОЄВСЬКИЙ – ІРРАЦІОНАЛЬНИЙ ПОГЛЯД НА ПРИРОДУ ЛЮДИНИ (НА МАТЕРІАЛІ “ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ” Ф.М. ДОСТОЄВСЬКОГО ТА “ПОТАЙНОЙ МЫСЛИ” ТА “ОГНЕННОЙ РОССИИ” О.М. РЕМІЗОВА) / Запорізький державний університет, Україна

У статті надається інтерпретація зв’язків між творчістю О.М. Ремізова і “романним полем”. Ф.М.Достоєвського на рівні осмислення природи людини.

Ключові слова: ірраціоналізм, фантастичний реалізм, міфічний реалізм, російська ідея.

Ditkova S.Y. REMISOV AND DOSTOEVSKY IRRATIONAL POINT OF VIEW ON THE HUMAN NATURE / Zaporizhzhya state university, Ukraine

The interpretation of the links between Remisov’s works and the “epic field” of Dostoevsky at the comprehending of human nature level.

Key words: Irrationalism, fantastic realism, mythical realism, Russian idea.

Многие ставили имена Ремизова и Достоевского рядом. И, действительно, этих двух авторов соединяет немало. Борис Садовский отмечал: «Целый огромный угол русской литературы, - тот именно угол, куда свалены, как старые «запечатлённые» иконы, Писемские и Лесковы, куда значительной долей бытия своего отошел Достоевский, и куда всецело примыкает Ремизов, не скоро еще дождется своего полного признания[1,136].

Е.А. Колтановская разделяла всю классическую русскую литературу на два направления: 1) чисто реалистическую, предметом которой является жизнь /Пушкин-Тургенев-Чехов-Зайцев/; 2) направление, которое охарактеризовано ею как «надземный и подпольный ужас перед жизнью»; родоначальником этого направления она считала Гоголя, наиболее ярким выразителем - Достоевского. Сюда же относила она и Ремизова[2,30].

Даже их биографии странным образом подобны: оба прошли через юношеское, “романтическое” увлечение идеалами социализма, оба понесли за это тяжкую кару, оба провели много месяцев в ссылке (Достоевский - в Сибири, Ремизов – в северных губерниях России); оба в дальнейшем стали знаменитыми писателями.

Существовало также и духовное родство: увлечение русской идеей, болезненное видение мира, особое внимание к наиболее мрачным сторонам жизни, мучительное чувствование зла, склонность к пророчеству.

Многое роднит их также в плане формы: если реализм Достоевского можно назвать фантастическим, то реализм Ремизова - мифическим. Обоих обвиняли в неправдоподобности, у обоих можно найти соединение психологии с философией, живописности с символикой, оба прошли эволюцию от бытописательства к философичности.

М.В. Кузьменко разделила всех героев Ремизова на два типа: 1) обладатель детского мирочувствования; 2) носитель «несчастного сознания»[3]. Основных героев Достоевского также можно причислить к одному из вышеназванных типов.

Некоторые, к примеру, З. Шаховская роднили самого Ремизова с героями Достоевского, особенно с «человеком из подполья»[4, 132].

Остановим внимание на двух произведениях А.М. Ремизова: его эссе «Огненная Россия» (памяти Достоевского) и критическом очерке «Потайная мысль», посвященном рассказу Достоевского «Скверный анекдот».

«Достоевский – это Россия.
И нет России без Достоевского.

И в последний страшный час, - если суждено такому страшному часу случиться, в внезапную последнюю минуту, на последний зов и суд - кому же ?- только он, только он один выйдет за Россию, станет один за

всех – мучающихся, страждущих, смрадно-грешных, но младенчески любящих – за Россию бунтующую, отчаянную и несчастную (ведь разве бунтующий может быть счастлив !), за «убивца» – за весь русский народ.

-Суди нас, - скажет судии, - если можешь и смеешь»[5, 445].

В этой цитате из «Огненной России» заключено многое. Итак, для Ремизова Достоевский – символ России, выразитель её несчастного, никогда не смиряющегося духа (ведь разве бунтующий может быть счастлив?).

«Великими историческими грехами России» мучились многие русские писатели. Многие говорили и о её мессианском значении. Н. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» приводит стихотворение А. Хомякова, смысл которого укладывается в формулу – Россия «недоступна» избрания, но «избрана»:

А на тебя, увы, как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мёртвой и позорной,
И всякой мерзости полна! [6, 67]

Противоречия России, её инертность, обилие «дураков», «рож» и «харь» мучило Н.В. Гоголя. О её внешней «бездарности» и в то же время скрытой мистической одарённости говорили многие символисты (А. Белый, А. Блок).

Но именно творчество Достоевского приковало внимание Ремизова. Почему? Потому что ощущение трагедии России у Достоевского сильнейшим образом связано с ощущением отсутствия всеобщего, высшего начала. Подобное явление мы наблюдаем и в творчестве Ремизова.

Бердяев сказал о Достоевском: «Он тоже социалист на почве православия, социалист со Христом. Он строил теократическую утопию, которая есть отрицание старого мира, отрицание государства и буржуазного хозяйства. В этом он очень русский»[6, 72].

Но для обоих авторов идея соединения под эгидой Христа является внутренней утопией, осуществление её вряд ли возможно, отсюда те апокалипсические настроения, с которыми мы сталкиваемся у обоих писателей. Виной всему, по их мнению, неправильное мироустройство: «Вся планета наша есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке: самые законы планеты – ложь и дьяволов водевиль», - сказал Достоевский в «Бесах», а Ремизов повторил в виде эпиграфа в книге «Огненная Россия». Миссия Христа, по мнению Ремизова, оказалась невыполненной. Люди бросили его. А затем Сатанаил взял его тело, осквернённое бесами, одел в царские одежды и заставил людей поклоняться ему, насмехаясь над ними. («О страстях Господних»).

И тут «судия», который будет судить русский народ, также будет неправедным, несправедливым будет его суд. Почему именно Достоевского выбрал Ремизов заступником, потому что, по его мнению, именно он сильнее всего выразил русский дух, русскую идею, её трагедию. Всё вышесказанное является одним из аспектов философичности обоих писателей, несмотря на то, что рассуждения идут не об абстрактном бытии, а о бытии российском, но для Достоевского Россия – символ бытия человеческого, всего настоящего, что существует в действительности. А что касается Ремизова, то для него, как заметила ещё дореволюционная критика, казалось бы, не существовало в действительной жизни «храма», к которому мог бы прийти измученный человек, но «храм» существовал, и он един, и он для Ремизова – родина.

«Но что может сделать для счастья человека человек?

Страдание и есть жизнь, а удел человека – смятение и несчастие.

И самое ужасное, самое невыносимое для человека – свобода: оставаться со своими свободным решением сердца – это ужасно!

И если есть ещё выход, то только через отречение воли – ведь, человек-то бунтовщик слабосильный, собственного бунта не выдерживающий! – отречением воли, цепным «авторитетом», беззаветным началом ещё возможно в мире что-то поправить, сделать человечество счастливым.

Да захочет ли человек-то такого счастья безмятежного с придушенным «сметь» и с указанным «хочу»?- спрашивает Ремизов [7, 447].

Это ли не перекличка с рассуждениями “подпольного человека”? «Своё собственное вольное и свободное хотенье, свой собственный хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, - вот это-то всё и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода,

которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту? ... Ну что за охота хотеть по табличке ?» - спрашивает Достоевский [8, 113-114].

М.М. Бахтин назвал “подпольного человека первым героем-идеологом Достоевского»[9, 55]. То, что писатель стремился абстрагировать этот персонаж - бесспорно. У «человека из подполья» нет ни имени, ни фамилии, ему приданы типичные черты: он мелкий чиновник какого-то департамента, каких тысячи, он получил широко распространенное казенное образование, он ведёт нищенское существование в мрачной петербургской квартирке – картина привычна – и это не случайно. Бедный чиновник обезличен его образ – это модель человеческого сознания, человеческой психики, такой как её представлял писатель. Каково же это представление?

Р.Г. Назиров пришел к выводу, что в этой повести Достоевский отрицает просветительский взгляд на человека, а также гегелевский абсолютный идеализм[10, 75], В.Н. Белопольский усматривает отрицание философии О. Конта[11, 88].

«Подпольный человек» восстаёт против «хрустального дворца» будущего, в котором по представлению «новейших идеологов» жизнь человечества будет подчинена точному новейшему естественно-научному распорядку. По мнению Конта, жизнь человечества должна быть подчинена законам природы и общества, существующих вне его сознания. «Подпольщик» же отстаивает право человека на свободное сознание, в то же время признавая трагизм существования человека с развитым сознанием. «Может быть, только мне одному во всей канцелярии казалось, что я был трус и раб; именно потому и казалось, что я был развит»[8, 127]

В “Записках из подполья” Достоевский разрушает просветительский взгляд на человека как на существо, поведение которого подчинено разумной силе. По мнению ряда просветителей (Вольтер, Дидро), человеческое общество развивается по восходящей, т.к. человеком движет стремление к улучшению собственной жизни, а он достаточно разумен, чтобы изменить эту жизнь к лучшему.

Достоевский же высказывает парадоксальную мысль: «Я согласен, – пишет он, - человек есть животное, по преимуществу созидающее ... Не потому ли, может быть, он так любит разрушение и хаос (ведь это бесспорно, что он иногда очень любит, это уж так), что сам инстинктивно боится достигнуть цели и довершить созидаемое здание?» [8, 124].

Итак, налицо иррациональный взгляд на природу человека. С подобным явлением сталкиваемся мы и в ремизовском наследии. Правда, взгляд на природу человека Ремизова ещё более иррационален. Герои Достоевского грешат, в основном, по причине неудовлетворённой гордыни, они гордятся своим развратом, они великие грешники / Раскольников, Свидригайлов/. Герои Ремизова не грешат, а пакостят в силу гадких природных инстинктов /Тараканомор, мастера, издевающиеся над Павлушкой в повести «Часы»/. По верному замечанию В.А. Келдыша, человек у Ремизова значительно мельче, чем у Достоевского[12]. По сути дела, основной герой Ремизова – это «человек из подполья», если рассматривать его как вечный тип. Но «подпольщик» невероятно самолюбив, а многие ремизовские герои разветвлённого самолюбия лишены. Зачем же они творят зло ? Потому что человек мерзок от рождения. К чистоте он приходит, пройдя через великие страдания. Для Достоевского дети - всегда чисты, для Ремизова – двойственны. Ещё К. Чуковский обратил внимание на чрезвычайно странное поведение братьев Огрелышевых в романе «Пруд»: «Это поразительно и это страшно важно: оказывается, молятся те самые дети, которых такими негодяями вывел перед нами Ремизов, - те, что кормят товарищей куриным помётом и крысу поливают кипятком»[13,144]

Ремизов иррационален не только во взгляде на изначальную природу человека. Простого выхода он не даёт. С одной стороны, безмятежного счастья человеку не нужно. Маракулин из повести «Крестовые сёстры», в конец измученный ударами судьбы, решает стать «вошью», приняв за правило своей жизни: «...терпи! ...забудь!...не думай!...»[14, 8-9]. Но со временем он понимает, что и жизнь вши подчинена слепой случайности, и она не защищена от ужаса жизни.

Не приемлем также и бунт («Но ведь бунтом жить невозможно!»). Где же выход? С подобным парадоксом сталкиваемся мы у Достоевского.

«Но всё-таки я очень крепко убеждён, что не только очень много сознания, но даже всякое сознание – болезнь», - говорит у Достоевского «человек из подполья»[8, 98]. Развитое сознание – это то, что делает человека личностью, но это также и то, из чего складывается трагедия человека. Бунт для Достоевского, так же как и для Ремизова – неприемлем. Но и личность человеческая неистребима. И мы это ясно видим на примере героя «Записок из подполья». Достоевский писал: «Подпольный человек – есть главный человек в русском мире»[8, С.282]. Не отсюда ли исходит трагедия русского начала? С одной стороны – неистребимость и величие духа, с другой – бунт, порождаемый ним?

По выражению Ю. Кудрявцева, Достоевский отразил «алгебру жизни»[15, 390], показал в человеке не только социальное, но и «асоциальное»[15, 394]

«Человека из подполья» называют парадоксалистом, но так ли это? «... только с точки зрения людей, утерявших свою нормальность, он выглядит абсурдным ...», - сказал Ю. Кудрявцев [15, 280]. Тот же мнимый абсурд встречаем мы у Ремизова. В своей критической работе, посвящённой «Скверному анекдоту», он отмечал: «Тема рассказа : человек – человек человеку подтычка, в то же время человек человеку – поперёк» [7,201]. Абсурдны человеческие взаимоотношения, но абсурден и мир, в котором пребывает человек.

“Волк поймал зайца. И съел. Без изящества и без художественности. Хищник? Бесспорно. Ловит зайцев и человек. Ест. И тем уже сравнивается с волком. Сравнившись, идет дальше. Разводит домашних “зайцев”. В широком смысле слова. Изучает, улучшает породу, заботится, содержит ветеринарную службу. Гуманен. До финала. В финале сдирает шкуру ... хищник, изощрённый. И это тем более верно, что человек, с его собственной точкой зрения, наделён высшим сознанием. И вот при таком-то даре снимать шкуру! Проблема, над которой часто просто не задумываются – так удобнее. Судить-то нас некому. Сами себе судьи. Вот и не возбуждаем против себя дела. Лишь провозглашаем: «звучит гордо», - утверждает Ю. Кудрявцев, анализируя концепцию личности в творчестве Достоевского.

Ремизов в «Потайной мысли» делает следующее заключение, выведенное из произведений Достоевского: «В «ошибочном» осознанном мною мире «мечтать может только дурак», а «деятель» всегда тупоголовый (ограниченный. Или быть «честным», значит, не привелось сделать чего-нибудь бесчестного. А «злокачественным» может быть всякий. И только «идиот» без зла; «порядочный человек» – трус и раб, а «добрый» – пока не попросишь денег»[7, 204].

Итак, абсурдно устроен мир, абсурден и человек, абсурден и несчастен. Казалось бы, тупик. Но выход есть, и он в принятии страдания, в осознанном приятии, и у Ремизова, и у Достоевского. Правда, для Достоевского приятие страдания – мера вынужденная, человеку не остаётся больше ничего делать. Для Ремизова принятье – акт воли человека, осознанное действие. Т.П. Иванов-Разумник говорил: «Кто раз понял и почувствовал страдание человеческое, тот будет маяться, но не пойдёт с коровьим колокольчиком беспечально питаться, переваривать и закаляться ... ужас перед жизнью совмещается в нём (Ремизове - С.Д.)с нежным и любовным отношением к этой жизни во всех её проявлениях»[16, 74].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в философской стороне творчества Ремизова и Достоевского много общего: иррационализм, вера в неправедное, неупорядоченное мироустройство. Но есть и разница. Как сказал К. Федин: «... родство с Достоевским не сделало его (Ремизова - С.Д.) рабом… Он был слишком капризной птицей».[17, 116]. Как нельзя понимать Ремизова как абсолютного эпигона Достоевского, так нельзя и причислять их к какой-либо философской школе. Так сказал о Достоевском Ю. Кудрявцев: «... его мировоззрение шире всех рубрик, в которые его пытаются втиснуть. Достоевский – сам рубрика»[15, 400]. Но всё же и Ремизов, и Достоевский органично входят в общую направленность русской философии. По мнению Н.О. Лосского, характерная основная черта её – христианская религиозность[18, 518]. Признание неправедности мира и стремление к совершенству через благословение страдания роднит этих двух писателей с такими мыслителями, как В. Соловьёв, П.Флоренский, С. Булгаков.

Характерным для русской философии является также онтологическое постижение мира, отказ от достижений естественно-научной мысли. Отсюда и та волна иррационализма, которая захлестнула русскую культуру на рубеже веков.

Сказалось и стремление к космологическим вопросам, также характерное для русской духовной жизни.

Не минул этих авторов и принцип соборности, предложенный ещё Хомяковым, а затем развитый Флоренским и русским символизмом. Именно из-за отсутствия соборности, по мнению Достоевского, страдает Россия, по мнению Ремизова – весь мир.

Со взглядами двух писателей-мыслителей можно согласиться далеко не во всём. Хотя принцип соборности, очень популярный на рубеже веков, но, к сожалению, имеющий двоякую, как положительную, так и отрицательную нагрузку, стоит рассмотреть поподробнее. Ещё Аристотель считал, что человек – существо общественное[19, 379]. Ведь природа ничего не делает напрасно и лишь человека она одарила речью. Это говорит о том, что человек – существо гораздо более социальное, чем даже «организованные» животные. Но общественность удивительным образом соседствует с разобщённостью. Это явление, скорее всего, идёт от двойственности натуры человека. С одной стороны – светлое начало, ведущее к добру, самоотречению и, не исключено, к счастью. С другой то, что называется природным инстинктом, который, как ни странно, порождает хищничество, жестокость, антимилосердие по отношению друг к другу. В этом состоит даже некоторый парадокс. Ещё начиная с Гегеля, возникла, а затем утвердилась точка зрения на историческую концентрацию и напряжение человеческой личности. Человек древности был лишён разветвлённого самосознания. Он не осознавал себя как неповторимую и единичную личность. Его сознание было слито воедино с сознанием племени, рода, в дальнейшем – нации. Такое мироощущение лишало человека страха перед смертью. Такой человек, лишённый инстинкта самосохранения, лишен и многих комплексов, порождаемых этим

инстинктом. Все наши комплексы основаны на страхе перед унижением, уничтожением нас самих. А страх этот порождён самосознанием собственной ценности. Так не был человек древности счастливее? Герои Достоевского как раз страдают от осознания собственной избранности, страха за собственную судьбу, собственную личность. Здесь Достоевским подмечен момент, рассматриваемый в мировой философии.

За время развития цивилизации человек пришёл к отчуждению от природы, космоса и своих собратьев. Появилось самосознание, а с ним пришёл и страх, и осознание трагичности мироустройства, которых нет на самом деле.

Вернёмся к литературе. Принято говорить о страданиях Сони Мармеладовой. По мнению многих Соня – один из самых трагичных персонажей писателя. Но всё не так просто. Когда Раскольников называет её «убийцей», потому что она «себя убила», он прав. Об этом моменте романа знают все, но, как правило, он понимается скорее в нравственно-этическом, чем в философском плане. А если посмотреть на него с чисто философской точки зрения?

Итак, Соня Мармеладова – личность, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но когда наступает критический момент, когда доведённая до отчаяния Катерина Ивановна попрекает и издевается над ней, когда за Соней неотступно следят глаза голодных детей, она решается на самоубийство. И в ту ночь, когда Соня впервые возвращается с панели и лежит на кровати, отвернувшись к стене, Катерина Ивановна стоит на коленях не случайно. Она молится, она хоронит Соню, которой больше нет. И Достоевский говорит об этом. То, с чем встречается Раскольников после убийства - вовсе не личность, не человек. Соню нельзя рассматривать как человеческий образ, это скорее некая духовная сущность, понятие, несущее в себе христианские ценности. Духовная сущность, которая воскреснет на ином уровне. А вот Раскольников в данной ситуации представляет человеческое начало, обременённое страхом перед собственной несостоятельностью. Принято считать, что конец романа гуманизирован, но так ли это?

Существует некоторая закономерность в развитии трагических событий в произведениях писателя. Антигуманизм всегда порождён культом собственной личности. Как только личность осознаёт свою неповторимость, тут же приходит мысль о возможности переступить через своих собратьев. О целостности осознания личности и эгоизма говорили многие философы, но глубже всех разработал этот аспект А. Шопенгауэр : «Я и эгоизм – это одно: если исчезает последний, то, собственно, нет уже больше и первого»[20, С.466]. В этом , может быть, и состоит ошибка человечества, ведь ещё древнеиндийские мудрецы говорили о том, что узревший истину не будет делать резкого отличия между собой и другими.

В наследии Ремизова мы сталкиваемся с похожим выводом, но на несколько иной основе. Главный герой повести «Часы» Костя Клочков захотел избавить сначала своих близких, а затем и человечество от мучительных воспоминаний о прошлом, ужаса ожидания будущего, вечного страха перед неумолимым течением жизни. Для этого необходимо сокрушить время как таковое, с его необратимостью и непрерывностью. Косте кажется, что он сделал это, он сумел заставить главные башенные часы города идти в обратном направлении, ему кажется, что счастье достигнуто, человек свободен. Но трагедия состоит в том, что время Костя сокрушил лишь в своем сознании и поплатился за это тьмой безумия.

Итак, Костя Клочков - личность, причём личность, не желающая топтать окружающих, а желающая их осчастливить. О счастье для человечества мечтают и герои Достоевского. Но чтобы достичь счастья, всегда нужно что-то убрать с дороги. Этим «что-то» могут оказаться другие люди. В ремизовской повести «Часы» препятствием оказывается несправедливое мироустройство. Человек несчастлив, потому что он несвободен, а в закрепощении его виноваты не окружающие, не мир людей, а трёхмерное пространство, над которым человек не властен. Вернее, он может разрушить его, как это сделал Костя, но тем самым он уничтожит первооснову своей сущности, которая накрепко связала его именно с трёхмерностью и необратимостью.

После всего вышесказанного мы опять приходим к выводу, предложенному писателями – выход в единении, соборности. Да и не только они говорили так. Вспомним Гёте: «Лишь всё человечество вместе является истинным человечеством, а индивид может только тогда радоваться и наслаждаться, если он обладает мужеством чувствовать себя в этом целом...» [21, 377].

Но вернёмся к парадоксу, о котором было заявлено выше. Итак, единение, роднящее нас друг с другом, сливающее в одно целое с природой, Вселенной – выход. Но природа никогда не несла в себе лишь гуманные начала. На это обратил внимание ещё Спиноза и пришёл к неожиданному выводу: “... право и установление природы, под которым все рождаются и большая часть живёт, запрещает только то, чего никто не желает и чего никто не может; что оно не отвращается ни от распрей, ни от ненависти, ни от гнева, ни от хитрости, ни абсолютно от чего-либо, что подсказывает желание, ... что разум признаёт дурным, дурно не в отношении порядка и законов природы в целом, но только в отношении законов одной нашей природы”[22, 205]. Вот тут мы подходим к основной проблеме, рождающей противоречие. С одной стороны, всеобщность избавляет от эгоизма, с другой стороны, низводит человека к состоянию

инстинктивно-хищнического существования. Но если мы откажемся от соборности, мы опять же не придем к гуманизму (см. выше). Ремизов остановился на этом пороге и пришел к глубочайшему иррационализму. Достоевский пошел дальше и пришел к идеям Христа, тем самым облагородив объективные данные. Человек идёт своим путём, он должен стать на несколько ступеней выше природы, которая есть творение Высшего Духа, но, по Достоевскому, не есть повторение его. Вот на этом заключительном выводе заканчивается иррационализм Достоевского и начинается его целостная этическая система, которая в некоторых своих аспектах сливается с наследием Н. Бердяева: «Человеческий дух всегда должен себя трансцедентировать, подыматься к тому, что выше человека. И тогда лишь человек не теряется и не исчезает, а реализует себя. Человек исчезает в самоутверждении и самодовольстве. Поэтому жертва есть путь реализации личности»[23, 137].

ЛИТЕРАТУРА

1. Садовский Б. Ледоход. – Петроград:Изд. автора, 1916.- 141 с.
2. Колтановская Е.А. Критические этюды. – Спб.: Просвещение., 1912.- 292 с.
3. Козьменко М.В. Мир и герой Алексея Ремизова. // Филологические науки. - 1982.- №1. – С.24-31.
4. Шаховская З.Л. В поисках Набокова. Отражение. – М.: Наука., 1991. – 319 с.
5. Ремизов А.М. Неуёмный бубен. – Кишинёв: Лит. Артистикэ., 1988. – 600 с.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука., 1990. – 224 с.
7. Ремизов А.М. Огонь вещей. – М.: Сов. Россия., 1989. – 528 с.
8. Достоевский Ф.М. ПСС. – в 30 т. - Л.: Худ. Лит., 1973, - Т.5.- 214 с.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Худ. Лит., 1963. – 470 с.
10. Назиров Р.Г. Об этической проблематике повести «Записки из подполья» // Достоевский и его время. – Л.: Наука., 1971. – 610 с.
11. Белопольский В.Н. Достоевский и философская мысль его эпохи. Концепция человека. – Ростов: Изд. Ростовского университета., 1987. – 208 с.
12. Келдыш В.А. Русский реализм начала XX века. – М.: Наука., 1975. – 257 с.
13. Чуковский К. Книга о современных писателях. – Спб.: Шиповник., 1914. – 158 с.
14. Ремизов А.М. Крестовые сёстры. – М.: Современник., 1989. – 124 с.
15. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. – 2-е изд. доп. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 400 с.
16. Иванов –Разумник Т.П. Творчество и критика. 1908-1923. – Спб.: Колос, 1922. – 258 с.
17. Федин К. Горький среди нас. – М.: Сов. писатель, 1977. – 128 с.
18. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Высш. школа., 1991. – 559 с.
19. Аристотель .Соч.: В 4 т. - М.: Мысль, 1983. – Т.4. – 788 с.
20. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – М.: Республика, 1992. – 448 с.
21. Гёте И.В. Собр. соч.: В 10 т. - М.: Худ. Лит. – Т.10. – 1980. – 508 с.
22. Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Избр. произв.: В 2 т. - М.: Мысль, 1957. – Т.2 – 499 с.
23. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.

УДК 811.161.1‘373.23:010.41:196

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНТРОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ СПОРТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Драган Н. П, студент

Запорожский государственный университет

Рассматриваются антропонимы известных спортсменов (триада, диада собственных имён людей, однокомпонентные, гипокористические личные имена и патронимы) в публицистике.
Указываются способы и приёмы прагматического воздействия антропонимов в спортивной периодической печати.

Ключевые слова: прагматический потенциал, прагматическое воздействие, иллокутивная сила, антропонимы, фамилии, личные имена, патронимы, прозвища.

Драган Н.П. ФУНКЦІОНУВАННЯ АНТРОПОНІМІВ У СУЧАСНІЙ СПОРТИВНІЙ ПУБЛІЦИСТИЦІ / Запорізький державний університет, Україна

Розглядаються антропоніми відомих спортивних діячів (триада, діада особистих імен людей, однокомпонентні, гіпокористичні особисті імена і патроніми) у пресі.

Зазначаються засоби і заходи прагматичного впливу антропонімів у сучасній спортивній пресі.

Ключові слова: прагматичний потенціал, прагматичний вплив, ілокутивна сила, антропоніми, прізвища, особисті імена, патроніми, прізвиська.

Dragan N.P. FUNCTIONERING OF PROPER NAMES IN MODERN SPORT IN PRESS / Zaporizhzhya State University, Ukraine

Present article considerate antroponymes of famous sportsmen (triad, dyad of proprietress names, hypocoristical proprietress names patronymes) in press.

Indicated manners and methods of pragmatical influence antroponymes in sports-press.

Key words: pragmatic potential, pragmatic influence, illocution power of antroponymes, families, proprietress names, patronymes, nicknames.

Актуальность изучения личных имён в настоящее время ни у кого не вызывает сомнения. Назвать имя - значит тотчас вызвать в сознании мысль о том, кто назван. "Разнообразие имён на земном шаре определяется не только различием языков, в которых эти имена созданы или употребляются, но и многообразием духовных и материальных культур" [1, 127]. Каждое имя имеет свою историю, может быть популярным и непопулярным, частотным и редкостным, заимствоваться в другие языки, видоизменяясь в них. Антропонимика разграничивает формы одного имени, выделяя литературные и диалектные, официальные и неофициальные. "Стилистически значимой оказывается речевая, энциклопедическая и языковая информация имени" [2, 328].

В целом антропонимы, допускающие широкую вариативность, хорошо приспособлены для выражения позиции автора и являются средством воздействия текста. Изучив теорию вопроса, мы установили, что исследование состава и функций ономастической триады и разных видов диад (по фамилии и имени или имени и отчеству), гипокористических, деминутивных и пейоративных личных имён в официально-деловом, научном, публицистическом, разговорном стилях литературного языка остаётся актуальным и на сегодняшний день. Поэтому не лишена интереса попытка исследования особенностей отбора и употребления собственных именований людей на страницах газет и журналов.

На наш взгляд, специфика употребления имён собственных наиболее известных отечественных и зарубежных спортсменов в публицистике недостаточно изучена и создаёт предпосылки для дальнейшего исследования в этой области.

Настоящая статья ставит целью проанализировать некоторые способы и приёмы создания и подачи антропонимов в публицистических статьях Всеукраинской спортивной газеты "Команда", спортивно-информационного еженедельника "Улица Спортивная", газеты "Спорт-Экспресс" и журнала "Планета Баскетбол".

В современной публицистике антропонимы представлены широко и разнообразно. Официальный русский антропонимический трёхчлен функционирует в нескольких видах (однокомпонентном, двухкомпонентном, трёхкомпонентном), допуская многочисленные варианты.

Однокомпонентный антропоним в абсолютном большинстве употреблений в современной периодике состоит из наиболее информативной части трёхчлена - фамилии: *"**Шевченко** идёт на поправку…"* [УС., №38, 02]; *"Мы с **Блохиным** довольно часто спорим"* [К., 5.11.02]; *"**Макаров и Браташ** вновь в одной команде с **Ларионовым**"* [С-Э., 8.08.02]; *"Если бы все, как **Вакуленко, Дараган и Комышенко**…"* [К., 7.11.02].

В спортивной прессе личные имена хотя и не имеют яркой стилистической окраски, но используются, в основном, эпизодически, как отражение близких, почти родственных отношений или с фамильярной окраской. Чаще употребляются гипокористические личные имена. "***Саша** был человеком спорта*…" [ПБ., № 3-4, 99]; *"У **Кости** прибавление семейства"* [К., 24.09.02]. Такие личные имена выполняют эмоционально воздействующую функцию, где автор демонстрирует свояченические отношения со знаменитым спортсменом. Именование по отчеству встречается в единичных случаях. Употребление патронима в усечённой форме используется в качестве добавочного стилистического средства и является характерным для разговорной речи: *"**Борисыч** всегда на страже "* [К., 25.09.02]; *"**Саныч**, у меня не только голова, но и волосы тоже болят" [ПБ., №1-2, 99]*.

Неофициальную форму употребления личных имён и фамилий с их видоизменением и обыгрыванием можно считать особенностью языка спортивных публикаций. Для выражения эмоционально-экспрессивных оттенков используются сокращённые имена, образованные усечением основы фамилии: *"…у меня **Жар** в голове (предстоит опекать центрового Алжана **Жар**мухамедова)"* [ПБ., №3(11), 00];

*"Останься с **Носом**!" - кричал тренер игроку, оставившего своего визави Виталия **Нос**ова"* [ПБ., №3(11), 00]. Нарушение нормы общепринятого употребления имени также оказывается средством экспрессии: *"В Литве казанского тренера Александра **Виноградова** называли **Виноградус** за любовь к горячительным напиткам"* [ПБ., №3(11), 00]; *"11 футболок с надписью "**Парфёша**, мы с тобой!" и 18-м номером Дмитрия **Парфёнова** полетели на трибуну к болельщикам…"* [СЭ., 8.08.02]. Кроме того, в данном контексте используется деминутивная форма фамилии, которая вызывает у читателя положительную эмоциональную оценку. Многочисленные вторичные именования, возникающие на базе фамилий при их морфемном членении, являются ёмким и универсальным выразительным средством: ***"Воробей (Воробьёв**.* - Прим. авт.*) не продаётся"* [УС., №41, 02]; *"Скоро тебя **Кондрашк**а хватит", - говорили друг другу при встрече на очередном туре первенства страны баскетбольные тренеры команд Высшей лиги, подразумевая, что им предстоит встретиться с защитой "Спартака", которым руководил… тренер Владимир **Кондрашин**"* [ПБ., №3(11), 00]; *"…это у меня **Ячмень** на глаза вылез" (тренер Вадим Капранов о тренере Леониде **Ячменёве**.* - Прим. авт.*)* [ПБ., №3(11), 00]. Воздействующий эффект антропонимов происходит в процессе функционирования их в контексте с именами нарицательными, которые подчёркивают характеристику носителей фамилий, актуализируя внутреннюю форму антропонима, где и сложился их прагматический потенциал.

Двучленное именование может состоять из имени и фамилии, реже из имени и отчества в полной форме: *"На чемпионате Европы в Перми было трудно сдержать **Александра Поветкина**"* [С-Э., 5.12.02]; *"Бразилия теперь будет знать не только **Яну Клочкову**"* [К., 28.09.02]; *"…но **Олег Анатольевич** принял запорожский "Металлург", и беседу пришлось отложить"* [УС., 3.12.02]; *"**Анатолий Иванович** в курсе всех событий, связанных с подготовкой российских олимпийцев к Играм в Греции"* [С-Э., 7.12.02]; *"**Олег Кузнецов** вернулся в киевское "Динамо"* [К., 28.07.02]. Двухкомпонентный антропоним часто сопровождается словами-указателями на должность, на принадлежность к определённой команде и т. д.: ***"Президент Федерации футбола Украины Григорий Суркис** и **министр образования и науки Украины Василий Кремень** подписали новый Протокол взаимодействия по развитию урока футбола в нашей стране"* [К., 19.07.02]; *"Новый **главный тренер "Зенита" Властимил Петржела** продолжает находиться в Чехии…"* [С-Э., 5.12.02]; ***"Олег Владимирович - история киевского "Динамо"*** [К., 5.11.02];

Полный антропонимический трёчлен, состоящий из фамилии, имени и отчества с таким порядком компонентов, имеющий официальный характер, практически не используется на страницах современной публицистики. Чаще используется вариация с другим порядком следования компонентов, имеющая менее официальную и более уважительную окраску: ***"Александра Яковлевича Гомельского** знают даже те, кто баскетболом интересуется лишь постольку поскольку"* [ПБ., №1-2, 99]; *"Попробуем прислушаться к жене президента Федерации баскетбола Украины, заслуженного тренера СССР и Украины **Зураба Майрановича Хромаева** - Алле Петровне"* [К., 12.10.02]; *"**Анатолий Иванович Колесов** возглавляет рабочую группу "Афины-2004"* [С-Э., 7.12.02]. Данные именования стилистически нейтральные, они подкреплены лишь известностью данного лица.

Прозвища встречаются на страницах периодики несколько реже, чем другие антропонимы. "Они индивидуальны по своему образованию и возникают в результате самых разных отступлений от принятых норм именования" [3, 170]. Чаще выделяются оценочно-характеристические прозвища по внешнему виду. Обычно эта группа указывает на какую-нибудь одну особенность именуемого, но иногда они концентрируют несколько внешних признаков человека. Например: рост и особенности телосложения *"…**Гавранчич, Могучий серб,** выиграл силовую борьбу у трёх игроков "Днепра", устоял на ногах и технично уложил мяч в угол!"* [УС., 12.11.02] (Прозвище "***Могучий" Гавранчич*** получил за мощное спортивное телосложение и высокий рост); *"**Зубастику,** бразильцу **Роналдо**, легенде "Реала", необходимо сбросить лишний вес"* [К., 16.10.02] (Прозвище ***"Зубастик" Роналдо*** получил за свою широкую "зубастую" улыбку). Выделяются прозвища, данные за внешнюю схожесть с хорошо известным вымышленным героем или реальным лицом: *"Что говорить, если сам **Фантомас Пьерлуиджи Коллина**, лучший на сегодняшний день рефери в мире, заявляет о том, что арбитры ошибались…"* [К., 11.07.02]; *"Едва появившись в российской Суперлиге, **Руслан Авлеев** получил от журналистов прозвище **Русский Баркли.** Статью этот форвард действительно напоминает Сэра Чарльза "* [ПБ., №1-2(10), 00]. Оценочная характеристика стиля игры и поведения игроков во время матча находит отражение в прозвищах: *"Прозвище **Бешеный Макс** просто так не даётся. **Вернон Максуэл** вошёл в историю Лиги как игрок, который набросился с кулаками на зрителя, сидевшего в 12 ряду"* [ПБ., №1-2(10), 00]; *"**Летающий Динозавр** ничуть не похож на большинство молодых одарённых баскетболистов. **Винс Картер** отдаёт всё ради победы"* [ПБ., № 4(12),00] (***Летающим*** Винсента Картера, который напоминает своим высоким ростом и мощным спортивным телосложением ***Динозавра,*** болельщики назвали из-за того, что он в ходе игры постоянно высоко прыгает, как бы "паря" над площадкой). Таким образом, помимо номинативной, выделительной функции прозвища обладают характеризующей функцией и дают возможность журналисту достичь воздействующий эффект в процессе функционирования их в тексте.

Приметой нашего времени можно считать появление и всё большее распространение в названиях материалов различных "обыгрываний" журналистами личных имён и фамилий спортсменов: *"**КАНтата** для Олли"* [К., 4.07.02]; *"Роналдо выстрелил, и **КАНула** Германия…"* [УС., 02.07.02]. В заголовках данных статей приём вставки фамилии как составной части в слово несёт функцию экспрессивной отделки текста. В ключевых словах "КАНтата" и "КАНула" заключена едкая "подколка" с явным намёком на то, что в финале ЧМ-2002 в матче против команды Бразилии сборная Германии проиграла только "благодаря" вратарю **Оливеру Кану**, пропустившему два мяча. *"Очень страшное **КИНо**"* [К., 3.09.02]. Ещё один пример остроумного "обыгрывания" фамилий спортсменов журналистами. В заголовке читается иронический подтекст по отношению к Рою Кину - капитану "Манчестер Юнайтед". Как отметил автор статьи, "…в ближайшем будущем и "Арсеналу" и "Манчестер Юнайтед" придётся обходиться без своих капитанов, поскольку Патрик Виейра и **Рой Кин** были выдворены с поля. Особо стоит отметить последнего, который вновь занял первые полосы британских газет. Кин ударил локтём своего соотечественника и бывшего партнёра по национальной сборной Ирландии Джейсона Макэйтира, причём этого ему показалось мало, и лишь усилиями Дэвида Бекхема и рефери Ури Ренни скандалиста удалось "скрутить" и не допустить кулачного поединка между двумя ирландцами. И это происходит после того, как Кин заявил, что легко сможет наладить отношения с земляками-сборниками!". Кроме пейоративной оценки спортсменов посредством фамилии, журналисты делают и мелиоративную. Например: заголовок *"Что написано **ПЬЕРОм**"* [К., 24.09.02], в статье которого речь идёт о третьем туре Чемпионата Италии по футболу, матч "Эмполи" - "Ювентус" (0 - 2). Оба мяча в ворота "Эмполи" провёл лучший бомбардир "Ювентуса" **Алессандро дель Пьеро**, чей огромный вклад в победу своей команды и отразился в заголовке статьи. Причём слово "написано" журналистами было выбрано не случайно. У фанатов "Ювентуса" Алессандро известен как "художник, что рисует гол". Для итальянских болельщиков футбол - искусство, живопись, и Дель Пьеро, "написавший" две "голевые" картины, - непревзойденный маэстро. Заголовки спортивной публицистики способны ориентировать читателя на содержание статьи. Например: *"Дотянуться **ДОНИбес**"* [К., 18.06.02]. Статья посвящена итальянскому футболисту **Кристиану Донни**. Отметившись голом в отборочном матче, Кристиан удачно дебютировал в составе национальной сборной и тем самым "дотянулся до небес" - заслужил право на поездку в Корею и Японию для выступления в ЧМ-2002.

На наш взгляд, именно заголовки публицистических статей способны выполнять наивысшую степень прагматического воздействия. Использование таких форм личных имён и фамилий является одним из ярких способов создания информативно-экспрессивного заголовка и открывает для журналистов новые возможности - сделать заглавие не шаблонным, оригинальным и привлекающим, способным прагматически ориентировать читателя на содержание статьи и воздействовать на коммуникантов особыми приёмами языковой экспрессии.

Подводя итог, необходимо отметить, что собственное имя, употребляясь в качестве компонента публицистического материала, не является стабильным: используется в разнообразных грамматических конструкциях, с разной целевой установкой, оно почти каждый раз претерпевает смысловую и экспрессивную трансформацию. Различные типы варьирования антропонимов делают их очень ёмким и универсальным выразительным средством. Эмоционально-экспрессивные возможности имени входят в его общую семантику в качестве составной части. Широкий диапазон стилистических оттенков отмечается при неофициальном общении, а в официальном остаётся лишь нейтральный стиль.

В публицистике для именования спортсменов чаще используется одночлен, состоящий из фамилии. Обычно на страницах спортивных газет он не усложнён указанием на занимаемую должность и не используется как синоним именуемого лица без антропонима. Разнообразие личных имён в контекстах различного смыслового экспрессивного содержания - одно из средств воздействия текста. Имена частотные создают фон, на котором имена "говорящие" воспринимаются как особый стилистический приём, где обыгрывание антропонима, иногда с небольшим изменением, способствует иллокутивной силе. Стремлением к оригинальности и дополнительной выразительности текста можно объяснить употребление в качестве неофициального именования широкого круга прозвищ. Именование по отчеству, в основном, не характерно для спортивных публикаций и используется лишь эпизодически, со специальными целями: употребляется для возвышения собеседника, как показатель уважения к нему. Широко распространён вариант именования по имени и отчеству, причём в жанре интервью при обращении к реципиенту он является основным и может употребляться с рядом слов-сопроводителей, указывающих на занимаемую должность, на принадлежность к определённой команде и т. д. Не прижилось на страницах спортивных изданий общепринятое обращение "господин". В языке спортивной публицистики почти не употребляется полный антропонимический трёхчлен, трёхбуквенные аббревиатуры и именование по инициалам имени-отчеству.

Итак, антропонимы в спортивной публицистике представлены в укрупнённом плане, более концентрировано и ярко, чем это наблюдается в реальных жизненных ситуациях и могут быть использованы как определённые стилистические средства, способствующие прагматически влиять на реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория и методика ономастических исследований / Под ред. А. Н. Неподкупного. - М.: Наука, 1986. - 250 с.
2. Суперанская А. Общая теория имени собственного. - М.: Наука, 1973. - 330 с.
3. Ушаков Н. Прозвища и личные неофициальные имена (К вопросу о границах прозвища) //Имя нарицательное и собственное. - М.: Наука, 1978. - С. 146 - 173.
4. Бондалетов В., Данилина Е. Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах / / Антропонимика. - М.: Наука, 1970. - С.194 - 200.
5. Солганик Г. Стилистика текста. - М.: Наука, 1997. - 250 с.

СОКРАЩЕНИЯ

С-Э - "Спорт - Экспресс"

К - "Команда"

УС - "Улица Спортивная"

ПБ - "Планета Баскетбол"

УДК 801.3.1(=83)

ПРАГМАТИКА ОНИМОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Дука Л.И., старший преподаватель

Запорожский государственный университет

Рассматриваются механизмы и способы прагматического потенциала онимов во фразеологических контекстах русского языка.

Ключевые слова: прагматический потенциал, внутренняя форма, коннотация, имплицитность, фразеологизм, оним, апеллятив.

Дука Л.І. ПРАГМАТИКА ОНІМІВ У ФРАЗЕОЛОГІЗМАХ / Запорізький державний університет, Україна.
Розглядаються механізми та способи прагматичного потенціалу онімів у фразеологічних контекстах російської мови.

Ключові слова: прагматичний потенціал, внутрішня форма, конотація, імпліцитність, фразеологізм, онім, апелятив.

Duka L.I. PRAGMATICS OF PROPER NAMES IN PHRASEOLOGICAL UNITS / Zaporizhzhya State University, Ukraine
The article is aimed to research specific mechanisms triggering pragmatic potential of proper names when the latter are used in phraseological context in Russian.

Key words: pragmatic potential, motivation, connotation, implicitness, phraseological unit, proper name, appelative.

Фразеология в широком смысле является сферой формирования и выявления прагматического потенциала антропонимов, закрепления ассоциативного ореола онимов.

В устном творчестве может усиливаться контекстуальным окружением или фонетически обыгрываться внутренняя форма. Так, значение имени *Варвара* (от греч. - «иноземец») [1, 68], то есть «чужой человек», в русских и украинских пословицах» перекликается с апеллятивами аналогичной или смежной семантики («*Проворная* ***Варвара*** *на* ***чужие*** *карманы», «Зачем к* ***Варваре****, если* ***свое*** *в кармане», «Прогнали* ***Варвару*** *из* ***чужого*** *амбару»*).

Оживление в составе паремий внутренней формы личного имени, в ряде случаев, способствует созданию определенных ассоциаций, связанных с этим именем. Говорящий, используя в той или иной неофициальной ситуации личное имя, может и не знать его этимологического значения, но, зная значения паремий, наделяет его определенными коннотативными нагрузками (*Варвара* - «что-то недоброе», *Емеля* - «глупость», *Кузьма* - «злой» и т.д.). Именно в таких ассоциациях имплицитно закладывается характеристика именуемого.

Фразеологическая семантика обусловливается характером участия и взаимодействия компонентов в образовании целостного обособленно-образного значения. Его можно представить в совокупности «упорядоченных смысловых элементов - сем, в соотношении с определенными особенностями предметов и явлений, хотя прямого соответствия между элементами означаемого и означающего не существует, поскольку сами образования фразеологического знака отмечаются асимметричностью экспонентной и содержательной структуры» [2, 20]. Общепринятой является мысль, что фразеологизация единицы языка связана с нарушением в семантической структуре компонентов, которые по-разному теряют денотативную направленность, деактуализируются. Вследствие преобразования сем проявляется новая иерархическая зависимость элементарных смысловых компонентов, при этом «новые функциональные отношения накладываются на старые, сосуществуют с ними или исчезают» [3, 3]. В связи с этим, особый интерес представляет группа фразеологизмов и паремий, в состав которых вошли собственные имена. Они играют ведущую роль в процессе фразеологизации многих устойчивых оборотов, поскольку являются их ядром, стержнем.

Еще В.В. Виноградов отмечал, что «история собственных имен и процессы преобразования их в общие названия с определенным значением и яркой экспрессивной окраской очень сложны» [4, 21]. Переход онима в апеллятив, от знака-имени к образу-имени и символу имени, от чувственного восприятия к абстракции, обусловливается сложными прагматическими и семантическими механизмами.

Выделяют два главных направления в процессе становления фразеологического значения имени собственного: от единичного к общему, символическому, и от общего к конкретно семантическому с потенциальным развитием символического значения. В семантической структуре онима с единичным денотатом целесообразно выделять несколько элементов. Интегральную позицию занимает единичное понятие, на нем и основывается главное конкретное значение, которое можно назвать еще и денотативным, существенно онимичным. Оно никогда не осмысляется изолированно, поскольку при конкретном употреблении собственного имени у нас возникает представление не о каком-то отдельном объекте, а о его признаках, особенностях, действиях и характеристиках. Поэтому необходимо выделить вторичное, дополнительное значение, связанное с денотативными ассоциативными связями. Эстетический, аффективный, морально- и социально-оценочный элементы его обусловлены экстралингвистическими факторами. Они объединяются в коннотативный семантический компонент, который возникает в ассоциативных связях, свойственных конкретно употребленному ониму. Придерживаясь традиционного толкования коннотации как «дополнительного содержания слова, его сопутствующих семантических оттенков, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов» [5, 203-204], коннотативный аспект включает три компонента: оценочность, эмоциональность и экспрессивность. Они тесно связаны с внеязыковой информацией о денотате, «информативность языковой единицы - это содержание данной единицы в конкретной реализации» [6, 8]. Объем информации, которую потенциально содержит в себе каждое собственное имя, может быть разным и обусловливается характером онима и его денотата. А.В. Суперанская выделяет три типа информации характерных для собственных имен: речевую, языковую и энциклопедическую [7, 259]. Говоря о ядерных, структурных элементах значения трансформированного (символического) онима, прежде всего имеем в виду энциклопедическую информацию (экстенсиональное значение) - тот «комплекс знаний об объекте, доступный каждому члену речевого коллектива, который пользуется данным именем» [7, 259]. Имплицитное значение онима-символа раскрывается только на основе экстенсионального смысла. Так опосредованно энциклопедическая информация влияет на сближение собственных имен с апеллятивами: онимы с общеизвестной энциклопедической информацией во многих случаях могут быть заменены социально-оценочными апеллятивами (но с утратой образно-выраженных показателей): *сидеть на* ***Камчатке***, где *Камчатка* - отдаленный регион → задние ряды; *колхозная перепечка Соловками пахнет,* где *Соловки* - лагерь → тюрьма; *был в* ***Риме****, а Папы не видел*, где *Рим* → место пребывания папской резиденции (Ватикан) → один из взаимнопредвиденных атрибутов. Такие ассоциативные, потенциальные признаки подчинены оценочной квалификации - рациональной и эмоциональной [8, 71]. Употребленное окказионально собственное имя всегда эмоционально и оценочно, так как эмоциональна и оценочна сама идентификация, которую осуществляет оним. Коннотативность топонима развивается на основе идентификации единичного географического объекта и связанного с ним атрибута, зоонима - на основе идентификации животного и принадлежащих ему признаков, антропонима - на основе идентификации данного человека и его характеристики. Особенности денотата, характер связанных с ним ассоциаций, с одной стороны, и своеобразие психики, неповторимость менталитета субъекта речи, с другой, порождают специфику эмоционально-оценочного восприятия собственного имени, формируют соответственные коннотации. Поэтому коннотативный аспект значения онима можно охарактеризовать путем перечня эмоционально-оценочных признаков, например, «хороший - плохой», «большой - маленький», «сильный - слабый», «смелый - трусливый», «умный - глупый», «быстрый - медленный» и т.п. В целом, характер коннотаций зависит от ситуативно-психологических, социально-лингвистических, историко-культурных и собственно-языковых причин. Диапазон коннотационных признаков возрастает

за счет контекста, интонационно-тембральных признаков и дополнительной информации о времени и обстоятельствах функционирования фразеологических единиц с ономастическими компонентами.

Денотативный элемент, как правило, существует только в начале развития символического значения собственного имени, он этимологически связан с внутри- и внешнелингвистическими факторами - с конкретным объектом, имя которого присутствует в структуре оборота. Вследствие ослабления связи между онимом и денотатом единичное понятие или совсем стирается, забывается, или отходит на второй план, а центральное место занимают коннотативные элементы. Они помогают найти способы употребления собственных имен в других жизненных ситуациях благодаря наличию черт и признаков, свойственных и другим объектам, а не только первичному денотату, где они выявляются или доминируют. Оним становится абстрактным, аллегоричным, начинает функционировать как общее название, символ, метафора, так как форма языковой единицы переносится с одного референта на другой на основе того или иного подобия последних при отображении их в сознании говорящего.

Имплицитные элементы, характеризующие свойства и признаки репрезентованного денотата, образуют ядро с новым символическим значением. Эти потенциальные семы актуализируются во фразеологических контекстах. Так, упоминаемые факторы дают возможность существования ономастическим компонентам как обобщенной характеристики во фразеологизме *Максимового полка*, который употребляется в значении «смелый, боевой». Сначала ономастический компонент, очевидно, связывался с личностями *Максима Зализняка и его гайдамаками*, которые отличались стойкостью, героизмом, смелостью. Ассоциация с этими чертами дала возможность образовать стойкое апеллятивное значение символического характера, который положен в основу фразеологического оборота. Во многих других примерах место понятийного ядра ономастического компонента занимает коннотативный аспект семантической структуры, выражающий сущность обобщенного значения фразеологического онима. Например, ценность значения компонента *Полтава* - не в том, что это название конкретного места, а в том, что это место героической битвы, место, символизирующее победу над врагом: «*Умереть как швед под* ***Полтавой***». Справедливо утверждение Е.С. Отина о том, что символическое значение является только семантическим созначением онима, так как их денотативные значения сосуществуют с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями [9, 14].

Прагматический потенциал онима актуализируется при переходе онима в символический апеллятив. По своему происхождению собственное имя называет, выделяет, идентифицирует определенный объект - один из многих, который входит в разряд подобных и имеет общее название «человек», «город», «река», «животное» и т.п. Вне ситуации оним не имеет прямого понятийного соотношения с конкретным объектом, так как денотативная основа антропонима, топонима, зоонима и т.п. отсутствует, потому что нет хозяина имени, и появляется свобода его употребления. Мы можем, например, антропоним соотнести с понятием «человек», благодаря традициям и частотности его употребления в этой роли, причем о такой понятийной соотнесенности можно говорить только в определенной речевой ситуации. Поэтому, вследствие перевеса абстрактного начала над конкретным, собственное имя выступает в своем общекатегориальном значении как имя вообще и может употребляться в роли экспрессивного субститута, контекстуального синонима к словам «мужчина», «женщина», «человек», «река», «город», «животное», «предмет» и т.п. Это, своего рода, новые обобщенные понятия ономастических компонентов с широкой семантикой, которые употребляются в отношении к любому объекту и приобретают свойства соотношения, указательства, но не качества. Говоря по-другому, если имена, употребленные в обобщенно-указательном значении, выявляют тенденцию к потере конкретности и приобретают обобщенное, абстрактное значение указанных слов *кто-то, что-то, это* и т.п., которые называют дейктическими словами,- они прономилизуются. Например: «*Не будет* ***Галя****, - будет* ***другая***», где антропонимический компонент указывает на объект, который противопоставляется другому в логико-семантическом плане, или в пословице «*Если в* ***Веселовке умирают****, то в* ***Поповке не ховают***», где топонимические компоненты являются образными заменителями общих взаимоисключающих понятий «одно село в противовес другому», «здесь - там». Актуализируется при этом и внутренняя форма топонима благодаря ассоциациям «веселье - смерть» (антонимическая ассоциация), «похороны - поп» (ассоциация по смежности).

Важную роль в актуализации экспрессивных потенций онима, сформированных на основе его фонетического образа, играет эвфония и звукопись: «*Заплачь Ага****фон****, дам пате****фон***».

Итак, основным способом актуализации прагматического потенциала онимов во фразеологических контекстах является обыгрывание внутренней формы (посредством ассоциации и фонетической мотивации).

Особый прагматический эффект достигается при апеллятивации (при переходе от знака-имени к образу-имени и символу), имплицитное значение которого раскрывается на основе экстенсионального смысла. Символическое значение онима - это его семантическое созначение, общеязыковые и индивидуальные коннотации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. – М., 1980. – С. 68.
2. Алефіренко М.Ф. Теоретичні питання фразеології. –Харків,1987. – 110 с.
3. Кондратьева Т.Н. Метаморфозы собственных имен: Опыт словаря. – Казань, 1983. – 137с.
4. Виноградов В.В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. – 1958. -№ 1.-С. 18 – 24.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.,1966. – С.203- 204.
6. Гальперин Н.Р. Информативность единиц языка. - М., 1974. – 98с.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. – 407 с.
8. Шаховский В.Н. Катеория эмоциональности в лексико-семантической системе.- Воронеж, 1987. – С. 71.
9. Отин Е.С. Избранные труды. – Донецк, 1997. – 468 с.

УДК 81’253:316.7

ВЕРБАЛЬНІ ТА НЕВЕРБАЛЬНІ ЗАСОБИ ПІДТРИМАННЯ БЕСІДИ З БОКУ АДРЕСАТА

Ємельянова О.В., викладач

Сумський національний аграрний університет

Стаття присвячена дослідженню реакції адресата на звертання до нього, яка може бути виражена вербальними та невербальними засобами комунікації. Із позиції адаптивного характеру мови досліджено процес взаємодії між адресантом та адресатом, а також лінгвістичні та паралінгвістичні засоби, якими оперують співрозмовники. Встановлено, що адресат, реагуючи на репліку звертання, модифікує конситуацію відповідно до власних інтенцій. Він правомірно використовує багатий арсенал вербальних та невербальних засобів у процесі реалізації своїх мовленнєвих стратегій та тактик, керуючись поставленою метою.

Ключові слова: адресант/адресат, вербальні/невербальні засоби комунікації, мовленнєва ситуація, комунікативний статус, мовленнєві стратегії і тактики, інформативна та комунікативна інтенція мовця.

Емельянова Е.В. ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПОДДЕРЖАНИЯ БЕСЕДЫ СО СТОРОНЫ АДРЕСАТА / Сумский национальный аграрный университет, Украина

Статья посвящена изучению реакции адресата на обращение. Эта реакция может выражаться при помощи вербальных и невербальных средств коммуникации. В ходе исследования был сделан вывод, что, являясь поочерёдно адресатом и адресантом, каждый из участников коммуникации вначале повышает, а затем понижает свой коммуникативный статус. Адресат правомерно использует те же вербальные и невербальные средства, что и адресант. В этом проявляется адаптивный характер языка. Ориентируясь на две основные коммуникативные установки, которые выделяют в диалогической речи: диалог-сотрудничество и диалог-конфликт, адресат реагирует на обращение согласно ситуации и контексту, стараясь максимально достичь собственной цели.

Ключевые слова: адресант/адресат, вербальные/невербальные средства коммуникации, речевая ситуация, коммуникативный статус, речевые стратегии и тактики, информативная и коммуникативная интенция говорящего.

Yemelyanova E.V. VERBAL AND NON-VERBAL MEANS OF MAINTAINING OF THE CONVERSATION BY THE ADDRESSEE / Sumy National Agrarian University, Ukraine

The article deals with the study of the addressee’s reaction on a certain form of address which can be expressed by verbal and non-verbal means of communication. The process of addressee’s and addresser’s interaction is explored on the basis of the adaptive character of the language. Linguistic and paralinguistic means used by interlocutors are under the research as well. It was established that the addressee reacting on a certain form of address modifies the situation according to his own intentions. He uses the rich arsenal of verbal and non-verbal means of communication, certain speech tactics and strategies.

Key words: addresser/addressee, verbal/non-verbal means of communication, speech situation, communicative status, speech tactics and strategies, informative and communicative intention.

Керуючись принципом антропоцентризму, який характеризує загальну тенденцію сучасного лінгвістичного пізнання – рух від сфери систем до центру цих систем – до людини [1,105], науковці приділяють велику увагу дискурсу (орудійному продукту розумової діяльності людської свідомості), спрямованому на зміну когнітивного та інтенціального стану адресата у комунікативному просторі та включеному в систему структур людської діяльності [2,209]. Діалогічний дискурс, як різновид дискурсу, відбиває процес мовленнєвої взаємодії комунікантів.

Мова, як когнітивний процес, підпорядкована певним закономірностям. А.Тсуі, розглядаючи діалогічний дискурс як структурну єдність, виділяє три його елементи: ініціюючу репліку, відповідь та підхоплення [3,12]. Вчені розрізняють первинну ініціацію діалогічного спілкування для встановлення контакту та вторинну – для введення нового тематичного блоку в процесі комунікації [4,176].

У діалогічному мовленні виділяють дві основні комунікативні настанови: орієнтація на співробітництво або на конфлікт. Схематично процес комунікації можна представити у такій схемі:

+	+
+	-
-	+
-	-
+	?
-	!

де: + позитивно орієнтований процес комунікації;
- негативно орієнтований процес комунікації;
? процес комунікації потребує додаткової інформації;
! процес комунікації викликає певні емоції.

Реалізація будь-якого комунікативного процесу відбувається за певних екстралінгвістичних умов. Адресант, займаючи домінуюче положення, обирає комунікативну стратегію та тактики, що є найбільш вдалими, з його точки зору, для досягнення поставленої мети. Однак двостороння спрямованість діалогу характеризується тим, що кожен з учасників мовленнєвої ситуації спочатку підвищує, а потім занижує свій комунікативний статус, тому що є поперемінно адресатом та адресантом висловлення [5,178].

Адаптивний характер мови проявляється зокрема в тому, що адресат правомірно використовує тіж самі вербальні та невербальні мовленнєві засоби, що і адресант. Реакція адресата залежить від того, як побудованя репліка-звертання, від об'єктивних умов, від оцінки адресатом ситуації, від фізичного стану адресата, тощо. Реагуючи на звертання, адресат модіфікує конситуацію у руслі свого бачення.Пор.*: "Roberta", his elder daughter answered.*

"Hi", Mel said. "This is your old man".

Roberta's voice came coolly down the line/ "Yes, I know"/
"If your mother calls? Tell her I might have to be a little late and I can't help it". There was a silence, and he asked, "Did you hear me?"
"Yes", Roberta said. "Is there anything else, Father? I have homework to do".
He snapped back. "Yes, there's something else. You'll change your tone of voice, young lady, and show a little more respect. Furthermore, we'll end this conversation when I'm good and ready".
"If you say so, Father".
"And stop calling me Father!" (Hailey,67).

Батько, обираючи дружнє звертання та жартівливий тон, орієнтує дочку на діалог-співробітництво. Він намагається заручитися її підтримкою на випадок можливого конфлікту з дружиною стосовно свого пізнього повернення додому: *If your mother calls, tell her I might have to be a little late, and that I can't help it.*Але Роберта за допомогою адекватних слів та тону дає батьку зрозуміти, що вона ображена і не згодна на співробітництво. Нейтральне звертання *father* та прохолодний тон *(Roberta's voice came coolly down the line)*, якими оперує Роберта, викликають роздратування з боку батька. Спочатку він посилається на свій статус і погрожує їй, а коли у відповідь знову чує *father*, то він гнівається і наказує дочці перестати звертатися до нього таким чином. Нейтральне слово *father* набуває в цьому контексті стилістичної забарвленості. Невідповідність звертання комунікативній ситуації, інтеракція невербальних та вербальних компонентів комунікації призводять до змін емоційного стану співрозмовника, контексту та результату спілкування.

Первинна ініціація спілкування та реакція адресата на неї належать до сфери мовленнєвого етикету. Одним з вимог етикету є обмін формулами вітання на початку комунікації та відрекомендування (в тому випадку, коли співрозмовники незнайомі). Мета мовленнєвого етикету – сприяти кооперативній спрямованості процесу комунікації. Але, в залежності від інтенції співрозмовника, кооперативність може переходити в конфронтацію, а формули мовленнєвого етикету стають адекватними засобами вербалізації цієї мети. Наприклад:

Dumb with terror he went into his own classroom. Ten boys sat before him, their hands folded, their eyes bright with expectation."Good morning, sir", said the one nearest him.

“Good morning”, said Paul.

“Good morning, sir”, said the next.

“Good morning”, said Paul.

“Good morning, sir”, said the next.

“Oh, shut up”, said Paul.

At this the boy took out a handkerchief and began to cry quietly (Waugh,57).

Кожен з учасників комунікації намагається досягти певної мети. З боку вчителя – знайти порозуміння з учнями, з боку учнів – бойкотувати нового вчителя. Учні звертаються до оманливої тактики, використовуючи нормативне для ситуації спілкування вітання як елемент мовленнєвого етикету. Вчитель вживає стандартизовану відповідь, орієнтуючись на діалог-співробітництво, але учні цілеспрямовано порушують норми етикета. Максима катерогії кількості [6,221] реалізується тут не за стандартами, тому поступово діалог-співробітництво переходить у діалог-конфлікт. Негативна реакція з боку вчителя, (що виражається тут за допомогою вербальних засобів комунікації), викликає відповідну реакцію з боку учня. Ця реакція, у свою чергу, позначена в тексті паралінгвістичними засобами*: At this the boy took out a handkerchief and began to cry quietly.* Отже, вступаючи у комунікацію, адресат має намагатися передбачати інтенцію адресанта та будувати свою комунікативну стратегію/тактику відповідним чином.
За певних ситуативних умов комунікант може не бажати підтримувати спілкування. У такому випадку співрозмовник або перериває контакт, або наполягає на його продовженні.
Пор.*: “I don’t need anything, boy…. Don’t be a nuisance, boy. Good day.”*
The door began to close… He was an American boy, and he had been taught that persistence is a virtue.

“Don’t forget your paper, Mr.Dussander”, Tom said, holding the Times out politely. The door stopped dead in its swing still inches from the jamb (King, 120).

Ігноруючи зневажливе звертання та відповідну фразу *Good day*, Тод наполягає на продовженні мовленнєвого контакту. У цьому випадку відбувається порушення максими кооперації, але це не призводить до конфлікту між Томом та містером Дусандер. Це пояснюється дієвістю пресупозиції, бо Тод знає таємницю із життя містера Дусандера.

За певних прагматичних умов комунікант може нехтувати принципами коректності, ввічливості та наполягати при цьому на продовженні спілкування, вигідного для нього.

Позитивно орієнтована та нормативно-етикетна ініціююча фаза спілкування може викликати питання з боку адресата, що зумовлено неадекватною реакцією співбесідника. Прагматичні фільтри адресата (блок різноманітних соціальних, фізіологічних, інтелектуально-психічних факторів) є індивідуальними за характером стосовно кожного комуні канта та ситуації спілкування [7,63].
Пор.: *“Hello, Mr. Bowden. Ed French. From Santa Donato Junior High”.*
“Yes”. Politeness but no more….
“Do you remember me, sir?”
“Should I?” Bowden’s voice was cautious and Ed smiled. The old man forgot things but he didn’t want anybody to know if he could help it (King,285).

Ед Френч вважає, що він зрозумів, чому містер Боуден звертається до контрпитання, що не є досить ввічливо з точки зору мовленнєвого етикету. Контрпитання у даному випадку виражає ухилення від прямої відповіді. Але він помиляється. Справжня причина – жахливе минуле, що ретельно приховує “ так званий” містер Боуден.

Асоціативно-спрямована стратегія адресанта може бути блокована адресатом залежно від ситуації та інших факторів. Адресант, спираючись на свій життєвий досвід, може передбачати причини, що призводять до неефективного спілкування. Він пам’ятає, що кожна людина – це складна система, а кожний тематичний блок – це точка біфуркації, і неможливо передбачити, у якому напрямку піде подальший розвиток комунікативного процесу.

У процесі спілкування учасник має певний комунікативний статус – позицію індивіда в соціумі: належність до соціальної групи, рівень освіти, професію, посаду, стать та вік, тощо. У процесі спілкування статус комунікантів відіграє важливу роль, детермінуючи певну реакцію з боку адресата.
Пор.*: “…Mr. Pennyfeather, perhaps you will favour me an interview when you have finished your luncheon?”*

“Good God!” murmured Paul (Waugh,66).

Містер Пеніфезер, займаючи вищий соціальний щабель, звертається до Пола з проханням зайти до нього після ленчу. Соціальна субординація вимагає від Пола виконання розпорядження керівника, висловленого у ввічливій формі. Пол реагує на звертання досить емоційно*: Good God!* – “О, господи! От тобі і маєш!” Цю репліку він адресує більше собі, намагаючись здогадатися, що є причиною виклику.

Пол відчуває, що незапланована розмова з керівництвом не віщує нічого доброго. На підсвідомому рівні Пол орієнтує себе на діалог-конфлікт і намагається продумати вдалу тактику мовленнєвої поведінки.

Приналежність адресанта та адресата до одного соціуму уможливлює адекватність спілкування та використання при цьому соціально-канонізованих вербальних та невербальних засобів комунікації. При умові непорозуміння між комунікантами або їх різновекторних інтенцій, адресат міняє статус ввічливого, пасивного співбесідника і вербалізує свої інтенції своєрідним чином.

ЛІТЕРАТУРА

1. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности// Вопросы языкознания.-1994.-№ 2-С.102-110.
2. Солощук Л.В. Невербальне компоненты коммуникациии дискурс// Вісник Харківського державного університету.-2002.- № 567.-С.209-212.
3. Tsui, Amy B.M. English Conversation.-Oxford: Oxford University Press, 1995.-298p.
4. Морозова И.Б., Ткаченко Л.С. Речевое воздействие на коммуникантов посредством первичной инициации диалогического общения//Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть: Материалы конференции.-Ялта, 2001.-С.176-178.
5. Морозова И.Б., Чайковская И.Ф. Организующая роль истинно-оценочных высказываний в процессе речевого взаимодействия коммуникантов//Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть: Материалы конференции.-Ялта, 2001.-С.178-180.
6. Грайс Г.П. Логика и речевое общение//Новое в зарубежной лингвистике.-Вып. XVI. Лингвистическая прагматика.-М.:Прогресс,1986.-С.217-237.
7. Добрунова О.Н. О причинах и следствиях успешного/неуспешного коммуникативного акта// Види мовленнєвої діяльності: лінгвістичні та дидактичні аспекти: тези наукової конференції та 3-го українсько-німецького симпозіуму.-Харків,1995.-С.62-64.

ДЖЕРЕЛА ІЛЮСТРОВАНОГО МАТЕРІАЛУ

Hailey A. In High Places.-L.& Sydney: Pan Books,1982.-305p.

King S. Different Seasons.-Futura Macdonald & Co,1982.-560p.

Waugh E. Prose. Memoirs. Essays.-Moscow Progress Publishers,1980.-445p.

УДК 821.161.1

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ДОБРА И ЗЛА В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н.ТОЛСТОГО

Зарва В.А., к. филол. н., доцент

Бердянский государственный педагогический университет

В статье рассматривается проблема взаимосвязей и взаимодействия категорий добра и зла, их функционирования в творчестве Л. Толстого.

Ключевые слова: разум, добро, зло, добродетель, красота, противопоставление, взаимопроникновение.

Зарва В.А. АМБІВАЛЕНТНІСТЬ ДОБРА І ЗЛА У ТВОРЧОСТІ Л.М. ТОЛСТОГО / Бердянський державний педагогічний університет, Україна.

У статті розглядається проблема взаємозв'язку і взаємодії категорій добра і зла, їх функціонування у творчості Л.Толстого.

Ключові слова: розум, добро, зло , доброчинність, врода, протиставлення, взаємопроникнення.

Victoria Zarva. THE KIND AND EVIL AMBIVALENCE IN LEO TOLSTOY'S WORKS / Berdyansk State pedagogical University, Ukraine.

The article deals with the problem of relations and interaction of Kind and Evil categories and how they function in Leo Tolstoy works.

Key words: mind, kind, evil, favour, beauty, opposing, interaction.

Вера Н.Чернышевского, Ф.Достоевского, Н.Лескова в благородные качества души человека импонировала Л. Н. Толстому, который считал, что разум и добро - взаимозависимые категории: чем

добрее будет жизнь человека, тем больше в нем будет разума; а чем разумнее человек, тем добрее его жизнь; что понятие добра и зла не определяется разумом. Чистота нравственного чувства в толстовских героях привлекла и Чернышевского, когда он работал над образом положительного героя современности и его отражением в литературе.

Для Толстого искусство - один из способов различения добра и зла как понятий безусловных, а добро является важнейшим источником искусства.

Литературовед А.П.Скафтымов заострил внимание на противопоставление противоположных начал, в том числе добра и зла, во внутреннем мире толстовского персонажа [1, 145], П.Громов - на их взаимопроникновении [2, 148]. Г.Б.Курляндская верно соединила эти мнения, заметив, что "диалектические переходы не снимают их противоположности" [3, 43].

Писатель видел сущность человека в нераздельности, противоречивом единстве, в "вечно движущемся, бессознательном, бесконечно-перемешанном хаосе добра и зла" [4, 5, 25] в его душе, во взаимопереходах, которых мы не видим, зла в добро и наоборот. Диалектическое взаимопроникновение противоположных начал противостоит просветительским тенденциям Толстого, преодолевающего, по утверждению Г.Б.Курляндской, "рационалистическое представление о психологической структуре героя" [5, 28]. Данная точка зрения о преодолении Толстым просветительства вступает в противоречие с мыслью этой исследовательницы: "Толстой не ограничивается изображением сплетений добра и зла в душе человека, он ведет его к разделению противоположных начал…"[5, 27]. Поэтому, по нашему мнению, данная проблема рассматривается Толстым с учетом просветительской идеологии и в эволюции.

Толстой писал Боткину в 1857 г. об относительности представлений о добре и зле, о невозможности людям осуществлять справедливость: "У кого в душе так непоколебима эта мера добра и зла, чтобы он мог разделять одно от другого? У кого так велик ум, чтобы обнять все факты вместе и свесить их? И где такое состояние, где бы не было добра и зла? И почему я знаю, что я вижу больше зла или больше добра не оттого, что я стою не на настоящем месте? Кто в состоянии оторваться от жизни и взглянуть на неё независимо сверху?" [4, 60, 211-212]. Позже эти мысли нашли отражение в рассказе "Люцерн" (1857), где Толстой апеллирует к инстинктивно-первобытным потребностям добра в человеческой натуре.

В центре этики Толстого находится категория добра, которая априорно присуща человеку. Способность человека делать добро писатель очень ценил, считая добро вечной, высшей целью нашей жизни, которая есть не чем иным, как стремлением к добру. Толстой верит в то, что каждому человеку открыт закон добра.

Непохожесть главных героев друг на друга выражает представление автора о множественности и многообразии проявлений добра. Это активная, действенная доброта, доброта как призвание, как потребность, как жизненная необходимость. Это и пассивная доброта, доброта - сострадание. Толстой показывает, что "содержание и степень человеческой доброты не одинаковы. Все зависит от социального положения в обществе, социальной активности человека, его духовного богатства, от обстоятельств, в которые попадает человек" [6, 121].

Толстой, как и Достоевский, понимал нравственность как заложенное в натуре человека влечение к добру, которое выражалось в любви к другим через преодоление эгоистического начала, в способности жертвовать собой. В "Войне и мире" доброта выступает прекрасным нравственным качеством характера Пьера, княжны Марьи, принося им глубокое моральное удовлетворение. Смысл существования они видели в функционировании идеи обязательности добра в отношениях между людьми. В Пьере Безухове превалирует доброта ко всем людям, даже к французскому офицеру, которого он спас. Безухов раздавал деньги всем просящим, спас девочку во время пожара, заступился за женщину, призывал всех объединиться под знаменем деятельной добродетели.

В конце романа "Анна Каренина" Левин признается: "… вся моя жизнь, независимо от того, что может случиться со мной,… имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее"[4, 19, 399]. Исследователь отмечает: "Добро Толстого оказывается не просто средством духовного подвижничества: оно необходимо как закон жизни вообще" [7, 107].

Писатель развил теорию бессознательного, инстинктивного начала "добра, простоты и правды", заложенного в народе природой и являющегося источником его внутренней силы. Старый Ерошка в повести "Казаки" (1852-1863), Платон Каратаев в романе "Война и мир" (1863-1869), верящий, что зло преходяще и силы жизни восторжествуют, воплощают изначальную человеческую доброту, являются олицетворением трудолюбия, естественности, открытости и мудрости народа. Любимым героям Толстого Андрею Болконскому и Пьеру Безухову присущ общий с народом инстинкт добра, определяющий их развитие на основе духовной близости к народу. Они как бы колеблются между стихийным и высокоорганизованным духовном началом. Николай Ростов, следуя своему инстинкту добра, борется за реабилитацию друга, стараясь в Тильзите передать письмо Денисова царю.

Интуитивное добро органично дополняется у Толстого духовной силой, причем вера в добро первична по отношению к идее добра как рациональной категории.

Однако в "Войне и мире" Толстой "не оставляет возможность для Друбецких и Курагиных обрести добро" [7,107]. После смерти жены Андрей Болконский, озлобившись, отрицает добро для людей как смысл человеческой жизни, сам не делает добра и зла, так как не уверен, что будет добром и что злом для мужика в сложившихся условиях его жизни. Добро же, которое намеревается делать Пьер Безухов своим крестьянам, не приносит им никакой практической пользы, оборачивается для них злом, ухудшая их положение. Его разумные мысли не находят понимания и поддержки окружающих. Одной из важных причин неудачи было то, что Пьер хотел облагодетельствовать других, в данном случае киевских мужиков, хотя сам не был лично в этом заинтересован, что и вызвало во время разговора Пьера и Андрея в Богучарове раздражение Болконского, высмеивающего слова Пьера о любви к ближнему и самопожертвовании: "Это главный источник заблуждения и зла" [4, 10, 111]. Андрей защищает одну из мыслей Толстого, что ложно добро, совершаемое вне собственной заинтересованности.

В "Анне Карениной" Кити, отличающаяся добротой и доброжелательством к людям, в Содене осознает, что она участвовала в жизни других, чтобы "всех обмануть" [4, 18, 248], казаться лучше, чем она есть. В себе она видит самодовольное "сознание своей добродетельности" [4, 18, 239].

В "Войне и мире" Толстой показывает добро и зло во внутренних связях и переходах. Двойственность, противоречивость натуры Пьера Безухова прослеживается, к примеру, при сближении с масонами и посвящении в "братство свободных каменщиков". Мечтая о "деятельно-добродеятельной жизни", о вселенской гармонии, братстве на земле, Пьер Безухов решает в стремлении противоборствовать царствующему в мире злу "исправлять весь род человеческий" [4, 10, 77], взяв на себя функции проповедника. Так "из одного и того же источника возникают добро и зло: и благородные порывы к деятельному добру и сознание своей значимости", по утверждению Г.Б. Курляндской [5, 34].

И это сплетение противоположных тенденций является в данном случае результатом развития самой личности, ее сложности, а не социального воздействия.

В "Казаках" и в "Войне и мире" утверждается перевес жизни для других над злом себялюбия. Дилемма выбора между добром и злом, жизнью для других и для себя в этих произведениях решается противоречиво, неоднозначно, по мнению Е.Н. Купреяновой, "с одной стороны, возвращаясь к варианту, отвергнутому в "Казаках", а с другой - приближаясь к окончательному ответу, данному в "Анне Карениной"" [8, 95], где Левин приходит к сознательному следованию "инстинкту добра", диктующему "любить другого". Этот закон добра и любви выполняет в нравственно-философской концепции романа функцию, которую Кант отводит категорическому императиву в своей критике познавательных способностей человека.

Передавая сложную борьбу добра и зла в душах Алексея Каренина, человека по-своему доброго, Анны Карениной, Алексея Вронского ("Анна Каренина"), Толстой подчеркивал условность зла, его зависимость от обстоятельств. Современник Толстого В. Соловьев противопоставлял добро как "богоносную" категорию и зло как "небогоносную", считая их сверхчеловеческими понятиями. Зло, по его мнению, является уходом души от божественного начала, следствием эгоизма и самоутверждения человека. И хотя бог направляет людей к добру, они постоянно испытывают зло.

Н.О. Лосский, рассматривая соотношение категорий зла и добра в их нравственном значении, считает, что есть понятие абсолютного добра, но не бывает абсолютного зла, в котором "всегда есть какой-либо аспект добра и вследствие его также всегда рано или поздно появляется какое-либо добро" [9, 86] .

Толстой убежден, что вера во всеобщее добро превращает и зло в его разновидность, в его обратную сторону: "Только скажи себе, что во всем, что случается, воля бога, и верь, что воля бога всегда добра, - пишет Толстой - и ты ничего не будешь бояться, и жизнь для тебя всегда будет благом" [4, 45, 446]. В отличие от И.Канта и В.Соловьева, Толстой, наряду с внутричеловеческими, подчеркивал и социальные причины зла, признавая и субъективную, и объективную его природу. В поздний период своего творчества Толстой переносит акцент с борьбы добра и зла в человеке на выяснение причин социального зла и путей избавления от него. Поэтому не совсем права Г.Б.Курляндская, приходя к категорическому выводу, что ""неправда" объясняется писателем не воздействиями порочной внешней среды, а природой самого человека, его обособленностью от других. Зло порождается теми эгоистическими стремлениями, которые до некоторой степени "законны" благодаря раздельности людей. Эти представления Толстого о происхождении зла не укладываются в рамки просветительской философии" [10, 154].

Толстой утверждал: "Добро всегда в душе нашей, и душа добра, а зло привитое" [4, 1, 290] социальной средой, ее моралью, хотя, как мы отмечали выше, зло в его героях не сводится только к воздействиям испорченной общественной среды, а видится в эгоистической борьбе людей за свое личное благополучие.

Если Е.И. Рачин отмечает, что Толстой, в отличие от Канта, "не показывает родословную зла в человеке…" [7, 105-106], рассматривая его "как нечто данное: или как нечто объективно данное природой, или порожденное стихийным (то есть на основе морали) развитием общества" [7,106], то И.Чуприна подчеркивает, что, выясняя происхождение зла, писатель расходился с христианством, которое видело его истоки в дьявольском начале, в человеческом эгоизме, а он - в неблагоустроенной внешней среде [11, 43]. Однако Толстой считал необходимым бороться с эгоистическими устремлениями личности, с обособленным существованием людей, что возвращало его в русло христианских убеждений. Об этом говорится в пророческом философском сне Пьера Безухова, где весь мир представлен в виде живого водяного шара с двигающимися каплями, которые "то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали её, иногда уничтожали, иногда сливались с нею" [4, 12, 158], где капли-личности олицетворяют борьбу в жизни противоположных тенденций.

Преодолевая духовное обособление и стремясь приблизиться к "общему", к единению всех индивидуальностей, человек одерживает нравственную внутреннюю победу над злом, которая приведёт и к победе над злом во внешнем мире. Не зная конкретно-исторических причин общественного зла, Толстой возлагал утопические надежды на "инстинктивную любовную ассоциацию" людей.

Как и Руссо, протестующий против угнетения в обществе своеобразной формой утопии, Толстой обличает царское правительство, насилие в государстве, обман церковников и др. созданием нравственной утопии - учения о непротивлении злу насилием, которое входит в программу самоусовершенствования человека и идеи которого встречаются уже в "Войне и мире".

Толстой защищает принцип невозможности зло победить злом и только добро порождает добро, веря, что исполнение евангельской заповеди о непротивлении злу насилием поможет искоренить зло: "Только кротостью и смирением достигается добро" [4, 50, 91]. Писатель исключал возможность борьбы со злом, считая её бессмысленной. Однако с этим не согласен Е.И. Рачин: "Толстой не исключал необходимости сопротивления злу, но призывал к сопротивлению злу добром"[7, 109], которое рассматривал как универсальный метод победы через внутреннюю борьбу в сознании человека над обстоятельствами, что, безусловно, требовало от человека определенных усилий. Хотя следует заметить, что это была "иллюзия победы добра… насилие при победе добра все-таки было необходимо"[7, 109] . Однако Толстой верит в мирные возможности преодоления зла в жизни человечества [12], что зло можно победить силой духа, упорной высоконравственной жизнью людей в соответствии с учением Христа. Отмечая в религии нравственные, абстрактно-гуманистические ценности, Толстой писал: "Вера не то, что неразлучно с добрыми делами, но вера есть единственная причина добрых дел. Добрые же дела есть неизбежные последствия веры" [4, 23, 245].

Писатель предлагал оздоровить жизнь народа с помощью идеи нравственного самосовершенствования в духе христианского идеала добра. Признавая, что человеческая личность состоит из тела и души, он писал: "Стремление плоти есть добро личное, стремление души - добро других" [4, 46, 133-134]; "Удовлетворение собственных потребностей есть добро только в той мере, в которой оно может способствовать добру ближнего. Оно есть средство" [4, 46, 129].

До идейного перелома в начале 80-х гг. Толстой понимал законы добра как законы любви. В 80-е годы, когда люди жили «все врознь», он приходит к «новому жизнепониманию» и созданию практической этики, суть которой выражают слова «единение» и «любовь». Толстой через внутренний монолог передает борьбу добра и зла в душе главных героев. В повести "Смерть Ивана Ильича" смысл жизни утверждается в любви к людям, в любви к ближнему. Позже в статье "Что такое искусство?" (1898) Толстой критерий любви и единения включает в само толкование искусства. Писатель верит в объединение людей на началах добра, доверия, справедливости, понимая добро высшей целью человечества и добро как бога. В этом он близок Вл. Соловьеву, считавшему добро высшим благом, олицетворяющим собой бога. Толстой соединяет понятия "добро, любовь и бог", которые, по мнению Е.И. Рачина, "у него означают по сути одно и то же" [7, 107].

Если герои Чернышевского стремятся совершать полезные, добрые поступки, то многие герои Толстого, не ставя такой цели и живя для себя, объективно способствуют своими нравственными побуждениями благу для всех, торжеству "общего".

Толстой, в отличие от философов античности, в частности Сократа, который прямо подчинял красоту добру, утверждавших единство доброго и прекрасного, категорично и противоречиво противопоставлял добро и красоту, подобно просветителям. При этом красоту он связывал с внешней формой, с физическими данными, а добро с содержанием, т.е. с нравственностью, рассматривая его как качество духовного мира человека. Толстой писал в статье "Что такое искусство?", противопоставляя добро и красоту, а также отрицая все эстетические теории искусства: "Понятие красоты не только не совпадает с добром, но скорее противоположно ему, так как добро большею частью совпадает с победой над пристрастиями, красота же есть основание всех наших пристрастий.

Чем больше мы отдаемся красоте, тем больше мы удаляемся от добра. Я знаю, что на это всегда говорят о том, что красота бывает нравственная и духовная, но это только игра слов, потому что под красотой духовной или нравственной разумеется не что иное, как добро. Духовная красота, или добро, большею частью не только не совпадает с тем, что обыкновенно разумеется под красотой, но противоположна ему" [4, 30, 79].

Во время работы над "Войной и миром" ("Я художник, и вся жизнь моя проходит в том, чтобы искать красоту" [4, 15, 241]) и позже в начале 70-х гг. Толстой обращается к идеалу прекрасного: "Добро и зло - суть только матерьялы, из которых образуется красота… Поэтому, вместо понятия добра - понятия относительного - я прошу поставить понятие красоты" [4, 62, 24].

В середине 80-х гг., когда Толстой решает оставить искусство ради моральной проповеди, меняется его представление об основных понятиях эстетики: на первый план выходит идеал добра не в относительном, а в вечном и безусловном смысле.

Художественная практика Толстого свидетельствует, что к явлениям красоты писатель относит "не только форму, но и содержание, - как замечает Н.Ф. Федюкова, - не только материальное, но и духовное, социальное, нравственное, хотя и продолжает нравственную красоту называть добром" [6, 117]. Красота, по утверждению Л. Толстого, растворяется в оценках "хорошее" и "доброе", а добро выступает критерием высокого, возвышенного. В "Дневнике" Толстой записал: "Добро без красоты мучительно" [4, 52, 73].

Таким образом, Толстой, показывая соединение добра и зла в душе человека, разделяет противоположные начала и ведет героя к нравственному суду над своими поступками. Сущность человека Толстой видит в противоречивом единстве добра и зла. Однако цель жизни каждого состоит, по Толстому, в распространении добра и в любви к ближнему, что составляет путь к достижению всестороннего развития человечества. Функционирование этих двух универсальных жизненных начал добра и зла, составляя просветительскую тенденцию в прозе Толстого, находятся в качественно новых по сравнению с собственно просветительским творчеством взаимосвязях и взаимодействиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. - М.: Худ. лит-ра, 1972. - 543с.
2. Громов П. О стиле Льва Толстого: "Диалектика души" в "Войне и мире". - Л.: Худ. лит-ра, 1977. - 488с.
3. Курляндская Г.Б. Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский (Проблема метода и мировоззрения писателя). - Тула: Приок. кн. издательство, 1986. - 254с.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч: В 90 т. -М.-Л.: Гослитиздат, 1928 - 1958.
5. Курляндская Г.Б. Нравственный идеал героев Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского: Книга для учителя. - М.: Просвещение, 1988. - 256с.
6. Федюкова Н.Ф. Концепция человека в русской литературе начала XX в. - Минск: БГУ им. Ленина, 1982. - 239с.
7. Рачин Е.И. Философские искания Льва Толстого. - М.: Росс. Университет Дружбы Народов, 1993. - 172с.
8. Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. - М.:Наука, 1966. - 324с.
9. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. - М., 1994. - 432с.
10. Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев и русская литература: Уч. пос. - М.: Просвещение, 1980. - 192с.
11. Чуприна И.В. Нравственно-философские искания Л.Толстого в 60-е и 70-е годы. - Саратов: Сарат. ун-т, 1974. - 317с.
12. См. об этом: Бурсов Б.И. Толстой и Достоевский// Вопросы литературы. - 1964. - №7. -С. 80-81.

УДК 81’373.45 : [811.161.1+811.161.2]

РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКА КОНТРАСТИВНА ЛЕКСИКА

Зубець Н.О., к.філол.н., доцент

Запорізький державний університет

У статті йдеться про зіставне вивчення близькоспоріднених української та російської мов на сучасному етапі, аналізуються конкретні групи слів, що відрізняються коренями, афіксами, знання про які необхідні у перекладознавстві, лексикографічній роботі, у викладанні нерідної мови.

Ключові слова: порівняльно-історичне мовознавство, конфронтативні дослідження, лексичний рівень, контраст, специфічна лексика, російсько-українська інтерференція.

Зубец Н.А. РУССКО-УКРАИНСКАЯ КОНТРАСТИВНАЯ ЛЕКСИКА / Запорожский государственный университет, Украина

В статье речь идет о сопоставительном изучении близкородственных украинского и русского языков на современном этапе, анализируются конкретные группы слов, отличающиеся корнями, аффиксами, знания о которых необходимы при переводах, в лексикографической работе, в преподавании неродного языка.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, конфронтативные исследования, лексический уровень, контраст, специфическая лексика, русско-украинская интерференция.

Zubets N. RUSSIAN-UKRAINIAN CONTRASTIVE LEXICS / Zaporizhzhya State University, Ukraine

The article is viewed comparative learning of closely similar Ukrainian and Russian languages at the modern period. The concrete groups of terms which have different roots and affixes necessary for translation, lexicographical work and teaching unnative language are analyzed.

Key words: comparative-historical lexicology, controntative level, lexical level, contrast, special lexics, russian-ukrainian interpretation

Порівняльно-історичне мовознавство (компаративістика), яке зародилося на початку XIX століття, передбачало вивчення мов перш за все у діахронії. Опис і необхідність викладання мов на певних історичних етапах зумовили появу зіставного їх вивчення на синхронічному рівні з метою виявлення загальних, схожих і відмінних властивостей у структурі. При цьому для повнішого з’ясування внутрішніх закономірностей мовної системи разом із загальнолінгвістичними прийомами і методами в мовному аналізі застосовувався синхронно-порівняльний метод вивчення мов. Традиційне зіставлення передбачало створення теоретичних і практичних засад для його здійснення. За таких умов у 60-х роках XX століття з’явився новий напрямок у сучасній компаративістиці – конфронтативна лінгвістика, метою якої було створення насамперед теоретичної бази для зіставного аналізу мов з урахуванням також емпіричних даних. Таким чином, ця особлива галузь лінгвістичної науки вивчає будову і властивості конкретних мов, їх індивідуальні особливості й спільні ознаки [1].

Деякі вчені, зосереджуючи більшу увагу на практичнім спрямуванні конфронтативного мовознавства, ніж на його теоретичній орієнтації, і, зважаючи передусім на відмінності у зіставлюваних мовах, звужують його до контрастивної лінгвістики. Нерідко конфронтативні й контрастивні дослідження розмежувати важко, тому цілком виправданим видається паралельне вживання цих термінів або навіть більш послідовне використання другого, оскільки зіставний метод спрямований перш за все на виявлення відмінностей між зіставлюваними мовами на конкретних мовних рівнях. Так, відношення контрасту (різко окресленої протилежності) простежується на рівні фонологічних, граматичних, семантичних, лексичних розходжень.

Результати контрастивних досліджень знаходять своє застосування у перекладознавстві, у лексикографічній роботі, у викладанні нерідної мови. Вважається, що зіставний метод дуже ефективний при вивченні близькоспоріднених мов, якими є, наприклад, українська і російська. Завдяки залученню фактів окремих періодів їх історичної єдності, контрастні ознаки цих мов на рівні діалексії (лексичні розходження) чітко виявляються на тлі багатьох подібних ознак. Лексичний рівень став об’єктом і нашого зіставного аналізу.

Словниковий склад будь-якої мови становить найбільше її багатство. Життя людини нерозривно пов’язане з мовою, а мова – це насамперед слова. Саме через них людина пізнає світ, за допомогою слів вона мислить, тому, проникаючи у словник певної мови, можна збагнути психологічний склад нації, її менталітет. Майже два століття тому про це розмірковував один із основоположників діахронічної компаративістики Вільгельм фон Гумбольдт. Він писав: “Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаём в нём; … языки в отчётливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа…” [2, 349]. Думки вченого і його послідовників про внутрішні зв’язки усіх мов, про співвідношення близьких слів і виразів у зіставлюваних мовах, про всесвітньо-історичне значення мовних відмінностей поглибили і розвинули у другій половині XX століття прихильники порівняльно-історичного мовознавства, українські й російські вчені: Г.П.Їжакевич, Ю.О.Жлуктенко,

В.Г.Гак, О.С.Мельничук, А.О.Білецький, С.В.Семчинський, Л.І.Прокопова, В.Н.Ярцева та ін. Їхні праці стали гідним внеском у розробку теоретичної основи зіставного аналізу мов. Так, на думку, Г.П.Їжакевич, теоретичні й практичні результати зіставних досліджень споріднених мов мають на меті розкрити їх особливості і на фоні загального показати індивідуальне, специфічне як у структурі, так і в функціональному спрямуванні окремих елементів [3, 100]. Досліджуючи проблему мовних контактів, Ю.О.Жлуктенко виділив тимчасові й постійні мовні зв'язки, останні з яких супроводяться появою двомовності [4, 7].

Спорідненість української і російської мов простежується у фонетичній системі, словнковому складі, у граматичній будові, бо це мови одного типу. Їх типологічна близькість виявляється у спільній семантиці, у складі лексики щодо походження, у наявності однакових слів, фразеологізмів тощо. Однак кожна з них розвивалася ще й за своїми внутрішніми законами, в різних історичних умовах, тому й зберегла специфіку в усіх структурних елементах.

Предметом нашого розгляду є контрастивна лексика, тобто такі слова, що відрізняються у російській та українській мовах коренями, афіксами. Це загальновживана лексика, розмовні слова, поширені терміни різних галузей науки, техніки, культури, при перекладі або засвоєнні яких можуть виникати труднощі різного характеру (вимовні, правописні та ін.), наприклад: *аренда – оренда, атаман – ота́ман, божья коровка – сонечко, вдевятером - удев'ятьох, горелка (прибор) – пальник, детёныш – маля, дубинка – кийок, дымка – серпанок, зачастую – часто, заусеница – задирка, казак – козак, кафель – кахель, кусачки – гострозубці, лазурный – блакитний, лестничная клетка – сходова́ клітка, монашеский – чернечий, напильник – напи́лок, обесценивать – знецінювати, погремушка – брязкальце, проверочный – перевірний, тем более – поготів, пунцовый – червоногарячий, часовня – каплиця, черенковать – живцювати, шайка (для воды) – ряжка, южанин – південець* і т.д. За різними даними, частка лексичних розходжень в українській і російській мовах сягає від тридцяти до сорока відсотків. Відмінності можуть бути мінімальними, коли слова розрізняються на письмі однією або кількома літерами (*долго – довго, лещ – лящ, затяжной – затяжний, вилка – виделка*), і максимальними, коли у кожній мові слова мають автохтонні афікси (*волокита – тяганина, ворочать – орудувати, качка – хитави́ця, живительный – живлющий, расцвет – розквіт, сотовый – стільниковий, завсегдатай – завсідник, випускаючий – випусковий).*

Дібраний нами матеріал дозволяє виділити кілька умовних груп російсько-української контрастивної лексики.

У **першій групі** об'єднані слова спільного походження, що мають фонетичні відмінності, пов'язані з різним наголосом, який у східнослов'янських мовах є експіраторним, нефіксованим і рухомим: *бесе́да – бе́сіда, весе́ленький – веселе́нький, крапи́ва – кропива́, коромысло – коро́мисло, о́тчим – вітчи́м, разве́дка – ро́звідка, ро́динка – роди́мка, успе́х – у́спі́х, че́рпать – черпа́ти*; слова, що оформилися в обох мовах відповідно до внутрішніх фонетичних законів (чергування, асимілятивно-дисимілятивні зміни тощо)*: бок – бік, дробь – дріб, журавль – журавель, моль – міль, мрак – морок, прохлада – прохолода, огород – город, задаток – завдаток, винт –гвинт, сыворотка – сироватка, пакость – капость, крест – хрест, скорлупа – шкаралупа, цапля – чапля, сабля – шабля, почта – пошта, щека – щока, блеск – блиск, вероятностный – імовірнісний, ярмарочный – ярмарковий*.

До **другої групи** віднесемо споконвічні й давно запозичені слова з різними закінченнями, що вплинуло на розходження у граматичних категоріях. Наприклад, словам *абрикос, лов, мат (спорт.), недуг, приток, тополь, шатёр, мышь, ковыль, посуда, ярмарка, похороны, чернила* у російській мові відповідають в українській *абрикоса, лови, мата, недуга, притока, тополя, шатро, миша, ковила, посуд, ярмарок, похорон, чорнило*. Знання про такі слова необхідні для того, щоб уникнути небажаної інтерференції при вивченні мов.

Третю групу складають слова, які відрізняються суфіксами, префіксами. Хоч способи творення їх в обох мовах цілком збігаються, як і словотвірні моделі: *вовек – повік, взмах – помах, издавна – здавна, изморозь – паморозь, капель – капіж, услуга – послуга, укор – докір, удешевление – здешевлення, вернее – вірніше, околоцветник – оцвітина*.

Великі труднощі виникають під час перекладу з російської мови віддієслівних іменників, прикметників та дієприкметників, зокрема при суфіксальному їх словотворенні (наприклад, дієприкметники на *-щий, -щийся, -мый*).

До **четвертої групи** належать слова, в яких спільний зміст передається у двох мовах різними формами. Так сталося, що багатовікове зближення української мови з російською, свідомі заходи, спрямовані на розширення рамок функціонування російської мови, негативно вплинули на розвиток української мови, окремих її стилів. Як показує практика, значна частина національно специфічної або давно запозиченої лексики забута (або й незнана) навіть тими, хто нібито й послуговується українською мовою, для кого вона є рідною. У цьому числі назви релігійних свят (*Перша, Друга, Третя Пречиста, Чесний Хрест, Ушестя, Водохреще, Спас, Спасівка),* форми звертання (*Пане! Пані! Добродію! Добродійко! Юначе!*

Друже!), військові команди (*Довший крок! Зійдись! Ліво-глянь! Спочинь! Вставай! До зброї! По одному в ряд – збірка!*), складні прислівники (*наопашки, щосили, похапцем, некруто, урівень, співуче, надголодь, поспіхом* – рос. *внакидку, вовсю, впопыхах, всмятку, заподлицо, нараспев, впроголодь, наспех*), іменники (*духівниця* (духовний заповіт), *двірець* (вокзал), *число* (номер), *первотвір* (оригінал), *мішанець* (гібрид), *полива* (глазур), *ковбаска* (сосиска) та ін.).

П'яту групу представляють приклади, які виділяємо на основі морфологічної класифікації, згідно з якою російська мова – аналітична, а українська – синтетична. Звідси в українській мові поняття часто кодуються словами, а в російській – це словосполучення або сполучення слів. Наведемо приклади: *вновь образованный – новоутворений, вводить в заблуждение – ошукувати, окружающая среда – довкілля, крутой кипяток – окріп, крест-накрест – навхрест, пригласительный билет – запрошення, книжный магазин – книгарня, огородные плоды – огоро́дина, садовые плоды – садовина, сделать возможным – уможливити, прежде всего – передусім, до сих пор – досі, обитый гвоздями с широкой шляпкой – цвяхований, так как – бо, обслуживающий персонал – обслуга, важная персона – достойник, самый лёгкий – найлегший.*

У російсько-українському словнику із 22 тисяч слів третина незрозуміла для росіян. А в термінологічних словниках частка невідомих слів ще більша. У **шосту групу** контрастивних російсько-українських слів виділимо поширені терміни. Створення термінології на національній основі повернуло до життя здавна існуючі терміни у різних галузях науки, наприклад, с п о р т и в н і: *жердина* (шест), *ключка* (клюшка), *ковзаняр* (конькобежец), *перегони* (бега); б у д і в е л ь н і: *бляшаний* (жестяной), *гак* (крюк), *держак* (черенок), *зварювання* (сварка), *висячий* (навесной), *воронована сталь* (чернёная сталь), *небиткий* (небьющийся), *пастка* (ловушка), *одвірок* (косяк двери); к у л і н а р н і: *вергуни* (хворост), *галушки* (клёцки), *кисляк* (простокваша), *коливо* (кутья заупокойная), *крихта* (крупица), *кухонна сіль* (повареная соль), *лист* (противень), *листко́вий* (слоёный), *локшина* (лапша), *медяник* (коврижка), *млинець* (блинчик), *паляниця* (буханка), *паска* (кулич), *переварена вода* (кипячёная вода), *шаткувати* (шинковать), *швидкопсувний* (скоропортящийся); м е д и ч н і, а н а т о м і ч н і: *бешиха* (рожа), *болезаспокійливий* (болеутоляющий), *вилиця* (скула), *випорожнення* (стул), *гомілковий* (берцовый), *кісточка* (лодыжка), *крижовий* (крестцовый), *кровоспинний* (кровоостанавливающий), *куприк* (копчик), *литка* (икра), *печія* (изжога), *підмізинний палець* (безымянный палец), *правець* (столбняк), *протизаплідний* (противозачаточный), *психічнохворий* (душевнобольной), с*вербіж* (зуд), *хвороботвірний* (болезнетворный), *щелепа* (челюсть).

Щоб пояснити ці контрастивні назви, не можна обмежуватися тільки мовними даними. Для цього потрібні знання історії, культури, матеріальної і духовної. Цікаво простежити називання понять рослинного і тваринного світу в українській і російській мовах: *багно – багульник, брат-і-сестра – иван-да-марья, братки – анютины глазки, кульбаба – одуванчик, латаття – кувшинки, материнка – душица, перечепа – череда, чорнобривці – бархатцы, шавлія – шалфей, ялівець – можжевельник, глід – боярышник, горобина – рябина, журавлина – клюква, порічки – смородина, черемшина – черемуха, берест – вяз, модрина – лиственница; м'ясоїдний – плотоядный, бабак – сурок, блошиця – клоп, куріпка – куропатка, тхір – хорёк, ховрах – суслик, пуголовок – головастик, вільшанка – зарянка, малиновка, волове око – крапивник, дрімлюга – козодой, пугач – филин, чайка – чибис, шуліка – коршун*.

Очевидно, у називанні багатьох рослин, тварин, комах, птахів відображаються не тільки властиві мовам словотвірні процеси, а й різна мотивація, переносність значень, розширення або звуження семантики. Так, до деяких російських слів можна навести по кілька контрастивних відповідників, наприклад: *бредить –маячити, марити; говядина – яловичина, волове м'ясо; взвешенный – зважений*, хім. *змулений* (щодо рідини), *завислий* (щодо газу); *еда – їда* (дія), *їжа* (страва); *косяк – одвірок, лутка* (у вікна); *кольцо – кільце, каблучка, обручка; отношение – ставлення, відношення, відносини, стосунки, взаємини, лист* (документ); *питомник – розсадник, розплідник, садова шкілка; сало – лій, здір, смалець*.

Дериваційна система номінації в українській мові включає в себе і калькування, у тому числі – з російської мови. У процесі калькування можлива поява невдалих, ненормативних кальок. Українці кажуть *місто, міський, передмістя*, однак із цього ряду похідних слів випало на якомусь етапі слово *містяни*. Замість нього стало вживаним *городяни* (утворене від неіснуючого в українській мові *город*) або в кращому випадку – *мешканці міста*. Так само немає в українській мові слів *учба, учбовий*, хоч друге з них аж до 90-х років було у складі абревіатури *вуз* (сучасн. *ВНЗ*).

Аналіз російсько-української контрастивної лексики показує, що мова є невід'ємною субстанцією національно-духовного багатства будь-якого народу. Утвердження української мови як державної зумовило відродження багатої національно специфічної лексики, хоч прилучення до неї для багатьох користувачів поки що має пізнавальну значимість, а не превентивну силу.

Зіставлення двох мов дозволяє виявити схожості й відмінності у використанні лексичних засобів, специфічні особливості кожної з мов; передбачити або спрогнозувати складності при оволодінні

нерідною мовою; уникати небажаної російсько-української інтерференції. А все це сприяє підвищенню культури української і російської мов.

ЛІТЕРАТУРА

1. Конфронтативная лингвистика / Л.И.Прокопова, Г.Хельбиг, В.Д.Девкин и др. – К.: Либідь, 1990. – 148 с.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / Переводы с немецкого. – М.: Прогресс, 1985 – 218 с.
3. Їжакевич Г.П. Питання російсько-українських мовних зв'язків. – К., 1954. – 104 с.
4. Жлуктенко Ю.О. Мовні контакти. Проблеми інтерлінгвістики. – К.: Вид-во Київ.ун-ту, 1966. – 135 с.
5. Манакін В.М. Зміст та принципи контрастивної лексикології близькоспоріднених мов // Автореф. дис. … д-ра філол.наук. – К.: НАН України, 1994. – 48 с.

УДК 811.161.1: 821.161.1 (072.3)

ПОСТРОЕНИЕ ВАРИАНТОВ ОПИСАНИЯ НА ОСНОВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Иваненко В.К., д. пед. н., профессор

Запорожский государственный университет

Статья освещает результаты поисковых экспериментов, осуществленных автором в школах Запорожья. Построение описания совмещается с активизацией различных синтаксических форм, что содействует развитию речи учащихся, формированию умений обеспечивать связность речи.

Ключевые слова: описание, язык, речевая деятельность, речь, текст, синтаксические формы.

Іваненко В.К.ПОБУДОВА ВАРІАНТІВ ОПИСУ НА ОСНОВІ ПОЕТИЧНОГО ТЕКСТУ/ Запорізький державний університет, Україна

Стаття висвітлює результати пошукових експериментів, які здійснювалися в школах Запоріжжя. Побудова опису поєднується з активізацією різноманітних синтаксичних форм, що сприяє розвитку мовлення учнів, формуванню умінь забезпечувати зв'язність мовлення.

Ключові слова: опис, мова, мовленєва діяльність, мовлення, текст, синтаксичні форми.

Ivanenko V.K. CONSTRUCTION OF VARIATIONS' DESCRIPTION IN TERMS OF POETIC TEXT/ Zaporizhzhya State University, Ukraine

The article covers outcomes of the retrieval experiments which have been carried out by the author at schools of Zaporozhye. The descriptions' construction is aligned with activation of various syntatic forms, that promote the pupils' style of speaking and shaping the skills to ensure connected speech.

Key words: description, language, speech activity, style of speaking, text, syntatic forms.

Учащимся нравится поэзия А.С. Пушкина. Одна из строф "Зимнего утра" поэта дается в учебнике третьего класса для наблюдений над глаголами [1].

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит,
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Мы провели ряд уроков в различных классах средней школы, опираясь на полный текст этого стихотворения [2, 157]. При этом учащиеся побуждались к построению описаний с обязательным включением в создаваемый текст не только обособленных членов предложения, но и других синтаксических форм. Общее требование к описанию - адекватное отражение поэтического описания и применение разнообразных синтаксических структур в тексте. В каждом классе названное стихотворение поэта читалось нами в полном объеме.

Правда, в третьем классе создаваемое описание записывалось только учителем на доске, а учащиеся тренировались в правильном интонировании записанных предложений, осложненных обособленными членами. Употребление названных форм стимулировалось вопросами:

1) .Как лежит, ***блестя на солнце***, снег?

2) .Что делает речка, ***покрытая льдом***?

3) .Значит, что еще ярко светится, ***кроме снега***?

Использовать в ответах деепричастный оборот ***блестя на солнце*** побуждал и текст, а включение причастного оборота ***покрытая льдом*** и обособленного дополнения ***кроме снега*** стимулировалось указанными выше вопросами, которые ставились учителем. Итогом была запись на доске заголовка, представляющего вопросительное предложение, и трех предложений.

Что блестит?

Коврами лежит, блестя на солнце, снег. Блестит речка, покрытая льдом. Значит, ярко светится, кроме снега, еще и речка.

Записанный текст читался индивидуально и хором при соблюдении значительных пауз между предложениями и меньших пауз на месте запятых, выполняющих функцию выделения. Учителю, который позволил нам провести такой урок, мы рекомендовали на очередном уроке использовать записанный текст для списывания, к чему учащиеся были хорошо подготовлены нашей деятельностью. Кстати, нами на этом уроке решалась еще одна проблема. Мы убеждали учителя в том, чему учит нас Л.И. Поливанов, методист девятнадцатого века, знакомивший своих учащихся с причастиями и деепричастиями на втором году обучения в школе [3].

В пятом классе создаваемое коллективно описание было полнее и включало в себя такие компоненты, как зачин, основная часть, концовка. Запись отдельных предложений сопровождалась объяснением употребляемых знаков препинания.

Зимний день

Ребята, Пушкин - поэт. Его внимание привлекает окраска снега, речки, леса.

Коврами лежит, блестя на солнце, снег. Блестит речка, покрытая льдом. Лес чернеет, а ель зеленеет.

Значит, ярко светится, кроме снега, еще и речка. Поэта радует такой день, и он радостно говорит: "Мороз и солнце; день чудесный!"

Проводя уроки в шестых - седьмых классах, мы, разумеется, описание расширили. Записи описания предшествовало не только чтение учителем стихотворения "Зимнее утро", но и формулирование положений плана, которые не записывались: 1).Обращение к подруге. 2).Воспоминание о вьюге. 3).Оценка утра. 4).Характеристика комнаты. 5).Размышления о прогулке. Однако были записаны и проанализированы словосочетания, в которых главное слово - причастие или деепричастие: ***изобразивший*** *прекрасно зимнее утро,* ***рисуя*** *начало дня,* ***блестя*** *на солнце,* ***покрытая*** *льдом,* ***освещенных*** *зимним солнцем.*

Запись создаваемого текста осуществлялась на основе творческого диктанта. Требовалось первое предложение дополнить соответствующим причастным оборотом (***изобразивший прекрасно зимнее утро***), включить в начало второго предложения необходимый деепричастный оборот (***рисуя начало дня***). В предложения основной части описания учащиеся вставляли нужные по смыслу сказуемые или подлежащие. Первое предложение концовки надо было дополнить нужным причастным оборотом (***освещенных зимним солнцем***), а последнее завершить прямой речью (***Мороз и солнце; день чудесный!***). Результатом указанной работы явилось такое описание.

Окраска предметов зимой

Александр Сергеевич Пушкин - поэт, изобразивший прекрасно зимнее утро. Рисуя начало дня, он оценивает окраску предметов.

Утро морозное, и светит солнце. Коврами лежит, блестя на солнце, снег. Блестит речка, покрытая льдом. Значит, ярко светится, кроме снега, еще и речка. Иную окраску имеет небо, лес, ель. Небо голубое. Прозрачный лес чернеет. Ель зеленеет.

Такова утром окраска предметов, освещенных зимним солнцем. Первое предложение поэта звучит восклицательно: "Мороз и солнце; день чудесный!"

При подведении итогов урока учащиеся не только объясняли употребление знаков препинания, но и находили средства связи предложений в тексте: синонимы (*утро* - ***начало дня***, *блестит* - ***ярко светится***), местоимения (*он, такова*), повторение слов (*утро, поэт*), однокоренные слова (*блестя, блестит*).

В одиннадцатом классе учащиеся по требованию учителя дают вначале определение понятиям язык и речь, а затем записывают лаконичный текст, обобщающий ответы.

Язык и речь

Язык - средство общения, а речь - это не только деятельность, но и продукт ее. Материально язык представляют, кроме звуков и морфем, еще и слова, словосочетания, предложения. Результатом такой деятельности, как говорение и письмо, есть текст.

Записав вторую подтему (*А.С. Пушкин, "Зимнее утро"*), класс воспринимает названное стихотворение в исполнении учителя. Оно читается с паузами между строфами, и учащиеся на основе осмысления каждой строфы записывают план.

1. Поэт обращается к подруге.

2. Он воспринимает вьюгу.

3. Автор оценивает утро.

4. Он характеризует комнату.

5. Поэт размышляет о прогулке.

Повторение обособленных членов связывается с видоизменением трех предложений в простые, осложненные соответственно обособленным обстоятельством, определением, дополнением (записываются только предложения, осложненные обособленными членами).

1.Коврами лежит и блестит на солнце снег. - Коврами лежит, блестя на солнце, снег. 2.Блестит речка, которую покрыл лед. - Блестит речка, покрытая льдом. 3.Значит, ярко светится и снег, и речка. - Значит, ярко светится, кроме снега, еще и речка.

Предлагается, записав тему (*Краски зимнего утра*), сформулировать вступление для описания, воспользовавшись материалами записанного плана. Так оформляется зачин, а затем создается основная часть и концовка.

Краски зимнего утра

"Зимнее утро" - стихотворение, в котором автор обращается к подруге, вспоминает вьюгу, оценивает утро, характеризует комнату, размышляет о прогулке.

Поэт, находясь в комнате, озаренной солнцем, видит снег, речку, небо, лес, ель. День морозный, и светит солнце. Коврами лежит, блестя на солнце, снег. Блестит речка, покрытая льдом. Значит, ярко светится, кроме снега, еще и речка. Снегу противопоставляется не только голубое небо, но и чернеющий лес, зеленеющая ель. Писатель отмечает: "Прозрачный лес один чернеет, и ель сквозь иней зеленеет". Заметим, что здесь чернеет - это виднеется черным, а зеленеет - это виднеется зеленым. Размышляя, поэт, обращаясь к подруге, произносит: "Скользя по утреннему снегу, друг милый, предадимся бегу нетерпеливого коня..."

Итак, окраска предметов разнообразна, и она привлекла внимание Александра Сергеевича Пушкина. Кстати, первое предложение, являясь сложным, звучит бодро, эмоционально: "Мороз и солнце; день чудесный!"

Читается учащимися зачин, основная часть, концовка, при этом объясняются знаки препинания, а затем характеризуются средства связи предложений, использованные в описании.

На втором уроке в этом же классе учитель предлагает подготовиться к переводу на украинский язык записанного описания, и учащиеся слушают чтение стихотворения поэта на украинском языке в переводе Николая Терещенко [4] :

Зимовий ранок

Мороз і сонце, - день прекрасний!
Ти ще дрімаєш, друже ясний, -
Красуне, час уже, проснись:
Відкрий свій погляд яснозорий
Навстріч північної Аврори,
Зорею півночі з'явись!

Згадай, учора буря злилась,
У тьмянім небі мла носилась,
І пляма місяця смутна
Жовтіла десь на виднокрузі,
І ти в німій сиділа тузі -

А нині... Йди-но до вікна:

Під голубими небесами
Скрізь чарівними килимами
На яснім сонці сніг лежить;
Прозорий ліс лише чорніє,
Крізь іній глиця зеленіє,
І річка кригою блищить.

Кімната вся янтарним блиском
Осяяна. З весеслим тріском
Палає піч. У мріях ти
Сидиш тихенько край лежанки.
Проте, чи не звеліти в санки
Конячку буру запрягти?

І понесе нас, друже милий,
По вранішній дорозі білій
Кінь нетерплячий крізь сніги, -
Відвідаєм поля спустілі,
Ліси, від снігу побілілі,
І милі серцю береги.

Разумеется, предлагаемые школьниками варианты перевода учитель корректирует, в результате чего в тетрадях появляется запись и на украинском языке.

Кольори зимового ранку

"Зимовий ранок " - вірш, у якому автор звертається до подруги, пригадує хуртовину, оцінює ранок, характеризує кімнату, роздумує над прогулянкою.

Поет, перебуваючи в кімнаті, осяяній сонцем, бачить сніг, річку, небо, ліс, ялину. День морозний, і світить сонце. Килимами лежить, виблискуючи на сонці, сніг. Виблискує річка, яку накрила крига. Отже, яскраво світиться, окрім снігу, ще й річка. Снігу й річці протиставляється не тільки блакитне небо, але й чорніючий ліс, зеленіюча ялина. Письменник відзначає: "Прозорий ліс лише чорніє, крізь іней глиця зеленіє." Зауважимо, що тут чорніє - це видніється чорним, а зеленіє - це видніється зеленою. Розмірковуючи, поет, звертаючись до подруги, вимовляє: "І понесе нас, друже милий, по вранішній дорозі білій кінь нетерплячий крізь сніги..."

Таким чином, кольори предметів різноманітні, і вони привернули увагу Олександра Сергійовича Пушкіна. До речі, перше висловлювання поета, являючись складним, звучить бадьоро, емоційно: "Мороз і сонце; день чудесний!"

Так строились варианты описаний на основе поэтического текста, так стимулировались учащиеся к тому, чтобы в создаваемом тексте использовались разнообразные синтаксические формы. Анализ представленных здесь уроков, проведенных в школах № 15, № 70, № 3 г.Запорожья, убеждает нас в том, что на уроках языка следует уделять внимание различным видам речевой деятельности: слушанию, говорению, чтению, письму, думанию, переводу [5]. Конечным продуктом анализируемых объектов языка может быть создаваемый текст, и следует вести школьников к тому, чтобы он был и содержательным, и логическим, и связным, и богатым синтаксическими формами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лобчук Г.М., Рамзаева Т.Г. Русский язык: Учебник для 3 класса... . - К.: Рад.шк., 1988.
2. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. – Т.2. - М.: Правда, 1981.
3. Поливанов Л.И. Начальная книжка для обучения русскому языку. - М., 1884.
4. Пушкін О.С. Твори в 4 томах. - Т. І. - К.: Худ. література, 1953.
5. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. - М.: Просвещение, 1973.

УДК 811.161.1′282.2 (477.64)

БЕЗУДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ, КРОМЕ ПЕРВОГО ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА, В РУССКИХ ГОВОРАХ

Ищенко В.И., ассистент

Запорожский государственный университет

В статье анализируется и классифицируется реализация безударных гласных, кроме первого предударного слога, на материале русских говоров Нижнего Поднепровья. Обращается внимание на роль комбинаторных оттенков в организации безударного вокализма.

Ключевые слова: вокализм, консонантизм, степени редукции, открытость, закрытость.

Іщенко В.І. НЕНАГОЛОШЕНИЙ ВОКАЛІЗМ, ОКРІМ ПЕРШОГО ПЕРЕДНАГОЛОШЕНОГО СКЛАДУ, У РОСІЙСЬКИХ ГОВОРАХ / Запорізький державний університет, Україна

У статті аналізується і класифікується реалізація ненаголошених голосних, окрім першого переднаголошеного складу, на матеріалі російських говірок Нижньої Наддніпрянщини. Звертається увага на роль комбінаторних відтінків в організації ненаголошеного вокалізму.

Ключові слова: вокалізм, консонантизм, ступені зредукованості, відкритість, закритість.

Ischenko V.I.UNSTRESSED VOCALISM IN RUSSIAN DIALECTS (WITH THE EXCEPTION OF THE FIRST SYLLABLES PRECEEDING THE STRESSED OUES)/ Zaporizhzhya State University, Ukraine

The realization of unstressed consonants is analysed and classified, except the first syllable before stress based on the material of Russian dialects of Low Podneprov`ya. The attention is paid to the role of combinatory nuances of the organization of unstressed vocalism.

Key words: vocalism, consonantism, degrees of reduction, openness, reticence

Данные русских говоров, кроме самостоятельной ценности, важны как для ретроспективного, так и для проспективного изучения языка, так как многие общерусские тенденции в диалектных системах могут получать опережающее развитие.

Сегодня нет ни одной отрасли языкознания, идеи и методы которых не были бы апробированы на диалектном материале. Русские говоры как неотъемлемый элемент вербальной культуры народа дают интересный материал и в плане гендерных исследований.

Настоящая статья посвящена особенностям в организации безударного вокализма, кроме первого предударного слога, в русских переселенческих говорах юго-запада Запорожья.

Реализация гласных неверхнего подъема после парных твердых согласных в русских переселенческих говорах Запорожья во втором предударном слоге обусловлена несколько большим сокращением длительности звучания, чем в позиции первого предударного слога. Однако общий вариант произношения резко не отличается от того, что можно наблюдать в первой предударной позиции. Хотя и с некоторыми нюансами, он сохраняет полнозвучное произношение, а самое разнообразие произносительных нюансов можно определить как вертикальные вариации общего вариантного звучания, вариации, не выходящие за пределы нижнего подъема.

При этом речь женщин явно тяготеет к реализации гласных неверхнего подъема после твердых согласных в гласном определенного нижнего образования, несколько более кратком, чем [а] первого предударного слога, например: крăснап’óркă, прăв’ир’ајит’, кˇарас’эј, стˇанав’úл’и, нˇаб’ир’óм, дă∩кал’исá, карэн’úл’и, ваганó’к’и, кăрапы, дăгавáрывˇај, нăкладý, павылáз’ᵊил’и, пăнав’эшˇаыт’, зăкладáыш, зăкапт’úцᵞа, мал’ирóваныји, нăк’идныји, пăлуш’ýпк’и, γард’рóп, пас’ир’óтк’и, зăгарэлˇас’, скăварóтку (скˇавараду́), навал’áиш, падашóл, пăклад’óш, хăрашó, памач’илˇа, γарбузóў, пăпрастóму, павмывáл’ис’, разγавл’áјт’ис’, халад’эц, малад’эц, карас’эл’и, нăўтарóј, γаратк’ú, парас’áты, карапк’ú, настајáшајъ, зал’ивај, паγрыᵊбáх, на∩γарышах, маслабóјн’и, малако, сам∩пăс’úб’ˇᵊэ, пакупáл’и, γавар’ý, и т.д.

В речи мужского населения, напротив, наблюдаем тенденцию к увеличению числа случаев, когда а-тембр в указанной позиции звучит с меньшей определенностью.

Тем не менее этот звук не содержит в себе элементов от [ы] или же [э], не создает слухового впечатления о-широкого или же [а] несколько лабиализованного. Свидетельства подобной реализации гласных фонем <о> и <а> находим в работах наиболее авторитетных исследователей, таких. как, например, А.А.Шахматов , Е.Ф. Карский , Р.И. Аванесов. Однако классификация такой реализации фонем <о> и <а> в указанной позиции у них бывает различной. Например, у Р.И. Аванесова такого рода оттенки квалифицируются как [ъ]. Бóльшая краткость и бóльшая закрытость, чем в первой предударной позиции не приводит общий вариант звучания к потере им различительных признаков именно как гласного определенного образования, что и позволяет квалифицировать его как [а].

Так, в несомненном большинстве случаев с определенным [а] произносится, например, так: нӑзыва́лъас’ьа, да∩мӑјγары, мӑјγара́, мӑлад^{у}о́ј, затап’ил’и, прат’икал’и, за́γаро́ды, за́γарэлас’, пӑγарэл’и, кабан’у́на, барщыч’ина, навадн’эн’ьија́, сыстӑнав’у́лъас’а, хӑрашо, бал’шинство, мӑлат’ит’, на¯ст’ипа́х, закыда́ыт’, нӑчала́с’, зајидал’и, стӑрада́вон’ујъ, пас’ир’о́тк’и, накладаыш, падыма́ица, пажылыјй, паслуч’а́ју, γасуда́рствьа, прадава́л’и, тӑлшынóј, отмечаются случаи с более закрытым звуком, например: нъа∩кахóўку, нъапр’^{и}амују, зъахад’у́л, пъан’има́иш, бьакаји, кьбан’у́на, пъатхад’ила, пъаталóк.

Случаи с гласными, менее определенными, при попытке их дифференцировать обнаруживают, на наш взгляд, не столько зависимость от места по отношению к ударению, сколько обусловленность консонантным окружением, что позволяет снять предположение об их чисто факультативном употреблении. Так менее определенно (в нашем случае кратко и закрыто) произносится [а] в положении после сонорного **н**: нъакахóўку, нъапр’^{и}амују; после губных **п**, **м**: мӑлад^{у}óј, пъаталóк; после сочетания глухих согласных: стъаран’э; после заднеязычного **к**: къамары.

Таким образом, краткость гласного, если она не представляет собой сложившихся соотношений длительности ударного и безударного слогов, сама по себе не делает гласный менее определенным, но обнаруживает его зависимость от таких качеств согласных, как сонорность, лабиальность и глухость.

Материалы говора показывают, что в закрытом слоге в положении между глухими согласными, особенно после [п] перед [т], неопределенность гласного является совершенно закономерным явлением: пъат∩салóмај.

В последнем случае неопределенность гласного нельзя сводить к дополнительной краткости, которая возникает в закрытом слоге. В случаях типа [баршыч’инъа], где нет глухого консонантного окружения, при прочих равных условиях дополнительная краткость не приводит к такой неопределенности. Однако, не имея специального оснащения для определения того, открытые или закрытые слоги являются тенденцией в говоре, здесь нужно сделать формальное допущение, что слогоделение в говоре основано на законе возрастающей звучности. Только при таком допущении случаи типа [баршычу́на] могут быть приняты в качестве надежного материала.

Произношение [дыўтарóј] с частицей **да** в исследуемом говоре не отражает высокой степени редукции во втором слоге от ударения, так как [ы] в данном случае представляет именно гласную верхнего подъема <и>, а не [а], как в литературном языке. Литературной частице **да** в говоре соответствует **ды** или же **дык**.

Общий вариант звучания гласных неверхнего подъема после парных твердых согласных в третьем предударном слоге также произносится как гласный полного образования. На слух этот гласный мало чем отличается от гласного второго предударного слога, а иногда, если учитывать случаи с более закрытыми гласными, и превышает его по длительности. Однако в пределах одного слова, как правило, отмечается правильная ритмическая структура, т.е. при относительно равной длительности предударных слогов наиболее выпукло произносится ударный: [затранбава́л, панајида́л’ис’а, маладн’ико́м, тъак называ́лас’а, на лп’ити́ху, ьарган’изава́л’и]. Трехсложная предударная часть в обычной беседе статистически явление редкое, а на просьбу произнести интересующее нас слово, информант выдает не совсем надежный материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. – К.: Радянська школа, 1958. – 487 с.
2. Высотский С.С. Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. // Экспериментально-фонетические изучения русских говоров. – М.: Наука, 1969. – С. 3-33.
3. Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. – М.: Учпедгиз, 1959. – 134 с.

УДК 801.3:8020

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В НЕАВТОРСКИХ ШУТКАХ

Кобякова И.К., к.филол.н , доцент

Сумский государственный университет

Среди речевых функций особое место занимает лингвокреативная функция (ЛКФ), которая обусловлена лингвокреативным мышлением и реализуется в процессе образования новых рече-мыслей. Выбор способов и средств ЛКФ обусловливается характером текстов и фактором адресант-адресат. При создании юмористического эффекта используются вербальные и невербальные способы обыгрывания социального и лингвистического опыта. При вербальном способе выражения юмористического эффекта используется адаптивная сила языка.

Ключевые слова: юмористический эффект, лингвокреативная функция, нетипичные тексты, неавторские шутки.

Кобякова І.К. РЕАЛІЗАЦІЯ ЛІНГВОКРЕАТИВНОЇ ФУНКЦІЇ В НЕАВТОРСЬКИХ ЖАРТАХ / Сумський державний університет, Україна

Лінгвокреативна функція (ЛКФ) зумовлена дією лінгвокреативного мислення, що корелює з неогенним мовленнєвим процесом. Вибір засобів реалізації ЛКФ зумовлюється дією факторів жанру та комунікантів. Гумористичний ефект виражається за допомогою вербальних та невербальних засобів комунікації, які препарують гру соціальним та лінгвістичним досвідом. Адаптивні потенції мови уможливлюють селекцію та вибір адекватних засобів вербалізації авторських та неавторських жартів.

Ключові слова: гумористичний ефект, лінгвокреативна функція, нетипові тексти, неавторські жарти.

Kobyakova I.K. REALIZATION OF LINGUOCREATIVE FUNCTION IN UNAUTHORIZED JOKES / Sumy State University,Ukraine

Among speech function a special role is performed by linguocreative function (LCF) which is caused by corresponding thinking and is actualized in innovative speech-referents. The choice of LCF is conditioned by he texts and communicators factors. While achieving the humourous effect LCF uses both verbal and non-verbal means involved in the play on social / linguistic experience. Humourous effect is verbalized and facilitated by the language adaptive principle.

Key words: humourous effect, linguocreative function, nontypical texts, unauthorized jokes.

Язык – структурно организованная специфическая знаковая система, находящаяся в состоянии непрерывного развития и служащая не только средством общения людей, орудием выражения их мыслей, но также средством переоценки и переосмысления предыдущего опыта. Специфическая сущность языка проявляется в его полифункциональности, в богатом разнообразии функций, которые, находясь в сложной иерархической интеграции, обусловливаются как типом мышления, так и условиями коммуникации. Среди речевых функций особое место занимает лингвокретивная функция, которая порождается языкотворческим мышлением - социолигизированной способностью субъекта выражать новые оценки в процессе когнитивной деятельности. Назначение лингвокретивной функции состоит в использовании элементов языка для генерации и вербализации мыслей-инноваций – серьезных и несерьезных, тривиальных и неконвенциональных [1, 380]. Предназначенность лингвокреативной функции – мыслетворчество, использование адаптивных возможностей языка, обыгрывание традиционного опыта (социального и лингвистического). Полифункциональность языка, проявляющаяся в сопряженности речевых функций свидетельствует о том, что язык находится в состоянии непрерывного развития, что он служит не только средством общения, орудием выражения мысли и чувств, но также средством переоценки и переосмысления опыта социума. Общие фоновые знания, лингвистический и социальный опыт автора и читателя служит ключом к созданию и осмыслению шутки, создаваемой в анекдотах усилиями коммуникантов – создателей юмористического эффекта. Автор и читатель находятся за пределами шутки. При этом без них не мыслим текст, хотя собственно актантами в неавторских шутках являются действующие лица, коммуниканты. Экспликация референта в условиях неавторской шутки напоминают аксиому о непересекаемости параллельных линий. Между этими «линиями» лингвокреативная функция усилиями коммуникантов создается юмористическое пространство. Коллективный автор неавторской шутки при этом выбирает таких коммуникантов, разница опыта, возраста которых объективирует появление шутки – забавного, веселого объяснения концептуального блока /основного предмета рече-мысли/. В неавторских шутках коллективный автор посредством отбора коммуниканта как бы комментирует сложившуюся ситуацию.

В неавторских шутках реализуются ситуативный, лингвистический и ситуативно-лингвистический юмор. В основе ситуативного юмора лежит сравнение предметов/явлений, которые по своей природе различны и их сопоставление кажется смешным и забавным.

Ситуативный юмор порождается разным видением референтов, что обусловлено тезаурусом коммуникантов: один – умнее, другой – наоборот, один – старше, другой – моложе, один – бесхитростный, другой – хитрый и т.д. Лингвокреативная функция посредством обычных традиционных языковых средств в неавторской шутке этого типа обыгрывает ситуацию, предлагает неожиданную интерпретацию референта.

Applicant: Twice.

Неавторская шутка – это коллективная смысловая миниатюра, текст небольшого объема, который обладает эксплицитно выраженной структурой, семантической и коммуникативной завершенностью, интегрированной определенной прагматической направленностью лингвокреативной функции - создать юмористический эффект, рассмешить реципиента [2, 134].

Среди нетипичных текстов малого жанра неавторские шутки отличаются своей поверхностной структурой, в этом, в частности, отражается специфическое действие лингвокреативной функции. В поверхностной структуре неавторской шутки маркерами лингвокреативной функции выступают номинации действующих лиц (явные и скрытые), обыгрывающие концептуальные центры (ситуативные и языковые) - посредством имеющихся в языке средств.

В анекдотах для реципиента шутка создается усилиями адресанта и адресата, обозначения последних могут выноситься за левую границу текста или вплетаться в его канву. В анекдотах авторское коллективное комментирование проявляется в: а) выборе коммуникантов, б) ремарках к тексту и концептуальных блоках.

Например: *Movie-director: Unmarried?*

Daughter: Did you hear, dad, they have just caught the biggest hotel-thief in New York?

Dad: What hotel did he rum?

-Yes, she's married to a real-estate agent and a good honest fellow, too.

-My gracious. Bigamy?

Элементы поверхностной структуры неавторской шутки (НШ) служат ключом к раскрытию загадочности исследуемых текстов, к осмыслению их глубинной структуры. В ситуативном юморе с целью идентификации референтов лингвокреативная функция использует игру мыслью и опытом, а также тезаурусные различия коммуникантов. В лингвистическом юморе осуществляется игра языковой единицей.

Например: *- What is the plural of man, Willie? - asked the teacher.*

-Men, answered Willie.

-And the plural of child?

-Twins, was the unexpected reply.

-If you are tired of dancing, let us sit down and have little tete-a-tete.

-No, thank you. After such a big supper I really could not eat a thing.

Лингвистические средства выражения юмора мало изучены, о чем свидетельствуют некорректные замечания в словарях о юмористических значениях. Двусмысленность может быть снята только в речи, поэтому неуместно говорить о юмористическом значении слов вне конситуации, т.е. в словарях. Кажущаяся общность референтов создает юмористический эффект. Лингвокреативная функция работает с материалом «юмороопасным» - двусмысленным. Юмористичность выступает общим знаменателем ситуативного и лингвистического юмора.

Например: *Now can you make a tall man short?*

Borrow ten dollars of him.

Professor: If you were in Africa and saw a lion coming, what steps would you take?

Student: The longest steps I could.

Father: Are the tires on the car all right?

Son: No, two of them are left.

Референт, который составляет концептуальный центр, воспринимается коммуникантами по-разному, что обусловливает появление шутки. Механизм шутки предлагает нерелевантную информацию. Отсутствие

соответствия между формой и содержанием порождает феномен лингвистических курьезов (зевгмы, каламбура, оксюморона и других стилистических актуализаторов лингвокреативной функции).

Различный опыт (социальный и лингвистический) участников беседы является надежным средством лингвокреативной функции в процессе обыгрывания мысли, тезауруса и языковой формы.

Тексты юмористической ориентации, построенные по принципу двусмысленности, базируются на многозначности слов. Эти тексты отличаются высокой степенью непредсказуемости. Полисемия – как семантическое средство обогащения словаря языка – имеет непосредственное отношение к лингвокреативной функции. Полисемия слова способствует разному прочтению, а также неправильному восприятию референта, отличного от ожидаемого, что и порождает юмористический эффект, служит доказательством действенности лингвокреативной функции.

Неавторские анекдоты, как и авторские юмористические изречения (АЮИ), относятся к нетипичным текстам малого жанра. Этим текстам присущи лаконизм и сжатость формы, двусмысленность, энигматичность, автосемантичность, модальность, антропоцентричность и монотопиковость. В отличие от АЮИ, неавторские шутки нарративны, диалогичны и фабульны. Реализация лингвокреативной функции в АЮИ сопряжена с другими функциями (в первую очередь – коммуникативной, текстообразующей, когнитивной), интегрирующими интенцию создания юмористического эффекта [3, 129].

Характер текста сказывается на выборе маркеров лингвокреативной функции. В АЮИ эта функция опирается в основном на топиковые слова и авторское комментирование. В неавторских шутках лингвокреативная функция реализует свое назначение посредством действующих лиц в шутке, коммуникантов и концептуальных блоков. В анекдотах зоны темы и ремы отличаются дистантным расположением друг от друга. «Юмористический взрыв» происходит в финальной части неавторской шутки, в речевом акте второго коммуниканта.

Различия в поверхностной структуре АЮИ обусловливаются факторами адресант и адресат (в зависимости от того, какой автор создает шутку и для какого слушателя). НШ создается посредством обыгрывания имеющегося у коллектива опыта (аналогично с АЮИ).

В сравниваемых текстах (АЮИ и НШ) лингвокреативная функция играет либо мыслью (опытом) ситуацией, либо словом (формой, словосочетанием, структурой). Чаще лингвокреативная функция играет мыслью (опытом). «Оязыковление» юмора происходит одинаково - посредством использования адаптивных языковых единиц. К отличительным (дистинктивным) признакам относится комплексное употребление стилистических средств и приемов в АЮИ. В неавторской шутке стилистический диапазон действия лингвокреативной функции значительно беднее и проще, чем в АЮИ, что объясняется как характером коллективного творчества /авторства, так и ординарностью читателя.

Неавторская шутка отличается нестандартной поверхностной структурой. Это – диалоги, наррации и диалоги-наррации. Разнообразие поверхностной структуры анекдота не сказывается на назначении лингвокреативной функции. В юмористических текстах лингвокреативная функция играет либо ситуацией, либо языком. Лингвокреативная функция, в основном, использует традиционные языковые формы, реже – окказионализмы [4, 90].

Исследование лингвокреативной функции в нетипичных и типичных текстах в перспективе будет способствовать более глубокому изучению категорий разных текстов, их влияния на актуализацию лингвокреативной функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобякова І.К. Реалізація гумору в текстах малого жанру // Проблеми зіставної семантики. – К., 1999.- С. 380-383.
2. Кобякова И.К. Особенности реализации языкотворческой функции в лингвистических текстах малого жанра: Дисс. канд. филол. н. – Киев, 1996.
3. Кобякова І.К. Текстові реалізації мовотворчої функції //Мовна компетенція, креативність та актуальність проблеми викладання іноземних мов. - Харків, 1998 - С. 129.
4. Кобякова И.К. Функции языка в отношении к миру и человеку // Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть: материалы конференции. - Ялта , 2001. - С. 90-92.

УДК 821. 161. 1 А 7. 09

ТИПЫ ТВОРЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРАЗОВ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА Л.АНДРЕЕВА

Косенко А.А., аспирант

Запорожский государственный университет

В статье рассматриваются типы творческой трансформации традиционного библейского материала в творчестве Л.Андреева.

Ключевые слова: традиционная фигура, трансформация, ассоциация.

Косенко О.О. ТИПИ ТВОРЧОГО ВИКОРИСТАННЯ ТРАДИЦІЙНИХ ОБРАЗІВ У КОНТЕКСТІ ХУДОЖНЬОГО СВІТУ Л.АНДРЄЄВА / Запорізький державний університет, Україна.

У статті розглядаються типи творчої трансформації традиційного біблійного матеріалу в контексті художнього світу Л.Андрєєва.

Ключові слова: традиційна фігура, трансформація, асоціація.

Kosenko A.A. TYPES OF CREATIVE USE OF TRADITIONAL IMAGES IN CONTEXT OF L.ANDREYEV'S ART WORLD / Zaporizhzhya State University, Ukraine.

The article deals with the problem of types of creative use of traditional Biblical material in context of L.Andreyev's art world.

Key words: traditional figure, transformation, association.

Традиционные образы – образы, "которые с определенной закономерностью повторяются в литературе разных времен и народов, получая новое, более созвучное эпохе-реципиенту содержательное наполнение и идейно-семантическое звучание" [1,10]. "По содержательным характеристикам большинство традиционных образов является своеобразными психологическими типами или поведенческими моделями, которые отражают сущностные стороны индивидуального или коллективного бытия"; "они воспринимаются в читательском сознании как образы-символы (знаки, понятия, эмблемы), становящиеся многофункциональными при включении их в духовное сознание другой культурно-исторической эпохи, достигшей иного видения и понимания окружающего мира и природы человека" [1,12].

Обращение к традиционным структурам, их индивидуально-авторская интерпретация и трансформация – культурный феномен, представляющий огромный интерес для современников-литературоведов, пытающихся различным образом систематизировать имеющийся фактический материал по проблеме. Так, дифференцируют три уровня восприятия творческого опыта предшественников: рецепция, связанная с особенностями эпохи – первый, трансформация – высший, и синтез многих взаимодействующих традиций – самый высокий уровень [2,20]. Выделяют также различные виды собственно трансформации. А.Р.Волков, характеризует "осовременивание внутреннее" (авторское переосмысление традиционного сюжета без изменения времени и места действия), "внешнее" (превнесение современного элемента в традиционный сюжет) и «перенесение сюжетной ситуации в другую эпоху» [3,307]. А.Е.Нямцу значительно дополняет эту классификацию, а также подробно анализирует формы и способы художественной трансформации [1,68-161]. Учет достижений в данной сфере требует дифференциации основных методов "осовременивания", перевоссоздания традиционных фигур в творчестве конкретного писателя, а также стимулирует дальнейший поиск в этом направлении (выделение и исследование новых приемов, посредством анализа фактического материала). Так, в контексте художественного мира Андреева представляется возможным разграничить такие виды творческой эксплуатации традиционного материала, как «прием создания ассоциации с традиционной фигурой» («включение определенного персонажа в ассоциативный ряд»), «продолжение», «литературный апокриф», «прием контаминации реального и вневременного» (через прямое «включение» традиционного образа в мир действительности).

Ассоциация - эксплицитная или имплицитная связь, целенаправлено создаваемая автором посредством определенных художественных средств и ориентированная на обнаружение реципиентом (или актуализирующаяся у него «внепланово»), между двумя или несколькими объектами.

Прием создания ассоциации (включения в ассоциативный ряд) - предполагает проекцию в направлении «действительность-вечность». Посредством разнообразных аллюзий, реминисценций автор целенаправленно актуализирует необходимые ему ассоциации с традиционным образом (образами) – в сознании реципиента. В случае (одновременной или последовательной) ассоциации героя с несколькими традиционными фигурами уместно рассматривать «ассоциативный ряд», визуализировать «ассоциативную схему» (систему ассоциаций) произведения:

Например: «Жизнь Василия Фивейского»

о.Василий → Иов

→ Дьявол

→ Христос

Мосякин → Иов

Возможность соединения содержательных комплексов универсальных образов – через персонажей современности – обусловлена их многозначностью, наряду с относительной стабильностью семантических доминант [4,79], потенциальной предрасположенностью к комбинированию [1,27]. Компоненты религиозно-мифологических систем "подвергаются причудливым контаминациям, проявляясь в тексте вновь и вновь в бесконечном разнообразии сочетаний и соотношений, перекладываются во все новые фигуры, как в калейдоскопе…" [5,25].

Следствием "узнавания" в современнике общеизвестных персонажей является обновление семантики традиционных фигур [4,78], создание иллюзии "вечного повторения", цикличной смены одних и тех же "масок", "ролей" (тенденция мифологизации) и одновременно – нарушение принципа идентичности героя (который уже не равен сам себе).

Рассмотрение ассоциативных рядов (в данном случае в творчестве Л.Андреева) требует, в связи с малоизученностью феномена, расширения теоретической базы данных: определения принципов дифференциации, основных художественных средств их актуализации, презервирующих от опрометчивых выводов (маркировки несуществующих связей).

Представляется конструктивной классификация ассоциативных рядов по принципу "синхронии – диахронии":

- синхроничный ассоциативный ряд – одновременное соотнесение персонажа с несколькими традиционными, специфический синтез их содержательных полей ;

Например: "Савва"

Христос ← Савва → Антихрист

(одновременно)

- диахроничный ассоциативный ряд – переход от одной ассоциации к другой по мере развития действия и диалектики героя, сопровождающейся сменой семантических доминант, - "смена масок";

"Сашка Жегулев"

Сашка →Христос (в 1 главе)

→Антихрист (во 2 главе)

→Демон (во 2 главе)

→Христос (в финале)

(в данном случае выделены исключительно ассоциации с образами христианской религиозно-мифологической системы. В целом же ассоциативная система романа-мифа намного сложней, дополнена связями с традиционными фигурами иного генезиса).

На материале творчества Андреева дифференцируются следующие типы ассоциаций:

- "вымышленный персонаж – традиционная фигура (фигуры)" ("Жизнь Василия Фивейского", "Тьма", "Мои записки", "Савва", "Сашка Жегулев" и т.д.);

- "реальное историческое лицо – традиционная фигура (фигуры)".

В публицистике, зачастую через прямое сравнение ("Veni, creator!»);

- «традиционная фигура – традиционная фигура (фигуры)» (например, Иуда-Сатана в «Иуде Искариоте»).

Возможны различные способы активизации в сознании реципиента необходимых автору ассоциаций:

- сравнение (авторское, другого персонажа, самоидентификация героя);

- создание схожей с традиционной сюжетной ситуации, помещение персонажа в схожие условия;

- сближение по типу поведения (поведенческий императив), придание определенного значимого статуса (страдалец, невинная жертва и т.д.);

- введение знаков-символов (например, «чаша» указывает на Христа – «Сашка Жегулев»);

- знаковое имя героя (Петр – апостол, Петр – «Тьма»);

- цитаты «предтекста» (например, Библии);

- стилистические «приметы» (манера повествования указывает на «предтекст» и, соответственно, на определенную его фигуру. Например, «Анатэма», «Сашка Жегулев»);

- прямое «перенесение» персонажа в план «вечности» и т.д.

Ассоциации могут дополнять “продолжения”, “литературные апокрифы” (Иуда – Сатана «Иуда Искариот», Сатана – Христос «Дневник Сатаны»); художественная организация связей между персонажами произведений и традиционными образами – средство универсализации проблематики, непрямого включения событий современности во «вневременной» контекст. Стремление вызвать у читателей неожиданные ассоциации (революционер – Христос (“Тьма”) или атаман разбойников – Христос (“Сашка Жегулев”)) зачастую продиктовано желанием художника продемонстрировать собственную оригинальность. "Осовременивание” же традиционного материала осуществляется в данном случае через его соотнесение с реалиями и героями нового времени (ставится своеобразный художественный “эксперимент”, цель которого показать, как изменился бы тот или иной традиционный персонаж в условиях жизни современной автору эпохи). Таким образом, создание ассоциации, наряду с прочим, подчиняется задаче оригинального перевоссоздания традиционного сюжетно-образного материала.

Создание ассоциаций с общеизвестными персонажами – пример «частичного» включения традиционного материала в художественную ткань произведений. В качестве «основы» традиционные сюжеты используются при создании «продолжений» и «литературных апокрифов».

«Продолжения» как один из видов художественного перевоссоздания традиционного материала исследовал А.Е.Нямцу: «Продолжения создаются по принципу «А что, если …?», который не только освобождает авторов от строгого соблюдения устоявшихся традиций восприятия и истолкования классических образцов, но и обязательно предполагает дальнейшую разработку событийного плана … Причиной создания продолжений, как правило, является стремление авторов довести популярный сюжет до логического завершения с точки зрения современности, которая прямо или опосредованно всегда присутствует в нововарианте традиционной структуры» [1,83-84]: “Елеазар” Андреева.

“Литературный апокриф” - форма переосмысления традиционного материала, «выворачивающая» (т.е. радикально трансформирующая) общеизвестные коллизии и смысловые доминанты [1,100].

“Процесс “апокрифизации” общекультурных образцов [1,154] рассматривается как имманентный литературе “нового времени” и как путь создания жанра “литературного евангелия” [1,153-154]: “Иуда Искариот”, “Самсон в оковах”.

Проекция, осуществляемая по направлению “вечность – реальность”, обусловливает контаминацию актуально-реального и универсально-фантастического пластов. Автор помещает традиционную фигуру (у Андреева это зачастую “небесный”, сакральный или инфернальный персонаж, ангел или черт, Сатана) в условия реальной действительности. “Перенесение” сопровождается трансформацией образа, изменением в соответствии с требованиями “современного человеческого общества”, представленного на страницах произведений. Перераспределение границ между сферами реального и ирреального служит авторской задаче моделяции собственного, необычного художественного мира, существующего по своим законам и наглядно демонстрирующего особенности мировосприятия его демиурга (“Анатэма”, “Земля”, “Океан”, “Реквием”, “Дневник Сатаны”).

Таким образом, в контексте художественного мира Андреева дифференцируем следующие типы использования традиционного материала: прием создания ассоциации (ассоциативного ряда), “продолжение”, “литературный апокриф”, контаминация актуально-реального и универсально-фантастического планов (проекция сакральных и инфернальных фигур на план действительности). Каждая форма “эксплуатации” предопределяет специфику трансформации, “осовременивания” библейских фигур, служит задаче художественной экспрессии взглядов писателя, демонстрирует модернистские тенденции в его творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нямцу А. Поэтика традиционных сюжетов. – Черновцы: Рута, 1999.- 173 с.

2. Кирилюк С. Трансформація мотивів та образів світової літератури у творчості Ольги Кобилянської. Дис. … к.ф.н. – Чернівці: ЧДУ, 1999.- 180 с.

3. Волков А. К теории традиционных сюжетов // Сравнительное изучение славянских литератур. – М.: Наука, 1973.- С.303-315.

4. Нямцу А. Легендарно-мифологическая традиция в мировой литературе (теоретический и историко-литературный аспекты). Дис. … д.ф.н.- Черновцы: ЧДУ, 1997.- 462 с.

5. Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве».- М.: Аграф, 2000.- 605с.

УДК 61:99–10/278–Х

МОТИВ ЗЕРКАЛА В ПОЭЗИИ А. БЕЛОГО И Х.Л. БОРХЕСА

Косолапова Т. Н., соискатель

Харьковский национальный университет

В статье проводится анализ семантических гнезд мотива зеркала на материале поэзии А. Белого и Х. Л. Борхеса. Посредством повторения (или параллельного возникновения) одних и тех же формул в поэзии различных авторов в разновременном пространстве создается единое метафорическое поле. Мотив зеркала представлен как один из кодов поэтического метатекста.

Ключевые слова: зеркало, семиотический объект, семантические узлы.

Косолапова Т.М. МОТИВ ДЗЕРКАЛА В ПОЕЗІЇ А.БЄЛОГО ТА Х.Л. БОРХЕСА /Харківський національний університет, Україна

У статті проводиться аналіз семантичних гнізд мотиву дзеркала на матеріалі поезії А. Бєлого і Х. Л. Борхеса. Шляхом повторення (або паралельного виникнення) одних і тих самих формул у поезії різних авторів у різночасовому просторі утворюється метафоричне поле. Мотив дзеркала представлено як один із кодів поетичного метатексту.

Ключові слова: дзеркало, семіотичний об'єкт, семантичні вузли.

Kosolapova T.N. MIRROR MOTIVE IN POETRY OF A.BELIY AND H.L. BORCHES / Kharkiv National University , Ukraine

The present article analyses the semantic groups related to the mirror motif in Andrey Belyi's and J. L. Borges' poetry.

The common metaphorical field is created by repetition (or parallel emergence) of the same formulae in different authors' poetry, and in different time. The mirror motif is represented as one of the codes of the poetic metatext.

Key words: mirror, semiotic object, semantic nodes.

В различных культурных традициях, у разных писателей выделяются наиболее устойчивые и повторяющиеся детали, которые, пройдя пласт символический, переходят на мифологический уровень. Интертекстуальная эквивалентность в пределах поэтического метатекста формирует устойчивые коды, функция которых состоит в том, чтобы в произведениях разных поэтов акцентировать мотив как признак единого текста. Посредством повторения (или параллельного возникновения) одних и тех же формул в поэзии различных авторов в разновременном пространстве создается единое метафорическое поле. Существование еще более богатой образности, бесконечной символики — когда символ перерастает в миф. Пышный расцвет неомифологизма XX столетия может вести летоисчисление с активного переустройства жизни русскими символистами. Миф становился, в отличие от символа, дававшего просто отсылку к другому миру, самой другой реальностью.

Мифологический взгляд на мир предполагает, что зеркало — магический предмет, художник должен постоянно смотреть в зеркало, но так, чтобы видеть не только себя, но и внешний мир, чтобы заметить, как сквозь застывшие краски повседневности просвечивает абсолютная идея.

Учитывая классификацию зеркала как потенциального семиотического объекта [5, 561], проведем анализ мотива зеркала в поэтических текстах Андрея Белого и Хорхе Луиса Борхеса.

Анализ с этой точки зрения стихотворений А. Белого (на материале сборников «Золото в лазури» и «Пепел») выявляет следующие семантические узлы этого мотива:

1. *«Зеркальность (солнечность)».* В поэзии Белого солнце наделяется качествами зеркала. Общий солярный миф у Белого многомерен и связан с мифом «аргонавтическим». Золотой диск солнца перенимает качества серебряной луны, зеркало «принимает» другую «качественную» форму, не меняя свойств. «Зеркало» солнца в стихах Белого — символ вечности (Солнце — вечное окно // в золотую ослепительность. («Солнце»), Стоит над миром солнца шар янтарный… («Возврат»); смерти, болезни (…Золотому блеску верил, // А умер от солнечных стрел. («Друзьям»), …Рой отблесков. Утро: опять я свободен и волен. // Открой занавески: в алмазах, в огне, в янтаре // Кресты колоколен. Я болен? О нет — я не болен… («Утро»), …Лучевые копья, предзакатные, // Изорвали грудь своим огнем. («Жизнь»); итога (конца), зари (…Блеснуло прощальной каймою // зеркальное золото солнца. («Гном»)).

2. *Пространства*. Основной признак двоемирия у Белого — энантиоморфизм, или зеркальная симметричность, один мир как бы отражается в другом. На содержательном уровне легко обнаружить

оппозицию «единство пространств»/«разделенность пространств». Оппозиция «верх»/«низ» представлена у Белого структурно-смысловым соотношением: они зеркальны, т.е. обратно отражены. Если одно воспринимается как конкретное физическое пространство, как некое «здесь», в котором находится герой, то другое по отношению к нему будет уже не пространством, а его «оборотным эквивалентом» — пространством инобытия: …Там — в пространства твои ледяные… («Из окна вагона»), …Просторов простертая рать: // В пространствах таятся пространства. («Русь»), …Все тот же раскинулся свод // над нами лазурно-безмирный… («Три стихотворения»), …С горизонтов равнина бесплодная // Дышит в ясную твердь облаками. («Осень»).

3. *«Вода/лед»*. Зеркальность в стихах Белого связана с миром воды, зеркальность — качество воды, превращенной в лед: …Облака как рубины… // …как тяжелые, красные льдины. // Но зеркальную гладь // пелена из туманов закрыла. («Бальмонту»), …На льду огнистоблещущею грудой // отражена картина диких оргий. («Возврат»), …Что ты ждешь у реки… // Что, в зеркальность глядясь, // бьешь в усталую грудь ты тюльпаном? («Безумец»), …Роковая страна, ледяная… («Родина»), …Одиноко плещет ива // В голубую твердь… («Предчувствие»), …На леденистое стекло // Ногою наступил и замер… // Там — время медленно текло // Средь одиночных, буйных камер. («Успокоение»).

4. *«Двойник/тень/лабиринт»*. Мотив тени тесно связан с мотивом отражения в зеркале, оба они представляют собой варианты символики, персонифицированной в двойнике. «Театральность жизни» в гротескно-карнавальном символизме [6, 323] тесно связана с теневой и зеркальной природой жизненного мира. Так же с мотивом лабиринта (двойного зеркала, бесконечного отражения в двух взаимоотражающих зеркалах) связан у Белого мотив безумия («самоотчуждения»): …Мучают тени меня // В безднах и ночи, и дня. («Успокоение»), …Там: — отблески на потолке // Гирляндою воздушных кружев // Протянутся. И все на миг // Зажжется желтоватым светом. // Там — в зеркале — стоит двойник; // Там вырезанным силуэтом — // Приблизится, кивает мне, // Ломает в безысходной муке // В зеркальной, в ясной глубине // Свои протянутые руки. («Меланхолия»), Пляшут дети в ярком свете. // Обернулся — никого. // Лишь, виясь, пучок конфетти // С легким треском бьет в него. («Маскарад»).

Игра зеркальными отражениями не случайна: множественность героя изобличает несовпадение с собственной сущностью, разорванность, другость и чуждость самому себе. Трагедия человека, приговоренного к существованию во времени, заключается в том, что утрачивая подлинное «я», он превращается в калейдоскоп сменяющих друг друга двойников, а игра зеркальных отражений позволяет увидеть цепь образов единого «я». Для Белого время — форма существования «в повторении» [3, 108].

Анализ в этом же ключе стихотворений Х. Л. Борхеса (на материале книг «Сокровенная роза», «Создатель», «Золото тигров», «Иной и прежний», «Тайнопись», «Хвала тьме», «Порука») выявляет такие семантические позиции:

1. «Вода /лак/ металл».

В мире Борхеса воображение и реальность уравнены в правах. Уникальность явлений и, прежде всего, уникальность человеческой личности проступает у Борхеса в специфическом отношении к зеркалам: изображение столь же реально, как и оригинал. Зеркало у Борхеса - инструмент порождения бесконечности, «модель памяти» [5, 571]: Стеклом ли твердым, зыбкой ли водой, // Но ты везде, извечно и вовеки — // Как демон, о котором учат греки, — // Найдешь, и не спастись мне слепотой. («Зеркалу»), И призрачной воды, настолько схожей // С глубокой синевою небосклона… («Зеркала»), …Все зеркала воды и полировки, // Все зеркала неистощимых снов… («О множественности вещей»), …За непокорный алмаз и послушную воду… // Зеркала, которые нас передразнивают и подтверждают… («Еще раз о дарах»).

2. *«Двойник/сон/лабиринт».*

В эссе «Кошмар» («Семь вечеров») Борхес подытоживает свои страхи: «Мне всегда снятся лабиринты и зеркала. Во сне с зеркалом является иное видение, иной ужас моих ночей — маски». Маски и зеркала — механические двойники лица, собственного и чужих, это средоточие основных мотивов и метафор, сквозных тем и образов Борхеса: …Я знаю в этих призрачных пределах // Любую мелочь: блестки на граненом // И выгоревшем камне, повторенном // В зеркальных анфиладах помутнелых… («Адроге»), …Благодарение нерукотворному // Лабиринту причин и следствий // За многоликость // Этого дивного мира, // За разум, которому вечно снится // План собственного лабиринта… («Еще раз о дарах»), …Недремлющее зеркало, в другое // Глядящее без посторонних глаз. («Создатель»), …В зазеркалье // глаза не то увидят, что искали, // и день твой лабиринта безысходней. («Облака»), …Себя увидеть за зеркальной гранью // Или другого (что одно и то же). («Есмь»), …Без времени, пространства и названья, // Что криво брезжит в зеркалах рассветных. // Кем ты окажешься порой ночною, // В безвестном сне, за этою стеною? («Сон»), …Благословен лабиринт // бесконечных причин и следствий, // что на пути к тому зеркалу, // где никого не увижу или увижу другого…(«К началу занятий англосаксонским языком»), …Все двойники, которых по дороге // Меж утреннею тьмою и ночною // Ты в зеркалах оставил за спиною («Everness»), …Зачем упорствуешь, двойник заклятый? // Зачем, непознаваемый собрат, // Перенимаешь каждый жест и взгляд? // …Уйду, а ты все будешь повторять // Опять, опять, опять, опять, опять…(«Зеркалу»), …Я иду к моему средоточью, // к окончательной формуле, // к зеркалу и ключу. // Скоро узнаю, кто я. («Хвала тьме»).

Мир Борхеса многомерен, он открыт для вторжения фантастики — не только условного допущения альтернативных вариантов бытия, а фантастики, существующей вне персонажа, вокруг него и помимо его воли, в загадочной и неисчерпаемой системе-вселенной. То, что было, и то, что будет, находится где-то рядом в соседних измерениях, а все измерения — взаимопроницаемы. Все связано со всем, все «взаимоотражаемо», и эхо прошлого одновременно есть предсказание будущего.

И Белый, и Борхес — поэты исключительные, коды их поэзии, несомненно, подключаются к общему поэтическому метатексту на одном уровне. Связано это с тем, что и Белый, и Борхес соединяют в себе качества поэта и жреца. Сближение это, являющееся едва ли не культурной универсалией, объясняется, таким образом, их «профессиональной близостью» [5, 559]. «Служитель Библиотеки» Борхес и теург Белый работают с вербальным материалом и тесно связаны с ритуалом. Примечательны в этом отношении два высказывания — И. А. Бунина, назвавшего А. Белого «исчадием книжности», и переводчика Борхеса Б. Дубина: «Читал Борхес не просто очень много (у нас так читали, может быть, считанные из символистов — скажем, Андрей Белый)».

Борхес интертекстуален, он видел прежде всего «океан текстов» и звал к непрестанному их перечитыванию, библиотека для него — источник духовного обогащения и безграничного познания. Язык Белого — «яркая амальгама», его символистская доктрина тесно соприкасалась с идеей магичности слова, он творил свой магический мир — мир своей поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Сочинения: В 2 т.- Т. 1.: Поэзия. Проза. — М., 1990.
2. Борхес Х. Л. . Сочинения: В 3 т. -Т. 2.: Поэзия. — М., 1997.
3. Быстров Н. Л. . Проблема времени в творчестве Андрея Белого. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. — Екатеринбург, 1996.
4. Дубин Б. Всегда иной и прежний // Х. Л. Борхес: Соч. : В 3 т.- Т. 1. — М., 1997.
5. Левин Ю. И. . Зеркало как потенциальный семиотический объект // Избр. труды. Поэтика. Семиотика. — М., 1998. - С. 559–577.
6. Ханзен-Лёве А. . Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. — СПб, 1999.

УДК 811.161.1: 070 (477.64)

РОСІЙСЬКА МОВА В ЗАСОБАХ МАСОВОЇ ІНФОРМАЦІЇ ЗАПОРІЗЬКОГО РЕҐІОНУ

Костюк В.В., к.пед.н., доцент

Запорізький державний університет

У статті подані результати дослідження специфіки мови засобів масової інформації. На прикладі мас-медіа України в цілому й запорізького реґіону зокрема відстежуються особливості функціонування російської мови. Виокремлені основні групи помилок, що трапляються в журналістських матеріалах як друкованих, так і електронних ЗМІ.

Ключові слова: засоби масової комунікації (ЗМІ), специфіка, особливості, функціонування, російська мова, мовлення.

Костюк В.В. РУССКИЙ ЯЗЫК В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЗАПОРОЖСКОГО РЕГИОНА / Запорожский государственный университет, Украина

В статье поданы результаты исследования языка средств массовой информации. На примере масс-медиа Украины и запорожского региона в частности, отслеживаются особенности функционирования русского языка. Выделены основные группы ошибок, которые встречаются в журналистских материалах как печатных, так и электронных СМИ.

Ключевые слова: средства массовой информации (СМИ), специфика, особенности, функционирование, русский язык, речь.

Kostyuk V.V. THE RUSSIAN LANGUAGE IN MASS MEDIA OF COMMUNICATION IN ZAPORIZHIAN REGION / Zaporizhzhya State University, Ukraine

Specific character of mass media language hase been analyzed. These results are represented in the article. The peculiarities of Russian language functioning in mass media are investigated in Ukraine in whole and

Zaporizhian region mass media in particular. The main groups of mistakes in journalistic materials (in press and electronic mass media) have been noted.

Key words: mass media (of communication), specific character, peculiarities, functioning, the Russian language, speech.

В умовах кризи культури ідеології, моралі і виховання в Україні постало питання про роль засобів масової інформації у справі найоперативнішого, повсюдного інформування читачів, глядачів, слухачів, формування громадської думки, задоволення естетичних потреб.

Своїми публіцистичними, теле- та радіосюжетами журналістика сприяє розвитку суспільної свідомості, яка проявляється в таких формах, як мораль, мистецтво, наука, право, економіка, політика, філософія. Як сьогодні справедливо вважають, структуру й стереотипи сучасного мислення більшості людей, їхнього ставлення до життя та мистецтва, культури взагалі формує не стільки освіта, скільки те, що вони почують по радіо, побачать по телебаченню, прочитають по дорозі на роботу в газетах або рекламних виданнях.

Історична функція журналістики – передача суспільно значимої інформації – реалізується шляхом засобу комунікації – мови, оскільки пов'язана із письмом, говорінням, виступом, повідомленням, розповіддю і т.д. Саме тому серед основних професійних умінь журналістів чільне місце займає рівень володіння словом. Відповідальність журналіста за слово має морально-правовий та психолого-педагогічний характер. У цій ситуації доречно нагадати заклик Володимира Мономаха у своєму "Поученні" не лютувати словом" [1;8]. Ця ідея посідає одне з головних місць у творчій спадщині Вольтера, який був стурбований з приводу того, що "гуманна словесність стала надто негуманною: тут ображають, зводять наклепи, підкопуються, вигадують куплети" [2, 59].

Звернення до наукових праць В.Й. Здоровеги, В.В. Лизанчука, Г.Я. Солганіка та інших показало: якщо раніше мова засобів масової інформації вивчалась переважно як "річ у собі", то нині актуальними є такі аспекти, як мова ЗМІ і суспільство, мова ЗМІ і культура, політика та ідеологія.

Характерною рисою мовної ситуації в Україні є розвинений українсько-російський білінгвізм, що історично склався на території держави. Його існування на сучасному етапі підтримується генетичною та структурною близькістю української та російської мови, якою спілкуються не тільки росіяни, а й представники різних національностей, що живуть на зазначеній території. На це вказували у своїх дослідженнях українські мовознавці Г.П. Їжакевич, В.І. Кононенко, М.П.Кочерган, В.П. Мусієнко, Ю.Ю. Саплін, Н.П.Шумарова та ін.

Незважаючи на теоретичну та практичну цінність наукових праць вищевказаних авторів, проблема функціонування російської мови у засобах масової інформації України залишається недостатньо розробленою, що й визначило вибір нашого дослідження.

За переписом населення 2001 року, українцями себе визнали 77,8%, а рідною мовою – українську – 67,5% громадян нашої держави. Стаття 10 Конституції констатує, що державною мовою в Україні є саме українська . Поряд з цим Основним Законом гарантується вільний розвиток, використання і захист російської, інших мов національних меншин України [3].

На жаль, мусимо констатувати: нині в засобах масової інформації України "лютує" іншомовне слово, та й те не кращої якості. Аналіз діяльності мас-медіа України дає підстави стверджувати, що її населення знаходиться у російськомовному інформаційному середовищі. За останні одинадцять років кількість україномовних періодичних видань у державі зменшилась майже на шість тисяч. Припинили вихід відомі свого часу такі газети та журнали: "Друг читача", "Зелений світ", "Медична газета України", "Наша дитина", "Педагогічна думка", "Старожитності", "Знання та праця", "Літературно-науковий вісник", "Новини кіноекрану", "Ранок", "Хлібороб України". На думку В.Лизанчука, ситуація в українському інформаційному просторі насамперед не відповідає законодавству, Конституції, вимогам держави в Україні. Майже 75 відсотків тиражів газет – російськомовні. Російські газети тиражем близько 80 мільйонів контрабандою ввозяться в Україну. В електронних засобах масової інформації мовлення в приватних комерційних телеканалах на 90-95 відсотків ведеться російською мовою. На 100 росіян в Україні видається 54 російськомовні газети, на 100 українців – лише 7. Шлях російських газет на наш інформаційний ринок цілком легалізований –" АИФ в Украине", "Известия в Украине", "Труд в Украине", "Комсомольская правда"… і т.д. [4; 21].

Та й власнеукраїнські найбільш тиражні газети ("Факты и комментарии", "Сегодня", "Киевские ведомости" і т.п.) теж видаються російською мовою.

Переважання російськомовних ЗМІ в українській державі має своїх прихильників і противників, негативне чи позитивне ставлення яких відображає політичні та соціально-культурні установки. Позиція противників цього явища ні в якій мірі не носить антиросійської направленості. Як стверджує головний редактор "Літературної України" В.Плющ, "ми нічогісінько не маємо проти російського народу, проти

його мови та багатющої культури, ми "воюємо" лишень із кремлівськими шовіністами, котрі сплять і бачать Україну у новітньому братньому ярмі…"[5].

Самі російські періодичні видання переконують, яким благом для нас є друкована продукція з сусідньої держави: і знання несе, і до європейської культури прилучає.

Насправді така друкована продукція прилучає до європейської культури шляхом витіснення української книжки, української преси, звуження простору української культури й української мови. Як тут не погодитися із застереженням українцям харизматичної московської дисидентки Валерії Новодворської боятися росіян, які приносять дари.

Безліч періодичних видань засмічують ринок мас-медіа безнаціональною, бездуховною "масовою культурою" – цинічною, агресивною, насильницькою, порнографічною.

Не стала винятком і Запорізька область, яка є одним з найбільших в Україні промислових центрів. Сьогодення нашого краю чи не найпереконливіше засвідчує результати вдалої великодержавної московської політики в минулому і бездіяльності влади незалежної України з цього питання. Нині на батьківщині запорозького козацтва російською мовою говорять обласна та міська влади, засоби масової інформації.

Основними носіями інформації в реґіоні є мас-медіа місцевого рівня, яких у Запорізькій області зареєстровано більше двохсот. Однак професійна діяльність місцевих засобів масової інформації не завжди відповідає сучасним стандартам інформування населення. З одного боку, це оперативність, багатоплановість, збільшення кількості реґіональних газет, теле- та радіокомпаній, яка зросла в порівнянні з радянським періодом, а з іншого – замкненість у переважній більшості на локальних проблемах, відсутність молодіжних видань, обробка інформації на низькому рівні. Не можна обминути і питання мовного статусу місцевих засобів масової інформації. Найбільшою популярністю серед запоріжців та жителів області користуються такі місцеві російськомовні газети: "МИГ", "Суббота – плюс", "Мрія", "Ваша судьба". Деякі із місцевих ЗМІ задекларували себе як двомовні ("Мрія", "Ваша судьба", "Перекур"). Ця двомовність виявляється в подачі лише близько 5% інформації державною мовою. Українською мовою в Запорізькій області виходять ті періодичні видання, що належать державі: "Запорізька правда" та районні газети. Їх навряд чи можна охарактеризувати як впливові та популярні, оскільки усі вони мають невеликий тираж.

Одним із результатів взаємодії української та російської мов, наслідком змішування мовних систем у свідомості їх носіїв є так звана суперінтерференція, яка в українському соціумі одержала назву суржику. Саме тому і у виступах керівників місцевої влади (хоча переважно вони говорять офіційною мовою сусідньої держави), і в мовленні незначної кількості ведучих на запорізьких FM – радіостанціях є чимало домішок із російської. Усе це свідчить, що рідна мова в Запоріжжі не розвивається, а спотворюється домінуючою.

Та й милозвучність російської мови під впливом суржику зазнала негативних впливів. Ми погоджуємось із думкою Г.Я.Солганіка про те, що мова засобів масової інформації, публіцистика збагачують російську літературну мову своїми прагматичними і когнітивними складовими, насичуючи мовлення оціночними зворотами, формуючи мовлення думки – мову політики, ідеології, розвиваючи прийоми і методи дискусії і полеміки. Сила і перевага публіцистики, яка посідає в мові засобів масової інформації важливе місце, у прямому впливі на адресата, аудиторію. Розвиваючи літературну мову, мова засобів масової інформації сприяє і розвитку культури [6,38].Аналізуючи мову сучасних ЗМІ, відзначимо, що на її розвиток вплинули екстралінгвістичні фактори, перш за все соціальні зміни в суспільстві.

Мова періодичної преси періоду незалежності – це новий стиль вираження, для якого характерні свобода вибору мовних засобів, відмова від стереотипів. Щоб допомогти суспільству побачити себе в повній якості, газети шукають і іншу мову. Пошук нової, більш повної, оновленої мови – головний внесок преси у сучасну культуру.

Процес становлення і утвердження незалежності України знайшов своє відображення в появі специфічної лексики для російськомовних періодичних видань: "самостійний", "Верховна Рада". Характерним для цього періоду є поява лексики, що відображає суть сучасного життя: "рынок", "правовое государство", "оппозиция", " импичмент", "примирение", "инфляция", "маркетинг" та ін.

Гонитва сучасних мас-медіа за інформативністю призводить до зникнення таких жанрів, як нарис, памфлет, фейлетон. Намагаючись відійти від сухої, офіційно-книжної мови, журналісти вдаються до побудови власних висловлювань, уникаючи традиції, сталих мовленнєвих форм. Таким чином, на шпальтах газет з'явились просторіччя, жаргони, розмовні засоби. Частими є стилістичні, граматичні помилки.

Ряд російськомовних видань, намагаючись підняти тираж, у кожному номері порушують питання, пов'язані із сексом, свідомо підігріваючи інтерес до цього. Турботу викликає не стільки тематика,

скільки те, що подається це всупереч не тільки нормам професійної, а й загальнолюдської етики. Саме тому улюбленими словами для відображення позитивно-оціночних явищ у цих газетах стали такі, як “супер”, “кайф”, “крутий” та похідні від них.

Детальний аналіз лексики російськомовних видань свідчить про їх непрофесіоналізм. Так, замість звичних у російській мові слів і словосполучень “юноша”, “молодой человек”, “парень”, журналісти запропонували такі відповідники: “мужик”, “кент”, “лох”, “старик”, “отморозок”, “пацан”, “бойфренд”, “чувак”, “мачо”, “тормоз”, “амбал”, “тип” (“Мрія”, “Ваша судьба”, “МИГ”).

Ми вважаємо, що така лексика є образою аудиторії, зразком збідніння мови газет, нівелювання краси і величі російської мови, її девальвації.

Серед усіх засобів масової інформації радіо є найбільш оперативним і найбільш зручним для сприйняття аудиторією.Запорукою успіху людини біля мікрофона є уміле володіння словом, здатність вербалізувати реальність, про яку мовиться.

Аналіз FM – радіопростору Запоріжжя (“Юніверс”, “Великий Луг”, “Ностальжі”, “Взрослое радио”) дає змогу висловити жаль з приводу заполонення його мовою сусідньої держави, при цьому далеко не досконалою. Нами визначено більше десяти різновидів помилок, найбільш вживаними серед яких є лексичні та фонетичні. Серед лексичних переважають все та ж груба лексика (“халява”, “лажа”, “хавать” і т.п.), тавтологія (“говоря о разговоре с Президентом, губернатор отметил…”), вживання слів не за призначенням (“Зима вернулась к нам обратно” – замість “снова”) і т.п.

Найбільш типовими фонетичними помилками є неправильне наголошування слів (“в телефонной сетú”, “полигрáфия”, “возрастóв”, “красивéе” і т.п.)

Ставлення до слова, мови, як рідної, так і братнього народу, є показником рівня культури суспільства. І засоби масової інформації власними публікаціями вносять свій вклад у розуміння впливу мови мас-медіа як на літературну мову, так і на культуру в цілому. Адже розмаїття функцій мови, гнучкість, милозвучність і багатство її чи не найповніше сприяють утвердженню культури в суспільстві.

ЛІТЕРАТУРА

1. Мономах Володимир. Поучення. – Львів, 2001. – 37с.
2. Вольтер. Эстетика. Статьи. Письма. – М.: Искусство, 1974 – 391с.
3. Конституція України. – К.: Україна, 1996. – 53с.
4. Лизанчук Василь. Покликання журналістського слова – випромінювати позитивну енергію// ЖурналістУкраїни. – 2002.- №1. – С.20 – 40.
5. Плющ Василь. Нашого полку прибуло// Літературна Україна. – 2002. - 9 січня.
6. Солганик Г.Я. О новых аспектах изучения языка СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2000. - №3. – С.31 – 39.

УДК 81′373. 46

УКРАИНСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РУССКОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ)

Кошман И.Н., к.филол.н.

Восточноукраинский национальный университет

В статье рассматриваются структурные, семантические и стилистические особенности функционирования украинских вкраплений в заголовках русскоязычной газеты.

Ключевые слова: заголовок, иноязычное вкрапление, функция, языковая единица, стилистический.

Кошман І.М. УКРАЇНСЬКІ ВКРАПЛЕННЯ В РОСІЙСЬКОМУ ТЕКСТІ (НА ПРИКЛАДІ ГАЗЕТНИХ ЗАГОЛОВКІВ)/ Східноукраїнський національний університет, Україна

У статті розглядаються структурні, семантичні та стилістичні особливості функціонування українських вкраплень у заголовках російськомовної газети.

Ключові слова: заголовок, іншомовне вкраплення, функція, стилістичний, мовна одиниця.

Koshman I.N. UKRAINIAN INCLUSION IN RUSSIAN TEXT/ East-Ukrainian National University

The article examines the structure, semantic and stylistic peculiarities of functions of Ukrainian expressions in Russian newspapers' headlines.

Key words: title, foreign language inclusion, function, language unit, stilistics.

Предметом описания в данном исследовании являются украинские элементы в заголовках русскоязычной газеты. Для такого рода явлений в лингвистической литературе используется термин иноязычное вкрапление [1, 47; 2, 158]. В отличие от иных типов иноязычной лексики иноязычные вкрапления «не принадлежат… системе использующего их языка, не функционируют в нем в качестве более или менее прочно связанных с лексическим или грамматическим строем этого языка единиц» [1, 49].

Заголовок в структуре публицистического текста занимает особое место. Во многих исследованиях отмечается его двоякая роль. С одной стороны, заголовок – одна из композиционных частей текста, с другой - единица, обладающая некоторой автономностью, что подчеркивается графически. В тексте заголовок наряду с зачином и концовкой занимает сильную позицию.

Заголовок выполняет несколько функций: номинативно-информативную, рекламно-экспрессивную, графически-выделительную [3, 205]. Заголовки с иноязычными вкраплениями всегда необычны, оригинальны и тем самым обращают на себя внимание адресата.

Появление в русском тексте современных газет украинских вкраплений обусловливается, прежде всего, экстралингвистическими причинами: статус государственного языка, широкое распространение украинского языка в различных сферах общения (прежде всего официального), активное изучение украинского языка в учебных заведениях различного типа. Все это привело к тому, что для жителя Украины ситуация соседства двух языков в одном дискурсе является привычной. И наличие заголовков на украинском языке в тексте русскоязычной газеты еще одно тому подтверждение. Наряду с экстралингвистическими существуют и языковые причины использования украинских вкраплений. Л.П. Крысин отмечает, что включение иноязычных вкраплений в текст «часто связано с художественно-стилистическими задачами» [1, 48].

Среди описываемых заголовков (материалом исследования служат заголовки газеты «Зеркало недели») можно выделить несколько структурных групп. Первую группу составляют заголовки - украинские конструкции: «*Хованка для душі» (1998, № 14: 15); Головне, не хто танцював, а хто вклонився (1999, № 2: 2); «Україну – до Європи, Лукашенка – до Москви!» (1999, № 10:1); «Не чіпайте лихо, доки воно тихо...» (1999, № 20: 9); «За львівську прописку студентів – по писку» (2001, № 11: 3); Скажеш: «Урхан» - побачиш султан… (2001, № 15: 4); «І сниться їм якийсь забутий сон…» (2001, № 28: 16); «Два кольори мої» (2001, № 32-33: 1); «Як наїхало торгувальниць…» (2001, № 47: 23); «Я збагнула, що забуття не суджено мені...» (2002, № 8: 16); «Хтось чорненький…» (2002, № 11: 13); «Повій, вітре, на Вкраїну» (2002, № 14: 1); «І дороги. І правди. І життя»… (2002, № 32: 18); …То дякові - зась? (2002, № 35: 2).*

В этой группе представлены пословицы, поговорки, цитаты из художественных произведений и т.п. Некоторые из заголовков являются прецедентными текстами*: Ще не вмерла Україна? (1998, № 34: 2); «Не чіпайте лихо, доки воно тихо...» (1999, № 20: 9).*

Вторую группу образуют заголовки, в которых украинское вкрапление включается в русский контекст: Билл Клинтон: *«Слава Україні!»,* или официальный Киев в *двусторонней тени* (1995, № 19: 1); «*Золотоверхий Київ» в осеннем Киеве (1997, № 45: 15); «Мацьорики», «Мартышки». А деньги когда же? (1997, № 49: 7); Благотворительный аукцион «Наприкінці XX століття» (1998, № 10: 15); И доведется Лавриновичу «громадою обух сталить та добре вигострить сокиру та й заходиться вже будить» (1998, № 22: 2); «Державницька» Конституция Крыма. Мифы и реалии (1998, № 47: 4); «Козацькими сходами» - к вершинам! (1999, № 20: 18); Оскар по имени «Кришталевий лелека» (2001, № 22: 20); Майдан Незалежности: все будет не так… (2001, № 22: 17); Украинские «подземки»: «жах бере морозом»… (2001, № 34: 1); «Ганьба» «Львовской славы» (2001, № 34: 2); «КРОК» завершил фестивальное лето (2001, № 36:16); За единую Батьківщину!? (2002, № 3: 2); Дурень думкою багатіє, или почему завещание Полуботка не могло быть написано в принципе (2002, № 8: 23); Трактор компании «Мотор-Січ» не умеет разве что летать (2002, № 11: 12); «АероСвіт» укрепляет позиции лидера (2002, № 12: 12); Метр «з гаком» (2002, № 26: 13).*

Вкрапления, представленные в этой группе, являются большей частью собственными наименованиями.

Особо выделяется весьма немногочисленная группа заголовков, в которых украинский текст передается средствами русской графики: *Может ли быть галушка без часныка?* (1998, № 15: 15); «*Ще нэ вмэрлы» десантные войска* (1999, № 17: 2).

Рассмотрим функции, которые выполняют украинские вкрапления в заголовках «Зеркала недели».

1. Прежде всего, выделяется группа заголовков, в которой украинские вкрапления реализуют номинативную функцию. Представленные в этой группе вкрапления являются официальными наименованиями организаций, учреждений, фирм, фестивалей и т.д.: *«Слов'янське віче» - символ единения (1995, № 14: 22); Ограблен офис «Березілля-95» (1995, № 17: 22); «Фермер України» дебютирует в Киеве (1998, № 41:8); Третий огонь «Лемківської ватри» (2001, № 24: 24); «Нафтогаз України» хочет покупать газ у «Укрнафти» (2002, № 6: 10); «Надра» предлагает «двойную» процентную ставку (2002, № 6: 12);«Деца у нотаря» - не просто корчма (2002, № 17: 21).*

Такие заголовки отражают тенденцию к оригинальному, нетранслитерированному употреблению собственных наименований (таким же образом в «Зеркале недели» передаются и собственные наименования, принадлежащие другим языкам). Вкрапления-номинативы не вносят в заголовок дополнительных эмоционально-экспрессивных значений. Однако такие заголовки рекламны, они привлекают внимание адресата именно тем, что в них соседствуют разноязычные элементы.

Заголовки с вкраплениями-номинативами являются полноинформативными [4, 14]. Адресат, прочитав такой заголовок, может предсказать, о чем пойдет речь в публикации. Более того, заголовки этой группы (за исключением *Третий огонь «Лемківської ватри» (2001, № 24: 24) и «Деца у нотаря» - не просто корчма (2002, № 17: 21)* представляют собой макропропозиции, т.е. в них формулируется основное содержание текста [5, 291].

2. Заголовки, включающие имена собственные, могут получать особую выразительность в том случае, если украинское вкрапление вступает во взаимодействие с другими языковыми элементами заголовка.

В заголовке Яркий *«Спалах» (1995, № 9: 20)* вкрапление-номинатив *«Спалах»* (официальное наименование издательства) не только грамматически, но и семантически согласуется с русским прилагательным.

В заголовке *«Кришталевий лелека» продолжает полет (2002, № 21: 24)* взаимодействует смысл 'передвигаться по воздуху', который входит в значение и украинского слова *лелека,* и русского слова полет. Заголовок метафоричен, он становится понятным только после прочтения статьи.

Такого рода заголовки отличает не только рекламность, они экспрессивны благодаря тому, что в них взаимодействуют компоненты лексических значений слов разных языков. И адресат не может не включиться в «игру смыслов».

3. Цитаты в функции заголовка сами по себе всегда выразительны.

Заголовок *«Жила. Любила. Плакала. Сміялась» (2002, № 14:13)* - цитата из стихотворения-завещания Галины Гордасевич - соотносится с темой публикации. Синтаксическая конструкция, представляющая собой ряд неполных нераспространенных предложений, является семантически емкой и позволяет адресату достаточно точно предсказать содержание публикации. Помимо информации о теме статьи (непростая судьба и творчество Галины Гордасевич) заголовок передает и иной смысл - подчеркивает патриотическую направленность деятельности героини публикации, указывает на ее национальную самобытность, трепетную, не показную, «украинскость». Заголовок стилистически окрашен - поэтичен, возвышен. Он настраивает адресата на высокую волну.

В заголовок *«Хтось чорненький…» (2002, № 11: 13*) вынесены слова Ольги Кобылянской (так называла себя О. Кобылянская в письмах к Л. Украинке). Формально цитата соотносится с одной из микротем публикации. Однако текст в целом «подсказывает» иное осмысление заголовка. Частная авторская характеристика приобретает обобщающее значение: противопоставляется миф об Ольге Кобылянской реальной личности. Стилистическая функция заголовка-цитаты заключается в том, что он обращает внимание адресата на самоидентификацию писательницы, подчеркивает ее ощущение себя как деятеля украинской культуры и литературы.

4. Заголовок *«Два кольори мої» (2001, № 32-33: 1)* представляет собой прецедентный текст. Поэтому осмысление заголовка является более сложным. Цитата «задает» композицию публикации – контраст используется в качестве приема построения текста.

Знаменитый текст не только содержит информацию о цветовом противопоставлении (красный – черный), но и указывает на многогранность человеческого существования. Сложность бытия, его противоречивость - все эти смыслы исходного текста возникают в сознании адресата газетной публикации. Наряду с этим тема публикации (годовщина Независимости) дает возможность иного осмысления *«двух кольорів»:* государственный флаг Украины.

С помощью прецедентного текста в заголовке передается сложная гамма стилистических значений - торжественность, лиризм, неформальное, неказенное отношение к теме публикации. И что очень важно, прецедентный текст в заголовке в данном случае позволяет избежать излишней патетики, неискренности, фальши.

5. Украинское вкрапление в заголовке *«Ще нэ вмэрлы» десантные войска (1999, № 17:2*), также являющееся прецедентным текстом, выполняет иную стилистическую функцию. Это средство выражения негативной авторской оценки, способ передать ироничное отношение к тому, о чем сообщается. Ирония выражается и самим «способом подачи» прецедентного текста: он передается средствами русской графики и заключен в кавычки, т.е. содержит дополнительное указание на непрямое осмысление заголовка.

Таким образом, украинские вкрапления в заголовках могут выполнять самые разнообразные функции. Однако в любом случае они – яркое средство выразительности, привлечения внимания адресата к журналистскому материалу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л.П. . Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
3. Сафонов А.А. Стилистика газетных заголовков // Стилистика газетных жанров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
4. Лазарева Э.А. . Заголовок в газете. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
5. Виноградов С.И. . Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996.

УДК 81'42:340.12(045)

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ТОЛКОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Кравченко Н.К., к. филол. н.

Государственная академия жилищно-коммунального хозяйства (г. Киев)

Статья содержит научное обоснование когнитивно-дискурсивного метода в аспекте анализа международно-правовой терминологии. Автор устанавливает коррелятивные связи между международно-правовой картиной мира и моделями правового дискурса, определяя их воздействие на формирование и истолкование терминов. Цель метода заключается в выявлении некоторых критериев соответствия международно-правовых терминов названным ими понятиям и категориям.

Ключевые слова: концепт, когнитивно-дискурсивный, модели правового дискурса, международно-правовая терминология.

Кравченко Н.К. КОГНІТИВНО-ДИСКУРСИВНИЙ ПІДХІД ДО ТЛУМАЧЕННЯ МІЖНАРОДНО-ПРАВОВОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ / Державна академія житлово-комунального господарства (м.Київ), Україна

Стаття містить наукове обґрунтування когнітивно-дискурсивного методу в аспекті аналізу міжнародно-правової термінології. Автор встановлює корелятивний зв'язок між міжнародно-правовою картиною світу та моделями правового дискурсу, досліджуючи їх вплив на формування і тлумачення термінів. Метод має за мету визначити критерії відповідності міжнародно-правових термінів названим ними поняттям та категоріям.

Ключові слова: концепт, когнітивно-дискурсивний, моделі правового дискурсу, міжнародно-правова термінологія.

Kravchenko N.K. COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH TO THE INTERPRETATION OF INTERNATIONAL LAW TERMINOLOGY / State Academy of Housing-Municipal services (Kiev), Ukraine

The article provides scientific substantiation of the cognitive-discursive approach being applied to the analysis of international law terminology. The author determines some correlations between international law "world picture" and law discourse models while researching their influence on terms formation and interpretation. The method is aimed to determine criteria of international law terms correspondence to the denoted notions and categories.

Key words: concept, cognitive-discursive, law discourse models, international law terminology.

Новая парадигма дисциплинарных идей и представлений в лингвистике, философии и праве связана, в первую очередь, с изменением общей установки на познание природы объектов, в связи с чем классическая установка на *знание* уступает место неоклассическому подходу, ориентированному на *понимание.*

В лингвистике новая познавательная парадигма воплощена в антропоцентричном, функциональном, когнитивном и динамическом подходах к изучению языковых явлений, в выделении концепта как ментального образования, организующего смыслообразование и способы репрезентации знаний в соответствии с социокультурным опытом.

В последние годы изучение понятийного и психологического содержания концепта дополняется анализом всей коммуникативно значимой информации соответствующего концепту языкового знака: внутрисистемной, этимологической, прагматической, контекстуально-дискурсивной.

В частности, рассмотрение концептуальных реализаций в аспекте порождения и восприятия дискурса вызвало появление нового когнитивно-дискурсивного подхода к изучению концепта – теории концептуальной интеграции, рассматривающей порождение и восприятие дискурса как последовательное развертывание ментальных пространств [1].

Понятие концепта, связанное с международным правосознанием, с системой ценностей правосоздающих и правоприменяющих субъектов, выявление «стоящих» за концептами моделей мира и моделей дискурса, имеет непосредственное значение для определения практических методов анализа языка международного права (МП).

Одной из задач толкования МП является установление степени соответствия термина названному им понятию, что может быть выявлено различными методами, в том числе когнитивно-дискурсивным. Этот метод позволяет сопоставить несколько вариантов внутрисистемного значения термина, которое сложилось под влиянием типичных контекстов его употребления и, в свою очередь, предопределяет последовательность развертывания моделей правового дискурса в соответствии с когнитивной структурой термина в МП.

Так, термин *гармонизация* является транслитерованным вариантом английской лексемы *harmonization,* что означает «приведение в соответствие», *«согласование».* Вместе с тем, несмотря на общий источник происхождения этих слов, термин *гармонизация* все же является, на наш взгляд, более функционально оправданным, чем термин *согласование.* Это объясняется тем, что термин *согласование* функционирует в современном международном праве как концептуальное образование, ассоциативно связанное с функционированием двух видов контекстов.

В частности, наиболее типичные модели дискурса, задающие способ истолкования термина «согласование», встречаются в текстах, рассматривающих «теорию координации и согласования», которая, в свою очередь, соотносится с макротекстом «дуалистическая концепция», объединяющем тексты о *равноценности* и самостоятельности международно-правовой и внутренне-правовой систем.

Вместе с тем, использование термина *согласование,* актуализирующего ментальное пространство «дуалистический» и соответствующие модели развертывания правового дискурса, противоречит современной «международно-правовой картине мира», обосновывающей идею единства процесса осуществления международной и внутренней законности, которая воплощена в правовую идеологию *примата* международного права.

Так, термин «примат МП» обладает в когнитивно-дискурсивном поле «гармонизация» максимальной когнитивной значимостью, опосредованно или непосредственно участвуя в толковании всех элементов поля.

Вторая возможность порождения и восприятия правового дискурса, включающего концепт «согласование», определяется когнитивно-дискурсивной моделью «*международное* нормотворчество» (норма – результат *согласования* воль государств и других субъектов МП). Вместе с тем, в процессе гармонизации 2-х правовых систем речь идет, главным образом, о *национальном* нормотворчестве, которое, к тому же, связано не только с образованием, но и с устранением норм, не соответствующих МП.

Принимая во внимание вышесказанное, мы считаем более оправданным использование термина «гармонизация», которое в большей мере связано с моделью мира правосоздающих и правоприменяющих субъектов и, в меньшей мере, с «моделями дискурса», задающими направление интерпретации терминов (в частности, термина «согласование») в рамках конкретных теорий.

Термин *гармонизация* имеет функционально-семантическое преимущество и по сравнению с другим его синонимом *унификация* - транслитерованным вариантом английской лексемы *unification.* Оба термина, которые могут быть истолкованы как «приведение в соответствие», образуют тем не менее отношения некоторой оппозиции по семам «единообразие», «объединение» (дифференциальный признак в структуре термина *унификация*) и «сближение» (дифференциальный признак, который актуализируется в этой оппозиции в значении термина *гармонизация*). Элемент «объединение» актуализируется также внутренней формой слова *унификация*: *unify* – объединять, *unit* (корень слова) – целое, единое.

Вместе с тем, такая внутренняя мотивировка термина «унификация», благодаря которой он не только называет, но и обозначает соответствующее понятие, противоречит понятийной структуре обозначаемого термином явления. Взаимодействие двух правовых систем предполагает именно их сближение, но не объединение, так как последнее противоречило бы различиям в природе и специфике применения национально-правовых и международно-правовых норм.

Таким образом, в настоящее время термин *гармонизация* наиболее адекватно передает сущность процесса взаимодействия двух правовых систем.

Гиперсемой терминологического поля «гармонизация» является термин *имплементация,* образующий микрополе 1-го уровня. Термин «имплементация» не только наиболее точно передает сущность выражаемого им понятия, но и отличается максимальной семантической продуктивностью (объяснительной силой) в аспекте толкования всех терминов макрополя «гармонизация».

Анализ семантической структуры термина и типичных контекстов его употребления приводит к выводу о том, что термин «имплементация» в настоящее время не нуждается в его замене русским/украинским эквивалентом «осуществление».

Так, помимо сем «реализация», «применение», «выполнение», которые присутствуют и в лексико-семантической структуре термина «выполнение», в слове «имплементация» также содержится сема «дополнение», «восполнение», которая имплицирует смысл о механизмах имплементации: не только применение инкорпорированного МП, но и «дополнение», «восполнение» национальных законодательств нормами, соответствующими международным обязательствам государств. Информация о механизмах, средствах имплементации обозначается также внутренней формой слов *implementation, to implement* (корень *implement* обозначает инструмент, средство).

Семантическая структура слова «имплементация» задает направление развития правового дискурса как последовательности развертывания ментальных пространств, связанных с особенностями и механизмами применения международного права. В связи с этим, типичные модели развертывания правового дискурса, связанного с понятием «имплементации», осуществляются посредством раскрытия понятий *инкорпорация, трансформация и координация,* называющими эти особенности и механизмы и образующими микрополя 2-го уровня макрополя «гармонизация».

Так, когнитивная модель перехода норм одной системы права в другую, заключенная в термине «инкорпорация», определяет модели дискурсов, раскрывающих когнитивную структуру терминов «правоприменительная практика национальных судов», «обеспечение договоров», «опубликование», «законодательная санкция», «трансформационный акт», «самоисполняющийся договор», «несамоисполняющийся договор» и др., которые истолковываются и мотивируются посредством правового концепта «инкорпорация».

Термин «координация» является не совсем удачным из-за его связи с дискурсивными моделями представления дуалистической концепции (см. выше).

Термин *трансформация* содержит семантические элементы “преобразование”, “изменение”. Вместе с тем, это противоречит содержательно-юридическим процессам, происходящим с международно-правовыми нормами при их национальной имплементации. Так, нормы международного права не могут преобразовываться в нормы национальных законодательств по причине их совершенно различной природы и предназначения и *сохраняют* свой изначальный *статус*, несмотря на то, что им предоставляется статус норм национального права.

Значение «*сохранение статуса*» имплицируется семой «включение», «встраивание», которые являются семантическими элементами термина «*инкорпорация».* Дополнительным доказательством того, что международно-правовые нормы сохраняют при инкорпорации свой изначальный статус, может служит этимологическое значение слова, образованного от лат.corpus (свод, целое).

Термин инкорпорация не только содержит семы «включение», «встраивание», «объединение», но и является семантическим дериватом слова «воплощение», передающего саму суть перехода международно-правовых норм во внутреннее право: международно-правовая норма не может быть изменена, она должна усваиваться в «готовом виде» (семы «включение», «встраивание»); в то же время эта норма «истолковывается» во внутреннем правовом поле государств и только после этого становится частью их внутреннего права (сема «воплощение»).

Анализ международно-правовых терминов в когнитивно-дискурсивном аспекте позволяет говорить о концептуальном изменении самой парадигмы терминосистемы, обозначающей взаимодействие международного и внутреннего права.

«Инкорпорация» становится основной семантической составляющей терминов и терминополей, интерпретирующих это взаимодействие исходя из новой международно-правовой картины мира

правосоздающих, правоприменяющих и правоистолковывающих субъектов, которая связана с когнитивными концептами «универсализация», «эффективность» и «примат международного права».

В свою очередь, новые тенденции концептуализации международно-правовой картины мира воздействуют на порождение и восприятие международно-правового дискурса, устанавливающего способ взаимодействия международного права с национальными правовыми системами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fauconnier G. Mental Spaces. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190 p.

УДК 821. 161. 1 С – 94. 09

ДНЕВНИК С.И.СМИРНОВОЙ-САЗОНОВОЙ КАК ПРИМЕР ЖЕНСКОЙ СТРАТЕГИИ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Кравченко Я.П., аспирант

Запорожский государственный университет

В статье рассматриваются способы саморепрезентации женского «Я» С.И.Смирновой-Сазоновой на материале дневниковых записей о Ф.М.Достоевском, А.П.Чехове, В.Ф.Комиссаржевской.

Ключевые слова: дневник, субъективность, саморепрезентация, идентификационный механизм, женский опыт бытия, ирония.

Кравченко Я.П. ЩОДЕННИК С.І.СМИРНОВОЇ-САЗОНОВОЇ ЯК ПРИКЛАД ЖІНОЧОЇ СТРАТЕГІЇ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦІЇ / Запорізький державний університет, Україна

У статті розглядаються засоби саморепрезентації жіночого “Я” С.І.Смирнової-Сазонової на матеріалі щоденникових записів про Ф.М.Достоєвського, А.П.Чехова, В.Ф.Комісаржевську.

Ключові слова: щоденник, суб'єктивність, саморепрезентація, ідентифікаційний механізм, жіночій досвід буття, іронія.

Kravchenko Y.P. SMIRNOVA-SAZONOVA`S DIARY AS AN EXAMPLE OF THE FEMALE`S SELF-REPRESENTATION STRATEGY / Zaporizhzhya State University, Ukraine

The article is concerned with the female`s means of self-representation in Smirnova-Sazonova`s diary on the example of the notes about Dostoevsky, Chekhov, Komissarzhevskaya.

Key words: diary, subjectivity, self-representation, mechanizm of identification, female`s experience of being, irony.

Дневник – документальный и литературный жанр, который характеризуется установкой на подлинность и высокой степенью достоверности. Жанр дневника возник из потребности личности запечатлеть мысль или событие в их сиюминутности. Нередко стремление к фактической точности преобладает в дневнике над качеством литературной отделки, но неровности стиля скрашиваются непосредственностью изложения, спонтанностью мысли, что составляет главное достоинство этого жанра. Дневник сочетает в себе неповторимый жизненный индивидуальный опыт (так как является документом самопознания личности, ведущей его) и сведения (часто уникальные) об исторических событиях эпохи. Содержание записей определяется уровнем развития личности, характером ее духовных запросов. В силу практического совпадения времени дневниковой записи с биографическим временем человека, у дневника гораздо больше возможностей в отражении текучей внутренней жизни личности, чем у других документальных жанров – писем, воспоминаний, мемуаров. Место женского дневника в русской литературной науке типично маргинальное. Это объясняется, во-первых, статусом дневника как образования, находящегося между жизнью и литературой, во-вторых, женский автодокументальный текст, как правило, считается сомнительным и малодостоверным.

Для женского творчества Х1Х века дневник является одной из основных форм письма. Во-первых, потому что в границах художественного пространства дневника происходит пересечение между текстом и жизнью и трансформация жизни в искусство (так называемое "жизнетворчество"); во-вторых, дневник, в силу указанных жанровых особенностей, способен реально отразить внутренние, психологические переживания женской души и исключительной женской субъективности. Литературный или бытовой дневник служит для его автора своеобразной психологической нишей, в которой происходит процесс идентификации уникальной самоценной личности. Для женщины, приближенной к публичной сфере жизни, дневник становится еще и средством репрезентации себя как значимой социальной персоны, желающей вписать себя в историю. Такие дневники в течение всей своей сознательной жизни вели

А.О.Смирнова-Россет, М.Башкирцева, А.Г.Достоевская, С.А.Толстая, Т.Л.Сухотина, Е.А.Штакеншнейдер, А.Суслова.

Дневник Софьи Ивановны Смирновой-Сазоновой, как и большинство образцов женского автобиографического письма, практически неизвестен. С.И.Смирнова (1852-1921) – писательница, драматург, сотрудница "Отечественных записок" Н.А.Некрасова, позже - газеты "Новое время" А.С.Суворина. Автор многочисленных статей, фельетонов, очерков, а также пяти крупных романов, которые при своем появлении вызвали множество неоднозначных критических суждений, однако получили высокую оценку Ф.М.Достоевского, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Н.С.Лескова, А.П.Чехова. После выхода романов, Смирнова по неизвестным причинам прекратила литературную деятельность. Сменив имя, на литературный псевдоним Русский, она посвятила себя журналистике. Вместе со сменой имени произошла и смена стратегии саморепрезентации, с 1877 года Смирнова начинает вести дневник.

Выбрав в качестве средства самоидентификации такую модель письма, как дневник, она получила возможность более эмоционально, субъективно и в совершенно свободной форме передавать собственный женский опыт бытия. Эта форма самовыражения избавила ее от нападок критики, от необходимости приспосабливаться к существующим нормам письма, все время иметь в виду реакцию читателя, стоящего на позициях господствующего патриархатного дискурса. До конца жизни Смирнова оставалась верна выбранной стратегии и вела дневник около сорока двух лет, до 1919 года.

Дневник Смирновой-Сазоновой никогда не издавался, за исключением нескольких фрагментов, которые использовались исключительно с прикладными целями – в качестве источника исторических и культурных сведений об эпохе и ее деятелях. Дневниковые записи Смирновой содержат многочисленные сведения о событиях литературно-художественной жизни Петербурга, так как в круг ее знакомств входили художники, писатели, артисты, юристы, журналисты. В дневнике отразилось отношение писательницы к Ф.М.Достоевскому, А.П.Чехову, А.С.Суворину, И.А.Гончарову, И.С.Тургеневу, А.Ф.Кони, М.Г.Савиной, В.Ф.Комиссаржевской и др. Записи С.И.Смирновой исследователи используют для интерпретаций биографий некоторых из них. Она при этом рассматривается только как более или менее достоверный ретранслятор событий.

В данном исследовании нас, напротив, интересует личность автора, возможности и способы ее репрезентации в тексте, множественные социально-культурные роли, в которых она выступает на страницах дневника. Наша цель – доказать, что дневник Смирновой-Сазоновой должен войти в контекст культуры не в качестве источника сведений о театральных, литературных и музыкальных событиях, а как образец гендерной идентификационной модели письма, пример жизнетворчества, в котором реальные отношения, трансформируясь, приобретают новый смысл и превращаются на страницах дневника в мир "для себя".

Приступая к анализу дневниковых записей, следует установить, какими личными или социально-историческими причинами было обусловлено обращение С.И.Смирновой к этой стратегии саморепрезентации. Почему эта модель письма оказалась более подходящей для выражения женского опыта бытия, чем литературное творчество? Выявление мотивов ведения дневника – сложная психологическая задача. В случае со Смирновой-Сазоновой решающим фактором, возможно, выступило ее замужество и смена привычного уклада жизни. В 1877 году она вышла замуж за актера Александринского театра Н.Ф.Сазонова, получила возможность общаться со многими известными людьми. Вероятно, в связи с этим и появилась потребность записывать ежедневные впечатления для того, чтобы сохранить живую картину современности, поделиться наблюдениями и жизненным опытом.

Форма дневника традиционна, сохранены практически все признаки жанра: установка на подлинность, датировка, связь записей с текущими событиями, спонтанный характер, безадресность, литературная необработанность, интимный, частный характер записей. Содержание дневника внешне тоже вполне традиционно. Смирнова фиксирует в нем ***события дня, многочисленные встречи*** ("29 февраля 1880. Целый день гости! Мамаша, Виктор, Николай Васильевич…Около 11 поехала к Суворину. Заехала к Н.<Ф.Сазонову> в театр…" [1, 275], "9 февраля 1895. Поехала обедать к Сувориным…Познакомилась, наконец, с Чеховым…" [2, 306], "2 ноября 1896. Первое мое знакомство с Комиссаржевской. Она обедает у нас с Аполлонским и Варламовым…" [3, 302], "13 ноября 1898. Была у Комиссаржевской. Застала ее за завтраком…" [3, 306]); ***факты литературно-художественной жизни*** ("27 ноября 1888. Музыкальный вечер у Вышнеградских с благотворительной целью. Николай, Савина и Варламов играют в первый раз чеховского «Медведя»…31 января 1889. Юбилейный бенефис Федорова. Идет чеховский «Иванов» с большим успехом". [2, 305], "12 января 1896. Первое представление моего «Муравейника» в Малом театре. Сбор неполный, успех тоже неполный…" [2, 308], "17 октября 1896. Неслыханный провал «Чайки». Пьесу ошикали, ни разу не вызвав автора…" [2, 309], "21 октября 1896. Второе представление «Чайки» – полный успех. Вызывали актеров и автора" [2, 309]); ***факты общественной жизни*** ("2 декабря 1893. «Русской мысли» дано второе предостережение за какую-то статью о социологии. Но эта статья только предлог…" [2, 306], "29 февраля 1880. В заграничных газетах пишут, что выстрел Молодецкого стоил России 12 миллионов. Пишут также, что вопрос о падении нашей династии – вопрос

только времени. Нетерпеливые ожидания революции в России…" [1, 275], "19 апреля 1905. В Петербурге теперь в моде домашние концерты с нелегальными целями…" [3, 314]).

Большинство записей отражают внешнюю сторону жизни Смирновой-Сазоновой. Это не биография души, а скорее литературно-критический журнал, эпоха в лицах и событиях. Основное художественное пространство дневника – театр, редакции журналов, реже дом. Ее жизнь, судя по записям, составляют премьеры, бенефисы, репетиции, званые обеды, юбилеи, музыкальные вечера и другие публичные мероприятия. Записки не содержат публицистических или философских комментариев и отступлений относительно актуальных вопросов времени и своего места в нем. Отсутствуют в дневнике и описания глубоко личностных, интимных фактов, обнаженных чувств и переживаний. Однако внешне незначительные записи при внимательном чтении способны открыть множество идентификационных механизмов, которые обеспечивают саморепрезентацию женского «Я» в тексте.

Чтобы утвердить собственную трансцендентную позицию, С.И.Смирнова на страницах дневника трансформирует реальные события и отношения, меняет традиционные роли таким образом, демонстрируя свое превосходство над тем, кто вместе с ней включен в сферу общения. В частности, эту стратегию она применяет в описании своих взаимоотношений с Ф.М.Достоевским. О реальных взаимоотношениях Смирновой и Достоевского известно немногое. Они познакомились в начале 70-х годов и оставались в дружеских отношениях до конца жизни писателя. По свидетельству А.Г.Достоевской, он очень ценил ее литературный талант, с большим вниманием относился к каждому выходившему роману. Смирнова нередко встречалась с Достоевским у себя дома и на литературных вечерах в доме А.С.Суворина. О хорошем отношении четы Достоевских к Смирновой свидетельствует и тот факт, что после смерти писателя вдова обратилась к ней с просьбой написать вступительную статью для первого тома его юбилейного Полного собрания сочинений.

На страницах дневника Достоевский появляется в 1878 году. Первая запись представляет собой следующее: "20 октября. Пришел Достоевский, не застал меня и **ждал**. Говорил, что **хотел** мне летом **написать**, да не знал моего адреса. **Хвалил** моего «Попечителя» …" [1, 274]. Эта запись, посвященная незначительному эпизоду - приходу Достоевского, на самом деле демонстрирует внутреннее чувство превосходства второстепенной писательницы Смирновой над знаменитым писателем Ф.М.Достоевским. Об этом свидетельствует выделенный глагольный ряд: "ждал – хотел написать – хвалил", в каждом слове которого - стремление подчеркнуть положительное отношение и интерес со стороны писателя. Следующая запись датирована 5 февраля 1880 года: "Только села заниматься с англичанкой, приходит Достоевский. **Жалуется** на то, что никак не может всем угодить. Праздные и ничтожные люди отнимают у него время, да еще про него же распускают слухи…" [1, 274]. Смирнова представляет Достоевского как незваного гостя, который нуждается в ее участии, поскольку она не относится к тем "праздным и ничтожным людям", которые клевещут на писателя. При этом далее она сама детально воспроизводит в дневнике сплетни о Достоевском. Внешне ее очень устраивает роль друга и утешителя великого писателя, при этом на страницах дневника часто появляется откровенное злорадство. Интересна запись, датированная 15 февраля: "Была у Достоевского. Он **сидит больной, недавно был припадок.** Рассказывает мне план своего романа. Говорит о верховной комиссии…" [1, 275]. Примечательно, что в словах о припадке и болезни писателя нет ни капли сострадания, которое от женщины ожидать было бы наиболее естественно. Сухая констатация факта болезни Достоевского свидетельствует либо о равнодушии Смирновой, либо о внутреннем удовольствии, чувстве превосходства молодой и здоровой над старым и больным. Возможно, что слова о болезни значительно преувеличены, поскольку трудно представить, чтобы после нервного припадка можно было принимать гостей и вести политические дискуссии. Еще в нескольких заметках о Достоевском Смирнова демонстрирует стремление писателя поддерживать их дружеские отношения, при этом инициатива всегда исходит от него, она лишь снисходительно принимает его знаки внимания. Таким образом, происходит утверждение себя посредством уничижения другого. В мире, который конструирует Смирнова, она наделяет себя несуществующими качествами, и эта игра с текстом, по-видимому, доставляет ей огромное удовольствие.

Несколько иначе репрезентирует Смирнова свои взаимоотношения с А.П.Чеховым. В отличие от Достоевского, Чехов не был в числе друзей Смирновой-Сазоновой, более того, неоднократно демонстрировал нежелание общаться с ней. Видимо, этим объясняется обилие язвительных замечаний в его адрес, откровенное злорадство, сплетни и явное непонимание его личности и творчества.

Записи о Чехове появляются в дневнике с 1888 года, хотя знакомство с ним состоялось только в 1895 году. О незнакомом еще Чехове и его произведениях Смирнова позволяет себе писать следующее: "Мы еще раз перечитали эту пьесу ("Иванов"), все ее **дикости и несообразности** еще больше бьют в глаза" [2, 305]. При этом через две недели премьера пьесы проходит с большим успехом. О пьесе "Леший" Смирнова пишет: "Говорят, пьеса так **слаба**, что директор не хочет ее ставить" [2, 305]. Сплетни о Чехове она записывает очень подробно, видимо с большим удовольствием: "У Чехова был роман с девицей Мизиновой. Он хотел жениться, но должно быть не сильно, потому что Суворин отговорил его. Потом с девицей сошелся Потапенко и оставил ее …" [2, 307]. После знакомства с писателем Смирнова очень

настойчиво стремится ввести его в свой ближайший круг, однако Чехов явно противится этому. "Он сидит у себя в комнате и к нам **не вышел"** [2, 306]. "Званый обед с актерами и Кривенками. Звали Чехова, но **он не пришел"** [2, 309]. Такое отношение видимо раздражает Смирнову, и в ее дневнике появляется еще больше иронии и уничижительных фраз: "На набережной встретила Чехова. Он **постарел** и выглядит не знаменитым писателем, а каким-то **артельщиком**". "Он ходит в серых штанах и **отчаянно коротком** синем пиджаке". "Сидит **сиротой** на скамеечке" [2, 310]. Ей так и не удалось войти в доверительные отношения с Чеховым и использовать его в качестве объекта для утверждения собственной субъективности.

Таким идеальным объектом стала для Смирновой-Сазоновой В.Ф.Комиссаржевская, с которой она активно общалась с 1896 по 1903 г. Комиссаржевская относилась к Смирновой с большой симпатией, безгранично доверяла ей. Об этом свидетельствуют, например, следующие фрагменты ее писем: "17 сентября 1898. Дорогая Софья Ивановна, поздравляю Вас, крепко обнимаю и желаю всего того, что может пожелать человек, **любящий вас всей душой**…" [3, 68]; "Январь 1899. Не вздумайте, **дорогая моя** Софья Ивановна, беспокоиться, что я не буду на репетиции… **Обнимаю Вас, моя хорошая, крепко, крепко**" [3, 70]; "19 марта 1900. Софья Ивановна, дорогая, мне ужасно захотелось написать Вам без всякого к тому повода,…я дала себе волю выложить перед Вами кусочек того, что во мне сейчас сидит, и, в сущности, ведь я Вас так мало знаю, **люблю Вас, по Вашим сочинениям и просто так, не знаю за что** (да как будто можно любить за что-нибудь?!)" [3, 73].

Поскольку главная цель дневника Смирновой – это, прежде всего, репрезентация себя как значимой социальной персоны, то успех и популярность актрисы вызывают у нее плохо скрываемое раздражение и досаду. Так, Смирнова с удовольствием фиксирует неприятности Комиссаржевской, сплетни о ней, ее болезни, творческие неудачи. Например: "4 апреля 1896. Дебют Коммисаржевской…ожидания так велики, что Комиссаржевская не могла их удовлетворить…ее **угловатые манеры, позы** – все это **публику не удовлетворяет**, это не то, как бывает у актрис. **Голос нехорош, ноги велики**. Успех она имела, но **восторгов не было**" [3, 300]; "19 октября 1897. Она лежит, не вставая, несколько недель. Глядя на этот маленький**, высохший комочек**, трудно себе представить, что это большой талант…" [3, 302]; "4 ноября 1898. Комиссаржевскую **оштрафовали за участие в студенческом концерте**. Директор велел ей передать, что если ей мало аплодисментов в Александринском театре и она ищет их в другом месте, то за это будет оштрафована" [3, 306]; "6 ноября 1898. У Комиссаржевской нынче **ничтожная роль**… Парик ее старит" [3, 306]; "9 февраля 1899. Комиссаржевскую так в этом сезоне заездили, что у нее **каждый день** теперь в театре **истерика**" [3, 308]; "3 ноября 1901. …драма: ролей нет и новый **директор не благоволит**. Все роли играет Савина. Два месяца без ролей, и она уж вне себя; она привыкла к триумфам. Она любимица публики, а **играть нечего**" [3, 311]. Часто Комиссаржевская становится объектом иронии и откровенных насмешек Сазоновой: "5 декабря 1896. Комиссаржевская спела несколько романсов. **После утки с капустой это тяжело**, но она поет охотно…" [3, 302]; "27 февраля 1898. Комиссаржевская теперь занята устройством концерта в пользу погорельцев…она кидается на всех знакомых и **вместо пистолета приставляет им к горлу билет**" [3, 304]; "24 июля 1902. Нынче пришло письмо от **божественной**…Комиссаржевская будет ездить по провинции" [3, 312].

Может показаться, что отношение Смирновой к Комиссаржевской сводится только к проявлению чувства женской зависти, ревности и соперничества. Однако дневник содержит и немало положительных оценок: "Для нее действительно нет плохих ролей, она все играет удивительно… Она решительно стала любимицей публики… Успех Комиссаржевской с каждым представлением растет…" [3, 305]; "Комиссаржевская идеально хороша" [3, 307]; "Это действительно гениальная игра" [3, 311] и т.д.

Подобные противоречивые суждения обнаруживаются на протяжении всего повествования С.И.Смирновой. Это обусловлено спецификой дневника как образца литературно-эмоциональной текстовой коммуникации. Дневник демонстрирует непрекращающийся поиск собственной идентичности, поэтому в нем невозможно отыскать некую стабильную позицию по отношению к окружающим и происходящим событиям. Повествование часто двусмысленно, неопределенно, вокруг каждого элемента возникают целые комплексы смыслов. Такой текст сопротивляется критическому осмыслению, не поддается однозначной интерпретации, как не поддается интерпретации и уникальный опыт женского бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мостовская Н.Н. Достоевский в дневниках С.И.Смирновой / Достоевский. Материалы и исследования.– Л.: Наука, 1980. - Т. 4. – С. 271- 278.
2. Записи о Чехове в дневниках С.И.Смирновой-Сазоновой. Публикация Н.И.Гитович / Литературное наследство. – М.: Наука, 1985. - Т. 87. – С. 304 – 318.
3. Комиссаржевская В.Ф. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. - М.-Л.: Искусство, 1964. – 465 с.

УДК 802.0 – 5

ТЕОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ

Литвак С. Я., к. филол. н., доцент

Запорожский государственный университет

Статья посвящена анализу основных положений теории лингвистической относительности и связанной с ними проблеме переводимости.

Ключевые слова: семантические расхождения, лексический уровень, грамматический уровень, понятие, переводимость.

Литвак С. Я. ТЕОРІЯ ЛІНГВІСТИЧНОЇ ВІДНЕСЕНОСТІ І ПРОБЛЕМА ПЕРЕКЛАДНОСТІ / Запорізький державний університет, Україна

Стаття присвячена аналізу основних положень теорії лінгвістичної віднесеності і пов’язаній з ними проблемі перекладності.

Ключові слова: семантичні розходження, лексичний рівень, граматичний рівень, поняття, перекладність.

Lytvak S. Y. THE THEORY OF LANGUAGE RELATIVITY AND THE PROBLEM OF TRANSLATIVITY / Zaporizhzhya State University, Ukraine.

The article deals with some problems of the theory of language relativity and the problem of translativity.

Key words: semantic differences, lexical level, grammatical level, concept, translativity.

Различные языки по-разному моделируют действительность, неодинаково классифицируют предметы и явления объективного мира. Последние представлены в них с разной степенью дифференциации. То, что в одном языке представлено нерасчлененно, в другом может быть представлено в большей или меньшей степени расчлененно. В результате создаются различные языковые картины мира. Как отмечает Е. В. Урысон, в настоящее время общепринятым является положение о том , что каждый естественный язык по-своему членит мир, имеет свой специфичный способ его концептуализации. По мнению В. Гумбольдта, различные языки являются различными мировидениями. Особое мировидение каждого языка – это и есть специфичная языковая картина мира, которая закреплена в лексической системе языка и в семантически значимых грамматических категориях [1, 79].

Итак, между языками существуют семантические расхождения, которые проявляются на лексическом и грамматическом уровнях языковой структуры.

Одним из видов семантических расхождений на лексическом уровне является несовпадение понятий, выражаемых соответствующими словами разных языков. Л. В. Щерба подчеркивал, что "слова разных языков являются величинами несоизмеримыми; вернее, не слова, а понятия, ими выражаемые не имеют точных эквивалентов"; "понятия в разных языках не совпадают" [2, 67].

Примеры:

1) понятие, выраженное русским словом "палец", является более широким по сравнению с понятиями, выраженными английскими словами finger (палец руки) и toe (палец ноги);

2) понятие, выраженное русским словом "зонтик", является более широким по сравнению с понятиями, выраженными английскими словами umbrella (зонтик от дождя) и sunshade (зонтик от солнца);

3) наоборот, понятие, выраженное английским словом mother-in-law (мать одного из супругов), является родовым, а понятия, выраженные русскими словами "теща" и "свекровь", – видовыми;

4) понятие, выраженное английским словом boat, также является родовым по отношению к понятиям, выраженным русскими словами "лодка" и "пароход";

5) в отличие от славянских языков , где цвета спектра "синий" и "голубой" обозначаются двумя словами, в английском, немецком и французском языках они обозначаются одним словом (соответственно blue, blau, bleu); бретонцы и галлы обозначают одним словом glas участок спектра, соответствующий синему и зеленому цветам; во вьетнамском языке слово ”ханh“ обозначает три цвета: зеленый, синий и голубой;

6) в отличие от индоевропейских языков, в эскимосском языке отсутствует слово для выражения общего понятия "снег"; вместо него имеется целый ряд слов для обозначения различных состояний снега: "падающий снег", "снег на земле", "снег, плотно слежавшийся, как лед", "снег, несомый ветром" и т. п.;

7) у населения оазисов Сахары 60 различных слов для обозначения видов пальмы;

8) в языке филиппинцев 80 слов – названий риса.

Последние три примера семантических расхождений объясняются экстралингвистическими причинами – особенностями условий жизни носителей соответствующих языков.

Неодинаковое деление солнечного спектра на цвета в разных языках обусловлено различной объективной расчлененностью целого на части соответственно его различным признакам. Возможность объединения синего и зеленого цветов одним словом обусловлена действительным сходством этих цветов, состоящим в том, что, с точки зрения спектрального анализа, зеленый цвет, будучи смешанным, содержит в себе оттенок синего.

Остальные же примеры объясняются лингвистическими причинами, которые О. Есперсен назвал "капризами языка". Вот, что он писал о такого рода различиях между языками: "Занимаясь сравнительной лексикологией, мы наблюдаем, как предметы, представленные словами, группируются самым различным образом соответственно капризам данного языка. То, что сливается воедино в одном языке, различается в другом. Там, где аглийский язык различает clock (стенные, настольные, башенные часы) и watch (наручные часы), немецкий язык имеет одно слово Uhr "часы", но он компенсирует это положение с помощью сложных слов, которые дают возможность выразить гораздо больше оттенков: Turmuhr "башенные часы", Schlaguhr "часы с боем", Wanduhr "стенные часы", Stubenuhr "комнатные часы", Stutzuhr "настольные часы", Taschenuhr "карманные часы" [3, 50-51].

Следует подчеркнуть, что источник этих "капризов языка" находится в самой действительности, где предметы обладают многообразными признаками, благодаря чему одни и те же предметы одновременно входят в большое количество различных классов. Поэтому реально создаются условия для отражения в одних языках одних признаков предметов и, следовательно, их вхождения в одни классы, а в других языках – других признаков предметов и их вхождения в другие классы.

Так, в приведенном примере русский язык акцентирует различные признаки тещи и свекрови (то, что одна является матерью мужа, а другая – матерью жены) и показывает их объективную принадлежность к разным классам, в то время как в английском, немецком и французском языках отражается лишь общий признак тещи и свекрови (то, что та и другая являются матерью одного из супругов) и их реальная принадлежность к одному более широкому классу.

В указанных выше случаях понятия, выраженные словами разных языков, находятся в отношении подчинения: одно из них является родовым, а другое – видовым.

Представляют особый интерес случаи частичного совпадения понятий: напр., русск. "подросток" (возраст от 12 до 16 лет) и англ. teenager (от13 до 19 лет). Здесь причиной несовпадения понятий является лингвистический фактор: первая часть сложного слова teenager представляет собой суффикс, который входит в состав английских числительных от 13 до 19.

Другой разновидностью семантических расхождений на лексическом уровне является наличие лакун – слов одного языка, не имеющих эквивалента в виде слова в другом языке. Есть лакуны, которые объясняются экстралингвистическими причинами, – отсутствием данных предметов и явлений в жизни носителей языка. Например, у африканских народов - множество слов для обозначения видов пальмы и ни одного слова для обозначения снега; у северных народов – наоборот. Однако большинство лакун объясняются лингвистическими причинами – тем, что каждый язык по-своему членит окружающую человека действительность. Например, в английском языке отсутствуют такие слова, как "сутки", "кипяток", "ровесник", "однолюб". Соответствующие понятия могут быть переданы только описательно: "сутки" – day and night или 24 hours, "кипяток" – boiling water и т. д.

Таким образом, конкретный инвентарь понятий, осознанных языковым коллективом и закрепленных в концептуальных значениях слов, для каждого языка является специфичным [4, 101].

Что касается семантических различий на грамматическом (морфологическом) уровне, то они обнаруживаются прежде всего в наличии или отсутствии грамматических категорий "преимущественно отражательного типа" [5, 75]. По мнению Д. И. Руденко, в целом грамматические категории вполне адекватно фиксируют общую концептуальную картину мира, отражая ее наиболее базисные, инвариантные аспекты, узловые точки [6, 19].

Чем дальше языки отстоят друг от друга в генетическом плане, тем более значительными могут быть их различия в области грамматической семантики. Например, в японском языке нет присущей индоевропейским языкам категорий числа существительных, а в языке юрок нет категории глагольного времени. Наоборот, индоевропейским языкам абсолютно чужды грамматические значения имен деятеля, свойственные им в языке нутка, грамматический строй которого "вынуждает говорящего всякий раз, когда он упоминает кого-либо или обращается к кому-либо, указывать, является ли это лицо левшой, лысым, низкорослым, обладает ли оно астигматизмом и большим аппетитом" [7, 39].

Одноименные грамматические категории разных языков могут быть гомогенными или гетерогенными по отношению друг к другу. Даже в случае гомогенных категорий семантическое содержание конституирующих их грамматических форм может быть различным. Ср., например, значение формы множественного числа существительных в английском языке ("более одного"), где категория числа характеризуется оппозицией "единственное число – множественное число", и в литовском языке ("более

двух"), где она характеризуется оппозицией "единственное число – двойственное число – множественное число".

Что же касается гетерогенных одноименных категорий, то между ними существует принципиальное различие в плане содержания. Примером может служить категория вида, которая в русском, украинском и других славянских языках представлена грамматическими значениями совершенного и несовершенного видов, а в английском языке – грамматическими значениями общего и длительного видов. Между семантикой видовых форм русского и английского глагола нет прямого соответствия: длительному виду соответствует несовершенный вид, но обратное неверно, поскольку несовершенный вид передается в английском языке как длительным, так и общим видом.

Семантические расхождения между языками наблюдаются и на синтаксическом уровне. В качестве примеров можно привести наличие языков с номинативным и эргативным строем предложения; наличие в разных языках предложений с одинаковым речевым смыслом и различным синтаксическим значением (ср. англ. The doctor was sent for и русск. "За доктором послали").

Как известно, на основании существующих семантических различий между языками была выдвинута теория лингвистической относительности. Ее сторонники утверждают, что, поскольку каждый язык создает свою картину мира, мышление разных народов различно: оно зависит от языка; язык определяет мышление и процесс познания в целом; от различия языков зависит различие в мировоззрении.

Преувеличение роли семантических расхождений между языками привело авторов этой теории к неправильным философским и методологическим выводам. По их мнению, языковые картины мира абсолютно несопоставимы; отсюда вытекает принципиальная невозможность перевода с одного языка на другой.

Теорию лингвистической относительности можно подвергнуть критике в общем плане и частном плане.

В общем плане против ее доводов можно выдвинуть следующие контраргументы:

1. Мы, действительно, "расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком" [8, 174-175]. В результате, действительно, создаются различные языковые картины мира, но они сопоставимы.

2. Язык , действительно, оказывает определенное влияние на наше восприятие мира, мышление и познание. Однако в теории лингвистической относительности влияние языка на мышление и познание чрезмерно преувеличивается, абсолютизируется. Так, по утверждению Б. Уорфа, "грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума" [8, 174-175]. Здесь имеет место смешение логических и семантических форм мысли, содержательной стороны языковых единиц и содержания человеческого сознания [9, 59].

3. Законы мышления носят общечеловеческий характер. Именно таковы принципы отражения действительности сознанием человека, законы формирования понятий, построения суждений и умозаключений. С этой точки зрения не может быть русского, украинского, английского, немецкого, японского мышления, а есть единое общечеловеческое мышление. Логика человеческого мышления, отражающего внешний мир, едина для всех людей, на каком бы языке они ни говорили.

4. В целом не язык навязывает нам логический строй мысли, а, наоборот, логические законы определяют общую структуру человеческой речи, устанавливают основные соотношения между членами высказывания.

В частном плане против положений теории лингвистической относительности можно выдвинуть следующие контраргументы:

1. Не следует преувеличивать степень семантических расхождений между языками. Несмотря на то, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, все национально-специфичные модели мира имеют и общие, универсальные черты [10, 3]. Семантические различия между языками относительны и снимаются в акте речи. Если бы языковые картины мира были абсолютно несопоставимы, то невозможно было бы сравнивать отдельные языки и осуществлять перевод с одного языка на другой.

2. В зависимости от смысловых взаимоотношений между словами двух языков, для достижения адекватности перевода прибегают к различным лексическим трансформациям, таким, как конкретизация недифференцированных понятий, генерализация понятий, логическое развитие понятий, антонимический перевод и компенсация [11, 21; 12, 39; 13, 210-220].

3. Что касается семантических расхождений в грамматике, то надо помнить, что, несмотря на обязательный характер грамматических значений, содержащаяся в них информация далеко не всегда существенна для акта общения.

Необходимость передачи грамматических (морфологических) значений при переводе зависит от их функции. Это положение заслуживает более детального рассмотрения.

Грамматические значения, которые конституируют морфологические категории со связанным употреблением, необязательно передаются в переводе. Грамматические значения, которые конституируют морфологические категории со свободным употреблением, должны быть переданы в переводе. Однако одна и та же грамматическая категория может в одних случаях выступать в свободном, а в других – в связанном употреблении. К таким категориям, по мнению Л. С. Бархударова, относятся число существительных и время глагола [14, 16-17] – категории преимущественно отражательного типа. На наш взгляд, к морфологическим категориям, которые в одних случаях выступают в свободном, а в других – в связанном употреблении, можно отнести и наклонение глагола [15, 94].

Как известно, если в языке перевода отсутствует какая-либо морфологическая категория языка оригинала, то ее можно передать лексическими или синтаксическими средствами. Приведем примеры:

1. *Tom started writing a letter. He has been reading his article. – Том начал писать письмо. Раньше он читал свою статью.* Значение предшествующего действия в прошлом в английском языке выражается перфектной формой глагола, а в русском – наречием "раньше".

2. *The boy entered the room. – Мальчик вошел в комнату; A boy entered the room. – В комнату вошел мальчик.* Значения артиклей переданы с помощью порядка слов.

3. *The school was being built. – Школа тогда строилась.* Значение глагола длительного вида в русском языке передано при помощи глагола на "–сь" и наречия "тогда".

4. *A child can understand that. – Каждый ребенок может это понять.* Значение неопределенного артикля передано с помощью местоимения "каждый".

Таким образом, различные языковые картины мира не являются непреодолимым препятствием для достижения адекватности перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урысон Е. В. Языковая картина мира и лексические заимствования // Вопросы языкознания. – 1999. – №6. – С. 79 –82.
2. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе.- М.-Л. 1947. – 117 с.
3. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: УРСС, 2002. – 404 с.
4. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.
5. Бондарко О. В. Классификация морфологических категорий // Типология грамматических категорий. – М.: Наука, 1975. – С. 56-76.
6. Руденко Д. И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // Вопросы языкознания. – 1992. – №6. – С. 19 –35.
7. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966.– 302 с.
8. Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. – Вып. I. – М., 1960. С. 169-175.
9. Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. – М.: Наука. - С. 3 – 62.
10. Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – №2. – С. 3 –21.
11. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воен. изд-во, 1973. – 280 с.
12. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974.– 216 с.
13. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 237 с.
14. Бархударов Л. С. К вопросу о грамматических значениях и их передаче при переводе // Иностранные языки в школе. – 1972. – №3. – С. 13-22.
15. Литвак С. Я. Особливості відтворення граматичних значень при перекладі // Вісник Сумського державного університету. – Серія Філологічні науки. – 2001. –№5(26). – С. 92-95.

УДК 811.111’373.46

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ АНГЛІЙСЬКОЇ ТЕРМІНОЛОГІЧНОЇ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРІАЛІ СУБМОВИ НАСОСОБУДУВАННЯ)

Литвинко О.А.

Сумський національний аграрний університет

Стаття присвячена дослідженню структурно-семантичних особливостей англійської термінологічної лексики галузі насособудування. У роботі висвітлюється генезис термінологічних одиниць, подається класифікація термінології насособудування відповідно до її структурних та семантичних характеристик.

Ключові слова: термін, термінологія, структурні особливості, семантичні особливості, насособудування.

Литвинко О.А. СРУКТУРНО-СЕМНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СУБЪЯЗЫКА НАСОСОСТРОЕНИЯ) / Сумский национальный аграрный университет, Украина

Статья посвящена изучению структурно-семантических особенностей английской терминологической лексики отрасли насосостроение. В работе рассматривается генезис терминологических единиц, дается классификация терминологии насосостроения в соответствии с её структурными и семантическими характеристиками.

Ключевые слова: термин, терминология, структурные особенности, семантические особенности, насосостроение.

Litvinko O.A. STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE ENGLISH TERMINOLOGY (SUBLANGUAGE – PUMP ENGINEERING) / Sumy National Agrarian University, Ukraine

The present paper deals with the study of the English terminology of pump engineering. The genesis of the terminological units is shown. The classification of the terminology of pump engineering is given according to its structural and semantic characteristics.

Key words: term, terminology, structural features, semantic features, pump engineering.

Термінологія насособудування утворює особливий лексичний прошарок, який постійно змінюється, удосконалюється та служить засобом професійного спілкування фахівців. Термінологічні одиниці сфери насособудування є елементами системи термінології. Вони становлять інтегральну єдність, що характеризується певними закономірностями її складових. Зміст кожного окремого терміна визначає його місце в системі, зумовлює зв’язки і взаємодію з іншими елементами системи[1,208].

Під терміном розуміють слово або словосполучення, яке служить для визначення відповідного спеціалізованого поняття та відноситься до певної галузі науки або техніки. Йому притаманні моносемантичність, деемоціональність, десинонімічність та обмежена сфера вживання. Полісемія сприймається як недолік, що створює плутанину, неясність в аргументації [2,92].

Під термінологією розуміють особливу парадигму термінів, які корелюють із професійною сферою діяльності, та утворюють незамкнену, обмежену систему [3,101]. У силу принципово іншої організації термінологія насособудування не розчиняється в системі загальномовної лексики, і всі лексико-семантичні процеси мови реалізуються в ній специфічно, в тісному зв’язку з поняттями даної галузі техніки. Термінологію насособудування складають:

1) загальновживані слова:
weight „вага”;
force „сила”;

2) загальнотехнічні терміни, що вживаються у суміжних галузях науки і техніки:
-engineering (products) „технологічні вироби” – сфера насособудування;
engineering (database) „база даних” – проектування, програмування;
-gear „зубчаста передача” – сфера насособудування;
gear „привод” - сфера машинобудування.
3) спеціальні терміни, що властиві лише галузі насособудування:
two-side suction „двобічне всмоктування”;
pump „насос”;
impeller „насосне колесо”;

4) терміни – інтернаціоналізми:
hone „хон”,
fitting „фітінг”,

transmission „трансмісія”.

Із загальної мови термінологія отримує свій будівельний матеріал, організований згідно з мовними законами та зумовлений розвитком системи понять. Генезис термінологічних одиниць насособудування шляхом зміни лексичного значення слів побутової лексики ілюструють, наприклад, похідні від назв одягу:

-jacket „піджак” – слово загальної мови;

jacket „сорочка” - сфера насособудування;

muff „муфта (одяг)” – слово загальної мови;

muff „муфта” - сфера насособудування.

Деякі терміни даної субмови утворені шляхом асоціації з частинами тіла людини:

-arm „рука” – слово загальної мови;

arm „важіль” - сфера насособудування;

-eye „око” – слово загальної мови;

eye „отвір” - сфера насособудування.

Видокремлюються в цій субмові похідні терміни від назв їжі:

-egg „яйце” – слово загальної мови;

egg-box „супутник з чарунками (для розміщення деталей) - сфера насособудування.

За семантикою терміни насособудування мають конкретне або абстрактне значення. Конкретні терміни номінують позначення конкретних предметів - інструментів, матеріалів, пристроїв:

compensator „компенсатор”;

valve „вентиль”;

engine „двигун”.

Абстрактні терміни переважно корелюють з назвами:

1) процесів, які відбуваються при експлуатації обладнання:

water suction „усмоктування води”;

lubrication „змащування”;

2) різних видів тестів та контролю, що використовуються при випробуванні обладнання:

compression testing „випробування на стискання”;

life testing „випробування на стійкість”.

За структурою терміни сфери насособудування поділяються на слова та словосполучення. Терміни-словосполучення – багатокомпонентні одиниці, ланцюжок слів, пов’язаних за допомогою прийменників або без них [4,56]. Аналіз словникових статей показує, що в лексикографічних джерелах сфери насособудування превалюють багатокомпонентні терміни (83%), серед них домінують двокомпонентні терміни (63%). Однокомпонентні терміни відзначені широким спектром полісемії [5]:

system „метод”, „система”, „агрегат”;

baseplate „фундаментна плита”, „основна плита”, „основа” .

У складі англійської термінології насособудування превалюють іменники, що зумовлено їх номінативною функцією [5].

Терміни-слова утворюються шляхом афіксації, словоскладання, трансформації словосполучень у складні слова, абревіації, словоскорочення, конверсії [6,213]. Серед зазначених моделей превалюють афіксація, словоскладання, конверсія та абревіація [5].

Афіксація – це морфологічний спосіб утворення термінів, що полягає у поєднанні афіксів із словотворчою основою. Дериваційні процеси в термінологічній системі насособудування представлені переважно суфіксальними утвореннями за моделями:

Модель 1. V+ -er або -or (де V- дієслівна основа):

-to control „контролювати”;

controller „контролер”;

-to impel „примушувати до руху”;

impellor „насосне колесо” .

Модель 2. V+-ation

-to separate „розділяти”;

separation „сепарація”;

-to concentrate „концентруватися”;
concentration „щільність”.

Модель 3. V+-ment:
-to move „рухатись”;
movement „переміщення”;
-to measure „вимірювати”;
measurement „вимірювання”.

Модель 4. A+-ness (де A – прикметник):
-corrosive „їдкий”;
corrosiveness „корозійна активність”.

Модель 5. A+-ity:
-liable „доступний”;
liability „надійність виробу”.

Префіксальний спосіб в утворенні термінів насособудування посідає незначне місце.

Модель 1. dis-+N (де N – іменник):
-function „функціонування”;
disfunction „порушення роботи”.

Модель 2. de-+N:
-formation „утворення”;
deformation „деформація”.

Словоскладання представлене інтеграцією основ іменників типу:

saw „пила” + cut „розріз” = sawcut „проріз”.

Конверсія спостерігається у термінах типу:

to handle „обробляти” - handling „обробка”.

Абревіація - позначення слів термінологічних словосполучень першими літерами є типовою рисою англійської терміносистеми насособудування.

Наприклад:
NPSH (Net Positive Suction Head);
NP (Nominal Pressure).

Абревіації мають переваги перед термінами, що служать джерелом їх утворення. Вони зручні для користування, оскільки є стислими за формою.

Термінологічні словосполучення утворюються в основному за допомогою іменників, які корелюють з іншими частинами мови в препозиції або в постпозиції [7,21].

У термінології насособудування превалюють словосполучення, що складаються з іменників (a), з прикметників та іменників (b), з прислівників, дієприкметників (або прикметників) та іменників (c).
a) oil booster pump „підкачуючий масло насос”;
b) hydroelectric unit „гідроагрегат”;
c) isotropically radiated power „ізотропно випромінювана енергія”.

Вивчення структурно-семантичних особливостей англійської термінології насособудування є актуальним та чекає подальшого дослідження.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гумовська І.М. Англійська юридична термінологія у текстах з економіки// Іноземна філологія. Вип. 111. –Л., 1999. – С. 208-212.

2. Юровський І.М. Про походження деяких юридичних термінів в англійській мові// Збірник наукових праць аспірантів КДПІ. Питання романо-германської філології та методики викладання іноземних мов. – К., 1970. – С. 92-98.

3. Крикунова Г.І. Проблема визначення терміна і термінології // Іноземна філологія. - Вип. 66. – Львів: Вища Школа, 1982.- С. 96-101.

4. Вейзе А.А. Перевод технической литературы с английского на русский. – Мн.: Н.Б.Киреев,1997.-С.111.

5. KSB Centrifugal Pump Lexicon. – Frankenthal: KSB, 1980.-P.343.

6. Іващишин О.М. Способи термінологічної деривації в англомовних текстах з проблем екології та сірчаного виробництва// Іноземна філологія. - Вип. 111. –Львів, 1999. – С. 213-217.

7. Бородина А.И. О некоторых структурно-семантических тенденциях в английском терминообразовании // Вісник ХДУ: Актуальні проблеми теорії комунікації. – Харків: Константа,1997. – С. 19-22.

УДК 811.161.1` 367.625

СПОСОБЫ УСТРАНЕНИЯ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ ДЕФЕКТНОСТИ ГЛАГОЛА В РУССКОЙ РЕЧИ

Мацегора И.Л., аспирант

Запорожский государственный университет

В статье рассматриваются наиболее продуктивные способы устранения видовременной парадигматической дефектности глагола в русской речи, а также причины, обусловившие ее появление.

Ключевые слова: парадигма, грамматическая дефектность, грамматическая категория, вид, время, способ действия.

Мацегора І.Л. ЗАСОБИ ЛІКВІДУВАННЯ ПАРАДИГМАТИЧНОЇ ДЕФЕКТНОСТІ ДІЄСЛОВА В РОСІЙСЬКОМУ МОВЛЕННІ / Запорізький державний університет, Україна

У статті розглядаються найбільш продуктивні засоби ліквідування видочасової парадигматичної дефектності дієслова в російському мовленні, а також причини, що зумовили її виникнення.

Ключові слова: парадигма, граматична дефектність, граматична категорія, вид, час, спосіб дії.

Mathegora I.L. THE MANNERS OF REMOVAL PARADIEGMATICAL DEFECTS VERB IN RUSSIAN SPEECH / Zaporizhzhya State University, Ukraine

This article about of problem a verbal classes (aspect and tense) in function on Russian speech.

Key words: paradiegma, category of grammatical, grammatical statements, aspect, tense.

Развитие грамматической системы современного русского языка, в силу определенных причин, характеризуется взаимодействием тенденций к экономии и к избыточности языковых средств, а также ростом аналитических образований. В этом свете, исследуемая проблема представляет интерес для разработки теоретических проблем грамматического строя современного русского языка.

Проблема парадигматической дефектности русского глагола является одной из сложнейших в исследованиях по современному русскому языку. Данное явление имеет ряд причин различного содержания, истоки которых, по-видимому, следует искать в процессе исторического развития русского языка, принимая также во внимание социальные факторы, влияющие на историческую подвижность языковой системы.

Нерегулярность в образовании отдельных грамматических форм глагольной лексемы – явление в языке асистемное, имеющее, однако, реальную основу. Цель данного исследования – выявить способы устранения парадигматической дефектности глагола при функционировании его в речи носителей русского языка. Однако прежде необходимо выявить причины, обусловившие нерегулярность в образовании отдельных грамматических форм глагола, а также установить наиболее часто встречающиеся типы грамматической дефектности как в сфере функционирования глагольной лексемы, так и именных частей речи вообще.

Глагольная лексема в грамматическом отношении представляет собой соединение разнородных явлений. Достаточно сравнить спрягаемые личные формы, склоняемое причастие и неизменяемые инфинитив и деепричастие, чтобы убедиться в том, что основные формы принадлежат к разным морфологическим классам. Не менее очевидна и синтаксическая разнородность основных форм глагола. Личные формы всегда выступают в качестве сказуемого, причастие дублирует синтаксические функции прилагательного, инфинитив универсален по своим синтаксическим возможностям и может быть зависим и независим; деепричастие выступает как обособленное обстоятельство. Несмотря на столь

значительные различия основных форм, глагол все же составляет единый лексико-грамматический класс, формы которого объединены на основе общности грамматического значения.

В современном русском языке различают общее видовое противопоставление и "частные группировки глаголов по признаку характера протекания действия" [1, 48]. Эти группировки обычно именуются способами действия. Их можно определить как "семантические (отчасти словообразовательные) группировки глаголов, выделяемые на основании общности типа протекания действия" [1, 49]. Способы действия имеют прямое отношение к образованию видовых пар глаголов. Видовые пары образуются лишь в пределах одного способа действия. Если же значение способа действия может совмещаться со значением лишь одного вида, то глагол оказывается несоотносительным по виду, то есть имеет форму только одного вида. Например: **едал, сиживал, певал, говаривал, хаживал** – глаголы многократного способа действия, относятся к несовершенному виду, **прыгнуть, кольнуть, шепнуть** – глаголы однократного способа действия, относятся к совершенному виду.

Рассмотрение проявлений принадлежности глагола к тому или иному виду обнаруживает трудность решения вопроса о том, какие глагольные лексемы образуют видовую пару, а какие – нет. Дело в том, что нельзя составить пары на основании особенностей морфемного состава, поскольку видовое противопоставление может выражаться с помощью таких приставок и суффиксов, которые имеют значения, не образующие видового противопоставления. Нельзя составить такие пары и на семантическом основании, поскольку содержание видового противопоставления весьма широко изменяется под влиянием контекста. Однако более пристальное изучение семантики глагольного вида позволяет вскрыть причины несоотносительности тех или иных глаголов по видовому противопоставлению и, как следствие, установить способ устранения (если такой имеется в языковой системе) данного типа парадигматической дефектности.

Одну из значительных трудностей при описании видовой семантики создают "нестандартные" [3, 34] глагольные пары типа **видеть – увидеть, понимать – понять, покрывать – покрыть**, в которых глагол совершенного вида (СВ) обозначает начало состояния, выраженного глаголом несовершенного вида (НСВ) и, таким образом, сближается с глаголами "начинательного" [4,54] способа действия (ср. **заснуть**), которые, несомненно, не составляют чисто видовую пару с исходным глаголом НСВ (**спать**), и частично по семантическому содержанию приближаются к двувидовым.

Предлагаемый ниже анализ видовых соотношений исходит из наблюдений А.Вежбицкой, о том, что форма СВ есть лишь у глаголов, содержащих компонент "начало некоторого положения дел". Однако при этом следует учитывать, что если глаголы действительно различаются по наличию/отсутствию компонента "начало", то мы имеем дело не с чисто видовой парой, а с разными лексемами (**спать – заснуть, быть – появиться**). Иначе говоря, следует исходить из того, что в чисто видовой паре компонент "начало" должен присутствовать не только в значении глагола СВ, но и в семантике глагола НСВ, где он лишь каким-то образом "затушеван" [4, 71].

Установить чисто видовой характер глагольной пары позволяет предложенная в свое время Ю.С.Масловым [Маслов 1948] методика, использующая тот факт, что при употреблении в настоящем историческом форма НСВ парных глаголов может выражать значение формы СВ: ср. **Он идет к доске, быстро решает задачу и садится на место = пошел, решил, сел**. С помощью этого приема нетрудно убедиться в том, что непредельные глаголы НСВ, не имеющие в своем значении компонента "начало" (**жить, любить, спать, сидеть**) не могут употребляться в указанных контекстных условиях для выражения значения совершенного вида. Следовательно, в случае с парными глаголами значение СВ действительно представляет собой лишь некоторого рода "высвечивание", акцентирование скрытого в глагольном значении предельного компонента ("начало" или "конец" состояния), а не добавление этого компонента к семантике исходного глагола, как это имеет место в одновидовых глаголах СВ.

Рассмотрим, как именно происходит такое акцентирование предельного компонента в форме СВ и его "затушевывание" в форме НСВ, что поможет выявлению причин, приводящих к "видовой недостаточности" на уровне глубинной семантики глагольных лексем.

Вопросительное предложение с глаголом НСВ **Строит ли он дом?** Означает "производит ли он действия с целью, чтобы они привели к возникновению дома?" Здесь в ассертивную часть высказывания попадает компонент "производить действия", что и создает представление о длящемся процессе; предельный же компонент "возникновение (=начало существования)" стоит вне модальной рамки вопросительности, а также и вне временной рамки высказывания ("возникновение дома" относится не к настоящему времени, а к будущему). Предложение с глаголом СВ **Построил ли он дом?** Можно истолковать следующим образом: "возник ли дом в результате произведенных им действий?" В этом случае в ассертивную часть высказывания попадает именно предельный компонент "начало существования", что и создает представление о завершенности действия; при этом компонент "производить действие" сохраняется в содержании высказывания, однако выходит из его ассертивной части, образуя пресуппозицию. Таким образом, значение совершенного вида создается не просто за счет

наличия в семантике глагола компонента "начало", а за счет вполне определенного модального статуса частей этой семантемы в высказывании – а именно, за счет противопоставления утверждения "существует в указанный момент" и пресуппозиции "не существовало ранее".

Рассмотрение различных аспектов, связанных с видовой характеристикой глагольных лексем, приводит к выводу о том, что видовое противопоставление имеет вполне определенное семантическое содержание, причем это содержание вовсе не обладает свойством регулярности: лишь часть глаголов способна иметь видовые пары в описанном выше смысле. В этом свете наиболее действенным способом устранения парадигматической дефектности глагола при образовании видовых парадигм, нам представляется тенденция к образованию видовых пар при помощи суффиксации и префиксации **(конфисковать – конфисковывать, реализовать – реализовывать, моделировать – смоделировать)**. Одновидовые же глаголы продуктивных способов устранения "видовой несоотносительности" в языковой системе не имеют.

Традиционной грамматической категорией, характеризующей глагольную лексему, является категория времени. По отношению к моменту речи действия выделяют три основных формы: прошедшее, настоящее и будущее.

Однако все три указанных значения имеют способность регулярно реализовываться лишь у глаголов несовершенного вида: **писал, буду писать, пишу.**

Глаголы совершенного вида могут выражать два значения – предшествование моменту речи и следование за моментом речи. В контексте грамматические формы прошедшего, настоящего и будущего времени не всегда имеют соответственно значение действия предшествования моменту речи, одновременности и следование за ним. Формы времени глагола могут быть ориентированы не на момент речи, а на время другого глагольного действия.

Необходимо различать внеязыковой момент речи языковой, грамматический. Внеязыковой момент речи – это элемент объективного времени. Говорящий определяет время действия с точки зрения момента своей речи, на данный момент находится вне языка, так же как вне языка находятся действия и предметы, явления и отношения реальной объективной действительности. Грамматический же момент речи представляет собой отражение реального момента речи в языке. Это элемент системы языка. Он заключен в самой системе временных форм русского глагола, в дифференциальных семантических признаках данной системы. Отношение к грамматическому моменту речи отличает одну форму времени от другой. Каждая временная форма несет в своем грамматическом значении определенное отношение к этому ориентиру. Говорящий в реальном акте речи использует ту форму, которая своим грамматическим значением соответствует цели и смыслу высказывания, тогда как временное отношение к грамматическому моменту речи, заключенное в форме, связывается с внеязыковым моментом речи.

Различают постоянно движущийся момент речи как элемент объективного времени и отражения понятия об этом моменте, зафиксированное в системе грамматических форм глагола. В речи, в конкретном высказывании, говорящий, устанавливая время действия, ориентируется на момент своего высказывания или на какой-то другой момент внеязыкового времени. Но для выражения временного отношения действия в данном конкретном случае речи используются грамматические формы языка, в которых уже заложено грамматическое значение времени, установленное не говорящим, а грамматической языковой системой. Именно эти несоответствия и порождают нерегулярность в образовании временных парадигм. Наиболее продуктивным способом устранения парадигматической дефектности данного типа является образование аналитических конструкций (он будет учителем) и так называемых описательных предикатов (победить - одержу победу (1л., ед.ч.), пишу – я должен писать (форма императива)).

Таким образом, анализ причин, приводящих к видовременной недостаточности в сфере функционирования глагольной лексемы, позволяет установить следующие типы дефектности (опираясь на теоретические положения Колесникова А.А. [5, 41]) и наиболее продуктивные способы устранения парадигматической дефектности русского глагола.

Наиболее часто встречающиеся типы парадигматической недостаточности: 1) приводящая к отдельным различиям структур кода и кодируемой информации, ущербность части слов определенных классов относительно существующих в языке парадигм морфологических форм; 2) недостаточность охвата морфологической флективной парадигмой всех возможных проявлений какого-то инвариантного значения категорий; 3) морфологическая недостаточность лексем, очевидная при их употреблении в синтаксической функции, на передаче которой специализирован иной грамматический класс лексем.

Наиболее продуктивными способами устранения парадигматической дефектности в сфере функционирования русского глагола являются следующие: 1) способы, имеющие чисто грамматический характер: (префиксация и суффиксация в сфере различения двухвидовых глаголов, (глаголы типа **конфисковать – конфисковывать**); 2) способы, имеющие лексико-грамматический характер:

образование аналитических конструкций типа **буду писать** и так называемых описательных предикатов (**одержу победу**).

Вопрос о восполнении видовой несоотносительности одновидовых глаголов остается не до конца выясненным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение, 1971. – 175 с.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Высшая школа, 1976. – 256 с.
3. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. – М.: Наука, 1982. – 168 с.
4. Гуревич В.В. Модальность и семантика глагольного вида // Вопросы языкознания. – 2000. - №2. – С.71-78.
5. Колесников А.Н. Аналитизм в грамматической системе современного русского языка. – Измаил, 1992. – 128 с.
6. Мурясов Р.З. Неличные формы глагола в контрастивно-типологическом видении // Вопросы языкознания. – 2000. - №4. – С. 43-54.
7. Wierbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honour Roman Jacobson. – New York, 1968.

УДК 811.161.1

ЛЕКСИКО – СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Мищенко Т. Н., ст. преподаватель

Восточноукраинский национальный университет имени Владимира Даля

В статье дан лексико-семантический анализ глаголов говорения в русских народных говорах: выявлены основная и сопутствующие семы значения, ряд дифференциальных признаков – общих типовых сем, которые положены в основу предложенной автором семантической классификации исследуемых глаголов речи. Работа является одним из возможных путей исследования лексики русских говоров как элемента вербальной культуры народа.

Ключевые слова: системность лексики, лексико-семантическая группа, глаголы говорения, лексико-семантический анализ, метод компонентного анализа, основная сема, сопутствующие семы, семантическая классификация.

Міщенко Т.М. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА ГРУПА ДІЄСЛІВ ГОВОРІННЯ В РОСІЙСЬКИХ НАРОДНИХ ГОВОРАХ / Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля

У статті подано лексико-семантичний аналіз дієслів говоріння в російських народних говорах: виявлені основна й супутні семи значення, ряд диференціальних ознак – загальних типових сем, що покладені в основу запропонованої автором семантичної класифікації досліджуваних дієслів мовлення. Робота є одним із можливих шляхів дослідження лексики російських говорів як елемента вербальної культури народу.

Ключові слова: системність лексики, лексико-семантична група, дієслова говоріння, лексико-семантичний аналіз, метод компонентного аналізу, основна сема, супутні семи, семантична класифікація.

Mischenko T.N. LEXICOSEMANTIC GROUP OF SPEECH VERBS IN RUSSIAN DIALECTS / Vladimir Dal East-Ukrainian National University

This article examines the lexicosemantic group of speech verbs in Russian dialects, basic and accompanying semes of meaning, differential attributes – common typical semes, which form the basis of the offered by the author semantic classification of examined speech verbs. This work is one of the possible ways to research Russian dialects lexicon as a part of verbal culture of this nation.

Key words: the systematic character of vocabulary, lexicosemantic group, speech verbs, lexicosemantic analysis, the component analysis method, general seme, accompanying semes, semantic classification.

В центре внимания современной лингвистики находится описание лексики как системы взаимообусловленных элементов. Существует мнение, что системная организация лексики только отражает те связи и отношения, которые имеют место между явлениями действительности и,

следовательно, не может характеризовать систему лексики как собственно лингвистическую. Состав языка действительно отражает реалии с их связями и отношениями. Однако избирательность каждого языка действует по–разному, выделяя в одном и том же явлении разные признаки, совокупность которых дает нам знания об этом явлении, т.е., в конечном счете, значение слова. Зависимость значений слов данного языка от внешнего материального мира позволяет говорить об отражении действительности в языке, в значении слов. В зависимости же от отношений между словами, от значений слов фиксируется структура языка, и, в частности, структура его семантики.

Попытка представить семантику в такой же степени системно организованной, как фонетика и грамматика, возникающая при этом проблема разной распределенности содержания в словах, обозначающих одно и то же понятие, привела к исследованию группы слов, объединенных общим содержанием. Еще великий русский и украинский лингвист А. А. Потебня в самых ранних своих работах («О некоторых символах в славянской народной поэзии», 1860, «Мысль и язык», 1862, «О связи некоторых представлений в языке», 1864) высказал мысль о необходимости изучения законов и правил внутренних сцеплений и объединений значений *у целой группы слов*, о необходимости исследования *семантических рядов слов* в связи с развитием языка и мышления, в связи с историей народа.

По мнению В. В. Виноградова, «русскому (как и другому) национальному языку свойственна своеобразная система образования и связи понятий , их группировки, их расслоения и их объединения в «пучки», в комплексные единства… Характерной особенностью русского языка является тенденция к группировке слов большими кучками вокруг основных центров значений» [1, 18].

Будучи основной лексической единицей, слово входит в синонимический ряд. Рассмотренные в плане парадигматических отношений, синонимические ряды неминуемо входят в соединения, образуя единства более высокого порядка, - лексико-семантические группы. В последнее время принято говорить не столько о системности лексики вообще, сколько о различном характере системных связей внутри отдельных лексико-семантических групп.

При семантическом анализе лексики исходят из того, что слово в семасиологическом аспекте являет собой единство лексемы (звукоряда) и семемы (значения). В центре интересов традиционной лингвистической семантики стоит рассмотрение изменения значений отдельных слов (или группы слов), смены семем, соотнесенных с одной и той же лексемой. Современная семасиология обращена к теории семантических полей, т.е. налицо требование системно – группового рассмотрения слов. Семантическая классификация лексики опирается на следующие основные теоретические положения.

Функциональными единицами лексико-семантических групп являются семемы, представляющие собой совокупности сем – семантических дифференциальных признаков, которые по своему статусу и функциям аналогичны дифференциальным признакам фонем.

Лексико-семантические группы выделяются на основе общего семантического признака (идентифицирующей семы), которая регулярно повторяется во всех лексических единицах класса, и специфических, дифференцирующих, сем, противопоставляющих данную лексему другим лексемам в структуре семантического микрополя. Для каждой лексико-семантической группы характерен специфический набор дифференцирующих сем и их различная комбинация в семантике отдельных слов [2, 23]. Так, семемы делятся на разложимые на семы и неразложимые (или уникальные). Сема устанавливается обычно путем последовательного вычитания одной семемы из другой (второй из первой и т.д.). При этом важно выполнять условия, чтобы хотя бы в одном из исследуемых диалектов семема с лишним признаком и семема без такового различались и формально, т.е. манифестировались разными лексемами.

В семемах, разложимых на несколько сем, наблюдается иерархия сем, которую можно предварительно формулировать как наличие основной семы (чаще всего конкретной и терминологичной, совпадающей с семемами, состоящими из одной семы) и ряда дополнительных – сопутствующих, в большинстве случаев более абстрактных и более универсальных [3, 362-363].

При классификации глагольной лексики в семантическом аспекте используются главным образом три признака: денотативный (или тематический), парадигматический и синтагматический. Наиболее традиционный признак – денотативный. При денотативном подходе учитывается прежде всего естественное, онтологическое расчленение предметов, признаков, свойств, действий, процессов, событий и состояний, отраженное в структуре языка. Именно на этом признаке основано выделение таких семантических классов слов (лексико-семантических и тематических групп), как название животных, птиц, рыб, растений и т.п.; термины родства, различных ремесел; лексико-семантические группы глаголов, прилагательных, наречий. Выделение таких классов опирается на интуицию говорящих (в частности на интуицию исследователя), на их знания о реальной действительности, т.е. в конечном итоге – на экстралингвистические факторы.

Независимо от того, какой признак классификации применяется, при семантической классификации слов большую помощь оказывает метод компонентного анализа значения слова, исходящий из свойств и качеств (признаков) того отрезка действительности, который «покрывается» словом или группой слов. Компонентный анализ значения слова позволяет рассматривать группу слов, объединенных общим содержанием, как множество с определенной структурой, со свойственной данной группе организацией смысла.

Лексико-семантическая группа глаголов говорения в русских народных говорах, выбранная для рассмотрения как одна из наиболее типичных и регулярных для любого из диалектов, выделена на основании словарных определений из «Словаря русских народных говоров» [4], где собраны воедино и должным образом обработаны все доступные записи словарных особенностей всех русских народных говоров 19-20 столетий.

Цикл глаголов говорения (*verba dicendi*) представляет собой важнейшее звено в общей системе семантики глагола, выделяется своей значимостью и частым употреблением в связной речи. Из-за частого употребления и эмоциональной насыщенности создается необходимость постоянной замены глаголов речи. Происходит беспрерывное пополнение этого тематического разряда. Вот почему изучение его на разных этапах развития языка представляет большой интерес.

Глаголы говорения обозначают действие (в широком смысле), совершаемое речевым аппаратом. Это произношение членораздельных звуков – отдельных слов или фраз – в процессе речевого общения. Следовательно, к этой группе относим глаголы, которые как единицы словаря вне контекста обозначают процесс речи. Процесс речи – это общий семантический признак целой группы. Кроме того, каждый глагол имеет конкретное значение определенного речевого акта. Это может быть или общее, или дифференцированное значение говорения.

Итак, основной (идентифицирующей) в данном семантическом поле глаголов является сема говорения. К дополнительным, сопутствующим (дифференцирующим) семам, из соотношения которых складывается внутренняя структура поля, относятся семантические признаки, характеризующие произносительную и содержательную стороны речи.

Ядерной семемой для *verba dicendi* является семема, выраженная глаголами с общим значением ‘говорить, сказать’.

Таким образом, исследуемые глаголы в семантическом плане можно разделить на две большие группы, а именно:

1. Глаголы, манифестирующие семему, не разложимую на семы, состоящую из одной основной семы говорения.

2. Глаголы, манифестирующие семемы, разложимые на семы.

Последние, в свою очередь, делятся на три подгруппы: с семами, акцентирующими произносительную сторону речи (звучание речи); с семами, акцентирующими содержательную сторону речи (средства информации); с семами, акцентирующими коммуникативную сторону речи (средства общения).

Эти подгруппы выделены на основе понятийного содержания процесса говорения: речь определяется по словарю как «система звуковых и словарно-грамматических средств, являющаяся орудием для выражения мыслей и служащая средством общения людей». Следовательно, понятие говорения характеризуется основными признаками: 1) звуковая форма речи; 2) информативный признак (как средство сообщения); 3) коммуникативный признак (как средство общения).

Первая группа является основной, опорной в данном тематическом разряде. Глаголы этой группы (баить, басить, глаголить, гласить, говореть, гуторить и др.) обозначают процесс говорения без какой-либо дополнительной характеристики этого действия, так называемый чистый процесс речи. Можно сказать, что здесь обозначение данного действия выступает в его наиболее обобщенном виде. Это основные глаголы речи. В самом глаголе нет указания на характер или качество действия.

Глаголы второй группы, акцентирующие звучание речи, обозначая процесс говорения, одновременно содержат дополнительную характеристику этого процесса со стороны способа произведения действия (именуют процесс говорения в зависимости от артикуляционных и акустических особенностей, а также от соответствия его произносительным нормам).

При соотнесении глаголов этой подгруппы с семемой с основным значением ‘говорить’ выделяется ряд дифференциальных признаков – сем, каждая из которых является отрицательной по отношению к нейтральному узусу. Это семы ‘*громко*’ (глаголы «алакать, базанить, базарить» и др.), ‘*тихо*’ (жуберить, шурукать, барабошить и др.), ‘*быстро*’ (балабонить, вергасить, верещать и др.), ‘*медленно*’ (выколупывать, гунобить, ваулить и др.), ‘*невнятно*’ (бормить, бормолить, вавакать и др.), ‘*в нос*’ (гнусавить, гундавить, гундосить и др.).

Из перечисления этих дифференциальных признаков видно, что при соотнесении их друг с другом отчетливо выделяются дихотомические признаки: интенсивность звучания (громко - тихо), темп речи (быстро - медленно). Два последних признака, а именно '*невнятно*' и '*в нос'*, можно определить как дихотомические по соотнесению с нейтральным, исходным значением 'говорить'. Это признаки внятности – невнятности и нормальности–назальности произношения. Положительными признаками здесь являются нейтральные '*говорить (внятно)*' и *'говорить (не в нос)'*.

К подгруппе глаголов, акцентирующих содержательную сторону речи, относятся глаголы, которые обозначают процесс речи в дифференцированном виде. Здесь, в самом глаголе, не только отражается действие, но и определяется его характер – содержание или тема высказывания. К общему значению речевого действия в каждом отдельном случае присоединяется какой-либо конкретный его оттенок. Среди этих глаголов выделяются две подгруппы: 1) глаголы, указывающие на содержание высказывания, не уточняя способа произведения речевого действия (*говорить что*); 2) глаголы, обозначающие не только содержание высказывания, но и указание на способ, манеру речевого действия (*говорить что как*).

В семантике этих глаголов тоже выделяется ряд отрицательных по отношению к нейтральному узусу сем:

1) *говорить что* – '*правда*' (выбаивать, выбрякать, вылепить и др.), '*неправда*' (блышить, обдядюлить, обморочить и др.), '*хорошее*' (вещевать, испровещиться, напроковать и др.), '*плохое*' (ворожить, нагаркать, каркать и др.), '*вздор, глупости, чепуха'* (базгалить, балаболить, баламотить и др.), *'сплетни'* (балентрясить, балентрясничать, клочить и др.), *'напраслина'* (базлать, враковать, клепать и др.), *'бранные слова'* (бузить, брехаться, выматькать, заматюгать и др.);

2) *говорить что как* - '*серьезно*' (басить, баюнить, благолить и др.), '*шутливо'* (баклушить, балаганить, балясить и др.), *'уважение'* (бахорить, здоровкаться, подтоваривать и др.), *'насмешка'* (ащеульничать, подсакаливать, подсатанивать и др.), *'некстати, невпопад'* (вакать, болкнуть, пякнуть и др.).

Как видим, в каждой из подгрупп отчетливо выделяются по два дихотомических признака: говорить '*правду - неправду*', говорить '*хорошее - плохое'*, говорить '*серьезно - шутливо*', говорить '*с уважением – с насмешкой'*. Все остальные признаки можно определить как дихотомические в соотнесении с не разлагаемым нами нейтральным значением 'говорить'.

В подгруппе глаголов, акцентирующих коммуникативную сторону речи, выделяется сема '*взаимный речевой контакт*' (калайдакать, судачить, калякать и др.).

Семантическая классификация слов всегда сопряжена с целым рядом трудностей. Семантические группы слов существуют не изолированно, а находятся в тесной связи и постоянно взаимодействуют. Поэтому слова одной семантической сферы могут входить в другую семантическую сферу.

Анализ глаголов говорения позволяет говорить о том, что среди них представлено большое количество слов с неосновным значением речи, которые пришли в группу *verba dicendi* из семантических сфер глаголов звучания и глаголов конкретного физического действия (гавкать, гагать, гоготать, лаять, мявкать; булькать, щелкать, барабанить, бренчать, трубить и многие др.). Употребляясь как глаголы речи, они получают дополнительную эмоционально – экспрессивную окраску (чаще негативную).

Так, лексико-семантическая группа глаголов говорения в русских народных говорах представлена большим количеством глаголов с различными семантическими оттенками. Компонентный анализ помог установить некоторые семантические особенности этой группы слов.

Обращает на себя внимание достаточно четкая тенденция к обозначению отрицательных качеств речи. В звуковой характеристике, например, отмечаются дефекты речи (невнятность произношения, назальность), а глаголы, которые выделили бы противоположные качества, отсутствуют. Большим количеством слов представлена семема '*говорить чепуху, вздор, лишнее, глупости*', и в этом случае нет антонимичных глаголов, которые обозначали бы содержательность речи. Есть длительность, но нет краткости. Обозначая нейтральные, казалось бы, стороны звучания (силу звука, темп), соответствующие глаголы становятся носителями отрицательных характеристик (даже если признак дихотомичен). Глаголы, обозначающие сходство звучания человеческой речи со звуками, издаваемыми животными и птицами, так же являются средством отрицательной характеристики.

Думается, что объяснить такое изобилие и разнообразие негативных слов среди глаголов говорения в русских народных говорах можно исходя из функций речи – быть средством общения. Постоянная фиксированность сознания на том, что нарушает общение, не может не отразиться на количестве и качестве речи; свойства же нормы (четкость, содержательность) не вызывают проявления оценочно – эмоциональных характеристик.

Предложенная семантическая классификация группы глаголов говорения является одним из возможных путей исследования лексики русских говоров как элемента вербальной культуры народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 616с.
2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 212с.
3. Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. – М.: Наука, 1968. – С.321-389.
4. Словарь русских народных говоров/ Сост. Филин Ф. П. – Вып. 1 – 20. – М.: Наука, 1965 – 1985.

УДК 882Т – 3.06

«ЦЕ ДІЛО ЗАТЯЖНЕ…» (М.П. ДРАГОМАНОВ И А.И. ЖЕЛЯБОВ В РОМАНЕ Ю.В. ТРИФОНОВА «НЕТЕРПЕНИЕ»)

Муравин А.В., к. филол. н., и.о. доцента

Запорожский государственный университет

В статье представлена интерпретация исторических личностей А. Желябова и М. Драгоманова в романе Ю. Трифонова «Нетерпение».

Ключевые слова: историзм, исторический роман, историческая правда, террор, нетерпение.

Муравін О.В. «ЦЕ ДІЛО ЗАТЯЖНЕ…» (М.П. ДРАГОМАНОВ ТА А.І. ЖЕЛЯБОВ У РОМАНІ Ю.В. ТРИФОНОВА «НЕТЕРПІННЯ») / Запорізький державний університет, Україна

У статті надається інтерпретація історичних особистостей А. Желябова та М. Драгоманова у романі Ю. Трифонова “Нетерпіння”.

Ключові слова: історизм, історичний роман, історична правда, терор, нетерпіння.

Muravin A.V. “ZE DILO ZATAZNE…”(M. DRAGOMANOV AND A. ZHELABOV IN THE NOVEL BY Y. TRIFONOV “THE IMPATIENCE”.) / Zaporizhzhya State University, Ukraine

The article with the personalities of A. Zhelabov and M. Dragomanov as they are interpreted in historical novel by Y. Trifonov “The Impatience”.

Key words: historicity, historical novel, historical reality, terror, impatience.

«История постоянно пишется заново. Появляются новые ученые, еще в большей мере новые художники, мыслители, которые по-новому оценивают известные события, развивают новые концепции, вырабатывают новые точки зрения… Оглядываясь назад, человечество идёт вперед. Благодаря этому – становится объективнее, умнее. Важные исторические события с полным правом заново оцениваются новым поколением», - эти слова были сказаны писателем Ю. Трифоновым, который, начиная с 60-х гг. XX в., в непростое для исторических разысканий время, смог выполнить работу не одного коллектива историков [1, 69]. В произведениях на историко-революционную тему прозаик показал пример создания на основе реальных фактов обобщённых образов, когда фантазия художника лишена субъективизма и произвола, ибо опирается на историческую истину. Таким стал опубликованный в 1973 г. роман «Нетерпение», в котором повествуется о революционном движении в России в 70-80-е гг. XIX века.

Вопреки бытовавшему ранее мнению о деятельности организации «Народная воля» (объекту исследования романиста) как «процессу движения народных масс», едва ли не «всенародной борьбе с самодержавием», когда по всей стране «создавалась и расширялась сеть рабочих, крестьянских, студенческих, военных кружков», Ю. Трифонов оставался верен своему осмыслению народовольчества. Тысячами их исчисляли официальные историки, писатель считал возможным говорить о 500 сочувствующих и о 50, а точнее о 30, активных деятелях-заговорщиках, оторвавшихся от масс, действующих без поддержки народа и потому вынужденных прибегнуть к тактике террора. Об этом свидетельствуют его дневниковые записи, статьи, роман, письма к историку Н. Троицкому: « Я вовсе не обязан подделываться под тон цитат «Истории КПСС» или других авторов. Я написал этих людей так, как я их вижу и понимаю, и спорьте со мной по существу, а не с помощью цитат»[2, 175]. Во все времена перед художником, который обращается к истории отечества, вставали больные вопросы. Проще было не прикасаться. Но именно Ю. Трифонов нашёл в себе мужество прикоснуться к болевым точкам отечественной истории, которая стала для него и почвой, и духовной родиной, и корнями.

История и человек, революционная необходимость и цена человеческой жизни – вопросы, которые своей деятельностью пытались решить народовольцы. Вопросы, над которыми вместе со своими героями задумывается и Ю. Трифонов. За занавесом исторического жанра писатель доискивался до корней тоталитаризма … и эзоповым языком свидетельствовал о современности, о начале 70-х гг., о тяжёлой стагнации – т.е. о том, что в печати начал появляться открыто примерно с 1986 года. Трифонов написал роман о попытках нетерпеливых «вылечить» страну террором и о том, что не могут такие средства оправдать даже прекрасную цель.

Не случайно в романе появляется образ М.П. Драгоманова – выдающегося украинского революционера, филолога, публициста, полемиста и критика. Особенного внимания заслуживают на страницах романа взаимоотношения М.П. Драгоманова и А. Желябова – руководителя партии «Народная воля». Вплоть до отдельного издания романа глава «И ещё голос: Драгоманов М.П.» «выпадала» из журнальных публикаций произведения. Случайно? В ней писатель повествует о неудавшейся попытке народовольцев, по словам Г. Плеханова, «остановить на себе зрачок мира» : добиться общеевропейского признания; в ней говорится о бесперспективности деятельности партии «Народная воля» и неизбежности краха народовольческого движения. Устами «апостола правды и науки», «украинского Герцена», «украинского Лессинга» - М.П. Драгоманова – приговор народовольцам выносит сама История. Имя самого Драгоманова долгое время было не в чести у «политиков от литературы». Клеймо «украинского националиста» лежало на личности выдающегося деятеля эпохи вплоть до конца 80-х гг. XX столетия. Поэтому это имя не упоминается почти во всех критических материалах, посвященных роману «Нетерпение». Глава же не только занимает центральное место в композиции произведения, но и является центром идейно-художественного смысла романа. Пришло время вернуть М.П. Драгоманову заслуженное место в образной системе произведения.

А. Желябов и М. Драгоманов были знакомы лично ещё по «Славянскому комитету» в Киеве и Одессе середины 70-х гг. XIX в. Однако их отношения нельзя было назвать гладкими и дружескими. Драгоманов, как и многие современники, отмечал в Желябове как черту характера стремление “всё решить махом, кардинально, поскорей”, видел, что “ по природе мышления он был крайне нетерпелив”. Часто спорили о средствах и методах революционной практики. В 1876 г. Драгоманов уезжает за границу, где становится в центре всей эмиграции. 12 мая 1880 г. Желябов пишет письмо в Вену. Положение представителя украинского революционного движения, деятеля, известного в России, революционера с необыкновенным прошлым в глазах Желябова стало основой доверия и наивысшей гарантией признания «народной воли». Обращение его было и настойчивым и эмоциональным: “Неужто и Вы, Михаил Петрович, не признаете близких, реальных выгод для народа от нашей борьбы? Этого не может быть: за нас Ваши литературные произведения, Ваша отзывчивость на живое дело, Ваша склонность найти практический исход ... нам крайне интересно было бы знать Ваше личное мнение о программе”[3, 3, 296-298]. Далее Желябов предлагал сотрудничать с “Народной волей”, настоятельно просил (“Вы, конечно, согласитесь ...”?!) склонить общественное мнение Европы в пользу партии, обязывал принять деятельное участие “в злобе дня родной страны”. Драгоманов не ответил Желябову письменно. Но сохранившиеся письма, статьи, дневники, документы Михаила Петровича показывают, как глубоко было несогласие его с тактикой революционного террора. В “Автобиографической заметке” (1883 г.) он писал : “Я действительно постепенно становился всё больше и больше противником русских революционеров. Кроме их великорусского централизма, антикультурных тенденций, народнических иллюзий, макиавеллизма средств ..., меня разделяло с ними и возведение политических убийств ... в принцип революционной борьбы, тогда как я смотрел на этот террор только как на естественное, хотя и паталогическое, последствие террора самого правительства»[4,67]. Не приняли предложений Желябова, не вступали в практический контакт с ним, уклонились от этого, и другие видные общественные деятели эмиграции и международного революционного движения Г. Плеханов, Ф. Энгельс, К. Маркс и др.

Наше сегодняшнее понимание помогает уяснить суть и исходные мотивы позиции М.П. Драгоманова в условиях напряжённых и сложных социальных конфликтов 70-80-х гг. XIX в. Отдавая должноеличному мужеству и самоотверженному (до самопожертвования) героизму народовольцев, Драгоманов не мог оправдать программной тактики индивидуального террора и самих терактов. Больше того: он отвергал их из-за общеморальных соображений и отбрасывал из соображений полной бесполезности и вредности подобных поступков для успеха освободительной борьбы, для воспитания новых поколений борцов за будущее общество социальной справедливости, основанное на гуманизме, высокой человеческой морали и законности. Ещё острее, чем в общетеоретическом плане, встала перед учёным эта коллизия в практическом аспекте. Революционер, считающий себя социалистом в западноевропейском, прудоновском понимании, а не «русским нигилистом» лавровско-ткачевского плана, положениями которого были: в культуре – рационализм, в политике – феодализм, а в социальных делах – демократизм, основным своим жизненным моральным кредо, критерием оценок общественной значимости политических, социальных акций, человеческих (своих и чужих) поступков сделал следующую мысль : «Чистое дело требует чистых рук». Поэтому он считал, что осуществление социалистического идеала « возможно только в известной постепенности и при высоком развитии масс, а потому и достижимо более

при посредстве умственной пропаганды, чем кровавых восстаний»[5, 1,64-65]. М.П. Драгоманов верил в то, что террор на социально-экономической почве страшнее террора политического. Очень принципиально и последовательно критиковал М. Драгоманов тиранию и диктатуру, осуждал их в прошлом (французское якобинство) и развенчивал в современности (якобинство народовольцев). Насилие во всех его проявлениях неминуемо приводит к своеволию, а это, в свою очередь, ограничивает свободу личности и народа, идею воли как таковую. «Все мечтания приостановить или урегулировать социальное движение «спасательными диктатурами» и разными манипуляциями «сильной власти» или же сразу порешить социальные вопросы революционными вспышками: хитрыми заговорами, столичными восстаниями, диктатурами временных правительств или даже всего городского класса, хотя бы и всей страны, - всё это теперь становится полным анархизмом», - замечал ученый в одной из своих работ [4, 158]. Он до конца своих дней настаивал на том, что всякая революция имеет политический характер, меняет политические формы руководства, но не может изменить строй общественной жизни, так это должно органично и последовательно вырасти из предыдущего, как дерево из данного грунта, а продиктовать его никакими вердиктами нельзя. С точки зрения исторической перспективы всякое принципиальное неприятие террора – это позиция, которая у общественных умов требовала политической мудрости и гражданской отваги; принимая во внимание конкретное состояние политической ситуации, она вызывала понятное осуждение. Принципиальная же позиция М. Драгоманова относительно места и роли насилия в истории, в каком-либо общественном русле вытекала не из каких-то абстрактных рассуждений о биологической природе человека, а из глубоких и наивысших гуманистических принципов, идей и прав человека на жизнь и свободу – идей, которые проповедовали гуманисты всех эпох.

Естественно, что в период жестоких расправ самодержавия с народовольцами подобные осуждения террора кому-то казались идущими от “абстрактного буржуазного гуманизма”. Это вынудило многих социалистов отвернуться от М.П. Драгоманова и посчитать его чуть ли не агентом самодержавной реакции, который не только не уважает революционные традиции, а и не щадит памяти погибших героев. Обесславить учёного было легко. Не получив ответа на письмо, Желябов был обижен. С Желябовым М.П. Драгоманову увидеться больше не пришлось. Дороги их разошлись: через девять месяцев, 3 апреля 1881 г. Андрей Желябов был казнён.

Колесо судьбы, поток Истории уже подминали народовольцев под себя, накрывали волной времени. Михаил Петрович жестко откликнулся на убийство царя Александра II : «Жизнь государя должна быть так же священна, как и жизнь простого смертного» [4, 131]. Драгоманов преклонялся перед обаянием энергии народовольцев, видел их будущую святость, но понимал неправильную оценку народовольцами своих возможностей. Чем была деятельность “Народной воли”? Исторической необходимостью или великим нетерпением, попыткой одним взмахом повернуть колесо истории ? Нетерпением, рождающим беспощадность. В нём зрели злые семена будущих малых и больших социальных бед.

Цель не оправдывает средства – цель определяет средства. Такова объективная суть связи цели и средств. Можно сказать, что средства – дорога к цели. А какова дорога, таков и итог пути. Дорога народовольцев была, увы, кровавой, итог пути – тоже. Сама диалектика исторического процесса поставила на то время М.П. Драгоманова в круг тех, кто осуждал терроризм. “Не революция, а эволюция!” – таким был девиз мудрого революционера и философа М. Драгоманова. “История не может быть другой, но мы другими быть обязаны, - писал А. Яковлев, - Народы не могут и не должны больше расплачиваться кровью и страданиями за брак социального знания,тем более – за чей-то групповой эгоизм ... Идея про насилие как повивальную бабку истории исчерпала себя, так же как и идея власти диктатуры, которая безоговорочно опирается на насилие” [6, 218]. Об этом думал в 80-е гг. XIX ст. М.П. Драгоманов. К этому призывал в 70-е гг. XX ст. в своём романе Ю.В. Трифонов. Такой мудростью нас вооружил исторический опыт сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трифонов Ю. Роман с историей (Беседу вёл Р. Шредер) // Вопросы литературы. – 1982.- №5. – С.66-73.
2. Трифонов Ю. Сопряжение истории с современностью // Вопросы литературы. – 1987. -№7. – С.170-180.
3. Трифонов Ю. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Художественная литература, 1985-1987. – Т.3.
4. Федченко П. Михайло Драгоманов. Життя і творчість. – К.: Дніпро, 1991. - 362 с.
5. Драгоманов М.П. Літературно-публіцистичні праці: У 2 т. – К.: Наукова думка, 1970. – Т.1. – 531 с.
6. Кедрина З. Главное –человек. – М.: Сов. писатель, 1972. – 406 с.

УДК 372.882

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ШКОЛЬНОМ ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Мурач Л.А., к.пед.н., доцент, *Полежаева Н.А., старший преподаватель

Запорожский государственный университет,
**Запорожский национальный технический университет*

В статье рассматривается один из актуальных аспектов методики преподавания литературы: возможности использования в школе новых, а также возрожденных в науке о литературе методов анализа художественных произведений. Обращение к этим методам углубляет понимание литературных явлений, способствует формированию заинтересованного, творческого читателя. Однако во избежание упрощенных, псевдонаучных подходов в использовании рассматриваемых способов изучения художественных текстов, необходимо тесное сотрудничество ученых-литературоведов, методистов и учителей-практиков. Только такое сотрудничество сможет обеспечить необходимый уровень овладения новейшими методами в школьном литературном образовании.

Ключевые слова: компаративистика, мифопоэтический анализ, герменевтика, интерпретация, интертекстуальный анализ.

Мурач Л.А., *Полєжаєва Н.А. НОВІ ПІДХОДИ ДО АНАЛІЗУ ХУДОЖНЬОГО ТВОРУ В ШКІЛЬНОМУ ВИКЛАДАННІ ЛІТЕРАТУРИ / Запорізький державний університет,*Запорізький національний технічний університет, Україна

У статті розглядається один із актуальних аспектів методики викладання літератури, а саме – можливості використання в школі нових, а також відновлених у науці про літературу методів аналізу художніх творів. Звернення до цих методів сприяє поглибленому вивченню літературних явищ, а також формуванню зацікавленого, творчого ставлення учнів до них. Однак інколи в практиці вчителів можна спостерігати дещо спрощені, псевдонаукові спроби використання літературознавчих методів. Щоб запобігти цьому, методичні журнали публікують матеріали, які не тільки розкривають методологічні засади способів аналізу, але й адаптують їх стосовно шкільної філологічної освіти. Саме поєднання зусиль учених-літературознавців, методистів і вчителів-практиків може забезпечити необхідний рівень володіння новими науковими методами в шкільній літературній освіті.

Ключові слова: компаративістика, міфопоетичний аналіз, герменевтика, інтерпретація, інтертекстуальний аналіз.

Muratch L.A., *Polezhayeva N.A. NEW APPROACHES TO ANALYSIS OF A WORK OF FICTION IN TEACHING LITERATURE AT SCHOOL / Zaporizhzhya State University, *Zaporizhzhya National University , Ukraine.

In the article one of the most topical aspects of teaching literature at school has been considered, namely possibilities for the schoolteacher of using new modern methods in the analysis of a work of fiction. The usage of these methods makes comprehension and appreciation of literary phenomena more profound, fosters the reader's interest in and love of literature, forms a creative approach to fiction. Having that purpose in view, it is necessary to develop further cooperation between literary scholars, methodists and practical teachers in order to avoid straightforward and simplified pseudo-scientific approaches to using these new methods in studying literary texts. This cooperation may ensure a high level of interpretation needed at school and may assist school teachers and students who have to master these new innovative methods of interpreting literary works.

Key words: comparative studies, mythopoetic analysis, hermeneutics, text interpretation, intertextual analysis.

В последние десятилетия литературоведение постсоветских стран характеризуется активным освоением новых принципов изучения литературных явлений, благодаря чему постижение этих явлений становится более глубоким, объемным, адекватным их природе. Такое состояние современной науки о литературе не могло не отразиться на методике преподавания литературы в школе, поскольку основой методических концепций изучения литературных произведений являются литературоведческие методы и принципы.

Методическая наука и практика достаточно оперативно осваивает новейшие способы анализа художественных произведений, а также те, которые в течение нескольких десятилетий подвергались остракизму, адаптируя их к потребностям школьного литературного образования.

Наибольшей популярностью среди учителей-практиков пользуется компаративный анализ, возможности использования которого в школе актуализировались в связи с введением учебного предмета «Мировая литература». Об этом свидетельствует появление в журнале «Всесвітня література в середніх навчальних закладах України» постоянно действующей рубрики «Компаративістика в школі». Следует однако заметить, что нередко этот весьма плодотворный не только в литературоведении, но и в методике преподавания литературы способ изучения литературных явлений, в школьной практике приобретает несколько упрощенный характер. Об этом свидетельствуют соответствующие публикации в журнале «Всесвітня література». Показательной, на наш взгляд, является статья О.Б. Щербины

«Компаративістика як методична система підсумкового уроку. З практики формування в учнів поняття про романтизм» [1]. Заявленная в заголовке статьи методическая проблема по существу остается нереализованной, поскольку ее автор ограничивается лишь сопоставлениями литературных фактов, не делая при этом серьезных типологических выводов. Подобное понимание задач компаративистики значительно суживает ее возможности. В связи с этим особую значимость для учителей-практиков приобретают статьи-консультации литературоведов, адаптирующие сложную сущность научных методов к задачам школьного литературного образования. Такая функция применительно к компаративному анализу успешно реализована в материалах беседы с Д. Наливайко, рассматривающим компаративистику как науку, которая будет все отчетливее определять методику преподавания литературы, а также в статье С. Пригодия «До питання порівняльного вивчення американської та української літератури», опубликованных в журнале «Всесвітня література» [2; 3]. В названных публикациях четко сформулированы те ориентиры, на которые могут опираться учителя-словесники в использовании основ компаративистики на школьных уроках.

Методика преподавания литературы в школе не могла не отреагировать на повышенное внимание современного литературоведения к мифопоэтическому способу исследования литературных произведений.

Теоретические основы и практика этого способа анализа применительно к школьному преподаванию литературы в методических публикациях разрабатываются, пожалуй, наиболее успешно.

Причем указанный способ анализа не только используется в изучении произведений ярко выраженной мифологической направленности, но и выступает методологической основой рассмотрения большинства художественных текстов. Именно так сущность мифореставрации рассматривается в статье С.М.Телегина «Не так страшен черт, как его малютки: Мифореставрация как способ анализа художественного произведения (на материале романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»)» [4]. Автор статьи подчеркивает: «Почти всякое художественное произведение как бы раздваивается: оно имеет конкретный, реальный план, развитие сюжета, перипетии и конфликты, но за всем этим всегда открывается что-то еще, некий тайный, глубинный план, который и заполняется мифом» [4, 28]. С этих позиций С.М. Телегин рассматривает роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». В прочтении этого романа литературоведение и методика преподавания, как известно, долгое время исходили из того, что его замысел, система образов, структура определяются прежде всего социальной проблематикой. Используя мифореставрационный подход, С.М. Телегин убедительно показал, что вовсе не падение крепостного права диктует ситуации и поведение героев романа: их деятельность во многом подчинена каким-то иным силам, имеющим свое происхождение не в реальном, а мифологическом мире [4, 29].

Такое понимание основ мифореставрационного метода, возможностей его практического преломления значительно расширяет горизонты интерпретации литературного произведения в школе.

Достаточно продуктивными для школьного преподавания литературы могут быть и элементы интертекстуального анализа, который позволяет учащимся осознать такой аспект произведения, как «текст в тексте», межтекстовые взаимодействия. Этот способ анализа в школьном филологическом образовании приобретает особую важность еще и потому, что в литературе XX столетия поэтика интертекстуальности становится достаточно значимой.

Обращение к элементам интертекстуального анализа поможет также учителю-словеснику совершенствовать читательскую культуру школьников, развивать игровые, творческие начала личности: опознание интертекстуальных ссылок может превращаться для них в увлекательную игру, оно не только обогащает смысл произведения, но и доставляет удовольствие от текста.

Все более активно в современной практике и методике преподавания литературы в школе осваиваются принципы герменевтической интерпретации художественных произведений, которые соответствуют сегодняшним установкам на личностную модель школьного образования.

В методике преподавания литературы на протяжении нескольких десятилетий, как известно, преобладал объективный, аналитический, исторический подход к литературным произведениям. Субъективная направленность в восприятии художественного текста почти не принималась во внимание или учитывалась недостаточно. Сегодня ситуация в школьном образовании кардинально изменилась, поэтому герменевтические принципы интерпретации, предполагающие творческое освоение текста, становятся чрезвычайно актуальными.

Формирование методических основ герменевтической интерпретации связано с выяснением вопросов о том, что представляет собой понятие «интерпретация», каковы ее задачи, на что она ориентирует как литературоведческую, так и методическую мысль. Наиболее успешно, на наш взгляд, основы современной герменевтической интерпретации применительно к школьному преподаванию литературы

представлены в статье В.Г. Маранцмана «Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством», которая опубликована в журнале «Литература в школе» [5].

Указанная статья методически реконструирует основные положения герменевтической теории, акцентируя внимание словесника на том, что интерпретация художественного текста связана с овладением определенным циклом операций. Автор конкретно рассматривает такие этапы реализации интерпретационного подхода, как эмоциональное погружение в текст, интуитивное его постижение, анализ. В статье В. Маранцмана привлекает то, что ученый, преодолевая односторонность некоторых литературоведческих герменевтических концепций, рассматривает интерпретационный подход как глубокое взаимодействие интуитивного восприятия текста, непосредственного его переживания и серьезных размышлений, которые уточняют и углубляют понимание художественного произведения.

Эта статья поможет учителю-практику, не всегда имеющему возможность обратиться к академическим философским и литературоведческим работам по герменевтике, интерпретации, уяснить сущность этого научного подхода к тексту, особенности его реализации в школьной практике.

Следует подчеркнуть, что учителей-словесников, обнаруживающих постоянный интерес к герменевтической теории, волнуют не только вопросы её теоретической сущности, но и конкретной трансформации в школьном преподавании литературы. Целостное, наглядное представление об основных операциях герменевтического подхода применительно к школьному уроку содержится в статье Е.А. Антоновой «Читаем Пушкина. Опыт герменевтического подхода к анализу стихотворения» [6].

Использование рассмотренных, а также других новейших способов анализа художественных произведений в школе свидетельствует об эффективности таких поисков, которые не только углубляют понимание литературных явлений, но и способствуют формированию заинтересованного творческого читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербина О.Б. Компаративістика як методична система підсумкового уроку. З практики формування в учнів поняття про романтизм // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 1997. - № 11. – С. 25-26.
2. Наука, яка дедалі більше визначатиме методику викладання літератури: Бесіда нашого кореспондента з доктором філологічних наук, професором Д.С.Наливайком // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 1997. - № 3. – С. 39-42.
3. Пригодій С. До питання порівняльного вивчення американської та української літератури // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 1997. - № 9. – С. 3-5.
4. Телегин С.М. Не так страшен черт, как его малютки: Мифореставрация как способ анализа художественного произведения (на материале романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы») // Відродження. – 1995. - № 11-12. – С. 28-32.
5. Маранцман В.Г. Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством // Литература в школе. – 1998. - № 8. – С. 91-98.
6. Антонова Е.А. Читаем Пушкина. Опыт герменевтического подхода к анализу стихотворения // Русская словесность. – 2000. - № 4. – С. 45-48.

УДК 808.2-0.861

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОМОКОМПЛЕКСОВ "ТИПА" И "ЧИСТО" В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Нежебицкая Е.В., студент, Саплин Ю.Ю., к.филол.н., доцент

Запорожский государственный университет

Рассматриваются семантика и функции соответствующих омонимических форм.

Ключевые слова: современный русский язык, значение, функция

Нежебицька К.В., Саплін Ю.Ю. ФУНКЦІОНУВАННЯ ОМОКОМПЛЕКСІВ "ТИПА" ТА "ЧИСТО" В СУЧАСНОМУ РОСІЙСЬКОМУ МОВЛЕННІ / Запорізький державний університет, Україна

Розглядаються семантика та функції відповідних омонімічних форм.

Ключові слова: сучасна російська мова, значення, функція

Nezhebitskaya K., Saplin Yu. FUNCTURING OF "TIPA" AND "CHISTO" AS HOMONIMOUS COMPLEXES IN MODERN RUSSIAN SPEECH. / Zaporizhzhya State University, Ukraine
The article deals with semantics and functions of "tipa" and "chisto"
Key words: modern Russian, meaning, function

Грамматическая система современного русского языка оказывается небезразличной к социолингвистическим новациям последних десятилетий. Как отмечает Л.Н.Синельникова, "увеличение инновационного пространства нормы изменило исследовательскую ситуацию, заставило лингвиста действовать в пределах всего национального языка" [6,144]. Привлечение к публичной речевой деятельности новых социальных слоев носителей русского языка [4,29-31], отчетливое смещение в "зону инновационного риска" речевого стандарта СМИ, выступающих в современных условиях как активный фактор нормотворчества и формирования языкового вкуса [5] приводит к изменению соотношения "элитарная / массовая речевая культура", при этом "самоидентификация личности" (причем не только лингвомаргинальной!) происходит "через привлечение "сниженных" средств" [6,144]. В этой связи несколько характерных контекстов - художник и писатель С.А.Шерстюк в интервью цитирует отрывок из своего романа "КРАШ":" *Один маг решил* ***ухайдокать*** *человечество..."Я его так,* ***блин****, ненавижу[...] А другой маг решил:"Дай-ка я* ***сбацаю*** *такое человечество, чтоб от счастья все* ***усрались****[...] у меня будут от счастья* ***угорать****". Тогда прилетел Верховный Маг Седьмой Ментальной Спирали и говорит:"Вы тут не* ***выябуйтесь****! Тут жлоб живет![...] со жлобом не справитесь*" (Человек и природа.-1991.-№1,-С.16-17); заголовок "*Прочь,* ***поганые*** *белые!"* (Коммерсантъ.Власть.-1998.-№15.-С.5); *"Допустим даже, тебя не убили на Киевском рынке местные* ***менты****, которые "****крышуют****" рынок*" (Новая газета.-1999.-№9). Как отмечает Г.П.Нещименко, "эпатажные просторечные включения широко представлены в текстах политических комментариев А.Черкизова (радиостанция "Эхо Москвы"; ср.: *нажрамшись, бомажка, пить из горла* и пр.), которого вряд ли можно заподозрить в сниженной языковой компетенции" (бывший литературный секретарь Ю.Семенова!) [5,110-111].

Поэтому построение любой прогностической модели, определение факторов и тенденций развития любой из уровневых подсистем современного русского языка (а не только лексики, для которой данное положение тривиально) неизбежно требует анализа семантики и функций соответствующих языковых единиц в совокупности существующих социально-функциональных разновидностей современного русского языка, т.е. во внимание должны приниматься и такие "сниженные" социолингвистические подсистемы, как арго, жаргоны, просторечие, профессиональные языки, а не только литературный язык и народные говоры, как это делалось традиционно. Заложенный в самой этноязыковой системе потенциал может проявляться в этих "сниженных" разновидностях даже нагляднее, чем в литературном языке, в котором категория "нормы" изначально (по определению) ограничивает возможности системы. Тем более, что с точки зрения "энергетической концепции" социальные жаргоны (в отличие от криптологического арго!), формирующийся в русском языке интержаргон (сленг) выступают как "игра мускулов" языка, выплеск избытка энергии [3]; "пассиолалия", по определению В.С.Елистратова; "шик, излишество, игра, кураж", по замечанию Д.С.Лихачева [3].

Практическим выводом из сказанного стало то, что материалом для наших наблюдений послужили разнообразные употребления звукокомплексов (или графических комбинаций) "ТИПА" и "ЧИСТО" в современной литературе и прессе, в том числе в разделах писем читателей, в устной разговорной речи (прежде всего - студенческой молодежи), общение в чатах Internet, для которого характерен особый тип словоупотребления, приближающийся к непринужденно-разговорному на грани с интержаргоном, во всяком случае, с включениями социальных и профессиональных жаргонов.

Для начала рассмотрим группу характерных примеров:

- *Я этого ТИПА уже видеть не могу - просто противно* (1)

- *Ракеты ТИПА "земля-земля"; ракеты ТИПА "земля-воздух"* (2)

- *Он у тебя что, "лицо кавказской национальности"? - Нет, просто восточного ТИПА* (3)

- *Твой бойфренд он... новорусского ТИПА или криминал!* (4)

- *Да нет, он просто ТИПА новорусского... Закос такой...*(5)

- *У меня это... ТИПА горло... справа* (6)

- *Снится, я ТИПА умер* (7)

- *ТИПА я для тебя никто и звать никак?* (8)

Очевидно, что примеры 1-4 не выходят за пределы грамматической семантики имени существительного и соотносятся с зафиксированными словарями значениями слова "ТИП": "человек обычно странных или отрицательных качеств. свойств", "разновидность, форма, которой соответствует определенная группа предметов", "характерный физический склад, связанный с этнической принадлежностью", "разряд,

категория людей по социальному признаку, а также яркий представитель этой группы" [7, 365]. Наши материалы не дали примеров употребления данного слова в специальных значениях - биологическом ("подразделение в систематике животных и растений") и литературоведческом ("художественный образ"). Это, вероятно, связано, с одной стороны, с ограниченностью привлеченного материала (не использована научная литература и научно-популярная публицистика), а с другой - с перифрийным положением данных ЛСВ в языковом и речевом сознании "среднего" носителя современного русского языка.

Рассмотрение семантики примеров 5-7 требует дополнительных замечаний. В примере (5) очевидно, что форма "ТИПА" имеет значение, близкое к приставке "псевдо-", т.е. "подделка, фальшивка; выдающий себя за кого-то, что-то", не случайным является в этом контексте и жаргонное слово "закос", означающее "имитация, подделка под кого-либо, что-либо". Заметим, что в этом значении вряд ли возможно употребление существительного "тип" в и.п. ед.ч. Пример (6), вероятнее всего, демонстрирует употребление анализируемой формы в значении "вероятно, возможно, как кажется". В примере (7), по нашему мнению, "типа" имеет значение "как будто бы". Наконец, в примере (8) изучаемая единица употреблена в значении вопросительной частицы, возможно с элементом выделительной или риторической семантики (например, удивления) - "неужели", "или" и т.д. Еще более заметна данная функция при изолированном употреблении данной формы с целью переспроса или уточнения: - *Я сегодня зачет не сдавала! - Типа? - Препод заболел - перенесли.*

Данная группа примеров хорошо коррелирует с выявленным психологами состоянием социальной неуверенности личности в меняющемся мире. Всем известно, какое распространение сегодня получил оккультизм, гадания, парапсихология и знахарство. На языковом уровне личности это отражается в актуализации астральной лексики, распространении, по определению В.П.Белянина, слова-паразита “как бы” [2]. В этой связи, вероятно, ТИПА в 5-8 примерах его заменитель и конкурент.

С точки зрения грамматической семантики, если пример [5] еще можно рассматривать как зону семантико-грамматического синкретизма - грамматикализация (об этом свидетельствует тождественность с префиксом) и конструктивно-обусловленное значение грамматической формы [1], то остальные примеры, скорее всего, свидетельствуют о возможном пополнении в будущем системы частиц (как показывает история языка, это вполне реальная перспектива).

Развитие семантики омокомплекса ТИПА свидетельствует об увеличении диффузности его когнитивной сферы, актуализации фреймовой структуры в виде продолжения соответствующего сценария: структура развития значения слова "тип", как она показана в [7], свидетельствует о последовательном размывании определенности и конкретности - ср.этимологич."отпечаток, форма, образец"(из греч.) > образец, форма, модель > класс > облик по принадлежности к классу > разряд в классе > отдельный представитель класса > образ > отклоняющийся от привычной нормы, странный > поддельный, фальшивый > кажущийся > возможный.

Функции ТИПА в незафиксированных словарями литературного языка значениях определяются дискурсивными, когнитивными и социальными факторами: связность, интенциональность, интегративность.

По аналогии можно рассмотреть семантику омокомплекса ЧИСТО:

зона прилагательного - *все, лицо чисто* [снят макияж] - "незагрязненный, опрятный", *поле чисто* - "без сорняков", *небо чисто* - "без облаков", *поведение чисто, не придерешься*- "без нравственных изъянов, лишенный неблаговидности";

зона наречия - *чисто подмести, убрать* - "без грязи, опрятно, без ненужных остатков", *чисто делать*- "без ошибок, видимых изъянов", *чисто поступать* - "без нарушения этических норм, без изъянов в этикете", *чисто сработать* - жарг. "без следов преступления", "неотличимо от оригинала (о подделке, фальшивке);

зона предикатива - *все чисто* - "об отсутствии грязи", жарг. "об отсутствии слежки, следов (например, преступления)";

зона синкретизма: *чисто все перепахал* - "совершенно, совсем, все, до конца", *чисто покататься* - "только, исключительно";

союз - прост. *чисто тебе рай* - "словно";

частица - жарг. и прост. *чисто в натуре* - "на самом деле", "именно";

междометие - прост. и жарг. *чисто здрасьте* (удивление, укоризна), *чисто* (восторг, синонимично "Блеск!")

Таким образом, сложные процессы, связанные с изменением социальной среды коммуникации и социокультурной ориентации носителей языка, иррадиация в элитную группу коммуникантов лиц, по

своим привычкам, связанным с некодифицированными формами языка, ведет к увеличению зоны грамматического синкретизма и омонимии. Вместе с тем нельзя говорить о коренном изменении языкового типа личности, поскольку изменения соответствуют существующим когнитивным фреймам и актуализируют традиционные сценарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Синкретизм// Лингистический энциклопедический словарь.- М.: Советская энциклопедия, 1990.- С.446
2. Белянин В.П. Русский язык: тенденции развития // Конгресс русистов-исследователей: Тезисы докладов.- http://www.phillol.msu.ru/
3. Елистратов В.С. Сленг как пассиолалия // Вестник МГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация.-2000.
4. Крысин Л.П. Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь.-2000.-№1.- С.28-40
5. Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания.- 2001.- №1.- С.98-132
6. Синельникова Л.Н. Изменения в области языковой нормы как следствие и результат нового мышления // Функциональная лингвистика. Язык в современном обществе.- Симферополь CLC, 1998.- С.143-145
7. Словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. А.П.Евгеньевой.-2-е изд., испр. и доп.- Т.4.-М.: Русский язык, 1984.- 794 с.

УДК 811.161.1'276.6:34

ПОНЯТИЙНЫЙ ПОЛИМОРФИЗМ КАК ИСТОЧНИК НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Неженец Э.В., соискатель

Днепропетровская юридическая академия МВС Украины

Встатье рассматриваются сущности и проявления понятийного полиморфизма в терминологии.
Ключевые слова: термин, система, понятие, полиморфизм.

Неженець Е.В. ПОНЯТТЄВИЙ ПОЛІМОРФІЗМ ЯК ДЖЕРЕЛО НЕОДНОЗНАЧНОСТІ ЮРИДИЧНИХ ТЕРМІНІВ/ Дніпропетровська юридична академія МВС України

У статті розглядаються сутність та вияви поняттєвого поліморфізму в термінології.
Ключові слова: термін, система, поняття, поліморфізм.

Nezhenez E.Y. NOTIONAL POLYMORPHISM AS A SOURCE OF TERM/ Dnepropetrovsk law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine

The article is devoted to analysis of polymorphism.
Key words: term, system, notion, polymorphism.

Единицы терминологических систем – термины – характеризуются многогранностью, полифункциональностью взаимосвязей как внутри терминосистемы, так и с единицами общелитературного языка, что свидетельствует о сложности процесса развития и функционирования терминологической лексики. Современные исследования убедительно доказывают, что устойчивость любой терминологической системы сочетается с ее вариативностью, проявляющейся как на уровне плана выражения, так и на уровне плана содержания терминологической единицы. В последнем случае центром вариативности является логико-семантическое варьирование терминологических единиц – полисемия – и другие типы неоднозначности. Полисемия представляет собой основной тип неоднозначности термина, вследствие чего понятия «многозначность» и «неоднозначность» иногда употребляются как синонимичные. Однако, как показывают исследования ведущих терминологов, помимо собственно многозначности, под которой понимается свойство термина иметь два или несколько значений, в терминологических системах наблюдаются и другие виды разнозначности, заключающиеся в неопределенности семантического объема термина или в его способности относиться к нескольким денотатам. Для их обозначения предлагаются соответственно термины *амбисемия*, *эврисемия* [1, 168-

170], *разновременная скрытая многозначность* [2, 38], *понятийная полиморфность* или *полиморфизм* [3, 59-83].

Данное исследование посвящено последней разновидности терминологической неоднозначности, получившей теоретическое обоснование и описание в монографии С.Д. Шелова «Определение терминов и понятийная структура терминологии» [3]. К единицам с полиморфной семантикой ученый относит термины, которые не имеют твердо фиксированных значений, дефиниции которых допускают различное понимание. В упоминавшейся работе отмечается следующее: «…дефиницию, определяющее выражение которой имеет в своем составе хотя бы одно слово или словосочетание, допускающее различные интерпретации, мы будем называть полиморфной; понятийную семантику термина, которая задается подобной дефиницией, мы будем называть полиморфной (или мягкой)» [3, 62].

Понятийный полиморфизм определяемого термина, проявляющийся в понятийном полиморфизме дефиниции, может носить количественный или качественный характер, что позволяет говорить о двух разновидностях исследуемого явления.

При количественном полиморфизме термина состав признаков, формирующих понятийное содержание терминов, фиксирован, границы же значений этих признаков (или одного из них) не закреплены, что допускает возможность различной интерпретации степени их проявления. Этот вид полиморфизма обусловливается использованием в дефинициях слов типа *значительно, преимущественно, чаще всего, относительно, обычно, главным образом, преобладать, доминировать* и т.д.

При качественном полиморфизме, полиморфным, допускающим различную интерпретацию, является сам состав признаков, формирующих понятийное содержание терминов. Наиболее характерно в этом случае употребление в дефинициях таких выражений, как *особый* (*особенно*, *особого рода*), *специфический*, *похожий*, *однородный*, *неоднородный*, *однотипный*, *близкий*, *аналогичный*, *характерный* и т.д. Качественно размытой становится понятийная граница термина при наличии в дефиниции синтаксических конструкций типа «объект Х как объект У», «объект Х в качестве объекта У» и под. К квалификативно мягким, то есть полиморфным, дефинициям относятся случаи гетерогенных дефиниций метаязыкового характера, содержание которых зависит от языковых средств описания, принятых в той или иной системе описания. Регулярным способом выражения полиморфности является использование в составе дефиниций выражений *и другие* (*и др.*), *и так далее* (*и т.д.*), *и тому подобный* (*и т.п.*), приводящих к нечеткости и неопределенности дефинируемого понятия. В юридической терминологии встречается достаточно много терминов, полиморфность которых осознается как составителями специальных словарей, так и самими юристами. Таковы, например, термины *общественная опасность* и *вред*, *уголовное правонарушение* (*преступление*) и *административное правонарушение* (*проступок*), *разведка* и *оперативно-розыскная деятельность*, *преступная деятельность*, *криминальная активность* и др. В частности, определение термина *общественная опасность* в «Большом юридическом словаре» не только содержит лексические сигналы полиморфности (в дефиниции они выделены подчеркиванием – Э. Н.), но и сопровождается комментарием, свидетельствующим о разном понимании этого термина: *Общественная опасность* – в уголовном праве объективный (материальный) признак преступления: нанесение (реальная угроза нанесения) существенного ущерба господствующим в данном государстве общественным отношениям, образу жизни. … По мнению одних российских ученых, О.о. присуща только преступлениям (иные деяния являются общественно вредными), по мнению других – любым правонарушениям [4, 383]. Термин *вред* имеет дефиницию «в гражд. праве умаление, уничтожение субъективного права или блага» [4, 104].

С.С. Овчинский, анализируя научную полемику по поводу того, какому типу правонарушений присущ признак общественной опасности, отмечает, что вся полемика базируется на логико-понятийной основе. «В зависимости от того, какой смысл вкладывается в понятия «общественная опасность», «вред», соответствующие признаки обнаруживаются не только в преступлении, но и административном проступке» [5, 54]. Ученый отмечает, что в научном обиходе понятия *общественная опасность* и *вред* не всегда разграничиваются. Например, Н.Ф. Кузнецова пишет: «Общественная опасность означает, что деяние вредоносно для общества, иными словами, общественная опасность деяния состоит в том, что оно причиняет или создает угрозу причинения определенного вреда общественным отношениям» [6, 60]. Как видим, автор раскрывает понятие общественной опасности через понятие «вред», фактически вкладывая в них один и тот же смысл. Можно лишь согласиться с мнением С.С. Овчинского о том, что «достаточно емкий понятийный аппарат юридической науки дает возможность для поиска и иных примеров отграничения» [5, 55]. Приведенные примеры как нельзя лучше демонстрируют реальное проявление полиморфизма терминологического значения и его последствий для профессиональной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татаринов В. А. Теория терминоведения: В 3 т. – Т. 1: Теория термина: история и современное состояние. – М.: Московский лицей, 1996. – 311 с.

2. Гринев С.В. Разновременная скрытая многозначность // Научно-техническая терминология. – Вып. 2. – М., 2001. – С. 37-39.

3. Шелов С.Д. Определение термина и понятийная структура терминологии. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. – 236 с.

4. Большой юридический словарь / Под. ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 704 с.

5. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 367 с.

6. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М.: МГУ, 1969. – 210 с.

УДК 81’276.6:62:[811.161.1+811.161.2] „19/20”

ГІБРИДИЗАЦІЯ ТЕРМІНА ЯК ДИНАМІЧНА ТЕНДЕНЦІЯ РОЗВИТКУ ЛЕКСИКИ МОВИ НАУКИ І ТЕХНІКИ

Онуфрієнко Г.С., к.філол.н., доцент

Запорізький юридичний інститут МВС України

Досліджено тенденцію до гібридизації терміна, якою помітно означилися українська й російська мови у XX столітті. Здійснено аналіз гібридів на морфемному, лексичному, словотвірному та синтаксичному мовних рівнях.

Ключові слова: термін, національна термінологія, мовний знак, гібридизація, гібридні суфікси, лексичні гібриди, гібридні складені терміни і терміносполуки.

Онуфриенко Г.С. ГИБРИДИЗАЦИЯ ТЕРМИНА КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА НАУКИ И ТЕХНИКИ / Запорожский юридический институт МВД Украины.

Исследована тенденция к гибридизации термина, которой характеризуются украинский и русский языки в XX столетии. Осуществлен анализ гибридов на морфемном, словообразовательном, лексическом и синтаксическом языковых уровнях.

Ключевые слова: термин, национальная терминология, языковой знак, гибридизация, гибридные суффиксы, лексические гибриды, гибридные составные термины и терминосочетания.

Onufrienko G. HYBRIDIZATION OF THE TERM AS THE DYNAMIC TENDENCY OF THE DEVELOPMENT OF THE BASIC VOCABULARY OF THE LANGUAGE OF SCIENCE AND TECHNOLOGY / Zaporizhzhya Law Institute of the Internal affaires of Ukraine.

The tendency to term hibridization which was characteristic to Ukrainian and Russian languages in the XX century was researched. There were analyzed hybrids on the morpheme, word-formative, lexical and synthetic levels.

Key words: term, national terminology, language sign, hybridization, hybrid suffixes, lexical hybrids, hybrid component terms and term combinations.

Повне та об’єктивне уявлення про тенденції загальнонаціональної мови на різних історичних етапах її розвитку є неможливим без урахування її термінологічної системи, яка виявляє риси і природної мови (онтологічно-гносеологічні властивості), і штучної мови (це наближає її багато в чому до абстрактної символіки). Формування терміносистем окремо взятих мов відбувається внаслідок безупинного й бурхливого розвитку відповідних галузей знань в умовах їх інтеграції і міжнародного кооперування, який не є рівномірним та паралельним. Розвиток науки стимулює тривке зростання та вдосконалення термінології, появу нових термінів як важливого засобу прогресу науки, визначаючи, таким чином, динаміку термінологічного фонду національної мови. При цьому, однак, зберігається невідповідність між системою понять, яка є значно багатшою за кількістю елементів, та уявленнями про неї, бо ж і за змістом, і за обсягом галузеві термінології не встигають за розвитком науки. Останніми десятиліттями XX ст. у високорозвинених мовах, за підрахунками вчених, на кожне нове слово в загальновживаній мові припадає не менше десяти нових термінів, і ця величина, сягаючи мільйонів лексичних одиниць, невпинно зростає під впливом внутрішніх і зовнішніх факторів, оскільки наука прагне знайти якнайнадійніші словесні знаки для відображення дійсності.

Терміни як когнітивні знаки, що виступають репрезентантами спеціальних наукових концептів, дають можливість описати мовною картиною науковий світ (зокрема, певну галузь спеціальних знань), присутній у свідомості мовця та організуючий його внутрішній лексикон. Акумулюючи необхідний фраґмент знання й досвіду через “упакування” його відповідною специфічною мовною формою та стаючи редукованим і комунікативно достатнім знаком означуваного поняття, терміни набувають функції лексичних маркерів мови спеціального призначення, усвідомлюючись інформаційними

вершинами фахового речення, мікротексту, тексту. Будучи "ідеальним типом" мовного вираження в лексиці [1, 144], терміни убезпечують зв'язок між попереднім й новим поняттєвими смислами.

Термінологічний пласт національної лексики останніми десятиріччями активно досліджується та всебічно параметрується. Цілком природно, що певні напрями наукових розвідок національної термінології не втрачають своєї актуальності, бо, зокрема, імпульсуються яскраво вираженою в XX ст. тенденцією до взаємодії питомого та запозиченого на різних рівнях мовної організації як складної та динамічної системи. Одним із наймогутніших зовнішніх стимулів розвитку національної термінологічної системи, що, поряд із внутрішніми антиноміями, скеровує процес творення та вживання термінологічних найменувань, є мовні контакти, зумовлені різними історичними етапами становлення суспільства. Отже, автохтонні внутрішні ресурси національної мови, будучи основним реальним і перспективним джерелом розвитку сучасної наукової та технічної термінологій, закономірно доповнюються зовнішніми у вигляді запозичень на різних рівнях мовної ієрархії (лексика, морфеміка, словотвір тощо), що ілюструє дві взаємозумовлені зримі тенденції: до нормативного збереження національної самобутності мови і до термінологічних зовнішніх запозичень, без яких жодна природна мова не може обійтися при творенні термінів, що і робить термінологічну лексику надто строкатою. Наукова література ще XVIII ст. засвідчує творення нових термінів від іншомовних основ або за участю іншомовних елементів. Цей процес, як зазначає Г.Ніколаєва, "поширювався і розвивався в XIX та XX століттях у мові різних функціональних стилів" [2, 91]. При цьому в різних наукових галузях у процесі термінотворення на питомому ґрунті, але із залученням елементів інших мов, творяться мовні знаки гібридної структури.

Питання про мовні знаки ще й досі лишається дискусійним. Зважаючи на те, що і слово, і такі проміжні одиниці, як морфема й словосполучення, являють у мові, за білатеральною теорією, знаковий рівень [3, 31-32], актуальності в національній термінології в контексті теорії запозичення набуває дослідження цих двосторонніх знаків як гібридних (від лат. hibrida - помісь), тобто матеріально різномовних. Тенденція до гібридизації в національній термінології є помітною та природною на морфемному, словотвірному, лексичному й синтаксичному рівнях, у чому переконують гібридні морфеми (суфікси) як терміноелементи, гібриди як однослівні терміни та складені гібридні терміни і терміносполучення.

Можливості мови, як підкреслюють учені [4; 5; 6], виявляються у творенні безкінечної кількості мовних знаків, що відбувається внаслідок дії відносно надійних правил у комбінаториці невеликої кількості одиниць для вираження необмеженої кількості різних відтінків значення. Отже, характерна економія мовних зусиль виявляється в ощадливому використанні й інвентаря морфем, які видозмінюють значення інших морфем. "Саме афіксальні морфеми доповнюють і змінюють значення коренів і в такий спосіб скорочують кількість мовних знаків" [7, 26]. Гібридні морфеми, а це виключно суфікси, маючи і план вираження, і зміст та реалізуючись лише в складі однослівного терміна, набувають високої інформаційної здатності як категоріально-класифікаційні маркери. Якщо морфема кваліфікується, за термінологією В.Кодухова, напівзнаком, то слово, маючи всі знакові функції, - мовним знаком, а словосполучення наближається до суперзнакового рівня.

Надто в теперішній час нові однослівні й складені терміни нерідко утворюються з різних за походженням мовних одиниць, переконуючи, що процес запозичення є нормальною функцією лінгвістичного життя, який набуває особливої перспективності в умовах тяжіння науки до єдності попри мовні кордони і внаслідок цього заслуговує на увагу саме у сфері термінології, котра вважається пограничною ділянкою між природним і штучним у мові. Типологію гібридності у сфері національної термінології досліджено нами в багатьох попередніх роботах [8-18] на матеріалі споріднених мов.

Проміжну позицію між питомими та чужими афіксами в плані походження посідають морфеми, що являють собою складену єдність із запозиченого та власного морфоелементів. Дослідження, наприклад, технічних, економічних та юридичних термінів дозволило виявити, що такі генетично неоднорідні афікси спостерігаються лише в суфіксальній сфері української та російської мов унаслідок процесу запозичення іншомовних термінів-прикметників, який супроводжується їхнім словотворчим переоформленням, а також при зміні границь між морфемами, котра відбувається при перерозкладі. Це, зокрема, в українській мові похідні суфікси прикметників: **-альн-** (лат. -alis, франц. -al, нім. -al + слов. -н-), **-ивн-/-івн** (франц. -i , лат. -ivus + слов. -н-), **-ичн/-ічн-** (від злиття ад'єктивного -ік- від франц. -ique, грецьк. -ikos, лат. -icus + слов. -н-). Наприклад: укр. *аналогічний, атомарний, дефективний, дипломатичний, документальний, зональний, стереоскопічний, транспортабельний, циклічний, циліндричний*. Значимість виниклих на основі запозичень унаслідок поліморфізації гібридних похідних від питомих суфіксів визначається відповідно первинним **-н-**, оскільки -альн-, -ивн / -івн-, -ичн- / -ічн- є морфами суфікса -н-. Поповнюючи суфіксальний фонд у національній термінології, такі суфікси виявляють найбільшу активність і продуктивність у творенні нових терміноодиниць головним чином від запозичених основ, стаючи яскравими маркерами мови спеціального призначення.

Стосовно лексичних гібридів, то і в українській, і в російській термінології вони утворюють відкриту, незамкнену, динамічну, структурно ієрархізовану, постійно й інтенсивно прогресуючу лексичну множину та виникають на питомому ґрунті внаслідок контрольованого процесу номінування спеціальних

понять у межах відповідної терміносистеми через залучення різномовних (зокрема, питомої й чужої/чужих мов) елементів (морфем, основ, слів), засвідчуючи багате, природне, оригінальне й перспективне в умовах інтернаціоналізації науки й техніки джерело поповнення національної термінології. Структурний діапазон гібридних терміноодиниць відбиває змістові границі термінованого поняття і є широким: від самостійного однокореневого (укр.: юр. *недисциплінованість, субпоручник;* ек. *аграрник, рентабельність;* техн. *аварійність, неметали* - рос.: юр. *недисциплинированность, субпоручитель*; эк. *аграрник, рентабельность*; техн. *аварийность, неметаллы*) до багатокореневого (укр.: юр. *законопроект, правосуб'єктність;* ек. *капіталовкладення, самофінансування;* техн. *автохвилі, металовиріб* - рос.: юр. *законопроект, правосубъектность*; эк. *капиталовложения, самофинансирование*; техн. *автоволны, металлоизделие*) терміна та складеного терміна (укр.: юр. *головний арбітр, робоча версія*; ек. *водний баланс, живий товар*; техн. *основний метал, початкова деформація* - рос.: юр. *главный арбитр, рабочая версия*; эк. *водный баланс, живой товар*; техн. *основной металл, начальная деформация*) та терміносполуки (укр.: юр. *акт судової експертизи, правовий інспектор*; ек. *баланс робочої сили, лімітування кредитів;* техн. *зваровий дефект, цикл напруги* - рос.: юр. *акт судебной экспертизы, правовой инспектор*; эк. *баланс рабочей силы, лимитирование кредитов*; техн. *сварочный дефект, цикл напряжения*). Архітектоніка гібридних однослівних і багатослівних термінів в українській та російській мовах унаочнює дію основних принципів специфічно професійної реалізації системи й структури споріднених слов'янських літературних мов, а саме: принцип актуальності, яка відбиває позалінгвістичну актуальність і лінгвістично виражається в продуктивності питомо національних чи запозичених вербальних засобів; принцип доцільності в термінотворенні, завдяки якому виникають найоптимальніші й семантично ємкісніші засоби для вираження спеціальних понять; принцип аналогійності, яким убезпечується класифікаційна регулярність термінів у відповідності до подібної регулярності спеціальних понять.

Серед однослівних термінів-гібридів переважають віддієслівні та відад'єктивні похідні з коренем іншомовного походження (найчастіше давньогрецького, латинського), ускладненим у препозитивній або/і постпозитивній частині національним афіксом/афіксами (укр.: юр. *легітимність*; ек. *орендування*; техн. *циклічність* - рос.: юр. *легитимность*; эк. *арендование*; техн. *цикличность*). Отже, у лексичних гібридах у національній термінології якнайчастіше ономасіологічним базисом виступає корінь іншомовного походження, а носієм категоріально-класифікаційного, спеціалізованого значення та ономасіологічною ознакою стають питомі афіксальні морфеми.

Переважну більшість гібридних складених термінів і терміносполук становлять двоскладові конструкції із загальною моделлю "означальне + означуване", де означальним якнайчастіше виступає національний компонент, а означуваним – іншомовний. Змістове поле складеного фахового поняття може покриватися двома й більше складниками (компонентами) складеного терміна або терміна-словосполучення залежно від кількості ознак поняття, яких при термінологічній номінації взято за мотивувальні. У складених термінах, яким притаманна стійкість та відтворюваність, один із компонентів, як правило, не є термінологічно самодостатнім, а тому й не має самостійної дефініції (наприклад: укр.: юр. *коротка версія;* ек. *довічна оренда;* техн. *основний метал* - рос.: юр. *краткая версия*; эк. *пожизненная аренда*; техн. *основной металл*). Терміносполуки, які є відносно стійкими, оскільки можуть включати до свого складу мінливі, нестабільні семантичні ознаки, складаються із самостійних термінів, кожний з яких має власну дефініцію (наприклад: укр.: юр. *судово-правова реформа;* ек. *податкова реформа;* техн. *корозія тертя* - рос.: юр. *судебно-правовая реформа*; эк. *налоговая реформа*; техн. *коррозия трения*). При цьому спостерігається яскрава тенденція: якщо чуже слово в складеному терміні або терміносполуці найчастіше стає носієм родової ознаки поняття, то власне українські слова (а з-поміж них і лексичні гібриди) дозволяють систематизувати поняття за видовими ознаками через їх конкретизацію, уточнення, деталізацію, що об'єктивно викликає у фаховій термінології подальший розвиток термінологічного значення (як його збагачення) внаслідок відображення нових ознак позамовної дійсності. Так формується термінологічна номінація за рахунок актуалізації мовною одиницею її синтагматичних властивостей – з опорою на значення лексичного конкретизатора. При цьому реалізація синтагмозначення відбувається внаслідок лінійних контактів між мовними одиницями ("родовий термін" і "видові терміни") і комплексно презентується лінійним рядом, який засвідчує звуження значення словесного знака (родового терміна) через включення в його семантику нових компонентів – термінологічних сем. Таким чином термін посідає те певне місце, яке "залежить від місця відповідного поняття в системі понять" [19, 14-15]. Максимальна мотивованість складених термінів у контексті можливостей національної мови "захищає" їх від різноманітних зрушень, яким більше підвладні лексичні одиниці [20, 129].

Отже, тенденція до гібридизації є помітною і природною в українській і російській термінологіях на морфемному, словотворчому, лексичному й синтаксичному рівнях. Роль іномовних інтернаціональних терміноелементів є великою у формуванні українського й російського словника наукових і технічних дисциплін та в розвитку термінологій національних мов Європи. Терміноелементи класичних мов (унаслідок більш характерної для них моносемічності й регулярності використання) спеціалізуються на вираженні конкретних термінологічних значень, моделей за певними категоріями понять у межах

конкретної галузі термінології, виявляючи в побудові термінологічного знаку широкі словотворчі потенції та динамічні зв'язки з питомими елементами.

Активне залучення при термінотворенні, яке здебільшого є керованим процесом, неоднакових за походженням дериваційних ресурсів яскраво виявляє взаємодію національного та запозиченого на різних рівнях, відбиваючи також і ступінь засвоєння мовою тієї чи іншої іншомовної морфеми, що убезпечує об'єктивність у визначенні принципів використання національних джерел і запозичень у різних термінологіях відповідно до закономірностей розвитку національної мови та тенденції до реалізації інтернаціонального через національне при збереженні властивої їм специфіки.

Гібридизація, виявляючись на різних рівнях мовної ієрархії, зумовлюється ступенем проникності мовних рівнів, що залежить від ступеня їх системності: на здатність до запозичень впливає сила/слабкість системних відношень. Саме цим пояснюється найменша кількість запозичень на морфемному рівні мови: сила системних відношень, зокрема, службових морфем національної мови заважає (або ж обмежує) проникненню чужомовних морфоелементів. Разом із тим лексико-семантичний рівень мови засвідчує найбільшу кількість запозичень, що в національній термінології виявляється у великій кількості різноманітних за побудовою лексичних гібридів - матеріально різномовних монокореневих, полікореневих і складених термінів та терміносполук.

Таким чином, XX і початок XXI століть означилися помітним зростанням тенденції до гібридизації терміна в українській і російській мовах: гібриди як результат двох діалектично протилежних процесів, якими відбувається прогрес наукових знань - універсалізації та спеціалізації, набули статусу диференціювальної ознаки лексики мови науки і техніки.

ЛІТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Французская стилистика. - М.: Изд-во иностр. лит., 1961. - 394с.
2. Николаева Г.Н. Из наблюдений над функционированием греко-латинских словообразовательных элементов в языке русской литературы XIX века / Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках: Сб. науч. тр. – Гродно, 1982. – С.91-99.
3. Кочерган М.П. Загальне мовознавство: Підручник для студентів філологічних спеціальностей вищих закладів освіти. - К.: Вид. центр "Академія", 1999. - 288с.
4. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. - 1960. - Вып.1. - С.264-381.
5. Martinet A. Elements de linguistique générale. - Paris, 1961. - 224p.
6. Оливериус З.Ф. Морфемы русского языка. Частотный словарь. - Praha, 1976. - 198с.
7. Клименко Н.Ф. Основи морфеміки сучасної української мови: Навч.посібник. - К.: ІЗМН, 1998. - 182с.
8. Онуфрієнко Г.С. Особливості морфемної структури гібридних термінів з простою основою // Мовознавство. – 1992. - № 3. – С.27-31.
9. Онуфриенко Г.С. Типология гибридных образований в близкородственных восточнославянских языках (на материале русской и украинской технической терминологии) // Русская филология. Украинский вестник. -1994. - №4. - С.12-16.
10. Онуфрієнко Г.С. Різномовні іменникові термінологічні кореляти: аспект контрастивної морфеміки // Ономастика і апелятиви: Зб. наук. праць. - Дніпропетровськ: ДДУ, 1999. – Вип. 8. - С.72-83.
11. Онуфрієнко Г.С. Морфемний потенціал української юридичної термінології у генетичній та синтагматичній проекціях // Вісник Запорізького державного університету: Зб. наук. статей. Філологічні науки. - Запоріжжя: ЗДУ, 1999. - №2. - С.95-100.
12. Онуфрієнко Г.С. Зовнішні ресурси української юридичної термінології: взаємодія детермінованих та випадкових процесів // Вісник Запорізького юридичного інституту. - Запоріжжя: ЗЮІ МВС України, 1999. - №3. - С.226-237.
13. Онуфрієнко Г.С. Синонімічні номінанти зі спільним коренем іншомовного походження у сфері національної термінології // Мовознавство. - 2000. - №2-3. - С.73-76.
14. Онуфрієнко Г.С. Синтагматичні властивості гібридних дериватів у правничій термінології // Вісник національного університету "Львівська політехніка": Проблеми української термінології. - Львів: Львівська політехніка, 2000. - № 402. - С.375-379.
15. Онуфриенко Г.С. Гибридные дериваты в современной национальной терминологии: синтагматический аспект // Русская филология. Украинский вестник. - 2000. - № 1-2 (16). - С.4-7.

16. Онуфриенко Г.С. Производные лексемы с иноязычными интернациональными корнями: коммуникативный потенциал в национальном терминологическом пространстве // “Słova, słova, słova” w komunikacji jezykowej / Pod redakcja Marceliny Grabskej. – Gdansk, 2000. – С. 250-257.

17. Онуфрієнко Г.С. Словотвірний потенціал запозичень у національній термінології // Актуальні проблеми українського словотвору / За ред. Василя Ґрещука. – Івано-Франківськ: Плай, 2002. – С.501-512.

18. Онуфрієнко Г.С. Французькі запозичення в юридичній термінології східнослов’янських мов: парадигматичний та синтагматичний аспекти // Мовознавство. – 2002. - № 1. – С.60-62.

19. Лотте Д.С. Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов. - М.: Наука, 1969. - 118с.

20. Панько Т.І. Структурно-словотвірні особливості української термінологічної лексики. Суспільно-політична термінологія / Склад і структура термінологічної лексики української мови. - К.: Наук. думка, 1984. - С.116-130.

УДК 398 (=82)(091)(477.63/64)

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Павленко И.Я., к.филол.н., доцент

Запорожский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы формирования и развития русской фольклорной традиции и характера её взаимодействия с украинским народным творчеством на территории исторического Запорожья.

Ключевые слова: культурная адаптация, аккультурация, ассимиляция, взаимная рецепция, культурогенная среда.

Павленко І.Я. ОСОБЛИВОСТІ РОСІЙСЬКОГО ФОЛЬКЛОРУ НИЖНЬОЇ НАДДНІПРЯНЩИНИ (ІСТОРИЧНИЙ АСПЕКТ) / Запорізький державний університет, Україна

У статті розглядаються питання формування та розвитку російської фольклорної традиції та характеру її взаємодії з українською народною творчістю на теренах історичного Запорожжя.

Ключові слова: культурна адаптація, акультурація, асиміляція, взаємна рецепція, культурогенне середовище.

Pavlenko Y. THE CHARACTERISTICS OF RUSSIAN FOLKLORE WITHIN NIZHNY PODNEPROVYA (HISTORIC ASPECT) / Zaporizhzhya State University, Ukraine

The article of I.Y. Pavlenko “The characteristics of Russian folklore within Nizhny Podneprovya (historic aspect)” considers the problems of forming and evolution of Russian folk-tradition and type of its interaction with Ukrainian folk-art within the area of historic Zaporozhya.

Key words: cultural adaptation, aculturation, assimilation, cultural invironment

О широком бытовании на территории Украины русского фольклора известно давно, однако серьёзного исследовательского внимания этот пласт культуры долгое время не привлекал. В 19 в. украинские подвижники – фольклористы и этнографы, стремясь сохранить собственную культуру и показать украинцам и всему миру её величие и красоту, обращались в первую очередь к творчеству своего народа. Культура русского населения Украины, часто интерпретируемая как имперская, искажающая украинскую национальную культуру [1], оставалась незафиксированной. Не изучалась она и русскими фольклористами, уделявшими преимущественное внимание русскому фольклору России. Считалось, что и в отдалённых местах ничего необычного в русской народной культуре не происходит и её состояние то же, что и в России.

В 20 в., казалось, больше внимания уделялось русской культуре, русскому фольклору, однако своеобразному, выхолощенному его варианту. Состояние русской фольклорной традиции в Украине (как синхронный, так и диахронный аспект) изучалось мало [2]. Концепция “дружбы народов”, как и теория “плавильного котла”, диктовали, в первую очередь, изучение типологически сходных явлений и процесса сближения культур, оригинальные явления этнокультуры диаспоры не всегда привлекали внимание и чаще всего замалчивались.

В начале третьего тысячелетия широкое распространение в Украине русской и русскоязычной культуры даёт возможность утверждать, что «существует определённый языково-культурный дисбаланс и искривлена парадигма национальной культуры, что обусловлено длительными конкретно-историческими процессами»[3]. Существуют фактически две языково-культурные ориентации: украиноязычная и русскоязычная. Чтобы понять причины существующих явлений, необходимо изучить их корни.

Нижнее Поднепровье – изначально полиэтничный регион, заселение которого началось поздно и продолжалось более двух столетий после разгрома Запорожской Сечи, поскольку активные иммиграционные процессы протекали до последних лет существования Советского Союза и частично продолжаются сейчас. Произведения украинского народного творчества этих земель издавались неоднократно [4], песенный фольклор болгарской диаспоры нашёл место в знаменитом сборнике Николая Кауфмана [5], а многожанровое творчество русской диаспоры не издавалось и не изучалось. Недостаточное внимание к культурным процессам, протекающим в диаспоре и в среде русскоязычного населения Украины, искажает представления о характере взаимодействия украинской и русской культуры на юго-востоке Украины. Думается, что протекавшие здесь процессы были сложнее, нежели постоянно акцентируемое влияние русской культуры на украинскую, поскольку речь идёт о **взаимной рецепции.** В разных условиях она протекала по-разному и в отдельных локусах порождала разные фольклорные явления.

Устное народное творчество Запорожья было украинским, что вполне закономерно, учитывая этнический состав запорожцев. Казачество - мощная культурогенная среда, поэтому его фольклорный репертуар был практически непроницаем для иноязычного, даже родственного, влияния.

Постоянные контакты запорожцев и донского казачества, борьба против общих врагов, совместные морские и сухопутные походы способствовали созданию русских и украинских произведений об одних и тех же событиях. Тексты песни о взятии Азова, бытовавшие на землях украинского и русского казачества, оказываются ближе, чем варианты, записанные от носителей одного языка, но на географически отдалённых территориях. Сопоставление различных русских и украинских вариантов этого произведения [6] свидетельствует о крайне редком явлении: это одна песня, бытующая на двух языках, а не русская или украинская, заимствованная одной из сторон. Следовательно, уже в период существования Сечи были выработаны оригинальные формы русско-украинских фольклорных контактов.

Мощный творческий потенциал запорожского казачества реализовался в широких пространственно временных границах. Он проявился в собственном фольклорном репертуаре, распространявшемся на всей территории Украины, в хорошем сохранении запорожской традиции и высоком культурном иммунитете исконно казачьих сёл, в сохранении запорожского фольклора и создании под его влиянием новых произведений на территории бывшей Дунайской Сечи и Кубани.

Первые произведения русского фольклора появились в исследуемом регионе, очевидно, с созданием в 1663 г. русского гарнизона [7]. Можно предположить наличие здесь солдатских и исторических песен, устных рассказов, преданий. Известно, что гарнизон то создавался, то отзывался, следовательно, функционирование русского фольклора было периодическим и замкнутым в чётко ограниченном локусе, за пределы которого он едва ли выходил. Фольклор казачества практически «забывает», что долгое время ближайшим соседом Сечи был русский гарнизон. Записанные в регионе запорожские исторические песни сохранили память о событиях 18 века: совместных походах на Крым, в Польшу и участии запорожцев (во многих вариантах – черноморцев) в русско-турецкой кампании конца 18 в. [8]. Упоминания о солдатах в них практически отсутствуют, лишь изредка встречаются фамилии военачальников. Русские варианты этих произведений неизвестны.

Относительно стабильным состояние русского фольклора становится после первого разгрома Сечи, когда в связи с усилением гарнизона, строительством днепровских каналов и оборонительных сооружений русское присутствие в Нижнем Поднепровье резко увеличилось. Первые постоянные русские поселения создавались отставными солдатами и беглыми крепостными. После ликвидации Запорожской Сечи начинается планомерное переселение жителей русских и украинских губерний, которое велось на протяжении нескольких десятилетий. Например, в 19 - 21 гг. 19 века на территорию трёх уездов Таврической губернии, составляющих основу современных Акимовского, Мелитопольского, частично Михайловского и Бердянского районов Запорожской области, переселялись безземельные крестьяне из Курской губернии, в последующие несколько лет - из Пензенской и Тамбовской [9].

В результате массовой миграции к 1897 г. 58% населения Мелитопольского уезда составляли украинцы и 18% – русские, в Днепровском уезде соответственно 73% и 19%, в Мелитопольском – 32% и 54% [10]. На территории Александровского уезда Екатеринославской губернии в 50-е годы 19 века проживало 4330 русских, что составляло незначительный процент от всего населения. Сосредоточено русское население было преимущественно в городах [11]. По данным переписи 1897 г., удельный вес русского

населения в Александровском уезде составлял 5,7%, в самом Александровске проживало 4,5 тыс. русских (всего в городе проживало 18,2 тыс. человек) [12].

С точки зрения современных философов, «…если качественно изменяется среда, будь то среда взаимных превращений, химических реакций или жизнедеятельности живых организмов, то вполне закономерно ожидать появления новых возможностей: новых структур, новых путей эволюции…» [13]. Этот тезис позволяет предположить, что изменения геоклиматической, исторической и социальной среды непременно повлияют на состояние традиции, порождая новые и консервируя и / или забывая, и / или развивая старые формы.

Поскольку в конце 18 – начале 19 в. в регионе происходит существенное изменение населения, резко увеличивается его количество, уничтожается казачество, создаются новые социальные слои, изменяется этнический состав, главным занятием становится не война, а земледелие, то, естественно, существенно трансформируется фольклорная традиция.

С разрушением Запорожья и массовой миграцией казачества на другие земли резко понижается культурогенный потенциал региона (практически он разрушается и нуждается в воссоздании), что делает возможной широкую рецепцию «привозного» фольклора и создание пространственно ограниченных локусов с различной традицией.

Формирование новой социальной и этнической (полиэтничной, поскольку в регион планомерно переселялись представители различных этносов – украинцы, русские, немцы, евреи, болгары и т.д.) среды, бурная экономическая колонизация края создавало беспрецедентную обстановку: приспосабливаться к изменившемуся окружению приходилось всем. Культурная адаптация представителей различных этносов к новым геоклиматическим и социокультурным условиям порождали развитие не только диалога, но и полилога культур, естественно, что для русских и украинцев развитие культурного диалога облегчалось языковой близостью. Процесс постоянного общения выходцев из разных уголков Украины и России приводит к взаимной рецепции фольклорного репертуара.

Принято считать, что украинская культура испытывала сильное давление русской. По наблюдениям И.С. Бессараба, уже во второй половине 19 в. украинский язык «в Херсонской губернии принимает в себя постоянный приток слов и оборотов великорусской речи, и стёр свои особенности до такой степени, что сформировался особый говор… Такое смешение элементов малорусского и великорусского языка в народной речи местного населения произошло вследствие постоянного общения этих двух племенных типов и их взаимодействия: здесь нередко на расстоянии нескольких вёрст можно встретить деревни, населённые то малороссами, то великороссами, не говоря уже о городах, посадах и местечках, где часто живут совместно представители этих двух разновидностей русской народности.

Кроме того, на изменение характера местной малорусской речи оказывает ещё большее влияние и литературный русский язык как орган школы, суда и администрации…» [14]. Известный этнограф отметил широкое распространение русского языка на территории Херсонской губернии и назвал основные факторы, способствовавшие этому процессу. Идентичные явления были характеры для всей территории Нижнего Поднепровья, о чём свидетельствуют фольклорные записи И. Манжуры, Я. Новицкого, Д. Яворницкого и других. Но в то же время здесь было собрано большое количество изумительных по красоте и степени сохранности произведений украинского народного творчества, свидетельствующих и о сохранности украинского языка. Следовательно, влияние русской культуры не было тотальным, но, поскольку изучался в основном украинский фольклор, то отмечалось влияние русского народного творчества на украинское. Обратный процесс оставался практически вне поля зрения исследователей.

Происходившие процессы культурной адаптации зависели от множества факторов: времени переселения, места, откуда были первопоселенцы, их возраста, принадлежности носителей фольклора к той или иной конфессии, компактности или дисперсности проживания представителей одного народа, характера культурного иммунитета.

В современной науке существует, по крайней мере, две точки зрения на протекание и результаты русско-украинских (украинско-русских) культурных контактов в Украине и в исследуемом регионе в частности. Сводятся они, с одной стороны, к тезису о сохранении этнических культур, с другой, – к мысли об их ассимиляции.

На обширном материале поэтического творчества народов Подунавья Олег Ануфриев приходит к выводу: "…этносы края ... остаются сторонниками сохранения этнического поведения, архетипов мышления, что определяет их бытие "[15]. В другой его работе эта мысль развивается и углубляется. Исследователь приходит к выводу, что развитие культуры в полиэтничной среде определяется процессами культурной адаптации, а современные этнические процессы дают возможность проследить процесс аккультурации того или иного этноса. «Коллективное переселение позволяет сберечь общинную субкультуру, которая является мощным катализатором адаптивного процесса индивида на новом месте.

Изменения, происходящие в конкретной этнической группе, созданной в процессе миграции из своего Отечества, называются аккультурацией. Этим термином обозначают специфические изменения. Они приводят не к ассимиляции, растворению этнической традиции, а к трансформации, видоизменению в новых условиях. Однако при этом сохраняется осознание своей этнической принадлежности."[16]. (Именно в этом значении термин «аккультурация», а не его трактовка в некоторых словарях, где практически не различаются термины «аккультурация» и «ассимиляция», последнее явление рассматривается как один из возможных результатов первого [17] (Словарь культуры …), будет употребляться далее. Думается, что правомерно говорить об общих и многообразных процессах культурной адаптации, среди которых наиболее распространённые -аккультурация и ассимиляция .)

А.И. Карагодин утверждает, что главным в этногенезе народов юга Украины было наличие общих корней происхождения того или иного этноса, поэтому на протяжении всего 19 в. в регионе шёл «обычный в таких случаях процесс ассимиляции населения» [18]. В работе приводятся сведения о том, что в различных документах 19 века население региона называется то великороссами, то малороссами: «историки 19 века объединяли в одну группу «русских» всё славянское население. В других случаях таким объединяющим этносом выступали малороссы» [19], цитируется документ, в котором засвидетельствована украинизация представителей различных этносов. Следовательно, ассимиляция была разнонаправленной и результаты её могли быть разными, в условиях совместного проживания на территории Нижнего Поднепровья представителей многих народов культура их ассимилируется либо с русской, либо с украинской. Кроме того, ассимиляция не была единственным способом культурной адаптации.

Подобная точка зрения представлена в тезисе С.Г.Иванова: "Буквально через 3-4 поколения происходит естественная ассимиляция национальных групп. Украинские и русские крестьяне усваивают обычаи, традиции, уклад жизни, язык своих соседей. Особенно ярко это проявляется в местах совместного проживания»[20]. Фольклорные материалы свидетельствуют, что только в местах совместного проживания и происходят эти процессы. Думается, немаловажен ответ на вопрос, в каком направлении проходит ассимиляция и к каким результатам она приводит. Результаты фольклорной практики студентов ЗГУ свидетельствует о том, что на территории названных двух уездов на протяжении более двух столетий сохранялась и сейчас существует фольклорная традиция русских и украинцев, следовательно, процессы культурной адаптации не могут быть сведены лишь к ассимиляции.

Существование различных, иногда взаимоисключающих точек зрения свидетельствует о неоднородности и сложности анализируемых процессов.

В местах компактного проживания представители разных этносов сохраняли собственные модусы мышления, бытовую и фольклорную культуру, о чём свидетельствуют сохранившиеся различия в их устном народном творчестве. К.В.Чистов считает одним из основных стабилизаторов фольклорного текста (как и традиции в целом) – социальную группу, её фольклорный опыт («фольклорное знание») и традиции восприятия [21]. Чем больше и целостней группа, тем стабильнее и долговечнее существование фольклорной традиции. Среди восточнославянского населения региона были две стабильные группы с высоким культурным иммунитетом, позволившим сохранить и донести до наших дней собственную фольклорную традицию, – запорожцы и их непосредственные потомки – создатели и хранители исконного для Нижнего Поднепровья фольклора, и русские раскольники.

Уже в последней трети 18 в. на отведенные Потёмкиным земли переселились стародубские и московские старообрядцы, основавшие Знаменку (нынешняя Запорожская обл.) и Большую Лепетиху (ныне Херсонская обл.) [22]. В начале 19 века на территорию нынешнего Мелитопольского района переселяют духоборов из Тамбовской губернии, и они «к 20-м годам создают … ряд новых поселений (Богдановка, Новобогдановка, Троицкое, Новопавловка, Семёновка)»[23]. В 20-е годы на реке Молочной выходцы их Тамбовской губернии - молокане – образуют три большие слободы – Астраханку, Нововасильевку и Новоспасское. Переселение представителей раскола из разных русских губерний на территорию бывшего Запорожья велось на протяжении всей первой половины 19 века, поэтому так много сёл основали староверы, духоборы, молокане. Как правило, эти сёла располагались рядом, создавая своеобразный социокультурный локус. Не случайно хорошее сохранение в регионе их замкнутой, архаичной по форме и содержанию культуры. Согласно современной статистике, в Запорожской области количество церквей значительно меньше, чем в других [24], что может объясняться традиционным их отсутствием в раскольничьей среде.

Раскольников переселяли целыми общинами, состоявшими из больших семей с представителями разных поколений. В результате «мигрировал» весь спектр фольклорных жанров, бытующий в нашем регионе среди потомков раскольников до сегодняшнего дня. Кроме того, со времени раскола до времени переселения на запорожские земли у общин выработалась традиция замкнутости, недоверия к иноверческому окружению. В результате ограниченного общения с посторонними фольклорный репертуар мало обогащался. В старых раскольничьих поселениях сохранилась оригинальная форма трансмиссии произведений (по преимуществу устно-письменная), архаичные элементы бытового

фольклора, апокрифные легенды, устная историческая проза о преследованиях и скитаниях представителей «истинной веры», духовные стихи, фольклорные молитвы, псалмы, канты, которые в другой среде практически не фиксируются. Интересно, что для генетически близких украинских псальма и канта этот пласт русского фольклора оказался непроницаем.

Топос произведений раскольников редко связан с местом последнего поселения. Как своё осознаётся библейское время и пространство, время раскола и места скитаний предков. Далёкое прошлое интересует больше, чем относительно недавнее и настоящее, и тщательно сохраняется память о нём.

В старых раскольничьих сёлах была создана замкнутая культурная среда, именно здесь, а не в каждом диаспорном поселении, “создаются своеобразные условия, при которых многие формы, виды и жанры народного искусства оказываются не только устойчивыми, но, в иных случаях, и более жизнеспособными, чем на своей прародине” [25].

Близкие, хоть и более многообразные процессы протекали в других локусах. Современные полевые наблюдения свидетельствуют, что в местах компактного проживания русские сохраняют свою культуру, отграничивая её от культуры украинцев, болгар, представителей других этносов. Каменка-Днепровка лишь дорогой отделена от Водяного, однако жители этих населённых пунктов осознают себя разными и, рассказывая об обрядах, пожилые каменчанки обязательно говорят, что «у украинцев» всё делается «не так». Отличия в бытовой культуре, обрядах и фольклоре отмечают и жители Водяного.

Там, где населённые пункты создавались в результате переселения большого количества семей, состоявших к тому же из представителей разных поколений, происходили процессы адаптации к новой среде обитания: появлялись новые, связанные с изменившимися геоклиматическими и историческими условиями, образы-символы в лирической песне, менялась топонимика устной несказочной прозы, в фольклорных текстах появляется украинская лексика, иногда заимствовались украинские произведения, но исполнялись, как правило, в русском переводе. Исследователи народной песни отметили, что в такой среде “ часто наблюдается контаминация, когда слова или обороты переиначиваются на свой, более понятный лад… Продуктивной и оправданной формой межэтнических фольклорных связей следует считать народные переводы, заимствование песенных текстов, их художественную обработку и усвоение»[26]. Однако в целом репертуар изменяется мало, обогащаясь за счёт вновь созданных русских текстов или, в более поздний период, произведениями, навязываемыми средствами массовой информации.

Записи свидетельствуют, что глубина исторической памяти переселенцев из русских губерний сильно зависит от того, к какой волне переселения они принадлежат, поскольку в большей части старых (в масштабах региона) русских сёл фиксируются либо этиологические легенды, художественное время которых по преимуществу библейское, либо исторические и топонимические легенды и предания, топос которых ограничен временем и местом нового поселения. Это своеобразное начало времени, точка отсчёта, новой хронологии, до которой история как таковая не существовала. Историческая память в русском фольклоре региона сохранилась слабо, поэтому предания и легенды, связанные с историей и топонимами мест прежнего проживания, неизвестны. В сохранившихся произведениях отсутствуют характерная для местного украинского фольклора мифологизация исторических событий и деятелей. Украинские предания и легенды в фольклорном репертуаре русской диаспоры не зафиксированы.

Помещичьи сёла часто формировались выходцами из различных земель, где были старые поместья «новых» новороссийских помещиков, поэтому рядом оказывались русские и украинские подворья, что провоцировало различные типы взаимной культурной рецепции. Значимо и то, что переселялась в таком случае преимущество работоспособная часть населения, следовательно, завезенная традиция могла быть не полной, поэтому возможна было заимствование произведений от соседей для компенсации недостающих элементов репертуара. В сёлах, где многочисленными были представители обоих этносов, в обрядах стали появляться общие элементы, часто исполняются одни и те же лирические песни и сказки. Част непосредственный перевод украинских сказок на русский язык (противоположный процесс не зафиксирован), исполнение на русском языке украинских христианизованных колядок накануне нового года по старому стилю. В то же время основная часть репертуара всё-таки остаётся собственной.

Аналогичные процессы в последнее время наблюдаются в индустриальных городах - новостройках. Поскольку ранее здесь поселялась молодёжь, не обладавшая всем спектром фольклорного знания (средний возраст жителей Энергодара, Степногорска, Днепрорудного и сейчас немного выше 30, хоть рождаемость, как и по всей Украине, резко упала), то со временем появилась необходимость в компенсации отсутствующего знания. Происходит своеобразное обращение русского и русскоязычного населения этих городов к обрядовой культуре соседних – по преимуществу украинских - сёл. В результате обряды современной свадьбы в этих населённых пунктах включают ряд элементов традиционной украинской свадьбы, а песни исполняются русские и украинские. Свадебные приговорки, пожелания импровизируются на русском и украинском языках. В похоронной обрядности много

традиционных украинских (наряду с общеславянскими) обрядовых действий, язык причитаний – родной язык плакальщицы.

При дисперсном расселении, как правило, сильнее оказывалось влияние более многочисленных представителей одного из этносов, а в результате отмечается существенное влияние украинской культуры на русскую. В местах совместного проживания русских и украинцев в обрядности преобладает украинское начало (в русских семьях проводят обряды Щедрого вечера, исполняют щедровальные песни, принимают и одаривают щедровальников, готовят пасхальный хлеб, а не сырную паску). В необрядовом фольклорном репертуаре очень много украинских песен, иногда они переводятся на русский язык, но чаще исполняются на украинском. Некоторые населённые пункты, например Черниговка, «забыли», что среди первопоселенцев были и русские. Здесь распространено украинское устное народное творчество, а традиционная русская словесная культура, завезенная в процессе переселения, почти полностью ассимилирована. Удаётся зафиксировать лишь наиболее распространённые произведения, часто те, что пропагандировались средствами массовой информации. Естественно, бытуют и произведения современного русскоязычного городского фольклора.

Таким образом, современное состояние традиционной русской словесной культуры в Нижнем Поднепровье обусловлено различным протеканием процессов культурной адаптации среди переселенцев с разным культурным иммунитетом. Ассимилятивные процессы, как и процессы аккультурации, могли быть разнонаправленными. Ускорилось и обострилось однонаправленное движение уже в советский период, резко изменивший характер взаимоотношения русского и украинского фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нові українські пісні про громадські справи (1764 – 1880). - М. Драгоманова. – Женева. – 1881; Драгоманов М. Політичні пісні українського народу 18 – 19 ст. з увагами. - Ч. 1, Р. 1. – Женева. – 1883, Ч. 1, Р. 2. – Женева. – 1885. и др.

2. См., например: Інтернаціональне та національне в сучасному слов‘янському фольклорі а матеріалах УРСР) / Автори: В.А.Юзвенко, М.М.Гайдай, Н.С.Шумада, Ю.З.Круть. – К.: Наукова думка. – 1977; Юзвенко В.А., Гайдай М.М., Шумада Н.С. Межэтнические связи в песенном фольклоре на современном этапе: (На материалах Украинской ССР) // Фольклорное наследие народов СССР и современность. – Кишинёв, 1984. С. 300-318. Собирание и изучение русского фольклора на Украине: (1918 – середина 30-х годов) // Вопросы русской литературы. – 1968. – Вып. 2 (8). – С. 75-83; Тесличко Л.Г. Конкретно-исторические и сравнительные исследования русского фольклора на Украине в советский период // Вопросы русской литературы. – 1979.- Вып.1. – С. 108-117 и др.

3. Черничко І. Українська культура на зламі тисячоліть (етносоціогуманітарний аспект) // Народна творчість та етнографія. – 2001.- № 4. – С.105.

5. См., например: Малорусские народные предания и рассказы. Свод М. Драгоманова. – К., 1876; Эварницкий Д.И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа. – Ч.2. – СПб., 1888; Малорусские песни, преимущественно исторические, собранные Я.П.Новицким в Екатеринославской губернии в 1874 – 1894 гг. – Харьков, 1894; Малороссийские народные песни, собранные проф. Д.И. Эварницким (Яворницким) в 1878 – 1905 гг. – Екатеринослав, 1906; Народні пісні у записах Івана Манжури. – К. , Музична Україна, 1974 и т.д.

4. Кауфман Миколай. Народни песни на Българите от Украински и Молдовська ССР: В два тома. – София: Издателство на Българската Академія на науките, 1982.

5. Ср.: Розвідки Михайла Драгоманова про українську народну словесність і письменство. – Т. 1.// Збірник філологічної секції Наукового товариства ім.. Шевченка. Т. 2. – 1899. – С. 131;

6. Новицкий Я.П. Малорусские исторические песни, собранные в Екатеринославщине. 1874 – 1903 г. - Екатеринослав. – 1908 – С. 58-59; Русские исторические песни / Вступительная статья, составление Л.И.Емельянова. – Л.:Советский писатель, 1987. – С. 138 и т.д.

7. Апанович О.М. Запорозька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. 50-70-і роки 17 ст. – К.: Вид-во АН Української РСР, 1961. – С. 92.

8. Історичні пісні / Упорядкували І.П.Березовський, М.С.Родіна, В.Г.Хоменко – К.:Наукова думка. – 1961. – С. 347, 650 и др.

9. Секеринский С.А. Из истории крестьянской колонизации Таврической губернии в конце 18 – первой половине 19 в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. – Рига, 1963. – С. 358.

10. Статистический справочник Таврической губернии. - Ч.1: Статистический очерк Таврической губернии. / Составитель Л.Н.Андриевский./Под ред. М.Е.Бенесона. – Симферополь, 1915. – С. 15.

11. Антоненко М. Формування етнонаціональної структури населення Донбасу під впливом переселенських процесів. (сер. 19 – поч..20 ст.) // Політологія. Етнологія. Соціологія: Доповіді та повідомлення 3 Міжнародного конгресу україністів. – Х.: Око, 1996. – С. 4.

12. Усенко Г.С. Національний склад населення Новоросії наприкінці 19 ст. //Етнографічні дослідження Південної України. Збірка наукових праць Всеукраїнської ювілейної конференції, присвяченої 145 річчю з дня народження Я.П.Новицького. – Запоріжжя, 1992. – С. 36.

13. Синергетика как новое мировидение: диалог с И.Пригожиным // Вопросы философии. – 1992.- №12. – С. 10.

14. Материалы для этнографии Херсонской губернии. Собрал И.В. Бессараба – Петроград, 1916. – С. 1.

15. Ануфрієв О. Етносоціокультурна свідомість народів українського Придунав‘я. (До постановки проблеми) // Політологія. Етнологія. Соціологія. Доповіді та повідомлення 111 Міжнародного конгресу україністів. – Х.: ОКО, 1996. – С. 10.

16. Ануфрієв О.М. Етнокультура в системі національної культури. – К., 1995. – С. 20.

17. Культурология. XX век. Энциклопедия. - Том 1: А- Л. – СПб: Университетская книга, 1998. - С. 11, 15, 39.

18. Карагодин А.И. История Запорожского края (1770 – 1917). – Запорожье, ЗГУ. – 1998. – С. 286.

19. Там же.

20. Иванов С.Г. Государственная колонизация Бердянского и Мелитопольского уездов в 19 в. // Етнографічні дослідження Південної України. Зб. Наук. Праць Всеукраїнської наукової конференції, присвячений 145 річчю з дня народження Я.П.Новицького. – Запоріжжя. – 1992. - С. 47.

21. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. – Л.: Наука. – 1988. – С.131.

22. Маркианов Н. К истории колонизации Новороссии. Письмо знаменского священника Маркианова о заселении некоторых мест бывшей Елисаветградской провинции. // Киевская старина. – 1885 – Т. XI (март).- С. 531-538.

23. Секеринский С.А. Из истории крестьянской колонизации Таврической губернии в конце 18 – первой половине 19 в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. – Рига, 1963. – С. 358.

24. Коломінський Н.Л., Льовочкіна А.М. Етнопсихологія українця. // Україна на зламі тисячоліть: історичний екскурс, проблеми, тенденції, перспективи. – К.: Міжрегіональна академія управління персоналом МАУП. – 2000. - С. 72.

25. Юзвенко В.А., Гайдай М.М., Шумада Н.С. Межэтнические связи в песенном фольклоре на современном этапе //Фольклорное наследие народов СССР и современность. – Кишинев, 1984. – С. 305.

26. Там же. - С. 313.

УДК 821.161.2-15В7.09

СИМВОЛІКА КОЛЬОРІВ У ПОЕЗІЇ МИКОЛИ ВОРОНОГО

Пазюк Н.В., здобувач

Запорізький юридичний інститут МВС України

У статті досліджено символіку кольорів, закцентовано увагу на різноманітності функцій основних та допоміжних кольорів у поетичному доробку Миколи Вороного в аспекті розвитку української літератури початку XX століття.

Ключові слова: міф, модернізм, риторична фігура, символ, система образів.

Пазюк Н.В. СИМВОЛИКА ЦВЕТОВ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ВОРОНОГО / Запорожский юридический институт МВС Украины

В статье исследовано символику цветов, акцентируется внимание на разнообразии функций основных и вспомогательных цветов в поэтическом наследии Николая Вороного в аспекте развития украинской литературы начала XX века.

Ключевые слова: миф, модернизм, риторическая фигура, символ, система образов.

Pazyuk N.V. THE COLOUR SYMBOLISM IN POETIC WORKS BY MYKOLA VORONIY / Zaporizhzhya law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine.

The author of the article gives the study of the colour symbolism. Spesial attention is paid the function variety of the main and auxiliary colours in poetic works by Mykola Voroniy on the background of the Ukrainian literature development at the beging of the 20tt c.

Key words: myth, modernism, retorical structure, symbol, system of images.

Українській критиці й науці початку XX ст. випало на долю здебільшого боротися за або проти чогось замість того, щоб аналізувати, теоретизувати й філософувати. Тому пильної уваги заслуговує творчість Миколи Вороного, яка складає значний період у розвитку поетичної культури, й саме його літературний доробок заманіфестував європейський, модерністський період її розвитку, який являв собою систему спроб або хвиль. Важко переоцінити спадщину митця, у якій синтезовано набутки світової модерної літератури, і яку українська критика небезпідставно порівнювала з творчістю Ш.Бодлера й П.Верлена. Взагалі ж, як зауважує Г.Вервес, "у творчій біографії письменника доцільніше говорити про перевагу тих чи інших тенденцій і мотивів, про панівні настрої і пошуки в той чи інший період життя, ніж про якусь послідовну еволюцію" [1,15].

Перші вірші Миколи Вороного були зорієнтовані в першу чергу на інтелігенцію, його альманах «З-над хмар і долин» (Одеса, 1903) характеризує початок українського модерну. Адже на формування й становлення поетичної свідомості й поетичного мислення митця вплинули наступні явища: творчість французьких поетів (П.Варлен, С.Прюддом), російських символістів і акмеїстів (К.Бальмонт, М.Гумільов, А.Ахматова), польських поетів з «Молодої Польщі» (Я.Каспарович, К.Тетмайєр). Пов'язує українського діяча з ними інтерес до таїн людської душі, людського буття, висока вимогливість до себе й свого слова, погляд на сучасність з точки зору вічного плину життя, краса душі й краса в стражданні (шопенгауерівська концепція краси), якою він захоплювався. Туга за ідеалом домінує над усім, хоч дуже часто реалізовується виключно в слові, у нових ритмах, строфіці, нових метафорах і перифразах, інверсіях, антитезах, градаціях. В усякому разі поетичне слово Вороного органічно вписується в стильові здобутки загальноєвропейського значення кінця XIX - початку XX століття.

Модернізм Миколи Вороного та «молодомузівців» є не що інше, як дуже широкий, абстрактиний естетицизм. Саме він є основою платформи поета та його модернізму. Цікавлячись філософськими трактатами Ніцше, Шопенгауера, французькою літературою, митець намагався знайти свій естетичний ідеал, пошуки якого можна не зрозуміти, якщо не усвідомити, що «модернізм Вороного стоїть на грані різних художніх процесів: європейського символізму, а надто раннього неокласицизму з його довершеністю ліній як реакцією на неконтрольований експресіонізм символістів, і авангардизму з його культом хаотичного «потоку свідомості» [1,8]. Саме він намагався структурувати новий напрям розвитку літератури, закликаючи молоде покоління письменників орієнтуватися на європейську літературу сучасність і свободу творчості.

У поетичному доробку Миколи Вороного нібито присутній увесь комплекс європейських, західних, модерністичних тем. У творах він пише про місто, а не про село, красу, а не батьківщину, нудьгу, а не радість. Поезія його немов розмальована різними фарбами та відтінками, що існують у природі. Хоча інколи кольори, що виділяє фізика, тобто які сприймає людське око, не відображають всієї символіко-міфологічної колористики, представленої в поезії видатного митця початку XX століття. Колоризм віршованих творів поета зумовлений, з одного боку, реальним світом і, з іншого, - світом символів.

Як засвідчує аналіз, Микола Вороний не був схильний до "мозаїки кольорів" імпресіоністів, дроблення віршів на окремі, мало пов'язані між собою частинки. Широко вдається до поетичного реквізиту символістів (екзотика маловідомих слів, створення нових кольорів (злотоока, попелястий), часте вживання латинських назв і виразів (Memento mori! Ad astra, Sententis)). Під впливом французьких символістів поет вдало експериментує з ритмами й формами, застосовує народницькі кліше різного роду у творах ("На свято відкриття пам'ятника Івана Котляревського" або в посвятах Івану Франкові, Лесі Українці).

На роль кольору у створенні системи образів, символіку кольорів, звертали увагу видатні філософи й мовознавці XIX-XX століття (О.Афанасьєв-Чужбинський [2], О.Потебня [3], О.Лосєв [4], Л.Краснова [5], І.Кузьмичов [6]), у працях яких знаходимо спостереження щодо трактування тих чи інших символів, кольорів у стародавніх міфах, у поезії, прозі багатьох видатних письменників.

У поезії Вороного домінують традиційно білий, червоний та чорний. Але слід зауважити, що поетична майстерність митця не обмежується тільки названими кольорами, автор у своїх поезіях використовує найрізноманітніші відтінки (сріблястий, блакитний, попелястий тощо).

Білий колір переважає в тих збірках, де домінують романтичний настрій, міфологічний підтекст, солярні (оповіді про сонце) та дитячі мотиви ("Балади й легенди", "Сонячні хвилини", "Дітям"). Білий ніби пронизує весь сюжет, організовує його.

Цей світлий колір у взаємозв'язку зі світлом, вогнем є символом краси, кохання, веселощів, свободи, чистоти або наближає до вирішення одвічних проблем, вдаючись до порівнянь (найчастіше це німфи, від шлюбу з якими, за давньогрецькими міфами, народжувалися герої й саме вони володіли таємницею життя і смерті:

… сніжно-білі хвилі
млосно обнімаються, ніби німфи білі [7,52].

Взагалі білий - це колір чистоти, символ поважної старості й народної мудрості: "Вега - сніжно-біла, промениста, символ чистоти" [7,115] або, як сам називав себе автор: "Я білий дід, старезний дід з душею молодою…" [7,121]. Сакральні традиції та звичаї нашого народу несуть у собі світло, надію, сподівання на краще. Тому й Різдво, різдвяний настрій мають бути тільки світлими та яскравими. Так і назва поезії "Срібний сон" [7,54] пояснює радість, велику таїну цього свята, вдаючись до порівнянь "мов серпанок срібнотканий", звукових повторів тощо. Не можна не зауважити, що цей колір використовується тільки в метафорах, порівняннях, поет велику увагу приділяв народно-поетичному підґрунтю своєї поезії, тому часто зустрічаємо білий як у фольклорних мотивах (цикл "Пісні"): "Біле личко, карі очі, чорні брови" [2,79], так і в пейзажних замальовках (цикл "Дітям"):

Білесенькі сніжиночки,
Вродились ми з води…[7,162]

Краса була символом пріоритету ететики над усім іншим. Залишилась символом, знаком, риторичною фігурою ("Краса!"). Навіть лірична поезія пронизана білим. Його вірші платонічні, стерильні, позбавлені еротизму. Усі свої душевні пориви поет передає через "сріблясті думки й почуття" [7,112] у поезіях "Спомини" [7,149], "Французький вірш і білі хризантеми" [7,81]. Взагалі, у всіх поезіях використання білого кольору зумовлює світлий, радісний настрій. Колір є другим ступенем у розвитку поняття світла, символізуючи цим перехід від краси до любові, кохання; білий висупає у взаємозв'язку із вогнем і світлом, що характеризують і внутрішню, і зовнішню красу людини.

Перед Першою світовою війною в ліриці Вороного дедалі виразніше звучать громадянські мотиви. Свідченням того є вірш "Інфанта", де революція 1905р. з'являється в образі жінки, у якій проглядається блоківська Прекрасна Дама. Кольорова палітра представлена тут надзвичайно широко: спочатку день хвилював "акордами промінноструннними", потім "дрімала синя далечінь", далі починається передчуття страшного: тінь падає "чорною сильветою", надалі поза нею "стелився попелястий жаль", а потім Вороний передбачив найстрашніше, що сталося через якихось десять років, а саме "… революція в червоній заграві пливла".

Червоний є не просто кольором знамен, які принесла з собою революція, а й символом нової, ще незвіданої, невідомої епохи.

Цікаво прослідкувати і зрозуміти причини використовування поетом у метафорі або символі цього кольору, символіка якого в поезії Вороного найбільш багата. Червоний колір виконує найрізноманітніші функції: є смисловим стрижнем субстантивованої алегорії - символ тривоги, зреченість міста; символізує дії або є умовою початку дії; слугує для створення символів, які передають бунтівні, характерні й для Блока поривання, неспокій і душевне збентеження; є елементом контрасту, виступає як символ викриття капіталістичного міста та його суперечностей, є засобом сатири й символом приближення революції; бачимо гіперболізацію червоного, його нагнітання; діє як постійний епітет. Також червоний колір виступає в зображенні водночас щастя й тривоги, краси й біди. Взагалі сам по собі цей колір має надзвичайно багату палітру відтінків. О.Афанасьєв-Чужбинський визначав червоний колір як прекрасний, у китайській символіці кольорів червоний означає південь [2,105], О.Лосєв заналізував пурпур як "колір правителів та бандитів" [4,53].

У поезіях Вороного цей колір переважно є агресивним, особливо в циклах "Співи старого міста" та "Лілеї й рубіни". Якщо в першому циклі начебто й не бачимо яскраво виражених кольорів, то настрій відчувається сумний, тяжкий. Навіть автограф представлено у вигляді порівняння з пеклом, що було реальною картиною будь-якого міста України початку XX ст.

Інший цикл ілюструє протистояння, можна навіть сказати послідовний контраст, про що свідчать самі назви "Лілеї"∏"Перед брамою"∏"Рубіни". Якщо в "Лілеях" бачимо авторські неологічні експерименти з ритмами й формами - "злотоокі", "попелястий жаль", "огненний, кривавий", "злотисто-рожевий", велику кількість порівнянь, то вже в поезії "Рубіни" автор представляє "рани, нудьгою роз'ятрені", в образі

рубіна, коштовного каменя, який сам горить як вогонь й символізує кров, полум'я, пекло. Передчуття лихого, предреволюційні настрої початку століття (1911-1912 роки) і змусили автора використати червоний як символ кривавої свободи, відображаючи тодішній реальний світ і визначаючи державність України поч. XX ст.:

Весна на рідній Україні,
Такій новій, немов чужій, -
Не безнадійно жовто-синій,
Але червоно молодій [7,45].

Але червоний зі своїми відтінками здавна в Київській Русі означав усе прекрасне, любов, красу земну, а найбільше стосувалося це сонечка красного. Вороний, що звертався й до народно-поетичних засобів відтворення одночасно зовнішнього й внутрішнього світів, використовує його при змалюванні солярних мотивів (образ сонця), який у реалії може бути й небезпечним:

Сховався в морі сонця диск,
Огненний диск,
І в небо кидає свій блиск -
Кривавий блиск [7,51].

А може бути зовсім іншим: "Червоне коло, блискуче, красне" [7,99].

Сполучення жовтого й чорного може передавати відчуття трагічності, фатальності того, що відбувається навколо (жовтий - день, чорний - ніч).

Навіть якщо яскравих кольорів не так багато, то настрій, весь начебто червоний та чорний, пронизує всю поезію. Для зображення гніву автор вдається до метонімій

Із чорних, насичених полум'ям хмар
Він слав за ударом удар!.. [7,34]

Традиційно чорний означає журбу, тяжкі наслідки нелюдських діянь,

Стогнала земля,
Аж чорна сумна-невесела [7,35],

людські оговори, ошукання представлені також у чорному світлі: "Твої уста посіла чорна клевета" [7,89].

У ліричній поезії чорний використовується ще й як постійний фольклорний епітет (чорні вії, брови).

Капіталістичне місто оповите туманами, які є символом ворожості, що закривають собою світло. І якщо життя - це вогонь, то чорні тумани, хмари гасять його. Закінчується вогонь - закінчується і життя.

Сумні, важкі чорний та червоний виражають антигуманний початок XX ст., стають символом тривоги, трагічності, зреченості.

Еволюція символіки червоного і чорного кольорів дозволяє прослідкувати, як поет поглиблював і розширював систему поетичних образів. Серед них присутні образи, при створенні яких використано ці кольори, які допомагають зрозуміти еволюцію світогляду Миколи Вороного, особливо коли він "був по той бік добра і зла".

Основна функція синього, блакитного романтична. У використанні цих кольорів як поетичного образу домінує символічний початок. Романтично-символістська стилізація представлена в дусі витонченості й вишуканості:

Дві хмарки хвилясті в прозорій блакиті
Назустріч одна одній плили
І сяйвом злотисто-рожевим повиті,
Неначе серпанком, обоє були [7,75].

Любов автор демонструє засобами риторики. Автор описує, що таке любов, а не своє переживання любові ("Любов-це талісман, Урочий подарунок, Любов-кип'ячий трунок З ілюзій та оман…").

Але не тільки такими традиційними кольорами представлена символіка поезій Миколи Вороного. У мові його творів багато неологічних символів: замість блакитних очей більше зустрічаються ясно-сапфірові, дівчина волоока, присутній також золотий, який виступає символом світла, тепла, а ніяк не розкоші й не багатства.

Отже, скільки контекстів, стільки й відтінків полісемії кожного кольору. Еволюція образів призводить до можливості сприйняття того чи іншого кольору як інструмента соціальних, поетичних характеристик. Як засвідчує статистичний аналіз питома вага кожного кольору у створенні системи образів приблизно є такою: білого - 11 %, червоного, блакитного - по10%, чорного - 8%, зеленого, золотого - по 6%, жовтого - 4%).

Символіка кольорів у поезії Миколи Вороного є невід'ємною частиною його поетичного мислення, вирізняє його творчість на тлі української літератури початку ХХ століття.

Творчість Вороного є самостійною, але не самотньою в контексті розвитку літератури. Поетична традиція М.Вороного, незважаючи на усі трагедії особистого життя й заборони його творів, не була перервана. Вона відлунює не лише у творах "молодомузівців", а й сучасних спробах молодих поетів привласнити Україні найбільші здобутки європейського модернізму й авангардизму ХХ ст.

ЛІТЕРАТУРА

1. Вервес Г. Микола Вороний // Микола Вороний. Поезії. Переклади. Критика. Публіцистика.-К.,1996.
2. Афанасьев-Чужбинский А. Поэтические воззрения славян на природу.-К.,1989.
3. Потебня А. Слово и миф.-М.,1989.
4. Лосев А. Философия. Мифология. Культура.-М.,1991.
5. Краснова Л. Поэтика Александра Блока.-Львов,1973.
6. Кузьмичев И. Лада, или повесть о том, как родилася идея прекрасного и откуда Русская красота стала есть. Эстетика Киевской Руси.-М.,1990.
7. Вороний М. Твори.-К.,1989.

УДК 808 : 2 : 37

ПЕРЕВОД В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Пацера Л.В., к.филол.н., доцент, Дорофеева Н.Н., студент

Запорожский государственный университет

Перевод рассматривается как способ семантизации лексики. Представлены методические концепции, позволяющие определить этот способ как эффективный и результативный при обучении иностранных студентов русскому языку.

Ключевые слова: методическая концепция, переводный метод, беспереводный метод, учебный перевод, контекст.

Пацера Л.В., Дорофєєва Н.М. ПЕРЕКЛАД У ПРОЦЕСІ НАВЧАННЯ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ЯК ІНОЗЕМНОЇ / Запорізький державний університет, Україна

Переклад розглядається як засіб семантизації лексики. Наведені методичні концепції, які дозволяють визначити цей засіб як ефективний та результативний при вивченні іноземними студентами російської мови.

Ключові слова: методична концепція, перекладний метод, безперекладний метод, навчальний переклад, контекст.

Pazera L.V., Dorofeyeva N.N. TRANSLATION IN PROCESS FOREGIN LANGUAGE TEACHING / Zaporizhzhya State University, Ukraine

Translation is considered here as a way of vocabulary semantisation. Our methodic conception proves that translation is an eff ic ient and fruitful method of teaching foreign students the Russian language.

Key words: methodic conception, method of translation, rough translation, context.

Роль и место перевода при обучении иностранному языку рассматривается неоднозначно, а методические концепции противоположны по признаку полноты и интенсивности его использования в учебном процессе. Представляемые в хронологическом плане, эти концепции составляют этапы исторического развития методики, а в общеметодологическом плане образуют различные направления в теории и практике преподавания иностранных языков. Известно, что два крайних подхода к использованию перевода оформились как переводно-грамматический и беспереводные методы обучения. Противопоставление переводного и беспереводных методов не преодолено и в современной практике обучения иностранным языкам: сторонники беспереводных методов пытаются устранить перевод из учебного процесса или хотя бы свести его к минимуму, в то время как сторонники перевода [2; 3; 4] используют его как средство формирования языковой компетенции.

При ознакомлении с методической реализацией общих концепций выясняется, что термин «перевод» понимается неоднозначно. Расхождения проявляются в выделении конкретных видов, в определении учебных функций, в понимании природы и границ перевода. Возникает необходимость уточнения понятия перевода.

То, что называется русским словом перевод, может означать либо определенный вид языковой деятельности, т.е. сам процесс перевода (сравните англ. translating), либо результат, продукт этой деятельности, т.е. текст перевода (сравните англ. translation). В теории обучения иностранным языкам перевод как вид деятельности и перевод как речевой продукт также должны быть предметом методологически и содержательно различных подходов.

Здесь необходимо обратиться к определению, сформулированному Ю.В. Ванниковым: «Перевод как вид языковой деятельности есть сознательный процесс перекодирования сообщения на исходном языке в сообщение на другом языке – языке перевода. Процесс перекодирования имеет задачей передать средствами языка перевода смысловое содержание и экспрессивно-стилистическую окраску оригинала» [5, 47]. Иными словами, перевод является не простым, а сложным видом деятельности, в котором некоторые исследователи [6; 7; 8] выделяют по меньшей мере три речевых акта: 1) акт общения на одном языке (восприятие оригинала); 2) акт общения на другом языке (создание текста перевода); 3) акт коммуникативного приравнивания текста оригинала и текста перевода.

В основе перекодирования лежит целенаправленный выбор языковых средств языка перевода, семантически и стилистически эквивалентных языковым средствам исходного языка, что должно обеспечить адекватную передачу оригинала. Перевод, таким образом, есть лингвистический процесс, в ходе которого при порождении текста реализуются объективные семантико-стилистические соответствия между единицами языка перевода и исходного языка.

Необходимо отметить, что при обсуждении достоинств и недостатков переводного метода обучения под переводом нередко понимается только письменный перевод, поскольку в переводном методе действительно широко используется именно этот вид работы. Очевидно, что в учебном процессе могут найти применение различные виды перевода, поэтому для методики представляет интерес разработка общей типологии переводов в зависимости от форм языковой презентации текста оригинала и текста перевода (например, устный перевод устного текста, т.е. текста, воспринимаемого на слух, аудируемого; устный перевод письменного текста; письменный перевод письменного текста). Попытка такой типологии предпринята, в частности, в работе Л.С. Бархударова [9]. Разумеется, для теории и практики преподавания иностранных языков представляют интерес и другие типологии перевода, особенно те, которые строятся на учете функционально-стилистических и жанровых особенностей переводимого материала (здесь методика может опираться на характеристику переводов, разработанную А.В. Федоровым [4] и на учете собственно языковых соотношений текста перевода и текста оригинала.

Обратимся теперь к понятию переводно-грамматического метода. Использование перевода в учебном процессе, даже осуществляемое в значительном объеме, само по себе не характеризует метод, по мнению И.М.Соловьевой [10]. Учебный перевод – это, строго говоря, особый прием обучения, который может применяться в рамках различных методов.

Переводно-грамматический метод – это прежде всего реализация некоторой общей концепции обучения, включающей представление о предмете обучения, характере владения иностранным языком, приемах изучения языка и единицах его презентации. Как отмечает З.И. Сироткина [11], в основе переводно-грамматического метода лежит предположение, что владение двумя языковыми системами и правилами перехода от одной к другой (т.е. системой соответствий языковых единиц) обеспечивает возможность решать на втором языке те же коммуникативные задачи, которые говорящий может решать на первом. Поэтому в разработке как самого метода, так и основанных на нем методик упор делается не на описание и отбор речевых интенций и способов их разрешения, а на отбор единиц языкового материала и установление системы соответствий. Инвентарные единицы изучаемого языка, правила парадигматики (его система), основные правила синтагматики (его структура), система соответствий единиц изучаемого и родного языков и ее речевая реализация в виде правил перехода от текста на родном языке к тексту на изучаемом языке, а также адекватная семантизация лексики, - таков лингвометодический базис переводно-грамматического метода. Как считает В.С. Лизунова, этот метод сводится к «переводу изолированных, вырванных из контекста предложений и заучиванию списка слов с их иноязычными эквивалентами» [12, 67]. Основным приемом введения, закрепления, повторения и актуализации языкового материала является письменный перевод.

А.А. Леонтьев и П.Я. Гальперин утверждают, что психологической основой использования перевода при обучении иностранному языку является то обстоятельство, что второй язык неизбежно усваивается через призму первого, родного [8; 3]. Этот факт может быть учтен, во-первых, в подборе иноязычного языкового материала и способе его введения и, во-вторых, в использовании перевода как приема учения

и обучения. Трудно не согласиться с Б.В. Беляевым, заметившим, что поскольку перевод оказывается психологической необходимостью, пренебрегать им неразумно [2].

Учебный перевод особенно эффективен при обучении системе языка, где он может использоваться как средство введения, закрепления и активизации лексики русского языка в ее парадигматических, синтагматических и других связях. Коммуникативная направленность не исключает, а скорее предполагает интенсивное и целенаправленное обучение фрагментам языковой системы, отбираемым сначала функционально или ситуативно-тематически, а затем обобщаемым в соответствии с внутренней логикой самой системы языка.

Учебный перевод, с другой стороны, очень эффективен и как средство формирования коммуникативной компетенции. Я.И. Рецкер констатирует, что программирование речевого действия, особенно в условиях внеязыковой среды, обязательно проходит этап опосредования через родной язык обучаемого, неизбежным оказывается также стихийный, неосознанный перенос речевых навыков и умений с родного языка на изучаемый на основе смыслового сходства [13, 126]. Здесь не получает подтверждения точка зрения Б.В. Беляева, который считает, что мышление на иностранном языке существенно отличается от мышления на родном и что перевод вследствие этого не может служить эффективным средством обучения иностранному языку [2]. А.А. Леонтьев по этому поводу замечает, что как раз перевод, умело и целенаправленно используемый в учебном процессе, может оказаться эффективным методическим приемом, превращающим стихийный неосознанный перенос в перенос осознанный, управляемый [8].

Перевод как специфический прием может быть использован при различных условиях, формах и профилях обучения (в языковой среде и вне ее, на краткосрочных курсах и при пятилетнем обучении, при обучении филологов и нефилологов и т.д.), при различных системах обучения, отличающихся конечными целями (Л.Г. Кашкуревич выделяет рецептивный, репродуктивный и продуктивный билингвизм [7]).

Перевод также может быть использован в рамках различных методов обучения (за исключением, разумеется, прямого). При этом в рамках разных методов перевод может использоваться на различных этапах и выполнять различные функции.

Так, наиболее очевидны возможности перевода для переводно-грамматического метода: перевод выступает в нем как доминирующий прием обучения. Неверно было бы думать, что этот метод в настоящее время не может найти применения. По-видимому, он вполне обеспечивает обучение научных работников, имеющих целью чтение специальной литературы на русском языке (рецептивный билингвизм, которого можно достигнуть на основании единственного компонента, а именно на основе знания системы языка и его единиц).

Как отмечает Ю.В. Ванников, важную роль играет перевод и при суггестопедическом методе обучения: содержание, организация и проведение занятий осуществляется с использованием языка-посредника [5]. Перевод обеспечивает осмысление глобально предъявляемой информации на изучаемом языке посредством родного. Кроме того, перевод с изучаемого языка на родной может быть использован как средство контроля понимания, а перевод с родного на изучаемый – для контроля степени сформированности грамматических навыков и усвоения иноязычной лексики.

В рамках аудиолингвального метода перевод может использоваться как средство семантизации языковых и речевых единиц, а также как средство контроля понимания.

Аудиовизуальный метод обучения включает обычно принцип беспереводности, однако именно этот принцип, по мнению некоторых ученых [3; 8; 14], является недостатком аудиовизуального метода, так как беспереводность создает большие трудности на стадии введения нового материала.

При обучении языку как средству получения научной информации, когда идет интенсивный процесс накопления лексического запаса, перевод может быть использован как эффективный способ семантизации. Например, как предлагает И.М. Соловьева, студентам – нефилологам может быть предложен перевод терминов и терминологических сочетаний в целях быстрейшего усвоения законов терминообразования в русском языке и накопления терминологического минимума [10].

Необходимо отметить, что перевод по совокупности функциональных характеристик и требований к уровню адекватности может быть подразделен на профессиональный и учебный.

Главным требованием к адекватности любого перевода (как профессионального, так и учебного) является соответствие текста перевода не только грамматическим правилам, но и функционально-стилевым и экспрессивно-стилистическим нормам языка перевода. Именно это обстоятельство и позволяет использовать учебный перевод как эффективный прием обучения иностранному языку. Но реализация этого принципа требует от обучаемого определенных знаний и умений. Так, он должен знать, что такое буквализм и избегать буквалистических переводов, находя функциональные эквиваленты; соответственно ему должен быть понятен принцип вариативности перевода; он должен знать и уметь

применять различные переводческие трансформации и т.п., другими словами, обучаемый должен сознательно и практически владеть простейшими навыками переводческой работы.

Итак, вопрос о роли и месте перевода в процессе обучения иностранному языку не раз стоял в центре внимания методистов, теоретиков и практиков иноязычного обучения, но, тем не менее, в методической литературе можно найти очень противоречивые, иногда прямо противоположные мнения по вопросу об использовании перевода как одного из способов овладения иностранным языком. Мы считаем этот способ достаточно эффективным и результативным.

Основанием такой точки зрения служит тот факт, что учебный перевод является не стихийной, а организованной, направляемой преподавателем деятельностью. Перевод с родного языка студентов на изучаемый относится к числу наиболее трудных и в то же время самых полезных видов творческих упражнений. Он активизирует все знания учащихся, заставляет их использовать приобретенные языковые знания. Это обусловлено тем, что «принцип адекватности перевода требует полной передачи всего языкового богатства подлинника, всех его стилистических ресурсов, выразительных средств, требует владения разнообразной фразеологией, синонимией, экспрессивной лексикой, всем арсеналом средств языка» [9, 27].

Нам представляется, что в задачи практических занятий по переводу с иностранными студентами входит не только формирование навыков адекватного оригиналу перевода, но и умение использовать перевод как средство дальнейшего овладения языком, как средство закрепления студентами умений и навыков применять грамматические знания обогащения их речи новыми лексическими и фразеологическими единицами изучаемого языка.

Таким образом, при обучении русскому языку как иностранному, когда идет интенсивный процесс освоения и накопления лексического запаса, перевод целесообразно использовать как эффективный способ семантизации и закрепления лексики иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чемоданова Е.Д. Лингвометодические вопросы обучения русской лексике на продвинутом этапе / Русский язык как иностранный: актуальные вопросы описания и методики преподавания. – М.: Русский язык, 1982. – С. 210 – 222.
2. Беляев Б.В. Психологические основы усвоения лексики иностранного языка. – М.: Просвещение, 1964. – 250 с.
3. Гальперин П.Я. К психологии формирования речи на иностранном языке / Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку // Под ред. А.А. Леонтьева и Т.В. Рябовой. – М.: Издательство Московского университета, 1972. – С. 60 – 71.
4. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
5. Ванников Ю.В. Обучение переводу и переводный метод обучения // Русский язык за рубежом. – 1980. – № 1. – С. 47 – 56.
6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
7. Кашкуревич Л.Г. Об универсальности некоторых умений в условиях формирования искусственного билингвизма // Русский язык за рубежом. – 1981. - № 3. – С. 56 – 59.
8. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки). – М.: Издательство Московского университета, 1970. – 91 с.
9. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Наука, 1975. – 248 с.
10. Соловьева И.М. К проблеме адекватности научно-технического перевода // Стилистико-грамматические черты языка научной литературы. – М.: Наука, 1970. – С. 198 – 207.
11. Сироткина З.И. Перевод в системе обучения русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. – 1993. - № 2. – С. 127-135.
12. Лизунов В.С. Вопросы теории и практики перевода // Русский язык за рубежом. – 1981. - № 6. – С . 66 – 69.
13. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
14. Мешко Ш.О. О семантизации лексики в преподавании иностранных языков // Русский язык за рубежом. – 1975. - № 3. – С. 52 – 56.

УДК 81'37(81'374.3)

ОТРАЖЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ В СТРУКТУРЕ СУБСТАНТИВНЫХ КОМПОЗИТОВ

Петров А.В., к.филол.н., доцент

Таврический национальный университет

С позиций валентностной грамматики в статье исследуются двухкомпонентные субстантивные композиты, мотивированные сложными словосочетаниями. Первый компонент производных отражает различные валентности глагола, занимающие позицию крайних членов исходной синтагмы.

Ключевые слова: композит, сложное словосочетание, семантическая и синтаксическая валентность, словообразовательная синонимия.

Петров О.В. ВІДБИТТЯ ДІЄСЛІВНОЇ ВАЛЕНТНОСТІ В СТРУКТУРІ СУБСТАНТИВНИХ КОМПОЗИТІВ / Таврійський національний університет, Україна.

Із позицій валентної граматики в статті досліджуються двокомпонентні субстантивні композити, мотивовані складними словосполученнями. Перший компонент деривантів відображає різні валентності дієслова, що займають позицію крайніх членів висхідної синтагми.

Ключові слова: композит, складне словосполучення, семантична та синтаксична валентність, словотвірна синонімія.

Petrov A. V. REFLECTION OF VERBAL VALENCY IN STRUCTURE OF SUBSTANTIVIONAL COMPOSITES / Tavrical national university, Ukraine

In article are investigated two-member substantivional composites motivated with complex word collocations from positions of valentional grammar. The first component reflects derivative various valencies of a verb occupying a position of the extreme members initial syntagm.

Key words: a composite, complex word collocation, semantic and syntactic valency, derivational sinonimic.

В лингвистике наиболее изучены сложные слова, созданные на основе двухкомпонентных словосочетаний по модели «глагол + имя» [1; 2; 3; 4; 5; 6]; менее исследованы композиты, мотивированные трехчленными словосочетаниями. В сложных словах воспроизводится «многообразие типов синтаксических отношений, в которых утрата формальных признаков зависимости восполняется смысловой компрессией субъектных, объектных, атрибутивных и обстоятельственных отношений в производном» [4, 14].

Цель статьи – изучить первые составные части сложных имен существительных с точки зрения валентностной грамматики. В качестве объекта исследования были взяты композиты с глагольным компонентом, мотивированные трехкомпонентными словосочетаниями. В качестве базовых послужили преимущественно глаголы физического действия и глаголы передвижения в пространстве. «Разнообразие сложных слов во многих случаях делает их неоценимыми источниками реконструкции глубинной структуры производящего, объединяющего все композиты» [2, 61]. В процессе образования сложений действует общая закономерность – в структуре производного сохраняется крайний член мотивирующей синтагмы при выпадении среднего. В исследовании мы опираемся на понятие семантической/синтаксической валентности, разработанное Ю.Д. Апресяном: «Семантические валентности вытекают непосредственно из лексического значения слова, характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу. Приписываемые им содержания, или "роли", если пользоваться термином Ч. Филмора, суть части этого лексического значения» [7, с. 120].

Валентность объекта действия

(Базовые глаголы: косить, рушить, драть, чистить – очистить, вязать)

Глагол **косить** «срезать травы или хлеба косой, косилкой» имеет семантические валентности «кто», «что», «при помощи чего», которые реализуются соответственно в производных *косарь, косец, сенокосец, сенокосчик*; *сенокос, травокос, кошенина; косилка*, *сенокосилка, камышекосилка*. С точки зрения поставленной цели, интерес представляют композиты *травокос* и *сенокос,* образованные на базе синтагмы *косить траву на сено*. В то же время в языке зафиксированы словосочетания *косить сено, пилить дрова, сечь дрова, заготовка дров, рушить крупу, драть крупу, молоть муку* как результат процесса стяжения сложных словосочетаний *косить траву на сено*, *пилить лес на дрова*, *сечь лес на дрова*, *заготовка леса на дрова*, *рушить зерно на крупу, драть зерно на крупу, молоть зерно на муку*.

В сложных словосочетаниях различны взаимоотношения между компонентами, что влияет на производство композитов. Жесткая логическая зависимость между глаголом и прилегающими актантами наблюдается лишь в последних трех синтагмах: *молоть* и *драть зерно* можно лишь *на муку*, *рушат зерно* только *на крупу*. Поэтому в языке зафиксированы лишь композиты *мукомол, мукомольня, крупорушка, крупорушня*, у которых первыми компонентами являются крайние члены мотивирующего сложного словосочетания. При отсутствии жесткой зависимости между компонентами сложного

словосочетания подобное ограничение в образовании композитов не наблюдается: *лесопилка* и *дровопилка* при синтагме *пилить лес на дрова*, *лесосека* и *дровосек (сечь лес на дрова)*, *лесозаготовки* и *дровозаготовки* (*заготавливать лес на дрова*): «На *лесопилке* взвизгивали пилы: мужики там пилили продольными пилами лес» (Колыхалов, Дикие побеги); «Тогда все было впервые в истории – даже *дровопилка* с нефтяным двигателем, вдруг заменившая сто рабочих, казалась чудом» (В. Панов, Лесная быль). Исключение составляет словосочетание *косить траву на сено*, на базе которого образуются композиты-синонимы *травокос* и *сенокос*. В словосочетаниях со стяженным средним компонентом типа *косить сено* приглагольный актант выполняет объектную функцию (актанты подобного типа Т.А. Тулина называет креативными). Траву косят не только на сено, но в народном сознании косьба травы связывалась с заготовкой сена. В словаре Даля читаем: «косить траву, говорят и сено». Производные *травокос* и *сенокос* различаются частотностью функционирования и объемом. Сложение *травокос* низкочастотно и моносемично, в его толковании не отражена глагольность. Ср.: «пространство, покрытое травой; луг»; « – Вот уже затянула степь дымка, и отсюда уже не отличишь лес от бурьяна, пашню от *травокоса*» (Шолохов, Судьба человека). Лексема *сенокос* развила два значения: 1. Косьба травы на сено. 2. Луг, предназначенный для косьбы травы на сено; место косьбы. Производные являются синонимами: в композите *травокос* имплицитно отражен компонент мотивирующего словосочетания «на сено» (*косить траву на сено*), в деривате *сенокос* 2 – средний компонент синтагмы.

Глагол **рушить** - «сдирать шелуху с зерна, перерабатывая его в крупу» характеризуется следующими семантическими валентностями: «кто», «что», «во что», «где», «с помощью чего». Третья и четвертая валентность объективируется в производных *крупорушка* и *просорушка* (многозначные композиты называют машины и предприятия, где что-то рушат), а четвертая валентность отражается в дериватах *рисорушка*, *семенорушка*. При общности актантных значений сложения *крупорушка* и *просорушка* различаются первыми компонентами, замещающими валентность «во что» и «что». «*Просорушка* отсылает к более конкретной ситуации, чем *крупорушка*, и это обстоятельство сказывается на конкретности/обобщенности значений этих слов и организации этих значений в пределах каждого» [2, с. 60].

Глагол **драть** - «очищать зерно от шелухи; размалывать зерно на крупу» имеет эксплицитные семантические валентности «кто», «что», «на что» и имплицитную «при помощи чего». В разносуффиксальных композитах реализуются валентности «где» (*круподерня, круподерка* 2) и «с помощью чего» (*круподерка* 1). Первый компонент сложений замещает семантическую валентность «на что». В лексеме *просодранка* (*драть просо*) отражена объектная валентность. Ср.: « – Раскулачивать тебя пришел. – Я и так раскулачен. Мельницу сдал? *Просодранку* сдал? Еще чего?» (Замойский, Лапти). В оппозиции *круподерка – просодранка* прослеживаются те же отношения, что и в паре *крупорушка – просорушка*.

Глагол **очистить** имеет значение «сделать чистым по составу, освободить от примесей, чего-л. чужеродного» и характеризуется следующими семантическими валентностями: «кто», «что», «от чего». В композитах не реализовалась только субъектная валентность. Валентности «что» и «от чего» представлены в производных со вторым компонентом *очиститель* и *очистка*. Первый компонент сложений отражает объектную валентность: *водоочиститель (водоочистка), воздухоочиститель, котлоочистка, углеочистка, сероочистка, маслоочистка, ворохоочиститель, газоочиститель (газоочистка), канавоочиститель, каналоочиститель, льноочиститель, молокоочиститель, стеклоочиститель, семяочиститель , хлопкоочиститель (хлопкоочистка)* и др. Эта же тенденция проявляется и в адъективах типа *водоочистительный, льноочистительный, зерноочистительный* и др. Валентность «от чего» представлена в единичных композитах: *лесоочистка, снегоочиститель (снегоочистка), пылеочиститель, грязеочиститель, угароочищающий, снегоочистительный*. Синтаксическая валентность «как, каким способом» отражается в производных *гидроочистка, химчистка* и *электрогазоочистка*. Отмеченная закономерность о выпадении средних членов синтагмы при образовании производных нарушается в лексеме *путеочиститель*, образованной на базе сложного словосочетания *очиститель железнодорожных путей от снега: очищать железнодорожные пути от снега*.

Глагол **вязать** - «связывать что-л., собирая вместе, или соединять, связывать чем-л., делая, изготовляя что-л.» имеет следующие семантические валентности: «кто», «что», «чем», «как», которые объективируются в производных *вязанка, вязальщик, кистовяз, коновязь, самовяз, сноповяз, сноповязалка, сноповязальщик, узловязатель, кистевязальщица, пуховязальщица.* Из перечисленных интерес представляют дериваты с первым компонентом *снопо-*. В композитах выражается синкретичный характер валентности – объектной и обстоятельственной: *вязать что-л. в снопы: вязать снопы*, но *пуховязальщица – вязать что-л. из пуха.* Ср.: «Обозы двигались безостановочно, но в палимой солнцем степи так же безостановочно работали самоходные комбайны, *сноповязалки*, лобогрейки…» (Закруткин, Плавучая станица); «Из пухового волокна после тщательной очистки, прически начали прясть нити, а затем вязать шали. Возник трудоемкий, но высокооплачиваемый промысел *пуховязальщиц*» (Пермяк, Мой край). В трехкомпонентном композите *коноплесноповязалка* «прицепная машина для скашивания

конопли при различных способах ее посева, связывания шпагатом срезанной массы в снопы и сбрасывания их на скошенную часть поля» валентностный синкретизм разрушается появлением конкретизирующего объектного компонента.

Валентность места
(Базовые глаголы: косить, рыть, плавить – сплавить)

Валентность «места» отражают первые компоненты сложений *газонокосилка, пескорой, пескоройка, рекосплав*. Композит *газонокосилка* мотивирован трехкомпонентным словосочетанием *косилка для травы на газонах, косить траву на газонах*; в его структуре представлен крайний член синтагмы: « – Да ладно, чего там, – говорил Игнатьев неизвестно кому, уже на бульваре, ремонтируя проклятый карбюратор *газонокосилки*» (Кабаков, Бульварный роман). Валентность объекта действия закреплена в производном *камышекосилка* «машина для скашивания камышей»: «Неладно вышло и с *камышекосилкой*, присланной из Болгарии. Опробовали. Косит. И неплохо косит. Неудобство, однако, заключалось в ее транспортировке к прудам» (А. Островский, Шипулинские пруды).

Глагол **рыть** - «делать в земле яму, углубление и т. п.» реализует следующие семантические валентности: «кто», «что», «где», «при помощи чего». На базе синтагмы *рыть углубление в песке* образуются композиты *пескоройка* - «личинка бесчелюстных позвоночных животных – миног, обитающая в грунте реки, зарывшись в песок» и *пескорой* - «перепончатокрылое насекомое, живущее и роющее норки в песчаных местах»: «Если место выбрано неудачно – вода приносит мало микроскопического корма – *пескоройки* переселяются на другое» (Акимушкин, Мир животных. Рассказы о змеях, крокодилах…). В производных представлен крайний член мотивирующего словосочетания.

Глагол **сплавить** толкуется как «отправить вплавь по течению реки (лес, бревна)» и характеризуется следующими семантическими валентностями: «кто», «что», «где». Сопоставив лексические значения глагола *сплавлять* и производного *сплав* в толковых словарях, мы обратили внимание на некоторую неточность в их формулировках. *Сплавлять* лес, бревна можно не только по рекам, но и по озерам, и по каналам, о чем свидетельствует иллюстративный материал толковых словарей. Ср.: «*Каналами* монахи соединили цепь озер для сплава бревен. И по всему рукотворному водотоку развели красную рыбу и хариусов» (Волков, Погружение во тьму); «Лес, сплавом которого заняты бурлаки *по рекам* и *озерам*, направляется к Белому морю, к Сороцкой губе» (Пришвин, В краю непуганых птиц); «За три дня десять тысяч кубометров бревен сплавили *по каналу*» (Павленко, На Востоке). В БАСе это уточнение появляется в производном *лесосплав* «сплав древесины по водным путям». В.И. Даль определяет значение существительного *сплав* как «вообще водяной путь реками и каналами». Следовательно, в речи возможны трехкомпонентные словосочетания *сплавлять лес по реке (рекам) /озерам / каналам*. В языке закрепился композит *лесосплав*, однако в определенном контексте возможен и его уточнитель *рекосплав*. Ср.: «От Верхней Запани до лесоперевалочной базы Красный Лесовик автопутем полтора часа с ветерком. Речушкой же нашей, заломистой и порожистой – клади неделю. Наивысшая скорость *рекосплава* по такому пути – двадцать верст в сутки, быстрее не пойдет» (Грачевский, Среди своих).

Валентность цели
(Базовые глаголы: пахать, бить, месить)

Валентность цели отражают первые компоненты композитов *мясобойня, хлебомес, хлебопашец* и однокоренные производные *хлебопашество, хлебопашествовать*. Глагол **пахать** «обрабатывать землю плугом» характеризуется следующими семантическими валентностями: «кто», «что», «чем», которые объективируются в производных *пахотник* (*устар.*), *пахарь, плугарь, землепашец, хлебопашец.* Анализируя лексемы *пахарь* и *землепашец*, Е.С. Кубрякова [8] обратила внимание на разную степень эксплицитности в производных объекта действия и на одинаковый способ обозначения агента по глаголу *пахать* – суффиксы *-арь* и *-ец*. Этот ряд может быть дополнен производными *плугарь* и *хлебопашец*. Дериват *плугарь* «тот, кто работает на вспашке полей плугом» мотивируется сложным словосочетанием *пахать землю плугом*. Односуффиксальные лексемы *плугарь* и *пахарь* при общности ономасиологического базиса различаются ономасиологическим признаком. В качестве ономасиологического признака для первого производного выбран субстантивный компонент, реализующий инструментальную валентность, а для второго – глагольный. В композитах *землепашец* и *хлебопашец* первые компоненты сигнализируют о различии в ономасиологическом признаке. Ср.: *землепаше - пахать землю* (объектная валентность*), хлебопашец - пахать землю с целью выращивания хлеба (*валентность цели).

Т.А. Тулина отмечала, что «язык располагает целой системой изофункциональных средств целевого сопряжения ситуаций, которые можно расположить по убывающей или нарастающей эксплицитности, например: *встал для того, чтобы взять книгу, встал, чтобы взять книгу, встал взять книгу, встал за книгой*.

В этих рядах тождественных по смыслу конструкций словосочетания представляют собой образования, наиболее экономные по форме, но и наиболее сложные для декодирования» [9, с. 152].

Немногочисленность композитов с первым компонентом валентности цели обусловлена тем, что целевая валентность является по своей природе синтаксической, а производное может передать весьма ограниченный комплекс значений. Таким образом, в синонимическом ряду *земледелец*, (устар.), *землепашец, хлебопашец* только в последней лексеме отражена валентность цели.

Глагол **месить** - «мять, разминать, перемешивая какую-л. густую полужидкую массу» имеет эксплицитные семантические валентности «кто», «что» и имплицитную валентность «чем». Эти валентности реализуются в производных *месильщик, тестомес, месиво, месилка, тестомесилка*. В неузуальном композите хлебомес со значением лица первый компонент отражает валентность «цель действия»: *месить тесто на хлеб; месить тесто, чтобы испечь хлеб; месить тесто для того, чтобы испечь хлеб*. Ср.: «Ей (Елизавете Савельевне) предложили работать заместителем директора на том заводе, где она когда-то была хлебомесом» (Гроссман, За правое дело).

Анализ семантической структуры производных способствует уточнению семантики производящих. Так, глагол **бить** в сочетании *бить зверя* толкуется в МАСе как «поражать, убивать выстрелом или ударом какого-л. оружия». На базе этого значения образуются композиты *свинобой, свинобоец, быкобой, быкобоец, скотобой, скотобоец, зверобой (зверовщик), китобой, китобоец, тюленебоец*. В БАСе отмечается и оттенок «ударом какого-л. оружия или выстрелом убивать, умерщвлять дичь, птицу, рыбу и т. п. для хозяйственных целей». Тем самым в выделенном оттенке подчеркнута семантическая валентность глагола – валентность цели действия.

В производных валентность цели представлена на разных уровнях. Например, в дериватах *бойня* и *хладобойня* она отражена в их лексических значениях, а в лексемах мясобойня и мясохладобойня – первым компонентом. Ср.: *бить скот на мясо*: бойня «предприятие по убою скота и первичной обработке туш»: *мясобойня, хладобойня* «небольшое предприятие по убою скота и хранению мяса в холодильных камерах»: *мясохладобойня*. «В который раз слышу об этой непродуманной, беспорядочной централизации, концентрации. Так же вот закрывали сельские пекарни… И хладобойни, а скот на долгом пути терял вес» (Зараев, Как я был ходоком); «Этот довольно сложный образ пришел мне на ум и потому, что беседа наша с Васькой Пупсиком в глубине мариупольских землянок происходила как раз под рев стад, загоняемых в ворота соседней с землянками *мясохладобойни*» (Мартынов, Мариупольские землянки). Композит *мясобойня* не зафиксирован в толковых словарях, однако активно функционирует в художественной речи. Ср.: « – Куда девать стада? На улицах уже не повернуться от машин и беженцев. Мостов не имеем. Переправы заполнены. *Мясобойни* города загружены до предела» (Пикуль, Барбаросса); «Так же было внедрено, и, говорили, куплено американцами для чикагских мясобоен еще одно новшество – полый нож» (Крупин, Прости, прощай…).

Валентность средства действия
(Базовые глаголы: тушить, охранять, ловить, курить)

Глагол **тушить** - «прекращать горение чего-л.» характеризуется семантическими валентностями «кто», «что». Валентность «чем, при помощи чего» является для него факультативной. В словообразовательное гнездо входят композиты с первым компонентом объекта действия *пожаротушение* (*тушение пожара*) и *огнетушитель* (*тушить огонь*): «Видывали на улицах красную "Волгу"? На ней мы, оперативная группа *пожаротушения*, и выезжаем в город на проверки и пожары…» (Санин, Большой пожар); «Сброшенные над пожаром парашютисты-пожарники, вооруженные *огнетушителями* и пожарными приспособлениями, окружают место возникшего в лесу пожара» (Соколов-Микитов, Лесные пожары). В нашей картотеке зафиксированы лексемы *паротушение* и *пенотушение*, мотивированные сложным словосочетанием *тушить пожар при помощи пара/пены (*иное распределение валентностей наблюдается в лексеме *пеногаситель* от *гаситель пены*): «В некоторых технологических процессах пена – досадная помеха, от нее стараются избавиться. Для этого созданы специальные вещества – *пеногасители*. Они "разглаживают" поверхность жидкости, не давая ей пениться» (Наука и жизнь. – 1978. – № 8); « – Открывай *паротушение*! – крикнул капитан, словно где-то возник пожар. Механик взглянул на злое лицо капитана, подбежал к вентилю и стал медленно откручивать его» (Гайдаенко, Счет подлежит оплате); «На всех палубах, надстройках, в коридорах лежали изготовленные к бою брандспойты на бесконечных рукавах. Сверкали лаком расчехленные лафетные стволы. В боевую готовность были приведены системы *паротушения* и *пенотушения*» (Сахнин, Моряки). В словаре-справочнике «Новое в русской лексике 1985» отмечен трехкомпонентный композит с импликацией среднего члена *пеноводотушение,* мотивированный сложным словосочетанием *тушение пожара водой и пеной*. Синонимичный глагол *гасить* - «прекращать горение, свечение» имеет те же семантические валентности, однако в однокоренных производных, мотивированных двухкомпонентными словосочетаниями, объективируются валентности средства и инструмента действия: *гаситель* - «название различных приспособлений для гашения света, огня и т. п.», *пламегаситель* «устройство и вещество для гашения пламени», *пеногаситель* - «веществодля гашения пены», *искрогаситель* «приспособление для гашения искр», *известегасилка* - «приспособление для гашения извести».

Глагол **охранять** - «ограждать, защищать кого-, что-л. от чьих-л. нападений, посягательств, враждебных действий и т. п.» имеет семантические валентности «кто», «кого/что», «от кого». В производных объективируется субъектная валентность *охранник, рыбоохрана, лесоохрана*. Композиты являются многозначными и реализуют абстрактное и конкретное значение, при этом первые компоненты отражают объектную валентность. В числе новообразований отмечены сложения *авиаохрана* и *авиалесоохрана*, мотивированные сложным словосочетанием *охрана леса с помощью авиации.* Первый компонент в лексеме *авиаохрана* отражает синтаксическую валентность средство действия, а в трехкомпонентном производном *авиалесоохрана* представлены две валентности – «что» и «при помощи чего».

Глагол **ловить** - «захватывать живьем каких-л. животных посредством особых приспособлений» имеет следующие семантические валентности «кто», «что», «при помощи чего». В композитах объективируются валентности субъекта и средства действия, например: *змеелов, котиколов, тигролов* и *звукоуловитель, золоуловитель, жироловка, самолов, самоловка* и др. В гнездо с вершиной *ловить* входит и простое производное *ловушка* - «приспособление для ловли зверей, птиц, реже – рыбы», на базе которого образуются сложения типа *нефтеловушка, жироловушка, камнеловушка*. Существительное сочетается с одушевленными именами – *ловушка для рыбы, ловушка для зверя*; расширение сочетаемости за счет неодушевленных существительных приводит к варьированию семной структуры производного – *ловушка для нефти, ловушка для бензина*. Ср.: *нефтеловушка* – «сооружение для выделения нефти и нефтепродуктов из промышленных сточных вод», *маслоловушка* – «приспособление для удаления масел при механической очистке воды». Первые компоненты композитов отражают, как правило, объектную валентность. Валентность средства действия не характерна для сложений, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *ловить*. Однако зафиксированы лексические единицы *светоловушка, электроловушка, цветоловушка*, нарушающие отмеченную закономерность: *ловить насекомых с помощью электрического света:* свето/электроловушка и *ловить насекомых* с *помощью цвета: цветоловушка*. Ср.: «Любимый цвет белокрылки – желтый. Это позволило предложить оригинальный и простой метод борьбы с нею. Наибольшей привлекательностью для белокрылки обладает насыщенный желтый цвет строго определенного тона. Этот свет и используется в специальных *цветоловушках*» (Наука и жизнь. – 1991. – № 6); «Большим подспорьем в хозяйстве служит *светоловушка* для насекомых. При помощи особого засасывающего воздух вентилятора насекомых собирают в плотный мешок и утром живых подвижных жуков, бабочек, сверчков, ручейников дают птенцам» (Голованова, Мир птиц).

Глагол **курить** - «втягивать в себя через рот и выдыхать дым какого-л. вещества, преимущественно табака» характеризуется семантическими валентностями «кто», «что». Субъектная валентность реализуется в производных *курильщик, табачник* - «прост. Человек, который курит или нюхает табак», *табакур*. Ср.: «Выветрится табак, олютеет во тьме, и целое беремя его завалят в печь – сохнет он там дня три, и все домашние ходят ровно бы чумовые, клянут *табакуров*» (Астафьев, Последний поклон). Валентность средства действия является для глагола синтаксической и реализуется в синтагме *курить табак при помощи трубки*. Сложное словосочетание по метонимической модели преобразуется в простое *курить трубку*, являющееся базовым для композита *трубокур*. При этом приглагольный актант выполняет объектную функцию. Ср.: «Чертопханов сидел лицом к окну и *курил трубку* из длинного чубука» (Тургенев, Конец Чертопханова); «Володимирыч с Архипом были задушевные друзья: оба были на войне, оба *трубокуры*, оба люди бывалые, оба не унывали и относились к людям с беззлобной насмешкой…» (Гладков, Повесть о детстве). Валентность средства действия отражает первый компонент трехчленных композитов *электротравокосилка, электроводокачка, электромясорубка, электрогазоочистка, электропылесос* и др. Реализация в производных различных валентностей глагола, входящего в состав мотивирующего трехкомпонентного словосочетания, влияет на формирование системных отношений лексических единиц. В результате в языке появляются словообразовательные синонимы; этот источник синонимии наиболее изучен на диалектном материале [10]. Особенно важно учитывать валентностные связи производящих и производных при постижении механизмов, действующих в ономасиологии [11; 12; 13]. Показательно в этом плане формирование в русском языке агентивных дериватов-синонимов, мотивированных сложными словосочетаниями с ядерными глаголами «плавать», «ходить», «водить» (лексические единицы называют действия, связанные с передвижением по воде).

Глагол **плавать** - «служить на судне» имеет эксплицитные семантические валентности «кто», «на чем/где» и имплицитную – «где» (водная среда). В производных объективируется только валентность субъекта действия: *плаватель* «*устар*. Тот, кто плавает на судне, участник плавания», *мореплаватель* «путешественник по морям», *кораблеплаватель* «*устар*. То же, что мореплаватель». Композиты, мотивированные трехкомпонентным словосочетанием *плавать на корабле по морям,* являются однокоренными синонимами. Первые компоненты сложений отражают различные глагольные валентности – соответственно валентность места (*мореплаватель*) и валентность средства/места действия (*кораблеплаватель*). Аналогичный процесс наблюдается в однокоренных композитах с

абстрактной семантикой *мореплавание* «плавание на судах по морям» и *кораблеплавание* «путешествие на судне или ход его», которые различаются оттенками значения. Имплицитная валентность «где» глагола *плавать* эксплицировалась в лексеме *водоплавание* «плавание по воде», зафиксированной в Словаре 18 века. В БАСе отмечен адъектив *водоплавный* «*Устар*. 1. Сплавляемый по реке. Водоплавные бревна. 2. То же, что водоплавающий». Устойчивое сочетание *водоплавающие птицы* обозначает «общее название птиц, живущих на воде». В фольклоре встречается эпитет водоплавающей птицы – *водоплавка*: «Чайки-ты были *водоплавки*, Гагары-ты были рыболовки» (Гильф., Онежские былины).

Глагол **ходить** «плавать в качестве члена экипажа (судна, подводной лодки и т. п.)» характеризуется те ми же семантическими валентностями, что и глагол *плавать*. В производных объективируется валентность «кто»: *мореход, судоходец (*«старинное название человека, плавающего на судах, водившего суда»*)*. Ср.: «А вот на простом корыте первые *мореходы* и плавали! – Илья Матвеевич снял чашку с блюдца, поставил на нем торчком чайную ложечку» (Кочетов, Журбины), «И услышав о том, что на водоразделе между Вытегрой и Ковжей *судоходцы*, прорубив просеку, возят на лошадях товары посуху от одной реки к другой, Петр сам отправился взглянуть на это» (Кублицкий, Про Волгу, берега и годы). Базовой для композитов является трехкомпонентное словосочетание *ходить на судах по морям*. Первые компоненты дериватов представляют различные валентности глагола, входящего в состав мотивирующей синтагмы. На основе сложного словосочетания *ходить на судах по воде* появились композиты *водоход* (*устар)., водоходец (устар.),* а также *судоходец* и *судовщик*. Сложения-синонимы *водоход* и *водоходец* претерпевали изменения в семантике. Так, в Словаре 18 века лексемы определялись как «плавающий на судне по реке или морю» и синонимизировались с производным *судовщик*. В Словаре В. Даля *водоход и водоходец* – тот, «кто ходит, плавает на судах по рекам, а по морю – мореход». В этом же значении композиты зафиксированы в БАСе; в качестве синонима к ним в словаре приводится производное *судовщик* «специалист по вождению судов». Однако иллюстрация, сопровождающая выделенное значение, не подтверждает синонимию производных. Ср.: «Различие между корабельными служителями и *водоходцами* состоит в том, что первые имеют определенные должности, а последние, т. е. *водоходцы*, обязаны исправлять всякую вообще работу на корабле» (БАС. – Т. 2. – С. 519). У Даля лексема *судоходство* обозначает «плавание морское или речное на судах», а *водоходство* – это «пресноводное судоходство, плавание на судах по рекам и озерам». Описание производных в Словаре 18 века не содержит уточнения водной среды: *водоходный* (*водоходное судно*- «предназначенное для плавания», *водоходное училище* «относящееся к водоходству»), *водоходство* - «плавание на судах». Семантическое противопоставление «морское плавание – речное плавание» нейтрализуется и в композитах современного русского языка. Ср. толкование в БАСе: *судоходство* «плавание судов (по рекам, морям и т. д.) – *водоходство* (искусство плавания, вождения судов; судоходство). Ограничение в сочетаемости наблюдается в однокоренных прилагательных: *судоходная река, судоходный Днепр, судоходный канал* и *мореходное училище, мореходные качества судна*. Обусловлено это расчленением валентности «на чем/где»: в композите *судоходный* отражается валентность «на чем», а в производном *мореходный* – «где». В адъективе *мореходный* различия в семантике могут быть объяснены особенностями мотивационных отношений; в каждом из значений лексема членится по-разному: *мореходное училище* – такое, которое готовит мореходов (моряков): *мореход + н + ый*; *мореходные качества судна* – «такие, которые обеспечивают его успешное плавание в условиях любой погоды»: *ходить по морям + н + ый*. Различия в валентностях исходных адъективов закрепляются в семантике производных существительных: *судоходность* – «свойство по знач. прил. *судоходный*», *мореходность* – «совокупность мореходных качеств судна, обеспечивающих его успешное плавание в условиях любой погоды», *мореходка* – «*разг*. Мореходное училище».

Глагол **водить** (*водить корабли*) - «управлять движущимся предметом» имеет семантические валентности «кто», «что», «где». В композитах реализуется семантическая валентность субъекта действия – *кораблеводитель*, *моревод(ец*) (*устар*.). Сложения мотивированы трехкомпонентным словосочетанием *водить корабли по морям.* Согласно Словарю В. Даля, *мореводом* и *мореводцем* называют «штурмана, а на купеческом судне – шкипера». Ср.: «Ладно, у СТБ (стальной траловый бот) хоть оснастка современная – компас, эхолот и курс, счисленный штурманом-*мореводом*, прочерчен по чертежу – синьке – как по рельсам иди» (Грачевский, Тюлений остров), «В детстве я жил в одном доме с известным *кораблеводителем* Н.М. Сакеллари» (Конецкий, За доброй надеждой).

Таким образом, композиты, в структуре которых закрепляются различные валентности мотивирующего трехкомпонентного словосочетания, являются близкими по лексическому значению. Это один из источников появления в языке словообразовательных синонимов, основанный на синтагматических отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ряшенцев К.Л. Сложные слова и их компоненты в современном русском языке. – Орджоникидзе: Издательство СОГУ, 1976.
2. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. – М.: Наука, 1979. – 264 с.

3. Макухина Е.Л. Словообразовательная семантика сложных существительных в современном русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук /Киевский государственный университет. – Киев, 1987. – 23 с.

4. Газизова Р.Ф. Сложные существительные и исходные словосочетания с глагольным компонентом в русском языке: Автореф. дис. … докт. филол. наук /Башкирский государственный университет. – Краснодар, 1992. – 35 с.

5. Грушко Н.Е. Словообразовательная семантика отглагольных сложных существительных и природа их идиоматичности // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. – Часть 1. – Томск: Изд-во Томского университета, 1994. – С. 132 – 141.

6. Гриценко Н.С. Типы развертывания в словосочетания сложносуффиксальных и аффиксоидных имен существительных в современном русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук /Елецкий государственный пединститут. – Елец, 1998. – 19 с.

7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

8. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

9. Тулина Т.А. Функциональная типология словосочетаний. – Киев-Одесса: Издательское объединение «Вища школа», 1976. – 176 с.

10. Майданова Л.М. Порождение группы диалектных названий для одного и того же предмета (на материале лексики среднеуральских говоров) // Семантика и производство лингвистических единиц (проблемы деривации). – Пермь: Пермский ун-т, 1979. – С. 78 – 87.

11. Скитова Ф.Л. Обогащение словарного запаса русского литературного языка Х1Х – ХХ веков областными словами. *Сказитель, сказительница* // Ученые записки Пермского ун-та. – 1966. – № 162. – С. 61 – 86.

12. Чинок Е.И. Принцип номинации и синонимия // Лексическая и синтаксическая синонимика русского языка. – Киев; КГПИ им. А.М. Горького, 1984. – С. 95 – 99.

13. Топорова Е.Н. Лексическая мотивированность в говорах русского Севера: Автореф. дис. … канд. филол. наук /Уральский государственный университет. – Екатеринбург, 2001. – 20 с.

УДК 81'37(81'374.3)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНТЕГРАЛЬНЫХ СЕМ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ГЛАГОЛА

Петрова Л. А., к.филол.н.

Крымский государственный инженерно-педагогический университет

В статье анализируется функционирование семантических компонентов в значении глаголов, не входящих в ядро семантического поля. Рассматриваются особенности модификации семантической модели глагольных единиц, имеющих взаимодействующие интегральные семы «физическое действие» и «движение, перемещение».

Ключевые слова: семантический компонент, лексико-семантический вариант, семантическая структура, деривация, семантическая модель.

Петрова Л.О. ВЗАЄМОДІЯ ІНТЕГРАЛЬНИХ СЕМ У СЕМАНТИЧНІЙ МОДЕЛІ ДІЄСЛОВА / Кримський державний інженерно-педагогічний університет,Україна

У статті аналізується функціонування семантичних компонентів у значенні дієслів, які не входять у ядро семантичного поля. Розглядаються особливості модифікації семантичної моделі дієслівних одиниць, що мають взаємодіючі інтегральні семи “фізична дія” та “рух, пересування”.

Ключові слова: семантичний компонент, лексико-семантичний варіант, семантична структура, деривація, семантична модель.

Petrova L.A. INTERACTION OF INTEGRAL SEMES IN VERB SEMANTIC MODEL / Krimsky engineer - pedagogical University, Ukraine

In the article the function of semantic components in meaning of verbs which are not included in a nucleus of a semantic field is analyzed. The features of updating of semantic model of verbal units having cooperating integrated semi " physical action " and " movement, moving " are considered.

Key words: a semantic component, lexico-semantical variant, semantic structure, derivation, semantic model.

Интерес к семной комбинаторике, процессам, происходящим внутри семантической структуры слова, не ослабевает уже много лет. Однако возможности компонентного описания далеко не исчерпаны. Его процедуры приобретают бóльшую значимость в связи с новейшими исследованиями в области когнитологии и функциональной лингвистики. Известно, что сочетаемость единиц разных частей речи не случайна и не свободна, она отражает глубинные характеристики, присущие семантической структуре слова. В свою очередь, семантическая структура слова складывается из тех компонентов, которые на языковом уровне репрезентируют представление носителя языка о предмете, явлении, действии. Реконструкция определенной подсистемы знаний человека входит в предмет изучения когнитивной лингвистики. В связи с этим теоретическую и практическую значимость представляет определение семного состава прямого номинативного значения глаголов физического действия.

К лексико-семантической группе (ЛСГ) глаголов физического действия относят такие единицы, которые в своем значении имеют архисемы «физическое (силовое) воздействие», «результат воздействия – деструктивность/конструктивность». Однако отмечена парадигма семем, в значении которых ядерные семы имеют специфический характер. Так, в ЛСВ ДВИГАТЬ 1 [мебель], ВОРОЧАТЬ 1 [камни], ВОЛОЧИТЬ 1 [сумку], МЕСТИ 1 [двор] сема «физическое воздействие» взаимодействует с семами «движение», «перемещение», в ЛСВ РУШИТЬ 1 [мосты] происходит расщепление интегрального компонента «результат физического воздействия», поскольку действие направлено и на разрушение объекта, и на его перемещение. Такие единицы не входят в ядро ЛСГ, но в то же время не отдалены от него на большое расстояние. Информация, передаваемая в данном случае глаголом, отражает двойственное представление о предмете. Обыденное сознание воспринимает объекты окружающего мира в пространственном отношении к другим объектам, автоматически противопоставляя фигуру и фон. Как только наше визуальное представление фиксирует изменения в пространственном отношении фигуры и фона, мы имеем дело с ситуацией перемещения. «Изображение, соответствующее представлению о меняющемся во времени соотносительном расположении объектов – части и целого, фона и фигуры – в динамике пространства и времени, и становится когнитивным основанием глагола» [3, 87; 11, 17].

Глагол на языковом уровне представляет не только определенное действие, но и особенности взаимодействия между субъектом и объектом внешней среды, свойства объектов окружающей действительности, процессов их взаимодействия, которые могут носить различный характер. Тем не менее структура глагольной единицы может быть представлена как обобщенная семантическая модель: I уровень (архисемы) → II уровень (семы, конкретизирующие архисемы) → III уровень (соположенные семы): «однообразность движений / разнообразность движений»; «однонаправленность / разнонаправленность движений»; «целенаправленность движений»; «результативность движений»; «использование физической силы (мускульного напряжения)»; «образование звука» → IV уровень (относительно удаленные семы). Покажем это на примере. **ДОЛБИТЬ 1** - «пробивать отверстие, делать углубление в чем-л. путем последовательных частых ударов» реализуется в следующих контекстах: «*Генуэзцы и венецианцы, искусные каменотесы, несколько десятилетий ДОЛБИЛИ там скалы, проводя в них подземные галереи*» [Сергеев-Ценский, Флот и крепость]; «*Мастер снова распаривал и гнул корабью. Потом ДОЛБИЛ дырки и сшивал ее липовым лыком*» [Белов, Лад].

I уровень 1) «физическое воздействие»; «результат физического воздействия (деструктивность/конструктивность)»; **II уровень** 1) движение ударом; 2) только одушевленный субъект; 3) разрушение формы объекта, образование углубления или отверстия; **III уровень** 1) «однонаправленность движений» (в сторону места, где делается отверстие или углубление); 2) «разнообразность движений» (удары могут выполняться разными способами); 3) «направленность на результат» (образование отверстия, углубления); 4) «целенаправленность движений» (производить последовательно удары, *чтобы сделать отверстие, углубление*); 5) «применение физической силы» (вариативна); 6) «обязательность инструмента»; 7) «образование звука»; **IV уровень** 1) «монотонность движений» (последовательность частых ударов); 2) «обязательность твердого объекта»; 3) «проникновение внутрь объекта». Создание такой семантической модели позволяет представить не только иерархическую организацию значения одной единицы, но и всей лексико-семантической группы. Более того, семантическая модель глагола дает возможность определить сферы пересечения разных лексико-семантических парадигм как внутри одной части речи, так и в аспекте межчастеречных отношений. Семантическая модель значения слова позволяет также рассматривать языковые единицы как фрагменты отраженной в сознании носителей языка действительности.

В зависимости от природы совершаемого действия в семантической структуре глаголов выделяются семы, описывающие характер движений. Частотными для данной парадигмы являются следующие семантические компоненты: 1) «движение толчком или рывком» (БОЛТАТЬ[1] 1 [лекарство], ДВИГАТЬ 1

[мебель], ВОРОЧАТЬ 1 [камни], КАЧАТЬ 1 [ветку]); 2) «движение вращением» (ВЕРТЕТЬ 1 [барабан], КРУТИТЬ 1 [колесо], МЕШАТЬ² 1 [кофе], МОТАТЬ¹ 1 [пряжу]); 3) «движение захватом всего объекта или его части» (БРАТЬ 1 [шляпу], ЛОВИТЬ 1 [мяч], СТАВИТЬ 1 [стул], ЧЕРПАТЬ 1 [песок], ВОЛОЧИТЬ 1 [сумку] – семантика двух последних ЛСВ предполагает и сему «движение толчком, рывком»). Как показывают наблюдения, действия, обозначенные единицами данной парадигмы, не представляют собой сложных силовых воздействий, чаще всего они производятся простым движением.

Интегральная сема «результат физического воздействия» конкретизируется двумя семами ближайшего уровня: «изменение месторасположения объекта», «изменение способа расположения объекта». В исследуемых единицах эти семы функционируют по-разному. В большинстве ЛСВ выделяется первый семантический признак. Силовое воздействие, вследствие которого происходит перемещение объекта, может осуществляться в разных пространственных сферах (на земле, на воде, в воздухе). Поэтому характер действия часто зависит от того, где оно производится. Этот факт, очевидно, послужил причиной возникновения в глагольной семантике компонента, указывающего на пространственную ограниченность процесса. Проиллюстрируем наблюдаемое явление. ТОПИТЬ³ 1 [сети] «погружать в воду, заставлять тонуть». Выделяется сема «изменение месторасположения объекта». В словарной дефиниции содержится информация о перемещении объекта в воду, следовательно, указанная сема конкретизируется дифференциальным признаком «локальная ограниченность действия» [вода]. ЧЕРПАТЬ 1 [воду] «захватывая чем-л., набирать, доставать (обычно снизу, из глубины)». В данном случае архисема «результат физического действия» также включает сему «изменение месторасположения объекта», которая, в свою очередь, конкретизируется семантическим компонентом «локальная ограниченность начальной точки расположения объекта» [внизу, в глубине]. В семной структуре ЛСВ СОВАТЬ 1 [ключ под коврик] «вкладывать, вдвигать внутрь чего-л. или за что-л.» функционирует противоположная сема «локальная ограниченность конечной точки расположения объекта» [внутрь чего-н., подо что-л., за что-л.], которая также конкретизирует сему «изменение месторасположения объекта». Интересна в этом плане семантика глагольной семемы ЛОВИТЬ 1 «стараться схватить, подхватить то, что летит, брошено». С одной стороны, действие, производимое субъектом, может осуществляться в любом пространстве, с другой стороны, это действие связано с движением объекта только по воздуху. Субъект в данном случае не является источником воздействия, направленного на перемещение объекта, наоборот, он производит действие, в результате которого летящий предмет прекращает движение и принимает стабильное месторасположение (в руках, зубах и т.п.). Таким образом, в данном случае сема «изменение месторасположения объекта» конкретизируется двумя полярными семами – «локальное ограничение перемещения объекта» (только по воздуху) – «локальная неограниченность конечной точки расположения объекта». СЕЯТЬ 1 [рожь] «разбрасывать семена на подготовленную для посева почву». Действие может осуществляться только там, где подготовлена почва; этот денотативный фактор вносит в семантику глагола компонент «локальное ограничение» (подготовленная для посева почва).

Однако не всегда семантика глагольного слова требует жесткого ограничения в сфере перемещения объекта. В некоторых случаях оказывается достаточной информация о том, что действие осуществляется на какой-л. поверхности. Например, ВАЛЯТЬ 1 [ковер по снегу] «…катать по чему-л.»; ВОЛОЧИТЬ 1 [сумку] «тащить, тянуть, не отрывая от поверхности чего-л.»; МЕСТИ 1 [пол] «удалять, смахивать пыль, сор и т.п.» (с какой-л. поверхности). Для других ЛСВ семантический признак «ограничение пространства» не актуален: ПИХАТЬ 1 [соседа локтем] «отстранять, толкая; толкать»; ДЕРГАТЬ 1 [волокушу] «тянуть рывками, резкими отдельными движениями»; ЛИТЬ 1 [воду] «заставлять вытекать, течь какую-л. жидкость»; СЫПАТЬ 1 [семечки] «заставлять падать куда-л., во что-л.; выпуская постепенно что-л. сыпучее, мелкое».

Семантический признак «изменение способа расположения объекта» также распространен в семантической структуре исследуемых ЛСВ. Этот семантический компонент характеризует действия, в результате которых объект не меняет месторасположение. Оставаясь в тех же пространственных границах, предмет подвергается перемещению и располагается каким-либо иным образом. Ср.: ВАЛИТЬ¹ 1 [дерево] «заставлять падать, с силой опрокидывать» - объект приобретает горизонтальное положение; СТАВИТЬ¹ 1 [стул] «придавать чему-л. *стоячее положение*[1]»; ВЕШАТЬ¹ 1 [картину] «помещать в *висячем положении*»; КРУТИТЬ 1, ВЕРТЕТЬ 1 [барабан] «приводить в круговое, вращательное движение», т.е. представлять объект в положении с разных сторон; КАЧАТЬ 1, ТРЯСТИ 1, ШАТАТЬ 1 [забор] «приводить в колебательное движение из стороны в сторону или сверху вниз» - объект меняет способ расположения, сохраняя при этом месторасположение.

Выделяются глагольные единицы, в семантической структуре которых наблюдается взаимодействие описываемых сем. Такие ЛСВ обозначают физическое воздействие, направленное и на изменение месторасположения, и на изменение способа расположения объекта. Ср.: ВОРОЧАТЬ 1 [комод] «передвигать (изменение месторасположения), поворачивать («вращательным движением изменять

[1] Здесь и далее курсив мой – Л. А. Петрова

положение кого-, чего-л.») что-л. тяжелое, громоздкое»; НИЗАТЬ 1 [бисер] «надевать, насаживать подряд (придавать объекту определенный способ расположения) на нитку, проволоку и т.п. (изменение месторасположения объекта)»; МОТАТЬ[1] 1 [нитки] «круговым движением навивать (какие-л. нити) на что-л. (объект меняет месторасположение) или свивать во что-л. (объект меняет способ расположения)» и т.п.

Сема «разнообразность движений» коррелирует с семой «однообразность движений». ТРЯСТИ 1 [стол] «толчками, рывками качать, шатать, колебать из стороны в сторону». В словарной дефиниции отражена сема «разнообразность движений» - действие может производиться толчками, рывками, т.е. разнообразными движениями. То же самое в семантической структуре ЛСВ БОЛТАТЬ[1] 1 [лекарство] «толчками, покачиванием сосуда приводить в движение находящуюся в нем жидкость»; ДВИГАТЬ 1 [стул] «перемещать, *толкая* или *таща*»; ВОРОШИТЬ 1 [мох] «*передвигать, поворачивать, разгребая, гребя* (сено, солому и т.п.)». Эта сема подтверждается и данными контекста. Например, ВЕРТЕТЬ 1 «приводить в круговое движение, вращать»: *Лирник ВЕРТЕЛ рукоятку, колесико крутилось, терлось о струны и они жужжали на разные лады* [Паустовский, Далекие годы]. *По кругу ходила усталая лошадь и ВЕРТЕЛА большой барабан* [Горбатов, Мое поколение]. *Штурвальные, натужась, ВЕРТЕЛИ колеса* [Саянов, Небо и земля]. Приведенные данные контекстуального окружения показывают, что действие вращения, обозначенные ЛСВ ВЕРТЕТЬ 1, может выполняться по-разному. В первом случае действие производится рукой (рукоятка – «часть машины, прибора, за который берутся *рукой* для передвижения, переключения, поворота и т.п.»). Второе предложение описывает ситуацию, когда действие производится в процессе движения одушевленного субъекта, без непосредственного взаимодействия с объектом. В третьем примере вращение объекта осуществляется при помощи большого напряжения («натужась») со стороны субъекта и, следовательно, может выполняться путем совершения разных движений: толчком, рывком, нажимом и т.д. Таким образом, в значении данной семемы выделяется семантический компонент «разнообразность движений».

Семы «однонаправленность движений», «разнонаправленность движений» приобретают более конкретный характер. Определенность направления движений часто связана с указанием направления передвижения объекта: ЧЕРПАТЬ 1 [воду] «…доставать (*обычно снизу, из глубины*)» - движения однонаправлены: действие выполняется рывком, в результате чего происходит перемещение объекта снизу вверх; НИЗАТЬ 1 [бисер] «надевать, насаживать подряд на нитку, проволоку и т.п.» - движения однонаправлены, в результате объект перемещается в строгом порядке. Однако не всегда силовое воздействие, характеризующееся однонапрвленностью движений, задает жесткое направление для перемещения объекта: ЦЕДИТЬ 1 [молоко] «пропускать (жидкость) через что-л. для очистки» - движения однонаправлены, но объект может принимать разное месторасположение. Сема «однонаправленность движений» редко встречается в семантике анализируемых единиц. В большинстве случаев выделяется признак «разнонаправленность движений». Ср.: ПИХАТЬ 1 [старика] – движения толчком распространяются в разных направлениях, объект перемещается в противоположную субъекту сторону; КАЧАТЬ 1 [вербу] – воздействие осуществляется в разных направлениях, объект приходит в движение из стороны в сторону или сверху вниз; ВЕРТЕТЬ 1 [колесо] – круговые движения производятся в направлении либо по часовой стрелке, либо против часовой стрелки, объект вращается по кругу. Таким образом, семантический компонент «разнонаправленность движений» может функционировать в структуре ЛСВ независимо от того, существует ли информация о перемещении объекта, поскольку строгой зависимости между направлением движений и направлением перемещения объекта нет.

Характеристика действия предполагает его обобщенную или специальную результативность. Современная лингвистика под результатом в широком смысле (следствием) понимает некоторое состояние, вызванное предшествующим действием; так результатом действия, обозначенного глаголом *ехать*, может быть начало местопребывания где-либо (*приехать в город, подъехать к лесу, заехать домой*), удаление откуда-либо (*уехать из села, отъехать от поля*), возможность миновать, не задев, что-либо (*проехать мимо*) и подобные состояния. Результат в узком смысле – это состояние, которое является реализацией внутренней направленности действия и возникает при «нормальном» с точки зрения интенсивности и длительности совершении действия [7, 34]. Сема «направленность на результат» активно функционирует в семантике глаголов физического действия. В единицах со совмещенными интегральными семами этот компонент выделяется лишь в двух ЛСВ: МОТАТЬ[1] 1 [нитки] «круговым движением навивать (какие-л. нити) на что-л. или свивать во что-л.». Результат – образование клубка, мотка и т.п. НИЗАТЬ 1 [грибы] «надевать, насаживать подряд на нитку, проволоку и т.п.». Результат – образование связки, изменение внешнего вида нитки, проволоки и т.п.

Сема «целенаправленность движений» отражена в словарных дефинициях следующих единиц: БОЛТАТЬ[1] 1 [раствор] – покачивать сосуд, *чтобы привести в движение* находящуюся в нем жидкость; ПИХАТЬ 1 [пассажира] – толкать, *чтобы отстранить*; ПРЯТАТЬ 1 [деньги] – помещать в тайное место, укрытие, *чтобы другие не могли найти, заметить*; ЦЕДИТЬ 1 [молоко] – пропускать (жидкость) через что-либо, *чтобы очистить*. Все остальные ЛСВ называют действия, совершаемые субъектом без жестко заданной цели. Однако условия экстралингвистической реальности могут диктовать субъекту

необходимость достижения каких-либо целей. В таком случае сема «целенаправленность движений» вычленяется на основе контекстуального окружения и носит вариативный характер.

Архисема «физическое воздействие» в семантической модели глаголов физического действия обусловливает функционирование семы «применение физической силы». Обычно эта шкала содержит три параметра: «применение минимальной физической силы», «применение средней физической силы», «применение максимальной физической силы». Многие глаголы характеризуются вариативным функционированием данной семы, что обусловливается второй архисемой «движение, перемещение». Поэтому количественная характеристика применяемой физической силы (мускульного напряжения) зависит от размера объекта: ПИХАТЬ 1 [котенка – корову], ДЕРГАТЬ 1 [веревку – сани], МЕТАТЬ¹ 1 [монеты – камни], ВАЛЯТЬ 1 [ботинок – ковер] и т.п.; от размера и качества объекта: БОЛТАТЬ¹ 1 [бутыль – бочку], КАЧАТЬ 1 [деревянный кол – железную дверь], МЕШАТЬ² 1 [кисель в стакане – кашу в чугуне], ЧЕРПАТЬ 1 [воду ковшом – песок бадьей]. Параметр «применение минимальной физической силы» исключается. Уместно, на наш взгляд, вспомнить замечание Е.В. Рахилиной о том, что «представление носителя языка о нормативных размерах возникает в связи с той функцией, которую имеет предмет в жизни человека, с процедурой использования его человеком» [8, 128]. Антропоцентричный подход к определению размера, возможно, объясняет разную сочетаемость одного и того же глагольного ЛСВ.

Описываемые процессы, направленные на перемещение объекта, могут совершаться при помощи каких-либо орудий. Обязательность семы «орудийность» в структуре ЛСВ в некоторых случаях закреплена в словарных дефинициях: МЕСТИ 1 [улицу] «удалять, смахивать пыль, сор и т.п. *при помощи метлы, веника* и т.п.»; МЕШАТЬ² 1 [суп] «перемешивать, размешивать при помощи ложки, мешалки и т.п.»; ЦЕДИТЬ [молоко] «пропускать (жидкость) через что-л. для очистки»; ЧЕРПАТЬ 1 [пиво] «захватывая чем-л., набирать, доставать…». Как видим, использование орудия может быть строго ограниченным. Наблюдаются и факты вариативного употребления орудия. В таких случаях в словарной дефиниции нет упоминания о возможности выполнения действия с помощью орудия: ДВИГАТЬ 1 [лед (лопатой)], БРАТЬ 1 [песок (совком)], НИЗАТЬ 1 [яблоки (иглой)], ШАТАТЬ 1 [гвоздь (щипцами)] и т.п. Выделяются и такие ЛСВ, в семантической структуре которых сема «орудийность» отсутствует: БРОСАТЬ 1 [мяч], ВЕШАТЬ 1 [занавески], ТРЯСТИ 1 [столб].

Как показывает анализ словарных дефиниций глаголов физического действия, в которых архисемами являются семы «движение» или «перемещение», ни в одной из них не указывается семантический признак «образование звука». Тем не менее семантика некоторых ЛСВ предполагает обязательное выделение этого компонента. Например, трудно представить действия БОЛТАТЬ¹ 1 [лекарство], ЦЕДИТЬ 1 [керосин], ЛИТЬ 1 [квас] без характерного шума воды; действие ВОРОШИТЬ 1 [листву] без сопровождаемого его шуршания; действие, определяемое ЛСВ РУШИТЬ 1 [беседки], также обязательно ассоциируется со стуком, грохотом и другими шумовыми характеристиками. На наш взгляд, сема «образование звука» обязательна в семной структуре таких единиц: ВОРОЧАТЬ 1 [диван], СЫПАТЬ 1 [цемент], ТОПИТЬ³ 1 [лодку], ТРЯСТИ [грушу] и др. В остальных случаях данный семантический признак вариативен: МЕШАТЬ² 1 – возникновение звука зависит от качества и количества объекта (МЕШАТЬ [чай] – объект жидкий: действие может сопровождаться бульканьем / МЕШАТЬ [кашу] – объект густой, вязкий: действие производится бесшумно); ВОЛОЧИТЬ 1 – образование звука зависит от размера и массы объекта (ВОЛОЧИТЬ [платок] / ВОЛОЧИТЬ [огромную брезентовую сумку]) и т.п.

Таким образом, характер и взаимодействие интегральных сем определяет качественное наполнение семантической модели глагола. ЛСВ физического действия, в семантике которых происходит взаимодействие разных интегральных признаков, модифицирует содержание уровней. **I уровень** 1) «физическое воздействие»; «результат физического воздействия (перемещение, движение объекта)»; **II уровень** 1) движение рывком, толчком; вращением; 2) одушевленный / неодушевленный субъект; 3) перемещение (± деструктивность / конструктивность) объекта; **III уровень** 1) «разнонаправленность (± однонаправленность) движений» 2) «разнообразность / однообразность движений»; 3) «направленность на результат»; 4) «целенаправленность движений»; 5) «применение физической силы» (максимальной или средней); 6) «обязательность инструмента»; 7) «образование звука»; **IV уровень** 1) «локальное ограничение перемещения объекта»; 2) «качественное или количественное ограничение объекта»; 3) «перемещение объекта по кругу (по прямой линии и т.п.)» Архисема «физическое действие» конкретизируется семами «движение толчком», «движение рывком», «движение вращением», «движение захватом всего объекта или его части». Эти компоненты носят частотный характер. Чаще всего физическое действие, связанное с перемещением объекта, осуществляется одним движением, поэтому в семантике описанных единиц выделяется одна из перечисленных сем. Архисема «результат физического воздействия» расщепляется на две семы: «изменение месторасположения объекта», «изменением способа расположения объекта». Функциональные особенности этих сем зависят от того, в какой пространственной сфере может осуществляться действие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ибрагимова В.Л. Семантика русского глагола. Лексика движения. – Уфа, 1988.
2. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. – М., 1992. – С. 84 – 90.
3. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики. – Томск, 1999.
4. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб, 1997. – С.83 – 403.
5. Ничман З.В., Стрельцова М.И. Инхоативное значение глаголов физического воздействия в современном русском языке // Слово в системе и тексте. – Новосибирск, 1988. – С. 56 – 61.
6. Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 395 – 416.
7. Попова Т.В. Деривационно-семантическое пространство русского глагола. – Автореф. диссер. … доктора филологических наук. – Екатеринбург, 1998. – 57 с.
8. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. – М., 2000.
9. Сергеева Т.Д. Вопросы семантической типологии глагольной лексики. – Барнаул, 1984.
10. Соколов О.М. Внутрилексемная семантическая поляризация грамматико-словообразовательного типа // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск, 1985. – С. 84 – 96.
11. Титаренко Е.Я. Коммуникативный анализ семантической структуры русского глагола // Филологические студии. - № 2. – Симферополь, 2001. – С.155 – 160.
12. Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. – Воронеж, 2000. – 192 с.
13. Шапилова Н.И. Лексико-семантическое варьирование и номинативный диапазон глаголов, обозначающих процесс биологического существования // Номинативные единицы языка и их функционирование. – Кемерово, 1987. – С.11 – 18.

УДК 821.161.1 – 94.09 «1860/1880»

«ЖЕНСКАЯ» КРИТИКА 60-80-Х ГГ. XIX СТ. О ЖЕНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Погребная В.Л., к. филол. н, доцент

Запорожский государственный университет

В статье рассматриваются критические статьи и рецензии Е. Тур, Н.Д. Хвощинской, посвящённые женскому литературному творчеству 60-80-х годов XIX века.

Ключевые слова: женское творчество, женский роман, феминизм, эмансипация, сюжет, детализация, ирония

Погребна В.Л. “ЖІНОЧА” КРИТИКА 60-80-х рр. XIX ст. ПРО ЖІНОЧУ ЛІТЕРАТУРНУ ТВОРЧІСТЬ”/ Запорізький державний університет, Україна

У статті розглядаються критичні статті та рецензії Є. Тур, Н.Д. Хвощинської, присвячені жіночій літературній творчості 60-80-х рр. XIX століття.

Ключові слова: жіноча творчість, жіночий роман, фемінізм, емансипація, сюжет, деталізация, іронія.

Pogrebnaya V. L. “Female” critics of 60-80-s XIX century about female literary fiction/ Zaporizhzhya State University, Ukraine.

The critical essays of E. Tyr, N.D. Khvochinskaya devoted to the female literary fiction are viewed in the article

Key words: female fiction, female novel, feminism, emansipation, plot, detailing, irony.

До 60-х годов XIX века женская периодика носила, по преимуществу, популярный характер, издатели преследовали культурно-просветительские, развлекательные цели. В журналах «Ваза», «Мода», «Букет», «Ласточка», «Женские работы. Мода, рукоделие, литература» и др. помещались иллюстрации мод, выкройки одежды, кулинарные рецепты, советы по ведению хозяйства, развлекательное чтение.

Среди всех женских журналов 60-х годов наиболее серьёзным был «Рассвет. Журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц», издаваемый под редакцией В.А. Кремпина с 1859 по 1862 год. Не меньшее значение имел журнал «Женский вестник», выходивший с 1866 по 1868 год под редакцией супругов Мессарош. С 1876 по 1891 г. выходил педагогический журнал «Женское образование», издаваемый при Санкт-Петербургских женских гимназиях. Редактором и издателем этого журнала был В. Сиповский. Сотрудники журнала, как и их братья и сёстры по перу в «Рассвете» и «Женском вестнике», ставили своей целью воспитать женщину как полноценного члена общества и своей семьи, утверждали идею равноправия мужчины и женщины. Материалы, печатавшиеся в этих журналах, были направлены как на активизацию сознания женщин, так и на повышение их культурного уровня.

Ни один из женских журналов рассматриваемого периода не продержался долго. Г. Тишкин это объясняет следующим образом: «Несмотря на большой интерес в русском обществе к женскому вопросу, препятствием для журнальной деятельности служили материальные затруднения, отсутствие единства в женском движении, цензурные перепоны» [1, 129].Большинство женских изданий держались на инициативе и творчестве самих женщин – они были редакторами, издателями, были ядром, вокруг которого группировались остальные публицисты. В этом плане стоит упомянуть имена выдающихся женщин-издателей, редакторов, публицисток - Е. Тур, Е. Конради, М. Цебриковой, Н. Хвощинской, А. Мессарош, А. Пешковой-Толиверовой, Е.С. Некрасовой, Е.И. Лихачёвой.

Активная участница женского движения Екатерина Степановна Некрасова выступала по вопросам женского образования в периодических изданиях «Отечественные записки», «Северный вестник», «Русская мысль», «Русские ведомости». Особый интерес представляют её критические статьи, посвящённые творчеству женщин-писательниц:«Графиня Е.П. Ростопчина. Биографический очерк» (Вестник Европы, 1885, № 3), «Е.А. Ган. 1814-1842. Биографический очерк» (Русская старина, 1886, № 8,9), «Елизавета Кульман (1808-1825). Биография» (Исторический вестник, 1886, №12), «Н.А. Дурова» (Исторический вестник, 1890, №9).

Ряд попыток вынести на всеобщее обсуждение женскую проблематику сделала Евгения Тур (псевдоним графини Елизаветы Васильевны Салиас де Турнемир (1815-1892). Она была автором не только романов (самые популярные и значимые из них – «Племянница» (М.,1851), «Три поры жизни» (М., 1854), повестей, рассказов, драм, но и автором многочисленных критических статей, заметок, рецензий, отзывов, большинство из которых связаны с проблемами феминизма. Многие художественные произведения и критические статьи Е. Тур направлены на преодоление устаревших стереотипов на роль женщины в семье и обществе. Для себя самой она избирает нестандартную роль – не только хозяйки литературного салона, но и писательницы, публицистки, литературного критика, переводчицы, редактора и издательницы журнала «Русская речь». Евгения Тур сыграла заметную роль в культурной истории России XIX века. Об этом свидетельствует не только популярность её беллетристики и критики при жизни, но и то, что её яркая личность явилась прототипом многих литературных персонажей. В многочисленных литературоведческих исследованиях, посвящённых творчеству Н.С. Лескова, указывается, что она является прототипом маркизы де Бараль в романе писателя «Некуда» ([2, 56], [3, 64-65], [4, 140-141, 176], [5, 68-69]). Некоторые исследователи полагают, что она является прототипом двух сатирических персонажей последних романов И.С. Тургенева – Матрёны Суханчиковой в «Дыме» и Хавроньи Прыщовой в «Нови» ([6, 65-66], [7, 123]), а Л.И. Сараскина не так давно высказала предположение, что Е. Тур является прототипом Варвары Петровны Ставрогиной в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» [8].

Попытаемся выделить наиболее яркие и значительные критические и публицистические опыты графини Салиас, связанные с проблемами феминизма. Сотрудничая с 1856 по 1860 г. в журнале «Русский Вестник», Евгения Тур публикует там три статьи под общим названием «Жизнь Жорж Санд» (1856, Т. 3, кн. 9, 12; Т. 4, кн. 13), статьи «Мисс Бронте, её жизнь и сочинения» (1858, Т. 18, кн. 24), «Женщина и любовь по понятиям Мишле» (1859, Т.21, кн.11). В 1861 году она предпринимает попытку издания собственного журнала «Русская Речь. Обозрение литературы, истории, искусства и общественной жизни на западе и в России» (он издаётся в Москве с 1 января 1861 г. и заканчивает своё существование после выхода первого номера за 1862 год). Графиня Салиас в этом издании публикует собственные критические разборы произведений русских писателей, затрагивающих вопросы эмансипации женской личности, – «По поводу последней повести г-на Авдеева «Подводный камень» (1861, №6), «По поводу романа В. Крестовского «В ожидании лучшего» (1861, №12).

Размышления публицистки о природе женской эмансипации, роли любви в жизни женщины содержатся в статье «Несколько слов по поводу статьи «Русской женщины»: Елена Николаевна Стахова» (Наше время, 1860, № 13) (под псевдонимом «Русская женщина» скрывалась Н.П. Грот, негативно оценившая образ Елены Стаховой в романе И.С. Тургенева «Накануне». Е. Тур вступает с ней в дискуссию, доказывая жизненность и правдивость этого образа [9]), а так же в статье «Несколько беглых заметок после чтения романа г. И. Тургенева «Отцы и дети» (Северная Пчела, 1862, № 91-92). В последней рецензии, характеризуя Кукшину как «изуродованную личность», самолюбивую и пустую, критик

настаивает на том, что необходимо различать истинную эмансипацию от напускной, уродливой, ложной. Она пишет: «… в нашем обществе понятие о самостоятельности женщины, о возможности для неё честного и серьёзного труда смешалось с понятиями о печальной эмансипации a la francaise» [10, 2].

Целый ряд интересных и содержательных критических разборов художественных произведений женщин-писательниц 60-80-х годов XIX века принадлежит перу Н.Д. Хвощинской, которая была известна не только как писательница и переводчица, но и как литературный критик. Ею было написано множество рецензий, фельетонов, литературных обзоров, писем и заметок. Хвощинская-критик помещала свои работы в периодических изданиях «Отечественные записки», «Русские ведомости», «Живописное обозрение» и др. под псевдонимами В. Поречников, Николай Куратов, В. К., Н., Н.Д. Воздвиженский. К сожалению, ни в конце XIX, ни в XX веке ни одна из статей писательницы не была переиздана, хотя многие из них представляют несомненный интерес. Нас интересуют те статьи и рецензии Хвощинской, которые посвящены женскому творчеству (повестям и романам А. Панаевой, Ю. Жадовской, С. Смирновой, О. Шапир, Н. Кохановской и др.).

В 1861-1863 гг. Хвощинская печатает в «Отечественных записках» цикл литературно-критических статей «Провинциальные письма о нашей литературе» под псевдонимом В. Поречников. Эти статьи посвящены анализу текущего литературного процесса. После ознакомления со вторым письмом, «Византийский пафос, или повесть г-жи Кохановской «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова» (Отечественные записки, 1862, №1), чётко вырисовывается различие позиций Кохановской (Соханской) и Хвощинской по вопросу положения женщины в семье. Кохановская в своей повести выступает поборницей Домостроя, изображает подчинённое положение женщины как нормальное. Идеальным поведением Настасьи Дмитровой она считает её самоуничижение, самоунижение. (После венчания Настя объявляет своему мужу, что ранее была обольщена и ждет ребенка. Он молча отвозит её к чужим людям, уезжает. Женщина самостоятельно зарабатывает на жизнь себе и сыну. Муж возвращается, называет ребенка своим сыном, но жену не прощает. Она покоряется, теряет чувство собственного достоинства, просит у мужа прощения). Кохановская сочувствует только герою, оценивает Настасью как падшую женщину. Хвощинская совершенно не согласна с такой оценкой, видит в повести «проповедь слишком суровую» [11, 374], сочувствует страданиям глубоко оскорблённого сердца героини, считает её женщиной «погубленной, а не развращённой» [11, 369]. «Этому прекрасному женскому сердцу предстояло другое падение, - пишет критик, - забвение своего права и уничтожение своей личности» [11, 370]. Материально независимая от мужа, Настасья, по прогнозам Хвощинской, могла бы быть более сильной нравственно, она не должна была просить прощения у своего мучителя, которого не любила, а боялась. Таким образом, из содержания этого критического письма ясно вырисовывается позиция Хвощинской, которая приветствует в женщине чувство собственного достоинства, уважения, самодостаточности.

Третье письмо - «Женская доля», роман Станицкого (Современник №3).- «Отсталая», повесть госпожи Жадовской (Время, №12)» было написано и опубликовано критиком в 1862 году (Отечественные записки, №5). Рецензируемые Хвощинской произведения были опубликованы в то же время, что и её повесть «Пансионерка». В этих трёх произведениях поднимается одна и та же проблема – эмансипация женской личности, используется одна и та же сюжетная схема (уход девушки из дома родителей под влиянием мужчины-развивателя), однако художественное решение этой проблемы совершенно разное. Если учесть дискурс «Пансионерки», понятно некоторое раздражение Хвощинской-критика, рассуждающей в своей статье об уродливых проявлениях эмансипации и никчемности некоторых «развивателей», использующих идеи эмансипации для своей корысти. Следует заметить, что Хвощинская, оценивая произведения Станицкого (псевдоним А.Я. Панаевой) и Жадовской, отмечает высокое художественное мастерство последней и указывает на низкий художественный уровень произведений Панаевой (она совершенно справедливо отмечает, что содержание её романов «многосложно, запутано, автор справляется с ним с большим трудом, часто обрывая, недосказывая, случалось - забывая им самим сказанное… сцены грубы, характеры резки; часто это даже уж и не поспешная работа, а просто набрасыванье» [12, 37]). Несмотря на это, Хвощинская ставит её творчество, в частности «Женскую долю», выше, чем творчество Жадовской, поскольку считает, что Панаева в своем романе прямо, смело и искренне высказала свое негодование по поводу положения женщины в обществе, по поводу эмансипаторов, подменяющих идеи эмансипации идеями проституции. Чувство правды и сострадания, переданное писательницей, вылилось в грубые, резкие, карикатурные формы, что не порицается рецензентом. Само название романа «Женская доля» многое говорит читателю, который, прочитав роман, видит целый ряд униженных, оскорбленных, замученных, запуганных, брошенных, возмущённых, забитых девушек и женщин. Хвощинская так передаёт свои чувства после прочтения этого романа: «…становится страшно и больно, вырывается уже не вздох, а отчаянное слово: «это есть!», повторяем - не в одном углу, но это есть на свете, есть с грустными и ужасными оттенками…»[12, 38]. Критик считает, что то, что Панаева свела своих страдалиц всех вместе, нельзя считать художественной ошибкой, сила воздействия художественной правды на читателя именно поэтому велика: «Это безобразно до карикатуры, это грязно до отвращения - и все эти падшие виноваты только в том, что доверялись и любили…» [12 , 38].

Хвощинская высоко оценила художественную правду романа «Женская доля» А. Я. Панаевой, её чувство негодования и боли за положение женщины в России. Совершенно иной представлялась критику суть романа Ю. Жадовской «Женская история»: «Это роман розовый, чинный, где все добродетельные счастливы, где злодеи так – только для маленькой тени… Неужели, спрашивали губернские читатели: в нашем свете живется так сладостно, побуждения так чисты, страсти так хорошо воспитаны, пороки так умеренны – пошалил и довольно? Почувствовал ли сам автор « Женской истории», что переложил нежных красок; услышал ли он упреки за бесцветную патриархальность своего произведения?» [12, 39].

Хвощинская не останавливается на подробном анализе этого романа, поскольку, с её точки зрения, оно не отражает проблем времени. Она выделяет другое произведение Ю. Жадовской повесть «Отсталая». Отмечая эстетическое совершенство этой повести, («написанная тонко, старательно»[12, 40]), Хвощинская полемизирут с автором, который, как представляется критику, сочувствует главной героине, бросившей любящую мать и бежавшей с любовником в поисках «новой жизни». Название повести очень ёмко характеризует её идею – девушка отстала от современных понятий о любви. Но отстала ли? Хвощинская не совсем права в определении авторской позиции Жадовской. С нашей точки зрения, последняя совершенно не сочувствует своей героине, семнадцатилетней Маше. История этой девушки была довольно типичной для того времени. «Отсталая» жила с матерью-помещицей в деревне. Она не получила хорошего образования, особо ничем не увлекалась и не занималась, ни к кому не была привязана, не испытывала никаких чувств по отношению к близким людям. Её единственной подругой была дворовая девушка, Матрёша, которая служила ей развлечением. Маша узнаёт, что Матрёша, ждущая ребенка, изгнана из деревни. Не поддержав подругу, «Отсталая» отказывается от нее. Жадовская так описывает поведение этой молодой помещицы: «Маша поднялась со своего места, гордая и беспощадная. Она сознавала себя безгрешной, и потому считала себя не только вправе, но как бы обязанной поднять камень. – Прочь! - крикнула она так, что сделала бы честь трагической актрисе. - Прочь! - Не дотрагивайся до меня! Я тебя знать не хочу и видеть не хочу!…»[13, 485]. У читателя возникает ассоциация, связанная с библейской легендой о Христе, который не советовал бросать каменья в грешника. Н.Д. Хвощинская в своей рецензии утверждает, что жестокость Маши обусловлена, прежде всего, её натурой, а затем уже обстановкой (средой). Она пишет: «Какова натура, таково и развитие; это только дальнейший рост сил, уже существующих…»[12, 44]. Критик сравнивает Машу с Татьяной Лариной, героиней романа Пушкина «Евгений Онегин», которая тоже воспитывалась в помещичьей среде, однако любила свою незатейливую обстановку, свою полуграмотную среду, мать-помещицу, поскольку была «девушка кроткая, нежная и робкая» [12, 42]. В Маше, напротив, сказывается натура гордая, грубая, эгоистичная. Книги из библиотеки Онегина дали толчок ко всестороннему развитию Татьяны, тогда как книги, которые читает «отсталая», лишь развивают в ней чувственность, а не мысль. Хвощинская справедливо замечает, что «набить голову фразами, выучиться говорить фразы и действовать в смысле этих фраз – еще не развитие»[12, 43]. Развитие начинается с размышления над окружающим. Прочитанное может дать толчок для размышлений и оценок человеку думающему и глубокому, а не поверхностному, как Маша.

Жадовская вводит в свою повесть стандартную фигуру мужчины-развивателя, который должен «просвятить» девушку (сама Хвощинская в своей повести «Пансионерка» отойдет от этого стандарта, умело доказав, что «развиватель» не всегда достигает своей цели и не всегда сам является развитым и достойным своей ученицы). С нашей точки зрения, новаторство Жадовской заключается в том, что она изображает двух развивателей, которые преследуют совершенно разные цели, воспитывая и поучая «Отсталую». Помещик Арбатов, красавец и кутила, хочет сделать из Маши эмансипированную женщину для себя, попросту говоря, он хочет воспитать для себя девицу свободных нравов, которую можно бросить в подходящий для себя момент. Хвощинская справедливо задаёт вопрос: «Можно ли считать его человеком «развитым»? После этого, «развитой» может сделаться бранным словом…»[12, 45]. Другой молодой человек, студент Налётов, верящий прежде всего в науку, призывает Машу учиться, переоценить прежде всего себя, а затем уже окружающую среду (Арбатов, напротив, в отсталости девушки обвиняет только лишь среду). Маше пришёлся по душе больше Арбатов, зовущий к любви и развлечениям, нежели Налётов, размышляющий о проблемах человечества и зовущий к труду. Маша становится любовницей Арбатова. Характерно, что Хвощинская осуждает не безнравственность девушки, а её выбор (Арбатов – «фантик и франтик» [12, 47] в оценке критика). Очень уместным в статье Хвощинской является сравнение образа Маши с образом Елены Стаховой (героиня романа Тургенева «Накануне»): «Елена знала и чувствовала с первой минуты, что её любовь к человеку, которому жертвовала всем - чиста и безупречна: она полюбила не от скуки, что «света не видала, никаких удовольствий не имела», и жаль было «молодость даром потратить», как жалуется «Отсталая» своей матери,…ей (Елене – В.П.) хотелось быть чьей-нибудь опорой и помощницей…» [12, 47] .

У семнадцатилетней Маши, убежавшей из дому с любовником, не пробуждается чувство любви, сострадания, жалости к матери. Хвощинская пишет: «В ней не пробуждается и чувство стыдливости, этот признак чистоты женского сердца…» [12, 48]. «Отсталая» делает все, чтобы догнать жизнь. Её одинокая, всеми покинутая мать прожила среди пересудов своей мелкой среды всего год (вспомним, что

отец Лизы Бахаревой, героини романа Лескова «Некуда», тоже недолго прожил после бегства дочери из родительского дома). Хвощинская осуждает «Отсталую», задавая ряд риторических вопросов, которые в другой форме задавали в своих произведениях многие писатели: «Почему любовь женщины исключительно к одному её любовнику должна считаться её высшей добродетелью? Почему женщина должна не только оставить, но, если нужно, погубить для него все остальные предметы своей привязанности – семью, родных…Почему женщина считается передовою, когда бежит с негодяем, и рабой, когда, смяв своё сердце, остается исполнять свои обязанности в семье? Разве это не перемена рабства на рабство? Разве строгая семья и оскорбляющий любовник – не одинаковое крепостное право?… Если дочь должна бросить мать для того, чтобы из «отсталой» сделаться «передовою», то должна ли и замужняя женщина последовать за своим избранным, бросив мужа, который её любит, и детей, для которых она необходима?» [12, 51].

В конце повести Маша показана супругой Налётова, который восхищается её развитостью и прогрессивностью. Хвощинская считает, что в этом произведении Жадовская «прославляет чувственный эгоизм, осчастливленный успехом» [12, 50]. Такая оценка представляется нам не совсем верной, поскольку критик судит поступки «Отсталой», а не рассматривает позицию Жадовской (авторская позиция в повести зашифрована и завуалирована, она не совпадает с позицией главной героини).

Оценивая произведения женщин-писательниц, Хвощинская приходит к любопытным выводам о женском творчестве вообще. Так, в шестом письме цикла «Провинциальные письма о нашей литературе» («Рассказы женщин о женщинах» (Отечественные записки, 1862, № 11) она пишет: «…всякий о себе лучший рассказчик, женщины тем более… женщина расскажет о себе всё, простодушно, без натяжки» [14, 51]. Женские романы критик считает «любопытным» документом, поскольку в них даётся фактическое изложение повседневной жизни с её мелочами, проблемами, суматохой. Именно такие качества женской литературы как чрезмерная детализация, сентиментальность, субъективность порицались мужчинами-писателями и критиками как в XIX веке, так и в последующее время. Интересно, что Хвощинская перечисленные выше качества считает не женскими «недостатками», а проявлениями женской натуры.

Хвощинская хорошо знала современную литературу. В любом романе, где речь шла о развитии и эмансипации женщины или девушки, обязательно присутствовала сюжетная схема, основанная на разрыве героини с прошлым (освобождении от «родительского деспотизма») и встрече с мужчиной-развивателем, который способствовал этому уходу и вступлению на стезю «новой жизни». Критик прекрасно понимала, что не все родители были деспотами и не все «развиватели» имели некорыстные цели (размышления по этому поводу есть не только в её критических статьях, но и в письмах, а также в художественных произведениях – повести «Пансионерка», романах «Большая Медведица», «Былое»). В жизни развитие девушки не всегда было связано только лишь с мужчиной. Именно поэтому Хвощинская в шестом письме «Провинциальных писем о нашей литературе» с иронией отзовётся о развивателях, без которых не обходился ни один роман, особенно женский: «Друг и руководитель» – мода, рычаг, неизбежность, корь и оспа женского романа с девицами» [14, 53].

В первой половине 80-х годов Хвощинская печатает цикл критических фельетонов под общим названием «Мемуары одного читателя» и подписывает его Н. (Русские ведомости, 1880, №№ 94, 161, 307). В последнем фельетоне она рассуждает о женском творчестве вообще и, в частности, о женском романе. Критика интересует вопрос, почему в 80-е годы писателей-мужчин уже не привлекает такая жанровая форма, как роман, а писательницы очень плодотворно работают именно в этом жанре (действительно, можно назвать таких романисток, как О. Шапир, С. Смирнова, М. Крестовская, сама Н. Хвощинская). Критик отмечает: «Писателей, говорят, привлекают более «житейские», реальные вопросы. Писательницы разрабатывают внутреннюю, философскую сторону жизни. Для этого, конечно, самая удобная форма – роман»[15,1]. С нашей точки зрения, это не совсем точная оценка, поскольку писательниц тоже интересуют «житейские» вопросы, а писатели обращаются к внутренней, философской стороне жизни (Толстой, Достоевский, Лесков, например). Очевидно, Хвощинская имеет ввиду мужскую народническую литературу, которая преимущественно была посвящена «злобе дня», а не показу внутренней жизни личности. Характеризуя женскую прозу, критик отмечает, что новые писательницы изображают уже не только любовь и балы, как их предшественницы, но и касаются реальных сторон жизни, правда, не всегда умело. Так, в этом же фельетоне она критикует роман О. Шапир «Антиподы». Хвощинская пишет о растянутости и расплывчатости этого произведения, о чувстве неопределённости, которое возникает при чтении этого произведения: «…реальное как-то всё ещё висит на воздухе, неосязаемое» [15,1]. В другом фельетоне, посвящённом конкретно повести Шапир «Кандидат Куратов» (этот фельетон озаглавлен «Литературно-семейное объяснение» и написан в форме «письма кандидата Куратова к сестре своей» (Русские ведомости», 1880, №55), Хвощинская признает художественное мастерство писательницы, отмечает её умение изображать различные женские характеры. Главная героиня повести, Зина, старая дева, не желает трудиться, ждёт милостыни от брата и Бога. Шапир с иронией относится к своей героине, что позволило критику заметить: «Женское перо –

отчасти булавка» [16, 2], именно булавка, которая нет-нет да и царапнет или уколет старую деву, неприспособленную к жизни.

Среди современных ей романисток Хвощинская особо выделяет С. Смирнову (Сазонову). В одной из статей цикла «Мемуары одного читателя» она пишет: «Из романисток, самый крупный талант, бесспорно, – г-жа Смирнова. Она в самой лучшей поре своих сил… На будущее – столько наблюдательности, знания жизни, анализа, - и именно потому г-жа Смирнова более всех заслуживает упрёка в небрежности работы. От её первого романа «Огонек» до последнего «У пристани» всё заметнее эта небрежность, набрасыванье, мотовство дарованием» [15,2].

Расширение сфер профессиональной, общественной, общекультурной деятельности женщин второй половины XIX ст. способствовали развитию их кругозора, что, в свою очередь, привело к резкому увеличению штата женщин, пробующих свои силы в различных отраслях литературного труда. Женщины – литераторы, редакторы, журналистки, критики, переводчицы, книгоиздатели трудились наравне с мужчинами-коллегами, доказывая на практике необходимость эмансипации женской личности. Следует отметить, что практически все женщины-писательницы и публицистки затрагивали в своём творчестве проблемы феминизма, поскольку они были насущными для них самих. Мысли женщин-критиков и публицисток о природе женского творчества являются ключом к пониманию этого творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50 – 60 гг. XIX в. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.- 240 с.
2. Белецкий А.И. Н.С. Лесков. Личность. Творчество.- Х., 1923.- 178 с. Відділ рукописів Інституту літератури НАН України, фонд 162, од. зб. 603.
3. Гроссман Л.П. Н.С. Лесков. Жизнь – творчество – поэтика.- М.: Гослитиздат, 1945. - 320 с.
4. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям в 2 томах.- М.: ГИХЛ, 1954.- 684 с.
5. Столярова И.В. В поисках идеала. Творчество Н.С. Лескова. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.- 232 с.
6. Магд-Соэп К. де Эмансипация женщин в России: литература и жизнь: Пер. с англ.- Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. - 252 с.
7. Назарова Л. Н. И.С. Тургенев и Е.В. Салиас-де-Турнемир в начале 60-х годов/ Теория и история литературы (К 100-летию со дня рождения академика А.И. Белецкого).- К.: Наукова думка, 1985.- С. 117 – 123.
8. Сараскина Л.И. В.П. Ставрогина. Гипотеза о прототипе / Достоевский и современность. Материалы X Международных Старорусских чтений 1995 года.- Старая Русса, 1996.- С. 106 – 118.
9. Тур Е. Несколько слов по поводу статьи «Русской женщины»: «Елена Николаевна Стахова» // Московские ведомости.- 1860.- № 85.- С. 665-667.
10. Тур Е. Несколько беглых заметок после чтения романа г. И. Тургенева «Отцы и дети» // Северная пчела.- 1862.- № 91-92.
11. Поречников В. [Хвощинская Н.Д.] Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо второе. Византийский пафос, или повесть г-жи Кохановской «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова» // Отечественные записки. - 1862.- № 1.- С. 364-374.
12. Поречников В. [Хвощинская Н.Д.] Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо третье. «Женская доля», роман Станицкого (Современник, №3), «Отсталая», повесть г-жи Жадовской (Время, №12) // Отечественные записки.- 1862.- № 5.- С.24-52.
13. Жадовская Ю. Отсталая // Время. – 1861. - №12. – С. 438 – 518.
14. Поречников В. [Хвощинская Н.Д.] Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо шестое. Рассказы женщин о женщинах // ОЗ. – 1862. - №11. – С. 48-60.
15. [Хвощинская Н.Д.] Мемуары одного читателя // Русские ведомости. - 1880.-№307. - С. 1-2.
16. Куратов Николай [Хвощинская Н.Д.] Литературно-семейное объяснение (письмо кандидата Куратова к сестре своей) // Русские ведомости. - 1880.- № 55.- С.1-3.

УДК 811.161.1'42:669

ДИСКУРСНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ ПО МЕТАЛЛУРГИИ)

Пристайко Т.С., д.филол. н., профессор

Днепропетровский национальный университет

Статья рассматривает специальный текст как сложную коммуникативную структуру. Анализируются компоненты этой структуры.

Ключевые слова: дискурс, текст, контекст, термин

Пристайко Т.С. ДИСКУРСНА ОРГАНІЗАЦІЯ СПЕЦІАЛЬНОГО ТЕКСТУ (НА МАТЕРІАЛІ НАВЧАЛЬНИХ ТЕКСТІВ ІЗ МЕТАЛУРГІЇ) / Дніпропетровський національний університет,Україна

Стаття розглядає спеціальний текст як складну комунікативну структуру. Аналізуються компоненти цієї структури.

Ключові слова: дискурс, текст, контекст, термін.

Prystayko T.S. DISCOURSE'S ORGANIZATION OF SPECIAL TEXT (AS A MALFER OF METALURGICAL TEXT) / Dnepropetrovsk National University, Ukraine

Special text is viewed as complex communicative structure. Components of this structure have been analysed.

Key words: discourse, text, context, term.

Лингвистика дискурса, являющаяся одним из приоритетных направлений научных исследований последних лет, рассматривает текст как речевое целое, взятое в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социально-культурными, психологическими и др. – факторами.

В теоретических интерпретациях разных ученых дискурс предстает не только как данность текста, но и как некий «способ оперирования языком» [1, 44], отражающий своеобразие концептуальной и семантической систем речевого субъекта, его познавательный опыт и ориентацию на адресата. Специфика дискурса, по мнению исследователей, в значительной мере обусловлена субъектом и его моделью адресата, что свидетельствует о коммуникативной природе дискурса [2, 62].

В нашем исследовании специальный текст рассматривается как сложное коммуникативное образование, состоящее из ряда взаимосвязанных контекстов-дискурсов, выделяемых на основании однотипных коммуникативных функций терминов – функции интродукции (первичного представления) какого-либо объекта, функции идентификации уже представленных объектов, функции классификации и оценки, а также функции обозначения и определения объекта в ряду других путем раскрытия его существенных свойств и признаков.

Контексты-высказывания, объединенные наличием в них номинативных знаков, выполняющих однотипные функции, могут быть охарактеризованы в пределах функционального типа номинации (интродуктивного, идентификативного, классификационного, дефинитивного и т.д.) [3, 122-183] и соответственно определены как виды специального дискурса (интродуктивный, отождествляющий и т.д.).

Выбор функционального типа номинации и инвентарь языковых средств номинации, формирующих ту или иную разновидность дискурса, находятся в прямой зависимости от прагматических факторов речевого акта и задач научно-технической коммуникации. Коммуникативно-прагматическая установка автора предопределяет появление в производственно-технических средствах акцентированных средств представления термина в разных дискурсивных ситуациях. Анализ средств акцентирования, целью которого является преднамеренное обращение внимания читателя на специальный объект, показывает, что производственно-технической коммуникации не чужды такие приемы, как мотивировка внутренней формы термина или обращение к этимологическому комментарию, хотя чаще всего авторы текстов прибегают к приемам, широко распространенным во всех формах письменной коммуникации: смене шрифта, заключению в скобки и др.

Целевая направленность учебных текстов – дать специальные знания – обусловливает преимущественное обращение авторов к предикатной номинации, позволяющей дать определение специальному объекту, охарактеризовать его, классифицировать. В зависимости от соотношения номинативной единицы с определенными признаками обозначаемого объекта и коммуникативной задачей автора по отношению к этому объекту выделяются две дискурсные разновидности предикатной номинации: классифицирующе-характеризующая и дефинитивная.

В зависимости от направления классификации (признаков, лежащих в основе разбиения классифицируемых объектов) и ее совмещения с функциями оценочной характеристики в рамках классифицирующе-характеризующего дискурса выделяются четыре подтипа предикатной номинации: собственно-классифицирующая (таксономическая), определяющая место объекта в общей иерархии

определенного множества; косвенно-классифицирующая, выделяющая объект в соответствии с произвольной систематизацией понятий по их косвенным, второстепенным признакам; уточняюще-классифицирующая, отличающаяся от косвенно-классифицирующей формой текстовой реализации; и оценочно-классифицирующая, совмещающая функцию классификации с оценкой классифицируемого объекта с точки зрения его новизны, значимости, эффективности и пр.

Дискурс дефинитивного типа включает все случаи словесного определения специальных понятий, предметов, явлений и т.д.

Ядро средств предикатного дискурса составляют типизированные синтаксические структуры. В частности, в рамках классифицирующего дискурса частотны предложения с предикатами *классифицировать(-ся), различать(-ся), делить(-ся), относить(-ся)* и др.; дефинитивные контексты чаще всего представлены предложениями-дефинициями с предикатами *называть(-ся), представлять собой* и пр. Разные коммуникативные задания в специальном дискурсе могут реализовать предложения с глаголом-связкой *являться* и без него, структура которых оказывается пригодной для воплощения предикатной номинации всех типов.

Дефинитивные и классифицирующие компоненты формируют микро- и макроконтексты с различным расположением классификационных предложений и связанных с ними предложений-дефиниций. Особую роль в их организации играют оценочно-классифицирующие структуры.

Отождествляющая (идентифицирующая) номинация относится к специальному объекту, уже известному адресату и служащему предметом определения (толкования), классификации или дальнейшего описания. По форме представления номинативного знака идентифицирующая номинация может носить акцентированный и неакцентированный характер. В последнем случае номинативные знаки, переименовывающие один и тот же специальный объект, выполняют идентифицирующую функцию, совмещенную с функциями текстообразования, снятия монотонности изложения, компрессии текста и др.

При акцентированном подтипе имеет место не только процесс переименования, но и его результат – одновременное предъявление различных средств номинации, относящихся к одному объекту. При этом некоторые из предъявляемых наименований в дальнейшем изложении не принимают участия в актах отождествления описываемых объектов и не используются в качестве субститутов основного наименования. Все это свидетельствует о том, что в сфере специальной коммуникации существенной является не только идентификация специального объекта, но и идентификация основных парадигматических средств номинации, относящихся к одному обозначаемому. Очевидно, что в основе такой презентации терминов лежит стремление авторов отразить стихийно сложившуюся вариантность обозначений. Используя после предъявления наиболее распространенных вариантов наименований один из них, авторы специальных текстов, во-первых, определяют свою позицию в терминологическом разнобое и, во-вторых, помогают адресату ориентироваться в научной литературе, пользующейся при описании одного объекта различными системами обозначений.

Для сферы специальной коммуникации характерны разнообразные формы совмещения функциональных типов номинации в пределах одного или смежных предложений, осуществляемого синтетическим или аналитическим способом. Наиболее типичны для специальных текстов аналитические формы совмещения номинаций, образующих в зависимости от расположения классифицирующего и дефинитивного компонентов по отношению к номинативному знаку, кольцевые, цепочные и сопряженные структуры.

К кольцевым структурам относятся предложения с глаголом-связкой *являться* или без него, предикатами *использовать(-ся), применять(-ся), относить(-ся)* и др., в которых термин, выполняющий интродуктивную или отождествлящую функцию, располагается между классифицирующим и дефинитивным компонентами. Ср.: «*…рост температуры приводит ко второй стадии процесса – собирательной рекристаллизации, состоящей в росте вновь образовавшихся новых зерен*».

В цепочечных структурах интродуцирующий или отождествляющий термин находится в начале или в конце цепочки, включающей дефинитивный и классифицирующий компоненты. Ср.: «*Двустороннее прессование – наиболее распространенный способ, при котором давление прикладывается к верхнему и нижнему паунсону*».

К сопряженной номинации отнесены случаи параллельного дефинирования в рамках одного предложения нескольких подчиненных понятий, совмещенного с классифицирующей и интродуктивной функцией номинативных знаков. Ср.: «*По назначению бандажные станы делятся на черновые, подготавливающие бандажную заготовку к чистовой прокатке, и чистовые, придающие бандажу окончательные размеры*».

Номинативные компоненты в специальном тексте тесно связаны с его развертыванием. Реализуя конкретные коммуникативные задачи, авторы свободно переходят от вводной номинации к предикатной,

используя все типы и разновидности и совмещая их в пределах одного высказывания, что, очевидно, является типичным для письменной формы научно-технической коммуникации.

Разнообразные номинативные единицы пронизывают текст, образуя в общем потоке информации ряды и цепочки, звенья которых отражают разные стороны специального объекта: называют его, определяют, классифицируют и характеризуют, формируя в текстах конкретные информативно-коммуникативные блоки с определенной номинативно-дискурсной организацией. Дискурсная организация учебных текстов, понимаемая как определенный порядок следования разнообразных номинативных контекстов в тематически однородных текстах, имеет важное значение для решения многих проблем прикладного характера (в частности, в методике обучения языку специальности студентов-иностранцев) и вполне может быть предметом самостоятельного исследования в сфере научно-технической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 35-73.
2. Малыхина С.В. Дискурсивные особенности научного текста // Вісник Харківського національного університету. – № 520. – Серія Філологія. – Вип. 33. – Філологічні аспекти дослідження дискурсу. – Харків, 2001. – С. 61-65.
3. Пристайко Т.С. Лексико-номинативная организация специального текста. – Днепропетровск: УкО ІМА-прес, 1996. – 200 с.

УДК 811.161.2’276.6:34

АБРЕВІАЦІЯ В УКРАЇНСЬКІЙ ЮРИДИЧНІЙ ТЕРМІНОЛОГІЇ

Руколянська Н.В., здобувач

Запорізький юридичний інститут МВС України

Аналізується абревіація як один із способів творення сучасної української юридичної термінології, а також визначаються й описуються структурні типи термінів-абревіатур, що функціонують у субмові юриспруденції, та визначаються найактивніші з них.

Ключові слова: активність, прості, часткові, ініціальні, комбіновані абревіатури, структурний тип, термін-абревіатура, юридична термінологія.

Руколянская Н.В. АББРЕВИАЦИЯ В УКРАИНСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ / Запорожский юридический институт МВД Украины

Анализируется аббревиация как один из способов образования современной украинской юридической терминологии, а также определяются и описываются структурные типы терминов-аббревиатур, которые функционируют в субязыке юриспруденции, и определяются самые активные из них.

Ключевые слова: активность, простые, частичные, инициальные, комбинированные аббревиатуры,структурный тип, термин-аббревиатура, юридическая терминология.

Rukolianskaia N.V. ABBREVIATION IN THE UKRAINIAL LEGAL TERMINOLOGY /Zaporizhzhya law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine.

Analyzes abbreviation as one of the formative means of modern Ukrainial legal terminology. It defines and describes structural types of term- abbreviations, which function in the language of jurisprudence and determines the most active onts.

Key words: activity ,simple, partial ,initial and combined, term-abbreviation, structural type, legal terminology.

Термінологія кожної окремої галузі, зокрема й юридичної, засвідчує досягнення останньої на певному етапі історії носія мови і відображає перспективи подальшого прогресу. Однією з суттєвих особливостей термінології, як відомо, є те, що вона найбільше піддається свідомому творенню, будучи найбільш керованим шаром лексики. У процесі подальшого розвитку термінологічного фонду сучасної української літературної мови справа його вдосконалення набуває дедалі більшого значення. Як зазначають лінгвісти, система понять кожної науки, звичайно, значно ширша, ніж її термінологічне вираження. Така невідповідність призводить до невпинного зростання обсягу термінології: нові поняття потребують термінологічного закріплення. Разом з тим розвиток окремих галузей науки вимагає постійної конкретизації їх об’єктів і перегляду системи понять, а, отже, і їх термінологічного вираження. Усе це зумовлює необхідність постійного поповнення і вдосконалення галузевих термінологій, що неможливо без свідомого втручання мовознавців і фахівців у процес термінотворення. Вирішення актуальних завдань щодо впорядкування, удосконалення, унормування і подальшого поповнення термінології

відповідно до рівня науково-технічного прогресу вимагає глибокого вивчення джерел, шляхів і способів термінотворення.

Одним із специфічних у наш час способів термінотворення є абревіація, що виступає "універсальним прикладом варіювання номінації в тексті"[1, 112] різних галузей знань. Поряд із такою обов'язковою ознакою будь-якого терміна, як точність, під час застосування цього способу яскраво демонструється і його стислість. Як відомо, чим частіше поняття (а, отже, і термін, який його позначає) вживається у фаховому тексті і в повсякденній професійній практиці, тим більшого значення набуває стислість, бо як тільки довгий термін виходить за межі тексту, він витісняється іншим, більш коротким за структурою, а тому і зручнішим.

Із приводу творення термінів шляхом абревіації Д.С. Лотте зауважував, що "абревіатурний метод криє в собі велику небезпеку – часто призводить до псування й перекручування мови, ряду непорозумінь і технічних помилок, а тому від масового і безладного застосування цього методу треба відмовитися. Але разом з тим неправильно його зовсім відкинути"[2, 168].

Майже п'ятдесят років абревіація як новий структурний словотвірний тип слів, що функціонує в різних стилях сучасної української мови, є предметом наукового вивчення лінгвістами [3; 2]. Питання різного характеру (на матеріалі загальнолітературної мови), пов'язані з абревіацією, знайшли своє висвітлення в працях Д.І.Алексєєва, С.С.Дложевського, Є.А.Поліванова (феноменологічні сторони абревіатур, тобто їхньої формальної структури, величини компонентів у порівнянні з іншими мовними одиницями, фонетичних особливостей), А.О.Бараннікова, І.К.Зборовського, Є.Д.Поліванова, О.М.Селіщева, К.Л.Тронь (філогенетичний аспект абревіатур, тобто причини їх виникнення, впливу лінгвістичних і екстралінгвістичних факторів на появу і формування), Д.І.Алексєєва, Л.М.Бойченко, Д.Веселовської, В.Саннікова, М.Я.Плющ, К.Л.Тронь (деякі проблеми функціонування абревіатур у мові – оформлення граматичного роду, формозміни, участь у словотворчому процесі цієї мови, окремі закономірності статистичного розподілу їх в усній та писемній мові).

У лінгвістичній літературі представлено різні погляди на статус абревіатур у мові та місце абревіації в системі словотворення. Ряд учених (наприклад, В.В. Борисов) розглядає абревіацію як словотворчий процес, як "особливий, окремий спосіб словотворення, за допомогою якого створюються нові слова особливої структури ". В.П. Даниленко трактує абревіатурні знаки як нові словотвірні моделі для однотипних найменувань. На думку Д.І. Алексєєва, абревіаційний спосіб словотворення є найсуб'єктивнішим і найштучнішим серед усіх відомих способів. Ми, однак, поділяємо думку дослідників (Л.Є. Азарова, А.В. Костюк, В.С. Марченко, В.М. Шевчук), які вважають, що в плані синхронії абревіація не може бути способом творення слів і що в результаті її дії з'являється не нове слово, а новий структурний варіант терміна або термінологічного словосполучення, оскільки абревіатура співіснує в мові із складною назвою для означення того чи іншого багаточленного найменування , виступаючи своєрідним синонімом. Поки що немає поміж учених єдиної думки і стосовно вмотивованості термінів-абревіатур. Слушним, на нашу думку, є погляд В.І. Кажан, що вважає "такі терміни вмотивованими, бо вони використовуються однією системою, їх значення добре відоме фахівцям і легко розрізняється ними" [4, 40].

Стосовно термінів-абревіатур у галузевих терміносистемах, то вони найчастіше лише фіксуються при аналізі способів творення складених термінів (роботи Н.І. Овчаренко, Н.І. Шило та ін.). Недостатня увага українських лінгвістів до питань абревіатурного термінотворення, з одного боку, і активний процес засвоєння абревіатур галузевими словотворчими системами, з іншого - дають необхідні підстави для детальнішого розгляду термінів-абревіатур, що функціонують у різних галузях знань. Саме тому серед багатьох проблем сучасної української юридичної термінології актуальності не втрачає і проблема творення термінів-абревіатур, які, як відомо, належать до складених утворень і є більшою чи меншою мірою невід'ємним елементом будь-якої галузевої терміносистеми.

Дослідження структурних моделей термінів-абревіатур, що функціонують у юридичному просторі, і становить предмет нашого дослідження. Аналізований матеріал вилучено методом суцільнї вибірки з різних сфер як функціонування [5; 6], так і фіксації [7;8] юридичної термінології .

У юридичній термінології абревіація, як спосіб номінації, має значний, хоч і не такий значний, як у технічній термінології [9, 43; 2, 168], діапазон поширення. Абревіатурні знаки різних типів використовуються в цій галузі знань для позначення назв установ і служб, підрозділів МВС (*ВВ, ДТК, УБОЗ*), навчальних закладів (*ДЮА, ЗЮІ, НЮАУ ім. Ярослава Мудрого*), видів зброї (*АК-3, ПМ-6, ТТ*), назв основних нормативних документів (*ККУ, МКУ, ЦПК*), видів права (*АПУ, КПУ, ЦПУ*) тощо. Появі абревіатур у сучасній українській юридичній термінології сприяє загальнолітературна тенденція до структурного спрощення громіздких за складом термінологічних найменувань із метою мовної економії тексту, де, зокрема, вони виникають і функціонують. Абревіатури можуть із часом перейти до сфери фіксації, тобто до словника. Так, "Криміналістика. Енциклопедичний словник (українсько-російський і російсько-український)" [8] фіксує такі абревіатурні знаки, як *АК – 3, ПКД, ПМ-5* та ін.

Більшість термінів-абревіатур сучасної української юридичної термінології утворено від усічених основ словосполучень “іменник + прикметник” (*міськрада ← міська рада, міськвідділ← міський відділ, райвідділ ← районний відділ*), менше - ”іменик + іменник” (*комроти ← командир роти, кабмін ← Кабінет Міністрів*).

У юридичній терміносистемі за типом твірної основи наявні як повні абревіатури (ініціальні, складові, комбіновані скорочення й усічені терміни) (*виконком ← виконавчий комітет, ДТК← дитяча трудова колонія, МКУ ← Митний кодекс України*), так і неповні, або частково скорочені (у їхній структурі останній компонент – нескорочений термін) (*генпрокурор, Державтоінспекція, міськвідділ*). Кількісно переважають абревіатури першого типу.

У сучасних вузівських підручниках, як правило, представлено такі типи абревіатур: ініціальні, складові, частково-складові, комбіновані. Однак ця класифікація не охоплює всіх структурних різновидів абревіатур і вимагає доповнення та деякого уточнення, тому найбільш прийнятною, на нашу думку, є класифікація, запропонована К.Л.Тронь [3, 19], на яку і спираємось у цьому дослідженні.

Результатом дослідження виявлено юридичні терміни-абревіатури таких видів:

Прості абревіатури, які утворено шляхом скорочення повнозначного слова до одного складу (*зам ← замісник, спец ← спеціаліст)*.

Часткові абревіатури, які мають два види творення: а) поскладовий – абревіатури, яких утворено шляхом складання початкових частин або складів слів (*воєнком ← воєнний командир, компромат ← компрометуючий матеріал, міськвиконком ← міський виконавчий комітет, речдок ← речовий доказ)*; б) частково-поскладовий – абревіатури, які утворено сполученням одного скороченого слова з повним другим (*автоінспекція← автомобільна інспекція, генпрокуратура← Генеральна Прокуратура, оперуповноважений← оперативний уповноважений*).

Ініціальні абревіатури, серед яких виокремлюються: а) ініціально-літерні, які творяться сполученням початкових (перших букв слів, що читаються за їх назвами): (*ДПС ← державна патрульна служба, ІТУ ← ізолятор тимчасового утримання, КПК ← Кримінально-процесуальний кодекс, КС ← Конституційний Суд, ОВС ← органи внутрішніх справ, ФБР ← федеральне бюро розслідувань*); б) ініціально-звукові, які творяться з початкових звуків кожного слова, що входять до складу скорочуваної назви: читаються вони як і всяке інше слово (*ДАІ ← державна автоінспекція, ОАІС ← об’єднана автоматизована інформаційна система, ОЗУ ← особливо злочинне угруповання, УБОЗ ← управління по боротьбі з організованою злочинністю*); в) літерно-цифрові, або звуково-цифрові абревіатури, у яких до літерного або звукового позначення додаються різні цифрові коефіцієнти (*АК – 3 ← автомат Калашнікова, ПМ – 2 ← пістолет Макарова, ПКД – 34/38 ← пістолет-кулемет конструкції Дегтярьова*); г) літерно-звукові, яких утворено від перших букв слів і які читаються так: частина як ініціально-літерні, а частина – як ініціально-звукові (*ГУМВС ← головне управління Міністерства внутрішніх справ, ДДАІ ← Департамент Державтоінспекції, СУ МВС ← слідче управління Міністерства внутрішніх справ*).

У межах абревіатур цього типу в аналізованому матеріалі не виявлено ініціально-звукових та ініціально-літерних абревіатур, запозичених з інших мов.

Комбіновані, або змішані абревіатури, представлено лише термінами, утвореними складанням початкової частини першого слова з другим, у якому пропущена середня частина (*військомат ← військовий комісаріат, райкомат ← районний комісаріат*), а поскладово-ініціальних утворень не виявлено.

Отже, під час дослідження з’ясовано, що найактивнішим структурним видом юридичних термінів-абревіатур є ініціальний, менш уживаними виявились прості та часткові абревіатури, і майже не представлені – комбіновані. Юридичні терміни абревіатурного типу є невід’ємним компонентом сучасної української юридичної термінології, бо абревіація є зручним способом скорочення багатослівних термінологічних назв. Абревіація як важливий фактор практичного використання субмови юридичної спеціальності пов’язана з переданням повідомлення за допомогою найоптимальніших за обсягом та найекономічніших засобів і направлена на підвищення комунікативної функції фахової мови. Термінотворення за участю абревіатур – це процес складної взаємодії індивідуального, яке зумовлене специфікою твірних основ, та загального, що є характерним для всієї галузевої словотвірної системи .

ЛІТЕРАТУРА

1. Шевчук В.Н., Аловердова Н.Р. Особенности аббревиатурной номинации классов кораблей ВМС США// Деривационные типы и гнезда в синхронии и диахронии. -Владивосток, 1989. -С.112-118

2. Склад і структура термінологічної лексики української мови. -К., 1984.-194с.

3. Тронь К.Л. Розвиток абревіатур в українській мові. Дис. канд. філол. наук / Ін-т мовознавства ім. О.О.Потебні АН УРСР.- К.,1969.-310с..

4. Кожан В.І. Абревіатурні одиниці в терміносистемі найменувань сплавів // Теорія та практика термінологічні лексики: Тези доп.республ.наук.-метод.конф. / Ред.кол.: Л.А. Симоненко (відп.ред.) та ін. -К., 1991.-112с.

5. Криміналістика: Підручник для студентів юрид.спец. вищих закладів освіти.-Кол.авторів: Глібко В.М., Дудніков А.Л., Журавель В.А.та ін./За ред.В.Ю. Шепітька.- К., 2001.-684с.

6. Іменем закону.-2001 - 2002.

7. Онуфрієнко Г., Пазюк Н., Полежаєва Н., Руколянська Н. Навчальний російсько-український словник фахової термінолексики для правників (понад 2200 терміноодиниць) /За заг.ред. Г.С.Онуфрієнко. - Запоріжжя, 2001-124с.

8. Шепітько В.Ю. Криміналістика. Енциклопедичний словник (українсько-російський і російсько-український) /За ред. акад. НАН України В.Я.Тація.-Харків, 2001.-560с.

9. Спецкурс з технічної, фізичної та математичної термінології для студентів ступеневої підготовки спеціалістів з вищою технічною освітою: Навч. посібник / Л.Є.Азарова, А.В.Костюк.- Вінниця, 1998.-93с.

УДК 808.2-0.861:802.0

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА XX - XXI ВВ.

Саплин Ю.Ю., к.филол.н.. доцент

Запорожский государственный университет

Статья анализирует социолингвистический аспект изменений в русской культуре последних десятилетий.

Ключевые слова: современный русский язык, социолингвистика, лингвокультура.

Саплін Ю.Ю. АКТУАЛЬНІ СОЦІАЛЬНО-МОВНІ ПРОЦЕСИ В РОСІЙСЬКІЙ КУЛЬТУРІ НА ЗЛАМІ XX-XXI СТ./ Запорізький державний університет, Україна

Стаття аналізує соціолінгвістичний аспект змін у російській лінгвокультурі останніх десятиліть.

Ключові слова: сучасна російська мова, соціолінгвістика, лінгвокультура.

Saplin Y.Y. ACTUAL SOCIOLINGUISTIC PROCESSES IN RUSSIAN CULTURE BORDERING XX-XXI CT. / Zaporizhzhya State University, Ukraine

The article analyses sociolinguistic aspects of Russian linguacultural changes during last decades.

Key words: Modern Russian language, sociolinguistics, linguaculture

Рубеж XX - XXI веков принес русской словесной культуре снижение ее мироого авторитета: русский менталитет в условиях глобализации не предлагает человечеству ни новых идеалов, ни новых (пусть даже иллюзорных) путей разития, предпочитая копировать известные образцы; русская словесно-художественная культура не дает новых эстетически значимых в мировом масштабе произведний (да и в самой России вряд ли сегодня "поэт больше, чем поэт") ; наконец, и русская наука, чтобы быть понятной миру и своевременно закреплять собственные приоритеты, предпочитает английский язык. Таков глобальный социолингистический контекст развития современной русской лингвокультуры. В странах СНГ, хотя de facto русский и остается "языком межнационального общения" , тем не менее юридически считается "языком национального меньшинства", который одними лицами лишается прав на законодательную защиту, а другими - и вовсе рассматривается как средство нарушения общественного порядка (призывы объявить использование русского языка в общественных местах "проявлениями мелкого хулиганства"). Лингвокультурные процессы, характеризующие функционирование русского языка в постсоветских республиках, во многом не совпадают с аналогичными процессами в метрополии, что, по мнению некоторых исследователей (см., напр.,[1]), может вести к превращению русского языка в полиэтнический, с образованием специфических вариантов, типа американского варианта английского или австрийского варианта немецкого. И некоторые факты как будто подтверждают такие прогнозы: например, употребление прилагательного "*бизнесовый*" (*бизнесовые интересы, бизнесовое прошлое Юлии Тимошенко, бизнесовые игры*) в русскоязычной прессе Украины, в то время, как в прессе России в этих случаях, как правило, встречаем несклоняемое прилагательное "*бизнес*" (явный американизм !) -

как всегда, в иноязычном (в нашем случае - украинском) окружении проявляется гиперкорректное употребление и ориентация на предшествующие стадии лингвокультуры. То, что в данном случае словоупотребление поддерживается украиноязычным влиянием, по нашему мнению, лишь частность. Государственные институты не выполняют традиционно возложенных на них прескриптивных функций: "Глубокий экономический, политический, духовный кризис не позволяет русскому языковому обществу целенаправленно заниматься языковым строительством. Эта стройка, как и все другие в сегодняшней России, заброшена: оградительные (правовые, моральные, эстетические) "шлюзы" опущены, "очистительные сооружения" разрушены, никто языковые вкусы русскоговорящих в данный период не формирует"[15].

Современное состояние русского языка и русской коммуникативной культуры в целом вызывает целый спектр разнообразных суждений [9], [10]: от голосов, восторженно приветствующих преодоление тоталитарного наследия, до сетований на оскудение и даже порчу классического - от "Пушкина до Горького" - литературного русского языка. В этом случае не прибавляет оптимизма и эстетика языкового эксперимента "кайфующих от слова" постмодернистов (Дж. Грабович [5, 21]), и радикальное изменение речевого стандарта современных русскоязычных СМИ [8]. И все же изменчивость языковой системы является ее неотъемлемой характеристикой. Причем изменения охватывают как структурные свойства отдельных языковых идиомов, так и структуру языка в совокупности социолингвистических подсистем.

Изменения в ярусных подсистемах активно изучаются в современной русистике(напр., [10], [8], [7]). На поверхности оказываются два наиболее ярких явления - жаргонизация литературной речи и усиление процесса заимствования [7]. Однако, как показывают наблюдения, эти языковые факты могут быть результатом несходных социолингвистиеских процессов, затрагивающих разнообразные сферы общественного и языкового сознания: векторов формирования нормативной базы, прескриптивной деятельности, речевого стандарта, этикета, дискурса и др.

С другой стороны, типологически сходные языковые явления и процессы нынешнего и предшествующего ("советского" или "совдеповского") этапов развития русской лингвокультуры могут отражать социально различные тенденции. Давно замечено, что официальный язык любого социума эвфемистичен [6]. Однако эвфемистичность "новояза" объясняется идеологическими причинами (демонстрация лояльности в рамках ритуально-мифологического дискурса - "*обслуга"* вместо "*прислуга", "космополиты"* вместо *"евреи", "партия"* вместо *"высшее руководство" , "гласность"* вместо "*свобода слова*"), а эвфемистичность современного официоза - политкорректностью ("*нетрадиционная ориентация*" - "*гомосексуализм*", "*нетрадиционная медицина*" - "*знахарство*", "*народный целитель*" - "*знахарь*", "*эротолог*" - "*сексопатолог*", "*у него проблемы с наркотиками"* - "*наркоман", "Симпатичные девушки скрасят досуг состоятельных господ"* - *"Проститутки окажут интимные услуги").*

По нашему мнению, тенденции развития современной русской лингвокультуры прихотливо соединяют новации, вызванные процессом глобализации общественной и культурной жизни человечества, сдвиги, вызванные изменениями в социальной структуре носителей социолингистических подсистем (литературного языка, жаргонов и т.п.) соременного русского языка, сознательное и неосознанное отталкивание от канонов советского "новояза" (и в словаре, и в дискурсе), а также возврат к прерванной в начале прошлого века традиции. Пожалуй, нагляднее всего это проявляется в речевом этикете: с одной стороны, возрождаются обращения типа *отче, владыко,* а с другой - появляются американизированные именования-диады и триады типа *президент Борис Ельцин, вице-премьер Матвиенко, Михаил Касьянов (*нынешний Премьер России), *Виктор Геращенко* (бывший Председатель Центробанка России). Заметим, что раньше такое употребление было характерно только для среды творческой интеллигенции, а также для именования ее представителей - *балерина Майя Плисецкая, диктор Валентина Леонтьева, писатель Анатолий Алексин (* при этом в обращениях за пределами "своего круга" сохранялось именование по имени и отчеству - *Майя Михайловна*, *Анатолий Георгиевич*, *Валентина Михайловна*). В письменной коммуникации в последние 5-10 лет появляются латинизированные автоименования (напр., *Zемфира, МультFильмы*), латинская графика начинает использоваться как знак "своего" коммуниканта (например, *Kaz(Z)антип* в чат-переписке рокеров) (См. подробнее [12]). Псевдонимы перестают напоминать обычные (в социальной норме) имена - *ДеЦл, Лика Стар, Лада Дэнс, Лева БИ-2* (в последнем случае БИ-2 функционирует уже как фамилия, тем более что и второй участник дуэта имеет подобную добавку к неофициальному имени). Утрата обращения "*товарищ*" тем не менее не привела к повсеместному распространению "*господин*": для современного русского общества характерен возврат к детализации коммуникативных регистров в ситуациях официального общения - об этом достаточно выразительно говорит русскоязычный эстонский писатель М.И.Веллер, детство и юность проведший в Ленинграде : " < в России > вдруг замечаешь, что ты не так одет: негладящиеся штаны и рубашки вольных европейцев, интеллектуалов и профессуры неуместны среди двубортных костюмов старших банковских клерков <...>, а сьют при галстуке не вписывается меж растянутых свитеров <...>. Не понимаешь выражения глаз и голоса при официальном знакомстве: тебя изучают, оценивают, взвешивают, чтобы избрать стиль общения согласно твоему положению: единой и равной для всех дистанции официального общения не существует, а ошибочная нелепа" [3, 368].

Аналогичные объяснения могут быть предложены и для тенденции к жаргонизации литературной речи. Л.П.Крысин считает, что жаргонизация является следствием приобщения к публичной речевой деятельности новых социальных групп, которые в своей речевой практике и лингвистических привычках тяготеют к некодифицированным (жаргонным, просторечным и др.) формам русского языка[7]. Еще одну причину этот же исследоатель видит в социально=историческом опыте социума : массовом приобщении представителей разных социальных слоев к "блатной музыке" в 30-50-е гг XX века (период сталинских репрессий) [7]. Не отрицая роли названных факторов, тем не менее укажем, что жаргонизацию как способ пополнения словарного состава литературного языка, расширения его стилистической палитры отмечают и в чешском, и в голландском языках XX века (см.[8], [14, 119]). Тем более что "лагерный опыт" вовсе не обязательно вел к изменению языковых привычек интеллигентов: " *В какие дали кара их гнала! И в проволочном скрежете, рычанье мне виделись Инта, Караганда над чопорными чашечками чаю. К старухам не пристал налет блатной, и в стеганках, служивших им без срока, одергивали чей-то мат блажной надменным взором незнакомок Блока* " (Е.Евтушенко). Можно заметить, что русский язык полноценно ощутил жаргонизацию даже несколько позже других европейских языков. Среди других социально-культурных факторов, способствующих жаргонизации, назовем отталкивание от официального дискурса (снижение пафосности) в альтернативном дискурсе, который, в свою очередь становится доминирующим при смене социально-идеологической ориентации общества; к тому же формирование альтернативного (нонконформистского) дискурса происходило в деформированной социальной среде -"кухня", "котельная", "дворницкая",- что неизбежно формировало привычку к употреблению сниженных языковых средств (между прочим, русская поэзия и проза 70-90-х гг. XX века фрагментарно отразила это явление: А.Вознесенский писал об уходе интеллигенции в жаргон, своеобразный речевой быт фрондирующей и действительно нонконформистской интеллигенции воссоздается в произведениях С.Есина, Н.Коляды, А.Курчаткина, А.Кузнецова, В.Маканина, Л.Петрушеской и др.). Разумеется, жаргонизация и вульгаризация поддерживаются сегодняшней постмодернистской эстетикой : в этой связи показательны рассуждения о сквернословии (так, В.Сорокин считает владение обсценной лексикой - "матом" - чем-то сродни владению десятью пальцами руки, в отличие от "неполноценности" рафинированной литературной речи; многократно хвалил вульгаризованную речь как "нормальный язык" скандальный Э.Лимонов). Сознательное преодоление наследия советского "новояза" проявляется в таком виде языковой игры, как "стеб" [6], который поневоле в целях семантико-стилистического снижения новоязовских клише вынужден часто прибегать к жаргонизмам. Наконец, жаргоны - это ранее мало использованный источник пополнения экспрессивных средств языка, которые постоянно являются дефицитом системы из-за постепенного "стирания" экспрессии необычности и новизны. Спорадичность введения жаргонизмов в сферу экспрессивно-стилистических средств литературного языка (в XIX - XX вв преимуществом пользовались диалектные, профессиональные и просторечные элементы) объяснялась, по нашему мнению, отсутствием в русском языке т.н. "сленга" - широкого интержаргона, формирование которого мы наблюдаем в конце XX века.

Наконец, жаргонное и просторечное, в том числе в "стебе", может выполнять роль "отсылочных слов" в т.н. бессубъектном дискурсе. И в этом отношении связываются с интертекстуальными тенденциями в современной лингвокультуре, не только русской, стилистической поливалентностью и "коллажированностью" (как не вспомнить здесь о появлении "романов культуры"- "Москва-Петушки" Вен.Ерофеева, цикле романов об Эрнесте Фандорине Б.Акунина и даже о последних романах А.Марининой, роли языка как персонажа в ряде рассказов В.М.Шукшина, в которых за вычетом "Самоговорящего бытия" - "языка как дома бытия" (Хайдеггер) остальное весьма тривиально и часто может рассматриваться на уровне бытового анекдота).

Изменения в общественном сознании носителей современного русского языка: в корпусе доминирующих общественно-политических идей, в нормативно-ценностной базе, в шкале и полярности социальных и социально-идеологических оценок - привели к изменениям в структуре лингвомифологических ориентаций как элементе социально-семантического компонента картины мира современного русскоязычного социума и, уже, современной русскоязычной личности. Так, на смену архаическим лингвомифологемам "семьи", "долга", "пути" приходят более современные лингвомифологемы "партнерства", "выбора", "личности", что в первую очередь проявляется в актуальных наборах публицистических метафор: ср. частотные в 40-80-е гг. выражения "Родина-мать", "семья братских народов", "отец народов", "родное государство", "отеческая забота государства о детях", "сыновний долг" (о службе в Вооруженных Силах СССР), "пятнадцать республик-сестер", "учительница как мать", "этапы большого пути", "партия - наш рулевой" и др. О том, что мы имеем дело не просто с серийной метафорикой, а именно с лингвомифологемами картины мира свидетельствует тиражируемость этих семантических структур в других семиотических пространствах.

Поскольку язык является общественным явлением, то для него не являются чуждыми и те свойства, которые присущи социальным феноменам как таковым. В частности, это относится к моде на словоупотребления. Нам уже приходилось писать о зависимости лексческой моды от доминант

общественного сознания и сдвигов в нем[11]. Смена идеологической парадигмы не отменила действия принципа социальной оценочности. Он продолжает действовать и формирует, как и в прошлом, важнейший разряд лексики газеты - концептуальную лексику, своеобразные ключевые слова: если, скажем, для 70-х гг XX века модной идеологемой (и частотным элементом общественно-политического словаря) была *классовость*, в годы "перестройки" (80-е гг. XX в.) - *плюрализм*, то сегодня это место занимает слово *демократия.* Однако мода захватывает не только сферу политической коммуникации. Мода выступает как своеобразный коммуникативный стереотип, языковой штамп, стилистический шаблон. Теоретическая модель моды, помимо первого элемента моды, модных объектов, включает второй элемент - ядро модных ценностей, реальных регуляторов поведения, к которым относятся современность, универсальность, демонстративность и игра [4]. Модное слово обладает новизной, широкой употребительностью в среде элитных языковых личностей, отражает концептуальные доминанты общественно-языкового сознания в определенный момент исторического времени."Модное слово благодаря своей демонстративности становится маркером для адекватной оценки субъектов общения и быстрой экспрессивной демонстрации своего Я"[4]. Модное слово должно обладать способностью к семантической сатиации. По нашему мнению, такими свойствами обладает современное слово *бренд*.

Появление среди модных слова из арсенала информационных технологий весьма симптоматично. Мы отчетливо видим, как изменяется сам тип русской лингвокультуры, доминантой которой становится не художественно-эстетическая (как в XIX - XX вв.), а риторическая (коммуникативно-прагматическая) составляющая (См., в частн. [2], [8]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин В.П. Русский язык: тенденции развития // Конгресс русистов-исследователей: Тезисы докладов.- http: // www.philol.msu.ru/
2. Беломорец В.П., Саплин Ю.Ю. Риторический идеал: экстралингвальный и лингводидактический аспекты // Нова філологія.- 2002.- №1.- С.211-213
3. Веллер М.И. Ножик Сережи Довлатова // Веллер М.И. А вот те шиш!- М.: Вагриус,1994.-С.311-383
4. Вепрева И.Т. О феномене моды в языке // Конгресс русистов-исследователей: Тезисы докладов.- http: // www.philol.msu.ru/
5. Грабович Дж. Кохання з відьмами // Критика.-1998.-№1.-С.20-25
6. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания.-1996.-№3.-С.23-31
7. Крысин Л.П. Русский язык на рубеже веков // Русская речь.-2000.-№1.-С.28-40.
8. Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации // Вопросы языкознания.-2001.-№1.-С.98-132.
9. Русский литературный язык на современном этапе его развития: несколько оценочных суждений // Вестник Моск. ун-та. Сер.9. Филология.-2002.-№2.-С.81-108.
10. Русский язык конца XX столетия (1985-1995).-М.:Языки русской культуры,1996. - 480 с.
11. Саплін Ю.Ю. До питання про соціально-мовні процеси, пов’язані з поповненням народно-розмовної лексики // Науково-технічна революція і сучасні процеси розвитку лексики української народно-розмовної мови: Тези доп. респ. Конф.- Ужгород / УжДУ.- 1989.- С.128-130
12. Саплін Ю.Ю. Елементи латиниці в кириличному тексті // Гуманітарний вісник. Серія: Іноземна філологія. -№5. - Черкаси,2001.-С.168-171.
13. Сковородников А.П. Лингвистическая экология // Филологические науки.-1996.- №2.- С.42-49.
14. Халипов С.Г. Рец.: Нидерландско-русский словарь / Сост. С.А.Миронов и др.- М.,1987 // Вестник Ленинградского университета. Сер.2: История.Языкознание.Литературоведение.-1990.-Вып.1.-С.119-120.
15. Шаховский В.И. Влияют ли американизмы на историческую судьбу России и русского языка? // Конгресс русистов-исследователей: Тезисы докладов.-http: // www.philol.msu.ru/

УДК 82.091 : [821.111Б + 821.161.1Д]

ДЖ. БАЙРОН И Ф. ДОСТОЕВСКИЙ (ОБЩНОСТЬ ПРОБЛЕМАТИКИ, ЛИТЕРАТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЕ РОДСТВО ОБРАЗОВ)

Сахарова Я.О., аспирант

Запорожский государственный университет

В статье исследуется отношение Ф.М. Достоевского к Дж. Г. Байрону, выявляется общность проблематики, а также обосновывается литературно-генетическое родство образов в произведениях вышеуказанных писателей.

Ключевые слова: образ, мотив, байронический тип, преступление, покаяние, знание и вера, гуманизм, первородний грех, апокалипсис.

Сахарова Я.О. ДЖ. БАЙРОН І Ф. ДОСТОЄВСЬКИЙ / Запорізький державний університет, Україна

У статті досліджується ставлення Ф.М. Достоєвського до творчої спадщини Дж. Г. Байрона, виявляється спільність проблематики, а також обґрунтовується літературно-генетична спорідненість деяких образів у творах вищеназваних письменників.

Ключові слова: образ, мотив, байронічний тип, злочин, покаяння, знання і віра, гуманізм, первородний гріх, апокаліпсис.

Sakharova J.O. J.BAYRONE AND F. DOSTOJEVSKIY. / Zaporizhzhya State University, Ukraine

In the article the attitude of F.M.Dostojevskiy to J.G.Bayrone is studied, the generelity of this problematic is lightning, the relationship of literary-gynetic characters in the works of above-mentioned authors is proved.

Key words: character, motive, bayrone type, crime, repentance,knowledge and faith, humanism, first sin, apokalipsis.

Отношение Ф. Достоевского к Дж. Байрону не было однозначным. Русский писатель был хорошо знаком с творчеством английского поэта и, как видно из его письма брату, М. М. Достоевскому, от 1 января 1840 года, некоторые произведения Дж. Байрона знал наизусть (например, поэму «Шильонский узник») и вспоминал их, когда ему было «грустно жить без надежды» [1, 28, 406]. Кроме того, Фёдор Михайлович интересовался и биографией Дж. Байрона, его семейной трагедией; запись в подготовительных материалах к роману «Подросток» свидетельствует о том, что жена Байрона, Анабелла Мильбенк, стала прототипом генеральши Ахмаковой («Подросток»)[1, 16, 87; 17, 408]. И именно Достоевский даёт глубокую оценку исторического значения великого английского поэта в связи с положением в Западной Европе, создавшимся после Великой французской революции, когда «всё задыхалось под страшно понизившимся и сузившимся над человечеством прежним его горизонтом»: «В его звуках зазвучала тогдашняя тоска человечества и мрачное разочарование его в своём назначении и обманувших его идеалах… Это была новая и неслыханная ещё тогда муза мести и печали, проклятия и отчаяния. Дух байронизма вдруг пронёсся как бы по всему человечеству, всё оно откликнулось ему …» [1, 26, 113]. Эта оценка появилась в «Дневнике писателя» за декабрь 1877 года. Позже Достоевский подтверждал своё определение: «Байронизм был великое служение человечеству» [1, 26, 199]. Писатель неизменно рассматривал английского поэта в ряду поэтических гениев и считал его творчество необходимым этапом не только в мировой литературе, но и в творческом развитии любого великого писателя, он замечал: «Всякий сильный ум и всякое великодушное сердце не могли миновать байронизма».

В «Выписках и замечаниях» 1861 года Ф.М. Достоевский говорит о возможности «байронического» отношения к прошлому, к истории: «В муках жизни и творчества бывают минуты не то чтоб отчаяния, но беспредельной тоски, какого-то безотчётного позыва, колебания, недоверия и вместе с тем умиления перед прошедшим, могущественно и величаво законченными судьбами исчезнувшего человечества». В этом состоянии, по словам писателя, «байроническом энтузиазме перед идеалами красоты», «мы изливаем часто всю тоску о настоящем…от пламенной жажды жизни и от тоски по идеалу, которого в муках добиваемся» [1, 18, 96].

Но творчество Байрона и, в особенности, его последователей, Ф.М. Достоевский довольно часто оценивает и отрицательно. А по замечанию В.И. Левина, «в начале 60-х годов само слово “байронист” звучало в его устах как тягчайшее и самое что ни есть оскорбительное осуждение, как синоним фразёрства и ничегонеделания» [2, 145]. С иронией, даже сарказмом, говорит Достоевский о доморощенных, «обленившихся Байронах», которые «на досуге страшно растолстели», но и здесь замечет: «недаром жили и вы, господа Байроны, и недаром толстели. Вы жили и протестовали, вы заявляли ваши желания» [1, 18, 67]. Неоднократно упрекал Ф. Достоевский Байрона в эгоизме и суетности.

Такое противоречивое отношение к великому английскому поэту было, вероятно, проявлением характерной для творчества Ф. Достоевского «полифонии», таким же неоднозначным и полифоничным было и отношение писателя к идеям и образам, которые были центральными в творчестве Дж. Байрона.

В творчестве Дж. Байрона и Ф. Достоевского можно найти развитие одних и тех же идей, мотивов, литературно-генетически родственные образы. Можно говорить о развитии байронических типов в творчестве Ф. Достоевского. Русского писателя принято считать автором идеи «сверхчеловека», а это не совсем верно: эта идея возникла и сформировалась задолго до него, в частности, появляется она и в произведениях Дж. Байрона [3, 217]. Байроновский Манфред, благодаря своим знаниям, приблизился к бессмертным: «*Науки, философию, все тайны / Чудесного и всю земную мудрость / Я всё познал и всё постиг мой разум* [4, 2, 40]. Манфред говорит о том, что с юных лет он был отделён от людей, не понимал их, а они – его, и признаётся: «Я с презреньем взирал на жалкий облик человека». И в то же время Манфред признаётся: «*И я мечтал на утре юных дней. / Мечтал быть просветителем народов»* [4, 2, 75].

Подняться над обычными людьми мечтает и Родион Раскольников, он делит людей на «тварей дрожащих» и тех, что «право имеют», его лозунгом становится «цель оправдывает средства», он тоже мечтает принести благо человечеству, но для этого нужно, по его теории, переступить черту моральных законов. После совершения преступления, как и Манфред, Раскольников лишается взаимопонимания с людьми.

По мнению С. Осмоловского, среди черт, которые роднят Дж. Байрона и Ф. Достоевского, можно назвать двойственность внутренних устремлений их центральных героев, таких, как Манфред, Каин, Раскольников, Иван Карамазов и другие: «Их характеры построены на антонимической основе, на противоборстве души и интеллекта» [5, 101]. Страсти, эмоциональные склонности героев Байрона и Достоевского не подчиняются рационалистическим принципам. Манфред, несмотря на приближение к бессмертным духам, не может отстраниться от своего человеческого облика, человеческих чувств, самым главным среди которых является его любовь к Астарте. Раскольников осознаёт, что человек не может безнаказанно преступить черту моральных законов, предписанных свыше. Человек не вмещается в рационалистические рамки: в нём слишком много иррационального, бессознательного. «Отсутствие веры, место которой знания заменить не в силах» [6, 28] становятся причиной трагедии байроновских Каина и Манфреда, так же как и Раскольникова, Ивана Карамазова и других героев Ф.Достоевского.

Изображая байронических типов, Ф.Достоевский показывал трагические последствия деятельности героев-индивидуалистов. Самым ярким и несомненным примером развития байронического типа в творчестве русского писателя является образ Ставрогина («Бесы»). Он унаследовал от своих предшественников демонизм, пессимизм, пресыщенность, но Ф. Достоевский намеревался воплотить в этом образе «трагический вариант» развития темы романтического «демонизма»: «У героев Байрона … «демонизм» был следствием перенесённых героем в прошлом разочарований, вызванных столкновением благородных, вольнолюбивых стремлений со сковывающей и унижающей человека действительностью. Под пеплом разочарования и скептицизма в душе байроновского героя … скрывались горячие искры, которые в любой момент могли разгореться ярким пламенем» [1, 12, 229]. А в душе Ставрогина нет даже искры этого огня, он не проявляет ни малейшего интереса к нуждам окружающих его людей, он занят лишь собою и именно поэтому «болезненно ощущает в себе зияющую «роковую» пустоту».

У Ф.Достоевского можно встретить и, условно говоря, пародийное снижение байронического типа. Речь идёт об образе Смердякова. В рукописных редакциях к «Братьям Карамазовым» находим такое высказывание: «Слабоумный идиот Смердяков, преображённый в какого-то байроновского героя, мстящего обществу за свою незаконнорожденность, - разве это не поэма в байроновском вкусе?» [1, 15, 174]. Такое понимание “поэмы в байроновском вкусе” саркастично и пародийно: гордый человек, стремящийся к свободе прежде всего, превращается в какого-то мерзкого шута.

В «Записках из подполья» Ф. Достоевский создаёт образ «парадоксалиста», который стремится думать, представлять и даже действовать по книжкам. И на первом месте среди книг, на которые он ориентируется, «вошедших в его плоть и кровь, управляющих его поступками, обуславливающих его отношения с окружающими, с обществом, с миром» [2, 148] стоит байроновский “Манфред”.

Можно сказать, что герои Дж. Байрона (Каин и Манфред) и герои Ф. Достоевского (Раскольников, И. Карамазов, Ставрогин, подпольный парадоксалист и другие) обладают литературно-генетическим родством. Однако отношение русского писателя к таким героям было противоречивым. С одной стороны, он разоблачает демоническую личность, её аморальную сущность, показывает, что демонизм в своём развитии приводит к преступлению, к «бесовщине», к «всё дозволено». С другой стороны, он наделяет своих героев такой силой отрицания, такой привлекательностью правоты их убеждений, что поневоле оказываешься в сомнении: так ли они преступны? Однако и в творчестве Дж. Байрона индивидуализм изображается не одинаково: в «Каине» и «Манфреде» мы видим всю безысходность и трагичность героев-индивидуалистов.

В творчестве Ф. Достоевского и Дж. Байрона можно найти и обращение к одним и тем же сюжетам, решение одних и тех же философских проблем, таких, как насилие и гуманизм, знание и вера, свобода и определённость. Развивают в своих произведениях писатели и тему преступления и наказания. В центре

мистерии Дж. Байрона «Каин» находится сюжет первого преступления на Земле. Наказанием убийце становится вечное изгнание и… защита от людского возмездия, ангел, посланный Богом провозглашает: *«… скитальцем бесприютным / Ты будешь жить отныне…»*[4, 2, 462]:

Мой бог велит мне положить печать
На Каина, чтоб он в своих скитаньях
Был невредим. Тому в семь раз воздастся,
Кто посягнёт на Каина. [4, 2, 463]

На чело Родиона Раскольникова тоже ложится своеобразная «Каинова печать» [7], его наказанием становится отчуждение от общества. И Каин, и Раскольников не принимают призыва Бога к покаянию. Для Каина этот призыв звучит в вопросе: «Где брат твой, Авель?», но, вместо раскаяния, он лжёт Всевидящему: «Я разве сторож Авеля?». «Для Раскольникова призыв к покаянию звучит в событиях его жизни: он получает весть – повестку из полиции с требованием явиться» [7, 8]. И он бы даже хотел, чтобы его вынудили признаться, хотел быть пойманным, но покаяние – это акт свободной воли, и он его не совершает. Тема Каиновой печати говорит о двузначности наказания преступников: они совершенно охранены от преследования и отлучены от людей. Дж. Байрон изображает убийство Авеля Каином как случайное, «непреднамеренное», как следствие его бунта против «тирана»: Авель просто встал на пути его гнева. Для Раскольникова убийство тоже не самоцель, а «проба», чтобы доказать самому себе, что он избранный. Может, именно это становится причиной того, что убийцы не чувствуют себя виновными или даже неправыми. Если говорить словами Аббата из «Манфреда»: «Начало же спасения – сознанье / Его необходимости». В этом произведении также появляется тема покаяния. К смирению и покаянию призывает Манфреда не только Аббат, но и представитель простого народа – охотник, он призывает Манфреда к покорности, говорит, что любой грех может быть искуплён, путь искупления – «*Терпение, смиренье и молитва…*» [4, т.2, с.53].

Раскольникова к покаянию призывает Соня Мармеладова: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрёстке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все стороны и скажи всем вслух: «Я убил». Тогда Бог опять тебе жизнь пошлёт». По мнению З. Кирилюк, тема покаяния в «Преступлении и наказании» – средство разрешения конфликта [10, с.46]. В произведениях Дж. Байрона эта тема такой функции не имеет: покаяние изначально недоступно для байроновских героев.

Среди общих сюжетов и мотивов в творчестве Ф. Достоевского и Дж. Байрона для нас особенный интерес представляют те, которые связаны с Библией. Это грехопадение, апокалипсис и другие.

Если говорить об интерпретации писателями легенды о первородном грехе, то профессор В.Н. Тихомиров выделяет в мировой литературе три этапных произведения, посвящённых трактовке грехопадения: «Потерянный рай» Мильтона, «Каин» Байрона, «Братья Карамазовы» Достоевского [8, 4]. Интерпретация этой легенды предусматривает решение ряда морально-философских проблем и, прежде всего, соотношение веры и знания. При таком подходе тема первородного греха является одной из центральных в творчестве Ф. Достоевского, да и в произведениях Дж. Байрона встречается не однажды. В повести «Сон смешного человека» Ф. Достоевский своеобразно воссоздаёт образ земного рая. Люди, живущие в нём, не знали грехопадения, они «не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся осознать его, потому что их жизнь была наполненной» [1, 16, 390]. «Дети солнца, дети своего солнца, - о, как они были прекрасны!.. Они были резвы и веселы как дети. Они блуждали по своим прекрасным рощам и лесам, они пели свои прекрасные песни». И вот в этот совершенный мир попадает герой повести, простой чиновник, маленький человек из современной Ф. Достоевскому действительности. И хотя герой чувствовал, что в присутствии этих невинных людей и его сердце становится невинным и правдивым, он не смог полностью слиться с обитателями «рая», он сохраняет в себе «семена индивидуализма, связанные с его прежней жизнью на земле» [9, 75]. Этим он развратил этих чистых людей, стал причиной их грехопадения: «Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю… Началась борьба за разъединение, за обособление, за личность, за моё и твоё», и в конце концов люди провозгласили: «Знание – выше чувства, осознание жизни – выше жизни, … а знание законов счастья – выше счастья». Ф. Достоевский показывает, что сами научные знания, установление каких-то законов становится причиной страданий и разобщённости людей.

По-иному решает тему первородного греха Дж. Байрон. Каин видит причину страданий людей исключительно в тирании Бога, который таким образом наказывает их за ослушание. Он провозглашает моральное право Адама и Евы пользоваться плодами с Древа знания. Ева называет Каина созревшим «плодом запрещённого древа», потому что в нём кипит жажда знаний и недовольство устройством мира. Он чувствует свою раздвоенность в мире, в чём признаётся Люциферу: «*… чувствую, что в мире / Ничтожен я, меж тем как мысль моя / Сильна как бог!*» [4, 2, 393]. Для Каина «знание есть благо», но он сетует на то, что «райский плод…не дал знанья, а дал лишь смерть». Однако и он, подобно Манфреду,

узнаёт, что «в знании нет счастья» и приходит к выводу: «*Прав же был творец, / Велевший не касаться древа знанья.* [4, т.2, с.432]. Однако он продолжает упрекать Бога за то, что в мире существует зло, что страдают безгрешные люди. Так, тема первородного греха включает в себя проблему гуманизма. На предположение Ады, что когда-нибудь род Адама будет спасён «искупительною жертвой», Каин восклицает:

... Искупленье!
Но мы в чём виноваты? Почему
Я должен пасть за грех, не мной свершённый,
Иль от другого жертвы ждать за этот
Таинственный и безыменный грех,
Весь состоявший только в жажде знанья? [4,.2, 446]

Иван Карамазов тоже протестует против мира, где царит зло. Он вопрошает Бога уже не за себя, и вообще не за взрослых людей – «Те яблоко съели», - а за безгрешных деток и не может принять гармонии, основанной хотя бы на одной слезинке ребёнка. Это гуманизм, но вместе с тем, это бунт против Бога, который приводит к отрицанию нравственных законов, к провозглашению вседозволенности, а значит, к обесцениванию человеческой жизни, что, по сути своей, антигуманно. И у Ф. Достоевского, и у Дж. Байрона мы видим трагические последствия такого «гуманизма». Человек должен жить в мире с самим собой, с окружающими, с природой, с Богом, а любой конфликт, тем более бунт – это болезненное состояние, но порой именно через бунт можно прийти к истине. Этот путь, «горнило сомнений», находится в центре творчества Ф. Достоевского. Через грехопадение прошли байроновские Адам и Ева и пришли к смирению, раскаялись искренне, недаром Адам говорит, что «зло лишь путь к добру».

Если говорить о теме апокалипсиса, то Дж. Байрон посвятил ей стихотворение «Тьма», а у Ф. Достоевского мы встречаем её в последнем сне Раскольникова («Преступление и наказание»). Но у Дж. Байрона конец света связан с внешней причиной, с космическим катаклизмом: «*Погасло солнце светлое, и звёзды / Скиталися без цели, без лучей*» [4, 1, 112]. А у Ф. Достоевского причина внутренняя: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей… Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими… Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нём одном и заключается истина. Однако и у Дж. Байрона, и у Ф. Достоевского в последние дни мира показана вражда людей, война. В «Тьме»: «... *Снова вспыхнула война, / Погасшая на время... Любви не стало, вся земля полна / Была одной лишь мыслью: смерти, - смерти / Бесславной неизбежной.* [4, 1, 113]. В «Преступлении и наказании»: «Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе». Но Ф. Достоевский говорит о том, что в мире осталось несколько избранных, которых никто не видел и не слышал, но которые начнут новую, лучшую жизнь на земле, а у Дж. Байрона «мир был пуст», осталась только тьма.

Философско-религиозная направленность проблематики, интерес к внутреннему миру персонажей сближает творческое наследие Ф. Достоевского и Дж. Байрона и обусловливает общность мотивов и сюжетов (мотивы преступления, покаяния, библейские сюжеты и другие). При этом писатели создают идейно и психологически родственные образы. Это свидетельствует о необходимости более пристального внимания к проблеме соотношения художественных произведений Ф. Достоевского и Дж. Байрона как в идейном, так и в сюжетном аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1974 – 1991.
2. Левин В. Достоевский, “подпольный парадоксалист” и Лермонтов // Известия АН СССР. – 1972. – Т. 31. – Вып 2. – С. 142 – 157.
3. Фридлендер Г. Достоевский и мировая литература. – М.: Художественная литература, 1979.
4. Байрон Дж. Сочинения: В 3т. – М.: Художественная литература, 1974.
5. Осмоловский О. Достоевский и Байрон (к постановке проблемы) // Вопросы русской литературы. – Львов, 1977. – Вып. 1 (29). – С. 100 – 107.
6. Бережная Н. Проблема веры и знания в творчестве Дж. Байрона // Вісник ЗДУ. – 2001. - № 3. – С. 23 – 27.
7. Московцева Н., Авдеенко Е. Каинова печать // Литература. – 1999. - № 12. – С.8 – 12.
8. Тихомиров В.Н. Древо знания // Литература и философия. – Запорожье: ЗГУ, 1992. – С.3 – 10.
9. Николина Н.А. Стиль и композиция рассказа “Сон смешного человека” // Русский язык в школе. – 1996. - № 4. – С. 73 – 79.
10. Кирилюк З. Вечные темы в творчестве Достоевского // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. – 2000. - № 1. – С. 43 – 46.

УДК 821.161. 1М – 1. 09

ИММАНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ О.МАНДЕЛЬШТАМА "ИМПРЕССИОНИЗМ".

Солдаткин Д.В., бакалавр, студент – магистрант

Запорожский государственный университет

Данная статья анализирует актуальные аспекты изучения поэтики О. Э. Мандельштама.
Ключевые слова: имманентный анализ, импрессионизм, фоника, элемент сюрреализма

Солдаткін Д.В. ІМАНЕНТНИЙ АНАЛІЗ ВІРША О.Е. МАНДЕЛЬШТАМА “ ІМПРЕСІОНІЗМ” / Запорізький державний університет, Україна
Подана стаття аналізує актуальні аспекти вивчення поетики О. Е. Мандельштама.
Ключові слова: іманентний аналіз, імпресіонизм, фоніка, елемент сюрреалізму

Soldatkin D.V. THE IMMANENT ANALYSIS OF THE POEM “ IMPRESSIONISM” BY O.E. MANDELSHTAM / Zaporizhzhya State University, Ukraine
This article analyses the topical questions concerning the learning of Mandelshtam’s poetics.
Key words : immanent analysis, impressionism, phonic, the element of surrealizm

1. Повод. Не вошедшее в текст главы "Французы" ("Путешествие в Армению") описание роскошных плотных сиреней (художественный шедевр французского импрессиониста Клода Моне "Сирень на солнце") провинции Иль де Франс, некогда центра королевских владений, стало основой известного лирического произведения Осипа Мандельштама "Импрессионизм", написанного поэтом в мае 1932 года, в год возвращения поэта из путешествия по Армении в Москву. Стихотворение было опубликовано в так называемом "Московском цикле стихов" (1931-1933 гг.).

2. Тема. Она может быть определена как *смерть - жизнь*. Данная антитезная конструкция - основное фабульное звено, каркас лирического произведения, о чем свидетельствует семантика слов: "обморок", "струпья", "густота", "духота", "запекшееся лето", "повара на кухне готовят жирных голубей", но в то же время переход в грамматическое настоящее время, говорящее о продолжении жизни: "и в этом солнечном развале уже хозяйничает шмель". Заметим, что шмель - образ-символ, ассоциирующийся у поэта - акмеиста с жизнью. Символ, почерпнутый из наследия античности. Умирает ("вянет") в "духоте запекшегося лета" сирень, но живет ("хозяйничает") на солнце и распоряжается ароматом обморочных цветов шмель.

3. "И красок звучные ступени…". Само понятие "Иль де Франс" как понятие, связанное с более широким культурным смыслом (в частности, с рождением готики) из стихотворения ушло; зато в описании процесса создания картины неожиданно участвует архитектурный образ - "звучные ступени", - и этот процесс тем самым уподобляется "архитектурно-обоснованному восхождению", что в свою очередь ведет к некоему опредмечиванию музыки ("звучные ступени"), свойственному художникам - импрессионистам.

Известно, что архитектуру импрессионисты сопоставляли с музыкой, точнее, с застывшей музыкой. "Красок звучные ступени" как некий строительный материал возводят конструкцию всего стихотворения Мандельштама. Конструирующая функция, как полагает поэт, из аморфного материала создает форму, организует ритм, монтирует голограмму строфы и в целом лирического произведения.

4. Художник - холст. Творческий человек, живописец, мастерски выполняющий свою работу, "понял масла густоту", не имеющий четких критериев "узнаваемости" в тексте (особенность импрессионистического мировоззрения), изображает маслом на холсте (так как именно холст предназначен для писания маслом) глубокий (апогейный) обморок сирени. У Мандельштама художник - субстант, уловивший мгновенье ("отрывочный штрих" импрессионизма), зафиксировавший его густоту, насыщенность, музыкальность, "расширенность в духоту". Все это было спровоцировано "лиловым мозгом" (руководящим центром, ядром), а именно, солнцем.

5. Подтекст. Читатель (зритель) в подтексте (вспомним "айсберг" Хемингуэя) попадает в поэтическое пространство четырехмерного измерения. По мнению Мандельштама, плохо, когда в стихотворение попадают вещи трехмерные. В данном подспудном, неявном смысле, не совпадающем с прямым смыслом текста, возникают подсознательные образы - ассоциации: звуковые ("свисток", "хлыст"), обонятельные ("повара на кухне готовят жирных голубей"), зрительные (смена теней, затухание спички) и т.п. Намечается авторский уход от серой обыденности в зону приземленно - изысканного: угадывающуюся качель, недомалеванную вуаль. Отсутствие статичности образа, иллюзорность и мерцательность - показатели недосказанности, отсутствия четко заданных форм, размытости, что в свою очередь является концептуально важным штрихом в понимании импрессионистического стиля.

6. Фоника. Мандельштам считал, что поэтическую речь оживляет блуждающий, многосмысловой корень, множителем которого как показателем его живучести является согласный звук. "Слово размножается не гласными, а согласными…Согласные - семя и залог потомства языка. Русский стих насыщен согласными и цокает, и щелкает, и свистит ими. Настоящая мирская жизнь" [2,164]. Посмотрим на картину согласных звуков в анализируемом стихотворении, написанном четырехстопным ямбом, состоящем из четырех строф, с опоясывающей рифмой (АББА).

1 стих - х-д-ж-н-к-н-м-з-б-р-з-л-	12 согласных
2 стих - г-л-б-к-й-б-м-р-к-с-р-н-	12 согласных
3 стих - к-р-с-к-з-в-ч-н-с-т-п-н-	12 согласных
4 стих - н-х-л-с-т-к-к-с-т-р-п-п-л-ж-л-	15 согласных
5 стих - н-п-н-л-м-с-л-г-с-т-т-	11 согласных
6 стих - г-з-п-к-ш-с-л-т-	8 согласных
7 стих - л-л-в-м-м-з-г-м-р-з-г-р-т-	13 согласных
8 стих - р-с-ш-р-н-н-в-д-х-т-	10 согласных
9 стих - т-н-т-т-н-в-с-л-л-в-й-	11 согласных
10 стих - с-в-с-т-к-л-х-л-с-т-к-к-с-п-ч-к-т-х-н-т-	20 согласных
11 стих - т-с-к-ж-ш-п-в-р-н-к-х-н-	12 согласных
12 стих - г-т-в-т-ж-р-н-х-г-л-б-й-	12 согласных
13 стих - г-д-в-т-с-к-ч-л-	8 согласных
14 стих - н-д-м-л-в-н-в-л-	8 согласных
15 стих - в-т-м-с-л-н-ч-н-м-р-з-в-л-	13 согласных
16 стих - ж-х-з-й-н-ч-т-ш-м-л-	10 согласных

Господство согласных ощутимо. То есть, стихотворение преимущественно аллитерациативное, нежели ассонансное (чередование гласных постоянно - 8 - 9 - 9 - 8). В первой строфе (экспозиция) - 51 согласный, во второй строфе (завязка) - 42 согласных звука, в третьей строфе (кульминация) - 55 согласных, в четвертой (развязка) – 39. Более полное погружение в характеристику согласных подтверждает вывод Мандельштама, что при отмирании чувства согласной понижается языковое сознание.

7. Элемент сюрреализма. "Ты скажешь: повара на кухне/ Готовят жирных голубей…". На наш взгляд, сюрреальное (сверхреальное) чудо, доказывающее существование другой, хоть и подсознательно, реальности, тот самый "ошеломляющий" образ, представляющий воплощенный в слове результат поиска иного антирационального источника вдохновения, способного изменить наше восприятие действительности, в данном случае художественного шедевра Моне, освободив его от "оков рационального", предсказуемого.

8. Вывод. Стихотворение, построенное на "разбегающихся ассоциациях", объединенных красочным, звуковым и фонетическим колоритом, как закономерно растущая конструкция направляется к замковому камню, выраженному типичным мандельштамовским "уже" и переходом в грамматическое настоящее время, когда произведение становится сущим и начинает жить отдельной, собственной жизнью.

Всего шестнадцать строчек, но как полно, образно и выразительно передана сущность импрессионизма. Стихотворение Мандельштама предстает как математическая формула, указывающая на признаки импрессионистического стиля. Принцип "впечатления" позволил извлечь из обыденных предметов неожиданные свойства. Предметы переданы в мгновенно фиксирующих каждое ощущение штрихах, расположенных хаотично и ни в чем не продолжающих друг друга: "обморок сирени" - "масла густота" - "лиловый мозг" - "жирные голуби" - "качели" - "вуали" - "шмель". Детали в сочетании указывают на более глубокий смысл, нежели заключенный в них самих. Наконец, так называемая "боковая" правда придает стихотворению Осипа Мандельштама необыкновенную яркость и свежесть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. -Тула: Филин, 1994.- Т.1. - 384 с.

2. Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. -Тула: Филин, 1994.- Т.2.- 382 с.

УДК 811: 161.2’42

ТЕКСТ - ОДИН ІЗ ЗАСОБІВ МОДЕЛЮВАННЯ МОВЛЕННЄВОГО СЕРЕДОВИЩА

Сологуб Л.О., к. пед. н.

Полтавський державний педагогічний університет імені В.Г.Короленка

Стаття розглядає комунікативну компетенцію, мовленнєву особистість та властивості тексту в лінгводидактичному аспекті.

Ключові слова: текст, лінгводидактика.

Сологуб Л.Л. ТЕКСТ – ОДИН ИЗ СПОСОБОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ СРЕДЫ /Полтавский государственный педагогический университет имени В.Г.Короленко, Украина

Статья рассматривает коммуникативную компетенцию, языковую личность и свойства текста в лингводидактическом аспекте.

Ключевые слова: текст, лингводидактика.

Sologub L.L. TEXT AS A SOIREE OF SPEECH MODELING / Poltava State pedagogical University named after V.Korolenko, Ukraine

The article diseribes communicative competence, speech and characteristics of text in linguadidactic aspect.

Key words: text, linguadidactics.

Із появою в програмі з мови вимоги вдосконалювати мовленнєві уміння - комунікативну компетенцію - набула особливої актуальності така проблема: пов'язати в одне ціле уроки граматики, орфографії та розвитку мовлення і тим самим уможливити те, щоб функціонально-стилістичний аспект навчання, який має забезпечувати комунікативну компетенцію, став концептуальною сутністю сучасної методики. Мовленнєва особистість, за М.М. Бахтіним, "у її людській специфіці завжди виражає себе (говорить), тобто створює текст" [2, 477].

Великої ваги нині набуває робота за мовленнєвими взірцями, текстами, зміст яких концентровано має представляти національну культуру українського народу, надбання всього людства.

Текст - методичний засіб, що служить основою не тільки навчального, а й розвивального мовленнєвого середовища. У лінгвістиці текст виступає як категорія, що демонструє "мову в дії". Саме ця якість тексту і дозволяє створити на уроці мовленнєве оточення, мовленнєве середовище, причому не штучне, а цілком природне. Робота з текстом передбачає формування комунікативних умінь і навичок. Від того, які саме комунікативні уміння потрібні для підготовки учнівських висловлювань, у яких взаємозв'язках вони будуть зреалізовані, і залежить організація системи навчання тексту.

Які ж основні ознаки тексту повинні бути засвоєні на уроках мови?

Основна ознака - зв'язність. При ознайомленні з поняттям "текст" (5 кл.) чи при узагальненні та систематизації знань про текст у старших класах варто, на нашу думку, з'ясувати етимологію цього слова: текст - запозичене у XVIII ст. з німецької мови, де Text (лат. textus) "словесна єдність", "тканина" від Texo "тчу" [3, 435]. Водночас вдаємось до аналізу слів тканина, ткати, які безпосередньо пов'язані з поняттям "текст", з особливостями його структурування (доторкнутися до словесної тканини, ткати текст).

Звернення до "Нового тлумачного словника української мови" дає можливість учням усвідомити всі значення слова "текст", дібрати приклади до кожного з них [4, 500]. Завдяки цьому школярі глибоко проникають у сутність поняття, розкривають ознаки тексту - зв'язність, єдність, цілісність, завершеність; розуміють особливу роль не лише першого речення, яке є зачином, але й останнього, - іноді й не речення, а слова, бо саме в ідеальному тексті кінець завжди гармонує з початком. Учні мають побачити, відчути цю гармонію - відкриту, або приховану. Усе це сприяє розвиткові мовленнєвого чуття. Відчуття мови розвивається в процесі комплексного аналізу тексту, коли учень спирається на власне, безпосереднє читацьке сприйняття, коли питання та завдання до тексту поглиблюють розуміння сказаного як цілісного мовленнєвого твору.

На уроках мови ми використовуємо різні мовленнєві взірці. Цілеспрямований відбір текстів і завдань, включення кожного уроку в продуману систему роботи - це ті умови, котрі створюють розвиваюче мовленнєве середовище, в основі якого - удосконалення, розвиток мовної інтуїції, мовленнєвого чуття.

Особливої ваги треба надати критеріям відбору тексту та завдань до нього. На наш погляд, потрібно аналізувати висловлювання про мову, слово, про бережне ставлення до мови. Етнокультурологічний принцип у вивченні мови вимагає від учителя використання текстів, які сприяють вихованню патріотичних почуттів, формують громадянина, людину, котра знає, шанує та береже національні надбання. Для сучасного учня особливо важливі тексти, які допомагають відчути себе в гармонії з

оточуючими, формують оптимістичне світосприйняття. У процесі роботи з мовленнєвими взірцями різної функціонально-стильової приналежності школярі знайомляться зі стилістичними особливостями висловлювань, хоча перевага має надаватися текстам, що належать до художньої та публіцистичної сфер.

Працюючи над текстом, учні мають уяснити загальні особливості тексту: будову абзаців, міжфразові зв'язки, стилістичну спеціалізацію. Якщо ж увага зосереджується на художньому тексті, то важливо досліджувати:

а) способи виявлення авторської позиції;

б) роль особливостей мовлення героїв у розкритті змісту;

в) роль абзаців у композиційно-стилістичній структурі тексту;

г) слова, які по-різному називають зображений предмет тощо.

На уроці використовуються спеціальні вправи з текстами. Це дозволяє формувати комунікативні уміння школярів, удосконалювати навички усного та писемного мовлення. Усі вправи класифікуються згідно з типом розумових операцій, які є домінуючими на даному етапі роботи, виділяються аналітичні, аналітико-синтетичні, синтетичні [5, 9]. Коротко охарактеризуємо виділені види вправ.

Аналітичні вправи. Ці вправи є не що інше, як колективна комунікація з автором тексту. Діти вчаться бути читачами, тобто розуміти текст, займати позицію реципієнта (читача чи слухача), намагаються уяснити комунікативне завдання автора, його задум. Із цією метою текст досліджується за всіма мовними рівнями.

Аналітико-синтетичні вправи. При виконанні таких завдань учень працює з кількома текстами, йому потрібно в одному комбінованому, зв'язному, інформативно завершеному викладі впізнати різні його складові. Аналізований вид дозволяє відпрацювати комунікативні позиції слухача (читача), критика, організатора та керівника спілкування. Створити образ автора кожної частини мовленнєвої комбінації допоможе визначення стильової природи висловлювання, його теми, лексико-граматичних особливостей фрагментів. Робота на уроці являє собою досить цікаву рольову гру, у якій учень спочатку диференціює текст, а потім інтегрує в одне ціле окремі речення.

Синтетичні вправи. Цей вид вправ сприяє формуванню умінь створювати текст самостійно, бути його автором, будувати мовленнєве висловлювання, адекватне ситуації. Завдання такого типу допомагають виробленню в школярів уміння компонувати свої тексти, готують учнів до складного творчого процесу.

Головним результатом виконання трьох типів вправ є способи дій, якими оволодівають школярі:

– розуміння задуму тексту, максимально наближене до авторської ідеї;

– відтворення конситуації створення висловлення;

– пояснення тих прийомів і засобів, якими автор досягає реалізації свого задуму;

– розкриття впливу граматичних і стилістичних засобів виразності на оформлення тексту, на його зміст;

– створення власних висловлювань (творів) усного й писемного характеру, адекватних мовленнєвій ситуації.

Завдання синтетичних вправ дозволяють вирішити такі методичні проблеми:

– мотивації до створення мовленнєвої ситуації і, як результат, - до укладання учнями власних текстів;

– розвиток уяви як основи творчого процесу власних висловлювань;

– відпрацювання розумових операцій: пошуки аналогій, загальних ознак, розбіжностей, відмінностей, тобто порівняння, зіставлення, аналіз, синтез, побудова понять.

Для того, щоб створити власний текст, необхідно вдаватися до тих засобів, які діти навчилися бачити в оригінальних доробках письменників, учених, журналістів.

Робота на уроці може бути організована так:

* учні об'єднані у групи (2-3 особи); вони тихо обговорюють завдання, пишуть один текст, який потім заслуховується;

* командна робота: клас ділиться на команди, кожна команда обговорює свій варіант або варіант тексту, а потім доповідає про результати;

* "лабораторія письменника": самостійна робота кожного учня (автора) обговорюється іншими (критиками);

* диспут: серед учнів обирають кількох ведучих (організатори комунікації), які керують обговоренням робіт авторів та виступами адресатів.

Текст - один із засобів моделювання на уроках мови мовленнєвого середовища, спрямованого на формування комунікативних здібностей школярів, на виховання в них чуття слова. За умови, коли кожен урок стане уроком розвитку мовлення й мислення, коли системою на уроці буде аналіз взірців мовлення - текстів, а також поетапне тренування розумових і мовленнєвих умінь, можна буде говорити про виконання основної освітньої мети - виховання комунікативної компетенції школярів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Програми для загальноосвітніх навчальних закладів. Рідна мова. 5-11 кл. - К.: Перун, 2001. - 92 с.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. - М.: Худож. лит., 1986. - 543 с.
3. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. - М.: Просвещение, 1971. - 542 с.
4. Новий тлумачний словник української мови: У 4 т. - К.: Аконіт, 1998. - Т. 3. - 927 с.
5. Пахнова Т.М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды // Русск. язык в шк. - 2000. - № 4. - С.3-11.

УДК 811.161.1’42:[070.16+621.397.13]

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОСТРОЕНИЯ ДИСКУРСА В ТЕЛЕНОВОСТЯХ

Столярова Л.П., д. филол. н., профессор

Днепропетровский национальный университет

Анализируются факторы и компоненты структурной организации дискурса в теленовостях.
Ключевые слова: дискурс, текст, жанр.

Столярова Л.П. ПРО ОСОБЛИВОСТІ ПОБУДОВИ ДИСКУРСУ В ТЕЛЕНОВИНАХ / Дніпропетровський національний університет, Україна

Аналізуються фактори та компоненти структурної організації дискурсу в теленовинах.
Ключові слова: дискурс, текст, жанр.

Stolyarova L.P. ABOUT CHARACTERISTICS OF DISCOURSE’S STRUCTURE IN TV-NEWS/ Dnepropetrovsk National University, Ukraine

The article analyses factors and components of discourse’s structural organization in TV-news.
Key words: discourse, text, genre.

Синтаксическая специфика дискурса в телевизионных передачах типа "Подробности", "Время", "Сегодня", являющихся по своей сути теленовостями, определяется двумя основными факторами, связанными с построением соответствующих передач. Во-первых, это особый и не всегда жёстко регламентированный порядок, а также способ подачи предназначенной телезрителям информации. Во-вторых, - и это не менее существенно - в телевизионных новостях используется, как правило, несколько источников, а в известном смысле и жанров информации, присутствуют разные субъекты её сообщения.

Эфирная информация в телевизионных новостях специальных программ указанного выше типа чаще всего расчленена и подаётся своеобразными порциями, блоками, различными как по объёму, так и по содержательной значимости или по своей прагматической либо социальной направленности. Стандартная, а условно говоря, нормативная ситуация - это трёхкомпонентная структура подаваемой информации: анонс - сообщение - комментарий. Основные составляющие информационного блока - анонс, сообщение диктора и сообщение телекорреспондента - представляют собой относительно самостоятельные тексты, отдельные речевые произведения со своими синтаксическими регуляторами и своим содержательным наполнением. Однако ни одно из указанных составляющих в силу их тесной тематической спайки не может функционировать самостоятельно, оставаясь значимым информационно и будучи ориентированным на достижение какой-то определённой цели.

Самая характерная особенность дискурса в теленовостях - это его расчленённость, сопутствующая, если не всем, то, по крайней мере, большинству информационных блоков. Единица информации оформляется в таком дискурсе совокупностью относительных текстовых фрагментов, которые либо дистанцированы во времени, как это имеет место при анонсировании темы и её последующем развитии, либо принадлежат разным субъектам сообщения, когда диктор и телекорреспондент, сменяя друг друга, развертывают одну и ту же тему. Образуется при этом своеобразная дискурсная цепь, звенья которой:

речь диктора и речь телекорреспондента или какого-либо иного лица, участвующего в программе и дополняющего сделанное диктором сообщение, - сводит в одно целое, в единый информационный блок уже телезритель.

В дискурсной цепи телевизионных новостей достаточно четко выделяются такие ее составляющие:

1. Анонсированное диктором сообщение, одна из основных тем телепередачи.

2. Информация, подаваемая телезрителю самим диктором.

3.Информация, подаваемая телезрителю телекорреспондентом или каким-либо иным лицом, участвующим в программе или комментирующим сообщение диктора.

Первый компонент дискурсной цепи может входить в неё только один раз, второй и третий могут повторяться и даже чередоваться друг с другом. И если анонсированное диктором сообщение обозначить буквой А (анонс), информацию самого диктора - буквой Д (диктор), а третье из указанных составляющих дискурсной цепи - буквой К (корреспондент), то вся дискурсная цепь, соответствующая стандартной и соответственно нормативной трёхкомпонентной структуре подаваемой телезрителю информации, может быть символически представлена так: А-Д- К. Каждый из компонентов этой цепи, безусловно, значим информативно, но ориентирован на достижение какой-либо одной определенной цели. В пределах одной телепередачи новостей таких структур может быть достаточно много.

Обязательным компонентом этой цепи является обычно только среднее её звено - информация, подаваемая телезрителю самим диктором. Крайние же звенья дискурсной цепи могут отсутствовать, причём первый её компонент в рассмотренной нами программе отсутствует в большинстве информационных блоков. В то же время вполне возможно и удлинение трёхкомпонентной дискурсной цепи, если в соответствующем информационном блоке стратифицируется информация, подаваемая диктором и телекорреспондентом. Дискурсные цепи в расчленённом дискурсе могут, таким образом, строиться в результате самых различных комбинаций трёх их основных компонентов.

Степень полноты и степень соответствия анонсу сделанных диктором и корреспондентом сообщений различна, но все они направлены на раскрытие одной и той же темы, а потому формально сообщение конструируется в соответствии с жанром новостей, с их прагматической установкой, в конце концов со спецификой телевещания. Расчлененный дискурс в общественно-политических телевизионных новостях представлен не только нормативной дискурсной цепью, но и форсированной дискурсной цепью, в которой наблюдаются:

1) *редукция* компонентов в нормативной дискурсной цепи (редуцированная дискурсная цепь): только анонс (А); отсутствие анонса и только сообщение диктора (Д); сообщение диктора и корреспондента без предварительного анонсирования темы (Д -К) и т.п. Этот тип форсированной дискурсной цепи используется наиболее активно в передачах новостей в силу жесткого лимита времени;

2) *расширение* нормативной дискурсной цепи (расширенная дискурсная цепь), при котором наряду с компонентами анонс (А) - диктор(Д) - корреспондент (К) включается диктор (Д) или корреспондент (К), или тот и другой одновременно. Структуры расширенной дискурсной цепи: А - Д - К - Д; А - Д - К - Д - К; Д - К - Д; Д - К - Д - К и т.п. Это менее используемый тип дискурса, но более функционально нагружен в силу объемности подаваемого материала. В реализации такого сообщения участвуют, как правило, диктор и несколько корреспондентов, завершает сообщение диктор.

Уникальность новостийного дискурса состоит в его парадоксальности, когда расчлененность порождает единство, целостность. Расчлененный дискурс - специфическое коммуникативное явление, состоящее из нескольких различных по степени полноты информативных фрагментов, литературно обработанных, оформленных в соответствии с языковыми законами и прагматическими установками и ориентированных на восприятие информации в целом.

Реализация всех типов дискурса в телевизионных новостях создает эффект не только разнообразия подачи информации, но и полноты, значимости, важности предлагаемого эфирного сообщения.

УДК 81'25: 811.161.1.09 (0.75.8)

ПРАКТИКУМ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Табарев В.З., к. филол. н., доцент

Запорожский государственный университет

В статье речь идет о теоретическом и практическом содержании спецкурса «Практикум по художественному переводу» и о результатах работы студентов-филологов над переводами с украинского «Поэзия XX века».

Ключевые слова: художественный перевод, оригинал, концепт, ключевые слова, мелодика, ритмика, стопа, рифма, метр.

Табарєв В.З. ПРАКТИКУМ ХУДОЖНЬОГО ПЕРЕКЛАДУ (З ДОСВІДУ РОБОТИ) / Запорізький державний університет, Україна

У статті мова йде про теоретичний та практичний зміст спецкурсу "Практикум з художнього перекладу" та про результати роботи студентів-філологів над перекладом з української "Поезія XX століття".

Ключові слова: художній переклад, оригінал, концепт, ключові слова, мелодика, ритміка, стопа, рима, метр.

Tabarev V.Z. INTERPRETATION OF FICTION (PRACTICAL ASPECTS) / Zaporizhzhya State University, Ukraine

The article deals with the theoretical and practical aspects of "Interpretation of fiction" course. The translation of the 20th century poetry made by the students of the philological department have been analyzed here translate.

Key words: translation of fiction, original, concept, key words, melodics, rhythm, foot, khyme.

Идея приобщения студентов-филологов к художественному поэтическому переводу на кафедре зарубежной литературы Запорожского государственного университета возникла более пяти лет назад. Одним из импульсов стала поэзия Василия Стуса. Прикоснувшись к лирике Стуса, я убедился в безграничных возможностях роскошного украинского Слова, понял, что со временем слава Стуса-художника станет равновеликой славе самого Тараса Шевченко и осознал необходимость популяризации его творчества среди русскоязычного читателя. Выяснил, что небольшие подборки русских переводов В. Стуса появлялись лишь в начале 90-х годов: Льва Беримского («Дружба народов» 1990, №4), Игоря Кручика («Радуга», 1990, №5), Александра Закуренко и Юрия Беликова («Литературное обозрение», 1991, №6). Рискнул перевести несколько стихотворений В. Стуса из сборника «Палимпсесты». Заручившись одобрением и поддержкой коллег-филологов, профессора Турган О.Д., доцентов Хомяк Т.В., Томилиной Г.Я., Васькива Н.С., занялся переводами из Стуса основательно. На научной конференции в Донецке, посвященной 60-летию со дня рождения В. Стуса (1998), мои переводы положительно оценил профессор украинского языка, литературы и славистики Альбертского университета (г. Эдмонтон, Канада), известный поэт Яр Славутич (Григорий Михайлович Жученко). Более того, предложил стать переводчиком его собственных поэтических произведений. В результате в 1999 г. вышел небольшой сборник моих переводов В. Стуса «И край меня услышит» и сборник переводов лирики Яра Славутича «Повернення - Возвращение». Второй сборник редактировал и написал к нему вступительную статью профессор языкознания и поэт, член Союза писателей Украины, В.А. Чабаненко. Национальная российская библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге прислала письмо с благодарностью за эти два сборника и сообщила, что переводы В. Стуса и Я. Славутича были с интересом восприняты читателями на выставке литературных новинок. Таким образом, я получил моральное право предложить кафедре «Практикум по художественному переводу».

Второй год существует научная лаборатория фольклористики и художественного перевода, коллектив которой (старший научный сотрудник, докторант И.Я.Павленко , младшие научные сотрудники и аспиранты Н. Козленко, О. Тёмная, И. Тонких) проделал огромную работу по подготовке и внедрению в учебный процесс «Практикума по художественному переводу».

Художественный перевод осознан нами как сложнейший процесс, предполагающий не только освоение и понимание чужого поэтического языка, чужих эмоций и чувств, но и как пополнение арсенала своего языка, испытание и развитие ресурсов собственной речи и культуры, что так необходимо каждому студенту-филологу.

Приоритетным объектом на занятиях по художественному переводу стала украинская поэзия XX века и, прежде всего, авторы, в прошлом на целые десятилетия закрытые по известным причинам для почитателей лирического творчества. Среди них такие имена, как Б. Антоныч, М. Вороный, М. Драй-Хмара, М. Зеров, Ю. Клен, Б. Лепкый, О. Лятуринская, Евгений Маланюк, Л. Мосендз, О. Ольжич,

М. Орест, М. Семенко, В. Симоненко, Яр Славутич, В.Стус, Е. Телига, Евг. Плужник. Из известных М. Рыльский, М. Бажан, Л. Костенко, Б. Олейник, А. Малышко, Л. Киселёв и другие.

Художественной практике предшествует краткий курс истории и теории художественного перевода, опирающийся на труды Этьена Доле, Фридриха Шлейермахера, Виссариона Белинского, Валерия Брюсова, Николая Гумилёва, Корнея Чуковского, Ивана Кашкина, Михаила Алексеева, Андрея Фёдорова, Ефима Эткинда и других. Обращается внимание на высказывания и мысли мастеров художественного поэтического перевода Василия Жуковского, Федора Тютчева, Василия Курочкина, Александра Блока, Владимира Левика, Георгия Шенгели, Михаила Лозинского, Самуила Маршака, Б. Пастернака, Николая Заболоцкого.

Яркий след в европейской истории перевода оставил Этьен Доле (1509-1546), гуманист французского Возрождения, писатель, переводчик, типограф, предложивший пять правил своей переводческой концепции:

Первое правило. «Переводчику следует прежде всего отчетливо понимать предмет мысли автора и его суждения об этом предмете» [1, 160];

Второе правило. Необходимо «превосходное владение как языком оригинала, так и языком перевода»[1, 160];

Третье правило. Не допускать «пословного» перевода; обращать «внимание не столько на семантические аспекты слов, сколько на их расположение в тексте»[1, 162].

Четвертое правило. По возможности при выборе слов стараться избегать заимствований из иноземного языка.

Пятое правило. Соблюдать нормы ораторской речи, то есть правила «связывания и соединения выражений с такой нежностью, чтобы не только удовлетворена была душа, но и услаждены уши, ибо нет такой гармонии в обычной речи»[1, 165].

В курсе теории полезно познакомить студентов с основными положениями лекции Фридриха Шлейермахера (1768-1834), немецкого протестантского теолога и философа, представителя йенских романтиков, одного из основателей современной герменевтики, «О разных методах перевода». Его суждения о переводе как пути понимания другого, плодотворная попытка предложить систематику и методологию перевода многое разъясняют в извечном противоборстве двух тенденций – ориентации на текст подлинника и ориентации на восприятие своего читателя. Так, размышляя о переводчике, который действительно стремится сблизить писателя и читателя, не принуждая последнего покинуть сферу своего родного языка, и который может обеспечить полноценное наслаждение художественным произведением, Шлейермахер указывает на два направления: «Переводчик либо оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю»[2, 132-133]. Современный теоретик перевода Антуан Берман (Франция) так объясняет эту разницу: «В первом случае переводчик побуждает читателя выйти из себя, децентрироваться насколько возможно, чтобы воспринять иностранного автора в его иностранности; во втором случае он побуждает автора пожертвовать собственной иностранностью, чтобы стать ближе читателю”[3, 123].

В теоретическом курсе нельзя пройти мимо девяти заповедей, изложенных в статье «Переводы стихотворные» (Петроград, 1919) Н.С. Гумилёвым, талантливым русским поэтом и блестящим переводчиком (достаточно вспомнить его переводы с французского из Теофиля Готье). Переводчик должен сохранить следующие параметры оригинала: 1) метр и размер; 2) число строк; 3) чередование рифм; 4) перенос предложения из одной строки в другую; 5) характер рифм; 6) характер словаря; 7) тип сравнений; 8) особые приёмы; 9) переходы тона.

Заслуживают внимания серьёзные теоретико-практические советы К.И. Чуковского, связанные с проблемами воспроизведения образов и мыслей переводимого автора, воспроизведения сюжетных схем, литературной манеры, стиля. В нашем случае чрезвычайно полезными оказались рекомендации К. Чуковского в связи с переводами украинских лириков, в частности Т. Шевченко. К примеру, определённую трудность представляет перевод на русский язык в поэтическом контексте украинского слова «мати». Двустишие Т. Шевченко из поэмы «Наймичка»

Тільки наймичка шептала:
«Мати… мати… мати!»

Чуковский иллюстрирует переводом Льва Мея:

Словно мёртвая стояла:
«Мать! Мать! Мать!» она шептала.

и Фёдора Сологуба:

Лишь батрачка лепетала:
«Матка… матка… матка!»

Оба перевода, по мнению Чуковского, нельзя признать удачными, ибо стилистический оттенок русских «мать» и «матка», сниженно-бытовой, явно контрастирует с украинским «мати», приподнятым, несколько возвышенным. В нашей переводческой практике с подобной трудностью мы столкнулись при переводе двустишия Евг. Маланюка (из стихотворения «Шевченко»):

А ось поруч – усміх, ласка, мати
І садок вешневий коло хати.

Переводившая стихотворение студентка (Оксана Степанко) предложила два варианта. Первый:

Здесь же рядом: мать, улыбка, ласка
И садок вешнёвый, словно сказка.

Этот вариант в определённой степени нарушал гармонию оригинала, потому возник второй:

Здесь же рядом: кров, улыбка, маты
И садок вишнёвый возле хаты.

Сохранив, условно говоря, в украинской транскрипции слово «маты», абсолютно понятное русскоязычному читателю, переводчица сохранила в русском изложении очень важный стилистический оттенок, свойственный лирическому произведению Евгения Маланюка.

В теоретическом разделе упоминаем и создателя фундаментальной школы «реалистического перевода» И.А. Кашкина, категорического противника буквализма в художественном переводе, утверждающего, что «буквальный перевод, передавая слова, а не речь, язык, а не слог, частности, а не целое, не может полноценно передать текст произведений художественной литературы»[4, 377].

По-своему интересны теория “формальной точности” Евгения Ланна, принцип “функционального подобия”, внедрённый Георгием Шенгели и в дальнейшем разработанный Андреем Фёдоровым, фундаментальные труды по проблемам художественного перевода академика Михаила Алексеева.

Следует отметить, что теория перевода и, прежде всего, художественного перевода, - наука, находящаяся ещё на стадии становления. До сегодняшнего времени целый ряд проблем, связанных с ней, не решены и потому вызывают острейшие дискуссии (см., например, материалы Круглого стола на тему “Перевод как испытание культуры”, состоявшегося в июне 2000 года на филологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова – “Вестник Московского университета”. Сер. 9. Филология. 2000. № 6.). Известно, что первоначально наука о художественном переводе возникла как отрасль литературоведения, а позже стала опираться на лингвистику. К концу XX века, по мнению многих учёных, ориентация на лингвистическую основу стала тормозить развитие науки о художественном переводе. Встал вопрос: рассматривать ли теорию перевода “как междисциплинарную науку – самостоятельную и много перспективную”[5, 133]. Среди новаций – “обращение к теории “концепта”, оперирующей на стыке лингвистики, литературоведения, культурологии, этнопсихологии и многих других наук. Под “концептом” понимается некая “универсалия”, “общая идея”, закреплённая в ментальности, психике, языке и воспроизводящая картину мира и стереотипы поведения представителей того или иного этноса … “Ключевые слова” – вербальная форма концептов, составляющих концептосферу национального сознания”[5,133-134].

Переводчик обязан проникнуть в суть «ключевых слов» той культуры, на языке которой написан оригинал, и донести их смысл до своего читателя. Кроме того, в каждом отдельном произведении отдельного автора есть свои внутренние, локальные «концепты», локальные «ключевые слова». Эти опорные слова переводчик должен учитывать в первую очередь.

Практикум по художественному переводу рассчитан на один семестр. В течение этого времени студент готовит два поэтических перевода с украинского. Основные этапы работы над поэтическим переводом:

- получив художественные тексты, студент готовит реферат по творчеству конкретного автора;
- составляется подробный словарик стихотворений (с учетом всего синонимического ряда);
- для уяснения мелодики оригинала создаётся так называемая партитура стихотворений (строфика, ритмика, рифмовка, особенности стихотворной стопы, основные и побочные ударения и т.п.);
- создаётся подстрочник (сначала явно аналогичный, затем доведённый до определённого смысла с помощью локальных «концептов» – «ключевых слов»);
- далее студент даёт подробный анализ стихотворения – оригинала (возможны варианты при наличии двух или трёх подстрочников);

- последний самый сложный и длительный этап – перевод на русский язык в поэтической форме, в процессе которого варьируются варианты и определяется наиболее адекватный оригиналу.

Результат. В 2000 г. – сборник «Здесь – моя Украина». Избранные стихотворения украинских поэтов XX столетия в русских переводах. В сборнике – сорок одно стихотворение восемнадцати украинских авторов. Переводы подготовили тридцать два студента. В 2002 году – «Антология украинской поэзии. Избранные стихотворения украинских поэтов конца 19 – 20 веков в русских переводах». В антологии сто семнадцать стихотворений двадцати четырёх украинских авторов. Над переводами работали шестьдесят два студента. Кроме того, регулярно печатались переводы в областных газетах, в журнале «Хортица», переводы транслировались по радио, звучали в телевизионных передачах, на встречах с читателями в учебных заведениях и библиотеках города. В рамках научной лаборатории под руководством докторанта И.Я. Павленко подготовлен к печати в русском переводе сборник «Запорожское казачество в народных легендах». Готовится к изданию в двуязычном варианте (украинский оригинал и русский перевод) сборник лирики талантливого украинского неоклассика М. Драй-Хмары. Задумана книга новых переводов с английского (Байрон), с немецкого (Тракль, Бехер, Ауслендер), с французского (Бодлер). Первые варианты уже редактируются в научной лаборатории. К настоящему времени практикум по художественному переводу освоили достаточно успешно более ста студентов-филологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский Н.К. Этьен Доле – родоначальник французской теории перевода// Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2001. - №1. - С. 153-166.
2. Шлейермахер Фридрих. О разных методах перевода. Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // Вестник МГУ. - Сер.9. Филология. - 2000. - №2. - С.127-145.
3. Берман А. Ф. Шлейермахер и В. фон Гумбольт: перевод в герменевтическо-языковом простанстве.// Вестник МГУ. - Сер. 9. - Филология. - 2000. - №4. - С.118-129.
4. Кашкин И.А. Для читателей-современника. - М., 1977. – С. 556.
5. Цветкова М.В. «Ключевые слова» и перевод поэтического текста (на примере стихотворения Марины Цветаевой «Попытка ревности»// Вестник МГУ.- Сер. 9. - Филология. - 2002. № 2. - С.133-141.

УДК 82.091

ИСТОРИЧЕСКАЯ “ПАМЯТЬ” НАРОДА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ И МЕМУАРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Таймазова Л.Л., преподаватель

Крымский государственный инженерно-педагогический университет

В данной статье рассматриваются особенности лексикографического произведения В.И. Даля (“Толковый словарь живого великорусского языка”) и мемуарной прозы М. Волошина (дневник “История моей души”).

Ключевые слова: афоризм, дневник, мемуары, память, понятие, слово.

Таймазова Л.Л. ІСТОРИЧНА “ПАМ’ЯТЬ” НАРОДУ В ЛЕКСИКОГРАФІЧНОМУ ТА МЕМУАРНОМУ ТВОРАХ. / Кримський державний інженерно-педагогічний університет, Україна

У статті розглядаються особливості лексикографічного твору В.І. Даля “Тлумачний словник живї великоруської мови” та мемуарної прози М. Волошина (щоденник “Історія моєї души”).

Ключові слова: афоризм, щоденник, мемуари, пам’ять, поняття, слово.

Taymazova L.L. HISTORICAL “MEMORY” OF NATION IN LEXICOGRAPHIC AND MEMORIAL WORDS. / Krimsky engineer - pedagogical state University, Ukraine

This article deals with peculiaritics of V.I. Dale’s lexicographic work (“Dictionary of Living Russian Language”) and M. Voloshin’s memorial prose (diary “History of my soul”).

Key words: aphorism, diary, memories, memory, notion, word.

Каждая эпоха имеет свои слова, при помощи которых общество осмысляет себя и свои социальные, политические, духовные и нравственные ценности.

“Признаки времени – эпохальность произведения – переживаются эстетически как его экспрессивность. История – поток и остановка; она не только изображает явления действительности в их изменении и

движении, она – подобно искусству – останавливает преходящие явления, превращая их в вечное достояние культурного сознания” [2, 4]. Изучение творческой истории художественных произведений является частью содержательного анализа текста, одним из путей проникновения в замысел, в идейно-нравственную позицию автора; способом познания индивидуальности его творческого труда, динамики его мысли, поисков адекватной выразительной художественной формы.

Подлинное произведение литературы, в прозе или в поэзии, всегда есть открытие. Это первое необходимое условие, чтобы существовала настоящая литература. Открытие в сфере души. Души – не в мистическом понимании, а в смысле внутреннего мира человека. А проникнуть в этот необъятный мир должен помочь язык, слово. Познание жизни, воспитание чувств может начинаться и нередко начинается со слова.

В этом отношении “Толковый словарь живого великорусского языка” Владимира Ивановича Даля – уникальное явление в истории мировой лексикографии, это хранилище народной мудрости, национальная сокровищница русской культуры. Уже во втором посмертном издании 1880-1882 гг. – на титульном листе словаря был помещен своеобразный эпиграф: “Словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно слово другим, но и толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, или подчиненных. Слова “живого великорусского языка” указывают на объем и направление всего труда”.

В.И. Даль окончательно укрепился в мысли о создании именно *толкового* словаря, общаясь с А.С. Пушкиным (и по совету Пушкина), ибо такого рода словарь был наиболее удобным и действенным сбережением накопленных слов и речений русского народного языка. Даль называл себя “сборщиком” слов, но, собирая слова, он никогда не забывал о понятиях, за ними стоящих. Более того: тысячи, десятки тысяч слов, которые знал Даль, ценны для него не сами по себе, но тем же множеством понятий, оттенков понятий, которые соответствуют каждому слову. Именно поэтому в основу словарной статьи он положил понятийный признак. В.И. Даль стремился построить словарную статью так, чтобы под каждым словом, которое выражает наиболее общее понятие, находились бы “все однословы с разными отливами и оттенками, а также все слова для обозначения понятий подчиненных”.

К примеру, “**любить** – чувствовать любовь, сильную к кому привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желанье, хотенье; избранье и предпочтенье кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно. **Любовь** – состоянье любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделенье; охота, расположенье к чему” [3, 282].

Или: “Равнодушие – покой, косность души, сердца, чувств, страстей; холодность, безучастность; отсутствие желанья, хотенья, пылу, порыва; состояние, свойство” [5, 7].

Понятие, далее определяет Даль, – это “способность понимать, дар уразумения, соображенья и заключенья. Мысль, представление, идея; что сложилось в уме и осталось в памяти по уразумении, постижении чего-либо” [4, 287]. Чем глубже уразумение, постижение жизни, тем больше понятий, выраженных словами, складывается в уме и остается в памяти.

В словаре С.И. Ожегова читаем: “Слово – единица языка, служащая для наименования понятий, предметов, лиц, действий, состояний, признаков, связей, отношений, оценок” [6, 730]. Точно, кратко и вполне исчерпывающе.

Вот как толкует *слово* В.И. Даль: “Исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками, словесная речь” [5, 89]. В определении Даля резко заметна та эмоциональная окраска, которая вообще-то не свойственна словарям и другой справочной литературе. Эта окраска явственно ощутима и в выражении “исключительная способность человека”, и в инверсии “мысли и чувства свои”, создающей высокий поэтический строй речи, более привычной в художественном произведении. Правда, В.И. Даль отказался от привлечения литературных текстов при толковании слов. Только изредка встречаются цитаты из произведений таких значительных писателей, как И.А. Крылов, А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов. В то же время он признавал, что небольшое количество примеров из литературного языка обедняет его Словарь, но он не мог восполнить этот пробел за недостатком времени.

Подвиг, совершенный Далем, итогом которого и явился знаменитый Словарь, не знающий себе подобных, – мог быть совершен только человеком, страстно влюбленным в слово как таковое, человеком, для которого слово не только и не просто единица речи, а именно и в первую очередь исключительная способность человека. Разгадавший смысл и значение многих и многих слов, Даль многократно останавливался, трепетно замирал перед загадкой слова, и этот трепет оживлял страницы его уникального труда. В преклонении перед словом Даль сближался с великими поэтами и философами всех времен и сам становился поэтом. Писательский талант В.И. Даля при работе над Словарем проявился в написании многих словарных статей живым и увлекательным языком. Неудивительно, что некоторые из них (Жизнь, Окно, Обезьяна и др.) читаются как художественные миниатюры. У Даля

слово дано в движении, ты чувствуешь, как родилось оно, это слово. Слово растет, становится умнее, мощнее, наполняется новым, глубинным смыслом. И наконец, у нас, у читателей, возникают понятия – огонь души, огонь любви, человек-огонь. Это – рождение, становление слова-символа, слова-образа.

Если же говорить о поэзии, в том числе об ее прямом тематическом содержании, то нельзя не заметить удивительную закономерность: нет ни одного поэта, который не задумывался бы над загадкой слова. Почти всегда это связано с попыткой определить свое место в искусстве, найти сокровенный смысл поэзии, понять ее природу. Не случайно в наше сознание так естественно вошли понятия: искусство слова, муки слова, художник слова.

Академик Д.С. Лихачев отметил, что "литература – это не только искусство слова, это искусство преодоления слова, приобретения словом особой "легкости" от того, в какие сочетания входят слова. Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом витает еще некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную. Сочетания слов – а только они рождают в тексте ассоциации – выявляют в слове необходимые оттенки смысла, создают эмоциональность текста. Подобно тому как в танце преодолевается тяжесть человеческого тела, в живописи преодолевается однозначность цвета благодаря сочетаниям цветов, в поэзии преодолеваются обычные словарные значения слова. Слово в сочетаниях приобретает такие оттенки, которых не найдешь в самых лучших словарях" [7, 50].

Чем дальше мы отдаляемся от времени создания Словаря Владимира Ивановича Даля, тем яснее понимается значимость его как энциклопедии народной жизни XIX века.

Мемуары – тоже часть народной памяти, они как бы материализуют эту память. А если быть более точным, память – главное понятие мемуарной прозы. (Рассказчик и наблюдает-то происходящее сейчас, словно только для того, чтобы соотнести увиденное с хранимым памятью). Память во многом поэтому и становится путеводной нитью, что сохраненное памятью, как правило, облагорожено, очищено от банальности, просветлено.

Дневник Максимилиана Волошина "История моей души" открывает возможность общения с поэтом как бы напрямую. Написанные в определенный день и час, в конкретную пору года, часто под влиянием минуты в молчании одиночества или разлуки, в лучах озарения или в горе, дневник не только воспроизводит состояние внутреннего мира автора, но и объясняет мотивы его размышлений, манеру думать, работать, способы видеть, чувствовать, действовать.

Дневник велся в сложную эпоху. За тот период, который отделяет творчество Волошина от времени появления Словаря Даля, сама жизнь претерпела колоссальные изменения. На грани веков мир разразился страстями и предчувствиями. Это сопровождалось небывалым культурным всплеском, но и небывалым идейным накалом, вспыхнувшими позже мировой войной и русской революцией. Люди искусства: поэты, художники, музыканты, просто наделенные даром творчества - острее других чувствовали предельное напряжение воздуха. М. Волошин жил в этом мире, как никто другой чувствуя его биение.

Будучи художником слова, Волошин тоже не мог не размышлять о слове, он обречен на это своим призванием; как и другие поэты – и великие, и малые – он не смог миновать этой вечной темы искусства. Трудно назвать другую силу, которая могла бы соперничать с силой слова. Потому-то, наверное, так много произведений в литературе (особенно лирических стихотворений), темой которых является слово художника как таковое, слово само по себе, слово как тайный смысл, а не только инструмент искусства.

Вот что вкладывает в это понятие Волошин: "В слове – волевой элемент. Слово есть чистое выражение воли – эссенция воли. Оно замещает действительность, переводит в другую область… Слово мало способно зафиксировать прошлое, поэтому такая борьба со словом в описаниях. Описание – это почетная победа слова, но не его стихия… Слово выражает желание. Слово – это будущее, а не прошлое. Всякое желание исполняется, если оно не выражено в слове. Чтобы предотвратить его исполнение – его надо сказать" [1, 206-207].

Признанное свойство Волошина-поэта – его чуткость к звуковому оформлению, звуковой связанности слов. Ведь он думает не субстанциями, а атрибутами, не предметами, а их свойствами. "Я ищу в стихе равновесия. Если я употребляю в одном стихе редкое слово, то я стараюсь употребить равноценное на другом конце строфы" [1, 202].

Захватывающе и волнующе неожиданно оказаться во вселенной человеческого "я", пережить первое потрясение и потом, пройдя эту вселенную вдоль и поперек, открыть личность поэта, открыть в Волошине человека с его привязанностями, привычками, уровнем его жизненных притязаний, симпатий к людям, с его излюбленными образами, темами. Чуть ли не в каждом из высказываний – источник света, дорога к сердцу, в мир красоты и нравственного интеллектуализма. Заметим, что дневники наиболее расположены к афоризму. При всей своей интимности замысла, они вырастают до общечеловеческого осмысления проблем, вызревая в афоризмы-размышления.

“Желание – это предчувствие, это наше зрение в будущее. Поэтому всякое желание – когда пожелаешь всем телом, а не только умом, – исполняется. Все завершено. Лучи достигают к нам из будущего, и это ощущение мы называем желанием. Это дает нам необходимую иллюзию свободы воли. Чудеса расположены, как вехи, по дороге человечества, тот, кто их предугадывает, их совершает” [1, 200].

“Художественное творчество – это уменье управлять своим бессознательным… не доводя его до сознания” [1, 209].

“Равнодушие – это смерть, омертвение желания” [1, 228].

Они (афоризмы) становятся некими постулатами нравственного кодекса. К тому же, нравственность – это такая сфера культуры, где слово – не просто “изреченная мысль”, самоценная в своем языковом бытии, а как бы “тень дела” (Демокрит), человеческого поведения, поступка. Ведение дневника – это тоже своеобразное введение в мир нравственности, осуществляемое не путем теоретического рассмотрения предмета, а путем “самоизучения”, “проникновения в самого себя”.

“Я теперь чувствую такое примирение с самим собой. Я всё время чувствовал на душе непримиримый грех, который давил меня: и вот, он вдруг сегодня вечером искуплен. Я не знаю как, почему, но кто-то снял его с моей души” [1, 231].

“Отречение – это высшая степень желания. Тогда все исполняется, все дается. Добровольное и радостное отречение” [1, 254].

Таким образом, язык заключает в себе целый мир. Как сказал Анатоль Франс, “словарь – это вся вселенная в алфавитном порядке”. Понятия в лексикографическом произведении даны как отражение своеобразной и обильной информации различного характера (естественнонаучного, философского, исторического, этнографического и др.)

В мемуарной же прозе, в частности в дневниках, эти понятия представлены как законченные афоризмы, побуждающие читателя к самостоятельному изысканию и усвоению нравственной мудрости.

В основе творений лексикографа и мемуариста лежит не только восприятие мира сквозь призму собственной личности, но и осознание себя через мировой опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники / сост. Давыдов З.Д., Купченко В.П. – М.: Книга, 1991. – 416 с.
2. Гинзбург Л. О старом и новом. – Л.:Советский писатель, 1982. – 424 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - Т.2.– М.: Терра, 1995. – 784 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - Т.3. – М.: Терра, 1995. – 560 с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - Т.4. – М.: Терра, 1995. – 688 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
7. Лихачев Д.С. Письма о добром. – М., 1996.

УДК 821.161.1 Д – 3: 821.161.1 В – 1. 09

ТРАДИЦИИ Ф. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ М. ВОЛОШИНА

Темная О.В., аспирант

Запорожский государственный университет

Ваятель душ, воззвавший к жизни племя
Страстных глубин, провидел наше время.
Пророчественною тоской объят,
Ты говорил томимым нашей жаждой,
Что мир спасется красотой, что каждый
За всех, во всем, пред всеми виноват.

М. Волошин

В статье рассматриваются проблемы влияния творческого наследия Ф. Достоевского на художественный мир М. Волошина. В частности, на формирование историософских взглядов поэта, его этической концепции.

Ключевые слова: влияние, аллюзия, реминисценция, художественный образ, мотив, художественный мир, историософия, психологизм.

Темна О.В. ТРАДИЦІЇ Ф. ДОСТОЄВСЬКОГО У ТВОРЧОСТІ М. ВОЛОШИНА / Запорізький державний університет, Україна

У статті розглядаються проблеми впливу творчого надбання Ф. Достоєвського на художній світ М. Волошина. Зокрема, на формування історіософських поглядів поета, його етичної концепції.

Ключові слова: вплив, алюзія, ремінісценція, художній образ, мотив, художній світ, історіософія, психологізм.

Temna O.V. DOSTOEVSKY'S TRADITIONS IN THE CREATIVE ACTIVITIES OF VOLOSHIN M / Zaporizhzhya State University, Ukraine

The article of, post-graduate student of Zaporozhye State University,deals with the problems of creative heritage influence on the artistic word of Voloshin M. In particular on the formation of historio-sophistical views of the poet, on his ethic conception.

Key words: influence, allusion, reminiscence, artistic image, motif, historiosophia, psychologism.

Ф.М. Достоевский относится к числу писателей, оказавших наибольшее влияние на формирование художественного и философского мировидения Волошина. Первое знакомство с его произведениями происходит еще в детские годы: «С 5 лет – самостоятельное чтение книг в пределах материнской библиотеки. Уже с этой поры постоянными спутниками становятся: Пушкин, Лермонтов и Некрасов, Гоголь и Достоевский…» [1, 29]. Творчество Достоевского остается в поле зрения поэта на протяжении всей его жизни. Он неоднократно перечитывает романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»… Ссылки на отдельные произведения Достоевского, цитаты и реминисценции из его творчества неоднократно встречаются в стихах и публицистике М. Волошина. Кроме того, он пишет ряд статей, в которых дает оценку творческого наследия писателя: «Братья Карамазовы» в постановке Московского Художественного театра» (Ежегодник императорских театров, 1910); «Имел ли Художественный театр право инсценировать «Братьев Карамазовых»? – Имел» (Утро России, 1910); «Достоевский во Франции» (Московская весть, 1911); «Русская трагедия возникнет из Достоевского» (Русская молва, 1913).

Стремясь осмыслить реалии русской жизни после революции 1905 г., М. Волошин обращается к наследию «великого провидца современной смуты». Как утверждает Л. Сараскина, «… Достоевский… дал Волошину ключ к особому художническому и историософскому пониманию событий» [2, 385]. Подобное обращение не было случайным и единичным: начиная с 1905 г. в среде русской интеллигенции возникает повышенный интерес к наследию Ф.М. Достоевского. Выходит в свет целый ряд статей религиозных философов, в которых предпринимаются попытки осмысления проблем, затронутых в творчестве писателя [3]; отдельные образы и идеи получают развитие в художественных текстах, отражающих насущные проблемы современности: «… на заре («кровавой заре») нового века Достоевский многими художниками слова воспринимался как Учитель и Мастер и очевидно влиял на их творчество…» [2, 341]. «Наступившая вслед за 1905 годом реакция с ее карательными экспедициями и виселичными столбами была ими перетолкована в мистическом духе, напоминающем бредовую фантастику «Бесов» [цит. по: 2, 341].

Как указывалось выше, философское осмысление истории России Волошиным также происходит в ключе идей Достоевского. Социальные потрясения, всколыхнувшие общество в начале 20 в., воспринимаются поэтом как некая бесовская игра, предвестия которой были замечены великим писателем еще в прошлом столетии: «Пророчество Достоевского оставалось для нас невнятным, пока мы не ступили на самый порог ужаса» [4, 192], - напишет Волошин в 1906 г., осмысливая первые уроки революции. «В настоящую минуту Россия уже перешагнула круг безумия справедливости и отмщения. Неслыханная и невиданная моровая язва, о которой говорил Достоевский, уже началась. Появились эти новые трихины – существа, одаренные умом и волей, которые вселяются в тела людей» [4, 207], - отмечает он в статье «Пророки и мстители. Предвестия Великой революции», которая, заметим, начинается и заканчивается обширной цитатой из романа «Преступление и наказание» («бред Раскольникова в Сибири») – в этом «апокалипсическом видении», по мнению Волошина, «уже есть все, что совершается, и много того, чему суждено еще исполниться» [4, 189]. Революция – это следствие некой духовной болезни общества, идеологической «одержимости» определенных социальных групп идеями-призраками:

России душу омрачая,
Враждуют призраки, но кровь
Из ран ее течет живая
(«Русская революция») [5, 110].

В пророчествах Достоевского Волошин видит «приближение… катастрофы психологической, которая все потрясение переносит из внешнего мира в душу человека» [4, 191], в его словах «чувствуется … новое крещение человечества огнем безумия» [4, 191]. Как удачно отметил Ю. Карякин, все

«душевнобольные, которыми переполнены произведения Достоевского, изображаются им как определенные социальные типы, чья *болезнь неотделима от их мировоззрения* (курсив наш – О.Т.). И вовсе не душевнобольные предмет его художественного анализа, а *духовнобольные, идейнобольные*, то есть, *социально больные*. И не от «бугорков в мозгу», но от «трихин», от проклятых ложных идей страдают и безумствуют его герои» [6, 85].

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и дух вселяются людей.
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремесла, земледелия, машины
Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут: мор, голод и война [5, 89 - 90], -

напишет Волошин в сонете «Трихины», первые два катрена которого являются поэтическим переложением «бреда Раскольникова». Мотив «трихин» как ложных идей, охвативших сознание человечества, находит свое отражение в ряде произведений Волошина, раскрывающих тему революции:

Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух…»
И будет он рыдать, и в горе рвать одежды,
И звать других… Но каждый будет глух
(«Ангел мщенья») [5, 88]

Подобное одержание идеями, вслед за Достоевским, Волошин определяет как бесноватость, юродство (отсюда образ юродивой Руси, бесовского хоровода – революции):

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес
Украв твой разум и свободу,
Тебя кидает в огнь и в воду,
О камни бьет и гонит в лес
(«Русь глухонемая») [5, 93]

Интересно в связи с этим вспомнить вопрос о путях развития России, поставленный перед «нашими» «главным бесом» Петром Верховенским: «Прошу… прямо и просто заявить, что вам веселее: черепаший ли ход в болоте или на всех парах через болото?» [7, 367].

Кроме того, можно указать на близость (возможно, преемственность) некоторых мотивов Достоевского и Волошина при раскрытии темы бесовства. Прежде всего, обратим внимание на эпиграфы к роману о «русской смуте». Первый из них (заимствованный у А.С. Пушкина) сближает уходящие своими корнями в мифологию и фольклор мотивы метели и бесовства:

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

В поэзии Волошина «бесовским пляскам» революции также часто сопутствует мотив вьюги, метели, «жгучего *ветра полярной преисподней*»:

Расплясались, разгуделись бесы
По России вдоль и поперек,
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный северо-восток
(«Северо-восток») [5, 140]
Стонет в равнинах метель:
Бродит в точиле, качает народы
Русский разымчивый хмель
(«Неопалимая купина») [5, 113]
Не дойдем и в снежной вьюге сгинем
Иль найдем поруганный наш храм?
(«Северо-восток») [5, 142].

Второй эпиграф к роману – библейская история об излечении бесноватого (Евангелие от Луки,VIII, 32-36): «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло…». Вслед за Достоевским, Волошин обращается к указанному библейскому сюжету:

Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод.
Народ, безумием объятый,
О камни бъется головой
И узы рвет, как бесноватый…
Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы
(«Петроград») [5, 89].

В данном случае факт «опосредованного заимствования» евангельского сюжета – через Достоевского - не вызывает сомнения: стихотворение датировано 9 декабря 1917 г., на следующий день Волошин пишет сонет «Трихины». Кроме того, на это указывает поэтика, имеется ввиду насыщенность текстов многочисленными отсылками к Достоевскому и структура цикла «Пути России», в который входят оба произведения. По всей видимости, годы наибольших социальных потрясений (1905, 1917, период гражданской войны) были для Волошина временем постоянного обращения к текстам Достоевского.

«Бесы», «роман-предупреждение» (по определению Л. Сараскиной), написанный под впечатлением дела Нечаева, разоблачая сущность «идеологического мифа смуты», указывает на те «гибельные пути», проходя по которым великая идея преображения человечества под лозунгами «свободы, равенства и братства» превращается в свою абсолютную противоположность и «из высокой духовности» выходит «сатира». Свобода выливается в диктатуру, своеволие и бесконечный деспотизм со стороны «власть имеющих» и рабскую покорность ослепшего немого «стада» (9/10 человечества, согласно теории Шигалева). Великая идея обнажает свой кровавый, искаженный лик:

Устами каждого воскликну я: «Свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой – справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет!»
(«Ангел мщенья») [5, 88]

Размышляя о судьбах России, М. Волошин, как и Ф. Достоевский, говорит о закономерности подобной метаморфозы: «Социализм… неизбежной логикой вещей будет приведен к тому, что станет искать… в диктатуре, а после в цезаризме… Все очень широкие демократические движения, ведущиеся в имперском и мировом масштабе, неизбежно ведут к цезаризму» [5, 333]. Изначальная ущербность этих движений, по мысли Достоевского, заключается в том, что их идеологи «мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлекший меч погибнет мечом» [8, 288]. Мотив расплаты за нарушение христианского принципа воздаяния за зло любовью присутствует и в лирике Волошина:

Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом или жертвой палача
(«Ангел мщенья») [5, 88].

В поисках исторических аналогий «нечаевщины», Ф. Достоевский обращается ко временам смуты на Руси. Так, Николай Ставрогин – «князь» – называется то Стенькой Разиным («Петр Верховенский тоже убежден… что я мог бы сыграть для них роль Стеньки Разина «по необыкновенной способности к преступлению» [7, 201]; «Мы, знаете, сядем в ладью, веселки кленовые, паруса шелковые, на корме сидит красна девица, свет Лизавета Николаевна… или как там у них, черт, поется в этой песне» [7, 299]), то Гришкой Отрепьевым (в сцене свидания Марья Тимофеевна сначала спрашивает у него: «Слушайте вы: читали про Гришку Отрепьева, что на семи соборах проклят?» [7, 217], а в конце бросает ему «вослед, в темноту» проклятье: «Гришка От-репь-ев а-на-фе-ма!» [7, 219]), то попросту самозванцем («Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам… Ну-с, тут-то мы и пустим… кого? … Ивана – Царевича; вас, вас!

Ставрогин подумал с минуту.
Самозванца? – вдруг спросил он…» [7, 325]).

По мнению Л. Сараскиной, «…тень первого русского самозванца, Лжедмитрия I, лишь придает разговору о самозванстве в «Бесах» некоторую историческую перспективу; в сущности же, феномен

незаконного присвоения, узурпации чужого имени, звания, статуса или власти изначально показан, неизбежен для той болезни русского общества, которую Ф.М. Достоевский назвал бесовством» [2, 262]. Примечательно в этой связи вспомнить строки из письма М. Волошина А. Петровой (15 января 1918 г.): «Мне, может, удастся выявить после и лики русских демонов, не только бесов. Пока у меня единый русский демон – Дмитрий-император. Он уже историческое выявление демонизма, в свое время распыленного тоже между тысячами бесов («имя ему – легион») [цит. по: 5, 537]). Для М. Волошина проблема самозванства становится одной из главных («Деметриус-император», «Стенькин суд», «Дикое поле», «Китеж», «Святая Русь и т.д.). Он активно изучает историю Смутного времени, опираясь на работы В. Ключевского, Н. Костомарова, П. Пирлинга, С. Платонова. Как правило, теме самозванства у Волошина сопутствует идущий от Достоевского мотив бесовской игры:

Мертвый я лежал на месте Лобном
В черной маске с дудкою в руке,
И вокруг, вблизи и вдалеке,
Огоньки болотные горели,
Бубны били, плакали сопели,
Песни пели бесы на реке
(«Деметриус-император») [5, 101].

Источник исцеления от болезни, именуемой бесовством, М. Волошин видит в духовном подвижничестве «избранных». Именно в них, с точки зрения поэта, содержится залог спасения Руси. Этим было обусловлено его обращение к образам протопопа Аввакума, Серафима Саровского, Сергия Радонежского, западного подвижника Франциска Ассизского («Святой Серафим», «Протопоп Аввакум», «Святой Франциск» и другие произведения). «…От сих кротких и жаждущих уединенной молитвы выйдет, может быть, еще раз спасение земли русской! … Образ Христов хранят пока в уединении своем благолепно и неискаженно, в чистоте правды божией, от древнейших отцов, апостолов и мучеников и, когда надо будет, явят его поколебавшейся правде мира. Сия мысль великая»[8, 284], - поучает старец Зосима, которому Ф. Достоевский доверил свои самые заветные чаяния. «Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предначертанные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю…» [9, 420], - так заканчивается бред Раскольникова.

А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: «Бес, изыди!»
(Русь глухонемая») [5, 93].

Единственным средством противостояния злу, всеобщему безумию становится для М. Волошина молитва:

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.
(«Гражданская война») [5, 138].

Поэт верил в силу и действенность созидательной мысли, способной преодолеть любые расстояния. «Это был мой старый, испытанный и безошибочный прием…» [1, 398]. Целью такой молитвы было укрепление высшего, духовного начала в человеке, охваченном силами зла. «Молятся обычно за того, кому грозит расстрел. И это неверно: молиться надо за того, от кого зависит расстрел и от кого исходит приказ о казни. Потому что из двух персонажей – убийцы и жертвы – в наибольшей опасности (моральной) находится именно палач, а не жертва. Поэтому всегда надо молиться за палачей – и в результате молитвы можно не сомневаться» [1, 398-399], - пишет М. Волошин в воспоминании о деле Н.А. Маркса. Христианская идея молитвы за врага, преодоления зла любовью является одной из ключевых в творчестве Ф. Достоевского. В поучении старца Зосимы, которое многие исследователи по праву называют духовным завещанием писателя, встречаем строки, созвучные позиции М. Волошина: «Взять ли силой, али смиренной любовью?» Всегда решай: «Возьму смиренной любовью». Решишься так раз навсегда и весь мир покорить сможешь» [8, 289].

В творчестве Ф.Достоевского представлена оппозиция «Святой Руси» и «Руси грешной» (более подробно эта проблема исследована в работе Уильяма Ван дер Беркена «Святая Русь» в русской литературе XIX в.: за и против»[10]), которая впоследствии развивается и в творчестве М. Волошина: «Святая Русь покрыта Русью грешной» [5, 104]. Особенности изображения Руси (гулящей, юродивой, окаянной, темной, смрадной, нищей, опозоренной, хмельной, но в то же время святой, чистой, смиренной, «верной своей судьбе») в стихотворениях «Россия», «Русь глухонемая», «Русь гулящая», «Неопалимая купина» и ряде других во многом восходят к традициям Достоевского. По всей видимости,

через Ф. Достоевского (безусловно, в данном случае следует также учитывать и влияние идеалистической философии к. 19 – н. 20 в., в частности, Вл. Соловьева) усваивается Волошиным и славянофильская концепция мессианской роли России для Западного мира:

Пойми великое предназначенье
Славянством затаенного огня:
В нем брезжит солнце завтрашнего дня
И крест его – всемирное служенье
(«Европа») [5, 96]
Но я верю, расступится бездна!
И во всей полноте бытия –
Всенародно, всемирно, всезвездно -
Просияет правда твоя!
(«Русь гулящая») [5, 111].

Одна из наиболее ярких, исполненных психологического драматизма сцен Ф. Достоевского – блудница и убийца, склоненные над текстом Евангелия. В своих произведениях он создает целую галерею блудниц, которые, вслед за библейским образом Марии Магдалины, сочетают в себе черты грешницы и святой. «Его сочинения представляют настоящий арсенал христиански воспринятых характеров и душевных состояний. Все действующие лица в его произведениях больные, грешники или святые… и переход от состояния грешника к обратному состоянию, от грешницы к святой происходит то путем медленного очищения, то внезапно, в одно мгновение…» [цит. по: 2, 130]. Как правило, они несут в себе идею духовного воскресения, возрождения «из самой глубины порока». Как и герои Достоевского, Русь Волошина воспринимает «правду Христову» «от грешников и от блудниц» [5, 110]. Да и сама Россия предстает перед читателем в образах Руси-блудницы, гулящей Руси.

Заслугой Ф. Достоевского, как считал М. Волошин, является также и то, что он подошел к разгадке тайны русской национальной души, указал на амбивалентный характер человеческого сознания. В письме к брату Михаилу Достоевский писал: «Одно только состояние и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слияния неба с землею…» [цит. по: 11, 54]. Человек в его произведениях – носитель как «божественного», так и «дьявольского» начала. Персонифицированная низшая природа человека представлена у Достоевского в образе черта: «Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны… моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых» [12, 72], - говорит Иван своему нежданному гостю.

Все, что скрыто
Человеку в собственной природе
Темного, растленного и злого,
Явлено ему воочью в бесе:
Сам себе он в бесьем лике гнусен [5, 158], -

пишет М. Волошин в поэме «Святой Серафим». Но в то же время, внутри каждого сокрыта и бессмертная душа, ангел, воплощенный Христос: «Можно найти… в таком же *каторжном и убийце* человеческое сердце… и выбить, наконец, из вертепа на свет *душу высокую*, страдальческое сознание, возродить *ангела*, воскресить героя!» [12, 31]. Волошин называет человека ангелом во плоти. Как и Достоевский, он стремится увидеть «душу высокую» в каторжном и убийце:

В каждом Стеньке – святой Серафим
(«Неопалимая купина») [5, 113]
Ах, в самом косном и темном
Пленен мировой дух!
(«Из бездны») [5, 92].

А.Ф. Кони ценил Достоевского за то, что он являл собой «…пример удивительного умения находить «душу живу» под самой грубой, мрачной, обезображенной формой – и, раскрыв ее, с состраданием и трепетом показывать в ней то тихо тлеющую, то распространяющую яркий, примиряющий свет искру Божию» [13, 273]. Это свойство было присуще и М. Волошину:

Если бы соизволеньем Божьим
Мы смогли увидеть душу
Ничтожнейшего из людей такою,
Как есть она, мы были б сожжены
Ее огнем в то самое мгновенье,
Как если б были ввергнуты в жерло
Вулкана огнедышащего
(«Святой Серафим») [5, 162].

Единит обоих писателей и идея очищения страданием, восходящая к традициям народного православия. Ф. Достоевский признавался, что его «воскресила к жизни» каторга; там он понял себя, понял человека. Дмитрий Карамазов, вслед за своим создателем, ищет «обновления» на каторге: «Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очищусь!» [8, 458]. В поэмах М. Волошина также звучит мысль об очистительной роли страдания:

Так, очищенный страданьем, прозорливый
Растворил он людям двери кельи
И отверз свои уста, уча
(«Святой Серафим») [5, 159]
Нам же, во хлябь изверженным
И тлеющим во прахе, подобает
Страдати неослабно
(«Протопоп Аввакум») [5, 115]

Принимает Волошин у Достоевского и идею ответственности, «вины» за мир. «Ибо знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле» [8, 149]; «Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской» [8, 290], - поучает старец Зосима. Как указывает В.П. Купченко: «В этих словах Волошин видел «величайший порыв интуиции сердца» – и пояснял (зимой 1913 г.): «В этом чувстве личной вины без остатка сгорает голод возмездия» [5, 535].

И этой ночью с напруженных плеч
Глухого Киммерийского вулкана
Я вижу изневоленную Русь…
И чувствую безмерную вину
Всея Руси – пред всеми и пред каждым
(«Россия») [5, 190].

Таким образом, многие идеи Ф. Достоевского были восприняты М. Волошиным и стали органичной частью его мировоззрения. Безусловно, проблема влияния Ф. Достоевского на творчество М. Волошина не исчерпывается рамками одной статьи: в данном случае нашей задачей было лишь наметить некоторые наиболее существенные тенденции в изучении данного вопроса; в работе представлена лишь «одна плоскость» в сложном и многовекторном взаимодействии художественных миров двух гениальных писателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. и комм. В.П.Купченко, З.Д.Давыдова – М.: Советский писатель, 1990.
2. Сараскина Л. «Бесы» – роман-предупреждение. - М.: Советский писатель, 1990.
3. О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881- 1931 годов.- М.: Книга, 1990.
4. Волошин М. Лики творчества / Под ред. В.А.Мануйлова , В.П.Купченко , А.В. Лаврова. – Л.: Наука, 1988.
5. Волошин М. «Жизнь – бесконечное познанье»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения. / Сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В.П. Купченко. – М.: Педагогика-Пресс, 1995.
6. Карякин Ю. Достоевский и канун XIX века. – М.: Советский писатель, 1989.
7. Достоевский Ф. Бесы// ПСС :В 30 т. – Л.: Наука. – Т. 10. – 1974.
8. Достоевский Ф. Братья Карамазовы // ПСС :В 30 т. – Л.: Наука. – Т. 14. – 1976.
9. Достоевский Ф. Преступление и наказание// ПСС :В 30 т. – Л.: Наука. – Т. 6. – 1973.
10. Уильям Ван дер Беркен. «Святая Русь» в русской литературе XIX в.: за и против. /Русская литература XIX века и христианство / Под ред. В.И. Кулешова. – М.: Издательство МГУ, 1997. – С. 361-380.
11. Селезнев Ю. Достоевский // Достоевский / Сост. М.В. Кузнецова. – М.: Новатор, 1997. – С. 11 – 489.
12. Достоевский Ф. Братья Карамазовы // ПСС :В 30 т. – Л.: Наука. – Т. 15. – 1976.
13. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. – М.: Художественная литература. – Т. 1. - 1990.

УДК 821. 161. 1-091

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЗАРУБЕЖНОМ МИРЕ

Тихомиров В.Н., д.филол.н., профессор

Запорожский государственный университет

В статье анализирется влияние русской классической литературы на зарубежную литературу. Устанавливаются истоки этого влияния.

Ключевые слова: русская литература, зарубежная литература, влияние, поток сознания, подполье, подтекст, эпос, новаторство, традиция.

Тихомиров В.М. РОСІЙСЬКА ЛІТЕРАТУРА У ЗАРУБІЖНОМУ СВІТІ / Запорізький державний університет, Україна

Стаття аналізує вплив російської класичної літератури на зарубіжну літературу. Встановлюються джерела цього впливу.

Ключові слова: російська література, зарубіжна література, вплив, потік свідомості, підпілля, епос, новаторство, традиція.

Tihomirov V.N. RUSSIAN LITERATURE ABROAD / Zaporizhzhya State University, Ukraine

In the article the influence of Russian classical literature on European literatures has been considered and the sources of this influence traced.

Key words: Russian literature, European literature, influence, stream of consciosness, underground, undercurrent, epic, innovation, tradition.

Величие русской классической литературы давно уже признано во всём цивилизованном мире. Достаточно привести её характеристику выдающимися деятелями мировой культуры. Т. Манн в новелле «Тонио Крегер» назвал русскую литературу «святой». Э. Хемингуэй называл её «чудесным миром, который дарили тебе русские писатели»[12, 461]. Классик японской литературы 20 в. Акутагава Рюноске: “Даже молодёжь, не знакомая с японской классикой, знает произведения Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. Из одного этого ясно, насколько нам – японцам близка Россия[10,5]. Эти характеристики можно продолжить.

В настоящее время русская литература изучается во множестве университетов и научных институтов всего культурного мира. Неуклонно растёт количество научных исследований о ней. Более того, в русской классической литературе 19 в., особенно у Достоевского, часто находят истоки нравственно-философских течений 20 в. – юнгианства, экзистенциализма, фрейдизма и т.д.

Фундаментальное знакомство западноевропейского читателя с русской литературой 19 в. началось с Проспера Мериме. Разочаровавшись в бездуховности современной ему французской жизни и литературы, он обратился к России и русской литературе, изучил русский язык. Его перу принадлежат статьи о русских писателях: Пушкине, Гоголе, Тургеневе. Мериме впервые заговорил о мировом значении Пушкина. И более того, в ряде случаев даже поставил его выше самого Байрона. Кстати, Мериме занимался и украинской историей, в частности эпохами Богдана Хмельницкого и запорожского казачества.

Тот же Мериме отметил интерес к русской литературе не только в культурных кругах Франции, но и среди широкого круга читателей. В статье «Иван Тургенев» он писал: «Имя Ивана Тургенева в наши дни очень популярно во Франции; каждое его произведение ожидается с таким же нетерпением и читается с таким же удовольствием в Париже, как и в Санкт-Петербурге. Тургенева называют одним из вождей реалистической школы»[9, 268].

Мериме не случайно обратил особое внимание на Тургенева. Ко второй половине 19 в. слава великого русского писателя далеко перешагнула за пределы России. Этому способствовал и личный фактор – жизнь во Франции, широкое общение с великими писателями – Флобером, Мопассаном, Жорж Санд, Мериме, высочайший авторитет среди них. «Учитель, все мы должны пройти через вашу школу»,- писала Тургеневу Жорж Санд. В знак величайшего восхищения его талантом, посвящает Тургеневу Мопассан свой сборник рассказов «Заведение Телье». Флобер в общении с ним неизменно называл его «великим Тургеневым».

Западноевропейский читатель был благодарен Тургеневу и за то, что он раскрыл впервые величие Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского и принимал активнейшее участие в переводах их произведений на иностранные языки. Кстати, и сам Тургенев знал основные европейские языки.

Успехи русской литературы в конце 19 в. на Западе были настолько значительны, что сами европейцы стали говорить о перемещении центра литературной жизни из Франции в Россию. Это отметил выдающийся французский критик Мельхиор де Вогюэ в книге «Русский роман» (1886), которая сразу же была переведена на многие языки и до сих пор является эталоном в оценке русской классической

литературы. «...руководящие идеи, преобразующие Европу, уже не исходят из французской души... наша литература из-за своих ошибок утратила господство в интеллектуальном мире»[3], – пишет Вогюэ.

С точки зрения Вогюэ, русский роман, в отличие от европейского, характеризует большая нравственная сила, “одухотворённая глубокой человечностью”. Напротив, западноевропейский реализм с точки зрения Вогюэ “лишён веры, волнения и милосердия”.

В унисон с Вогюэ о торжестве в буржуазном обществе и культуре бездуховности и мещанства писал А.И. Герцен: “Мы не берём в расчет, что половина речей, от которых бьётся наше сердце и поднимается наша грудь, сделались для Европы трюизмами, фразами”[4, 239].

В 20 веке продолжалось победное шествие русской литературы в общественно-культурной жизни Европы и Америки. Это было отмечено выдающимся писателем Дж. Голсуорси. В статье «Русский и англичанин» он писал, обращаясь к русским: «Русская проза ваших мастеров – это самая мощная животворная струя в море современной литературы [5, 372]. В Америке конца 19 – начала 20 века русская литература настолько прочно вошла в культурную жизнь нации, что стали говорить о её настоящем нашествии”. Так выразительно назвал свою статью Д. Кирклeнд: “Толстой и нашествие русского реализма в художественной литературе”.

Правда, в 20 веке сместились акценты в восприятии русских писателей 19 в. Прежде всего в Германии, потрясённой катаклизмами после 1-й и 2-й мировых войн, укрепился культ Достоевского. Вслед за Германией культ Достоевского перешёл в страны Европы и в Японию. Параллельно шло утверждение гения Л. Толстого. Слова, полные любви и восхищения перед Толстым, высказал Т. Манн в предисловии к «Русской литературе в портретах» А. Элиасберга (1922). «Вот они проходят перед нами, герои этой литературы, полной столь жизненного значения, носители русской мысли, все до единого борцы и герои души, мученики великой ответственности перед идеей человечества... почерпнём же, бодрость духа и братское утешение в созерцании их человеческих обликов, крепость – при виде мощного лика Толстого за работой»[11, 241]. Конечно, Т. Манн когда называл героев русской литературы “мучениками великой ответственности перед идеей человечества» имел в виду не только героев Толстого, но и всей русской классической литературы.

В нашей литературе прослеживаются как общие, типологические качества, так и индивидуальные особенности каждого великого писателя. И те, и другие являлись источниками её благотворного влияния на мировой литературный процесс.

Своеобразие русской литературы нужно искать в особенностях общественного развития страны. В России феодально-крепостнические отношения сохранялись значительно дольше, чем в других европейских странах, даже после реформы 1861 г.

В этих условиях всеобщего бесправия и гнёта русская литература занимала в общественной жизни важнейшее место. При отсутствии элементарных свобод почти вся энергия нации уходила в литературу. «Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть ещё жизнь и движение вперед»[1, 286], - писал Белинский.

Великая русская литература была тесно связана с передовыми идеалами эпохи, с национально-освободительным движением страны. Это определило глубочайшую народность русского реализма, его связь с надеждами и чаяниями миллионных масс. Эта связь обусловила не только силу критики в нашей литературе, но и её страстную веру в будущее, в грядущее торжество идеалов свободы и равенства. Русский реализм 19 в. превосходил западноевропейский силой утверждения положительных начал жизни. А образ положительного героя русской литературы стал новым словом в развитии нравственно-эстетического идеала мировой литературы.

В центре западноевропейского романа утвердился разгул хищничества, победы тёмных, собственнических инстинктов, темы утраченных иллюзий, нравственного измельчания и гибели личности в мире полного расчёта и меркантильных отношений. А. Горький назвал этот процесс в одноименной статье «Разрушением личности».

Напротив, в русском реализме центральное место заняли образы страстно ищущих, борющихся с социальными обстоятельствами героев. В этом отношении не выдерживают сравнения с великими русскими писателями даже классики зарубежной литературы.

С. Цвейг заметил, что если предел мечтаний Диккенса - уютный коттедж и цветущий садик с кучей резвящихся ребятишек, а герою Бальзака нужен титул пэра и миллионы, то ни один из героев Достоевского не видит цели в личном жизненном устройстве»[13, 121]. Слова С. Цвейга в большей или меньшей мере относятся и к другим русским писателям-классикам.

В современном зарубежном мире русская литература продолжает сохранять лидирующее положение. Интересен опрос, проведённый Нобелевским институтом в Осло среди “наиболее известных и признанных” литераторов современности из 54 стран. В итоговом списке оказались: на 1-м месте “Дон

Кихот” Сервантеса, четыре романа Достоевского, по три книги Кафки, Льва Толстого и Шекспира, по 2 произведения Фолкнера, Флобера, Маркеса, Гомера, Томаса Манна и Вирджинии Вулф[2, 63]. Как видим, в этот почетный список вошли два величайших русских писателя – Толстой и Достоевский.

В современном мире наибольшей популярностью пользуются четыре русских писателя: Тургенев, Толстой, Достоевский и Чехов. Усиливается интерес и к творчеству Гоголя.

В романах Тургенева видят объективное отражение общественной и культурной жизни России 40-70-х , особенно такого сложного и трагического явления, как нигилизм, тайны так называемой славянской души (как у Толстого и Достоевского). Покорила Запад удивительно гармоничная форма тургеневских произведений, красота языка. Называя русского писателя одним из величайших мастеров европейской литературы, Т. Манн считал его роман «Отцы и дети» совершеннейшим произведением, а его рассказ «Живые мощи» шедевром мировой новеллистики. Джон Голсуорси отмечал великое умение Тургенева «довести пропорции романа до совершенства..., достигнуть того полного единства частей и целого, которое создаёт то, что мы называем произведением искусства»[5, т.16, 369]. В литературе 20 века влияние Тургенева ощущается у Т. Манна, Голсуорси и особенно Э. Хемингуэя. Некоторые свои произведения Хемингуэй называл по-тургеневски (“Отцы и дети”, “Вешние воды”). Может быть, от Тургенева унаследовал Хемингуэй и принцип подтекста (“айсберга”).

Всеобъемлющим был вклад Толстого в мировую литературу. Т. Манн писал: “Мир, возможно, не знал другого художника, в ком вечное эпическое, гомеровское начало было бы так же сильно, как у Толстого”[10, 49-50]. Покорен был силой толстовского эпоса Хемингуэй. Он писал о “Войне и мире” как о “величайшем произведении на свете, которое можно перечитывать без конца”[12, 463]. Величайшая способность Толстого рассматривать духовные поиски героев в соотнесённости с эпохальными историческими событиями оказала огромное влияние на писателей эпического масштаба (Р. Роллан, Т. Манн, Дж. Голсуорси, Э. Хемингуэй и др.).

Глубочайший психологизм Толстого («диалектика души» по Чернышевскому), умение проникать в глубины человеческой души во многом определило литературу так называемого «потока сознания» (Гертруда Стайн, Джойс, Вирджиния Вулф и др.). Правда, в творчестве указанных писателей-модернистов, в отличие от Толстого, «поток сознания» часто превращается в набор импульсов и ассоциаций душевной бессознательной жизни.

Ромэн Роллан назвал Толстого «нашей совестью». Автор «Анны Карениной» с напряжённым интересом следил за этическими, нравственными проблемами человеческой жизни. Сумел затронуть такие глубины души, которые всегда волновали и продолжают волновать человечество.

По данным международной организации ЮНЕСКО, на протяжении 20 ст. Толстой занимает первое место по количеству изданий.

Мировая слава Достоевского продолжается по сей день. Дж. Джойс справедливо писал: «Он более, чем кто бы то ни было другой, является создателем современной прозы. Он вдохнул в прозу ту внутреннюю напряженность, которая сейчас достигла наивысшей точки»[10, 79].

Сам Достоевский одну из главных своих заслуг видел в создании “трагизма подполья” в повести “Записки из подполья”. “Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его”[7,378]. Герой повести – человек с разорванным сознанием, поступки которого управляются не логикой мысли, а подпольными импульсами и инстинктами («подкоркой»). «Подпольный человек» – предшественник героев Кафки, Жида, Гёссе, Камю и многих других зарубежных писателей. «Все мы или почти все глубоко отмечены Достоевским», - писал французский романист Франсуа Мориак[10,80]. Обычно говорят о философской глубине постижений жизни Достоевским, сострадании к “униженным и оскорблённым”, его пророческом реализме и многом другом. Насколько велика нравственная энергия книг Достоевского, свидетельствует такой факт. Исана, герой романа Кэндзабуро Оэ “Объяли меня воды до души моей”, читает молодым отщепенцам общества поучения старого Зосимы и находит в их душах добрый отклик[8, 140-141].

Широкая популярность пришла к Чехову в Европе и Америке в 20-е годы 20 века, когда массовыми тиражами стали издаваться его рассказы и пьесы. Чехова стали рассматривать как реформатора драмы и рассказа. Это обновление шло по пути массовой локализации стиля и увеличения смысловой содержательности произведения. При кажущейся простоте содержания, отсутствии “диких” эффектов его произведения отличаются глубочайшим нравственно-философским смыслом. Об этом писал американский писатель Эрскин Колдуэлл: “Гений Чехова известен во всём мире и на всех языках, и нигде влечение к нему не ослабевает со временем... Причина этого проста: Чехов обладал глубоким знанием жизни ... он понимал всех людей и поэтому умел рассказать об одном человеке так, что рассказ этот приобретал всеобъемлющее значение”[10, 131]. Томас Манн признавался, что Чехов показал ему, какую внутреннюю ёмкость может иметь лаконичная новелла, способная схватить “всю полноту жизни”, достигнуть “эпического величия”[10,131]. Использовал опыт Чехова и Хэмингуэй, учился «чёткости

чеховской детали, недосказанности драматургии» подтекста. Об этом пишет лучший отечественный исследователь творчества Хэмингуэя И. Кашкин.

Чехов – драматург, наряду с Ибсеном, Метерлинком, Гауптманом, совершил своего рода революцию в театре: освободил от привычных штампов, от запутанных интриг, насытил глубочайшим психологизмом. Часто говорят о влиянии Чехова на творчество Бернарда Шоу, Моэма, Джойса.

М. Горький с гордостью писал: «В истории развития литературы европейской наша юная литература представляет собой феномен изумительный: я не преувеличу правды, сказав, что ни одна из литератур Запада не возникла к жизни с такой силой и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске талантов. Никто в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот при таких неописуемо тяжких условиях. Это незыблемо устанавливается путём сравнения истории западных литератур с историей нашей»[6, 79].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. - М.: Худ. лит. 1976-1982. - Т.8. - С.286.
2. Вестник МАПРЯЛ. – 2002.- 36. - С.63.
3. Vogüe E.-M. de. Le roman russe. Paris, 1886, P. XLVIII.
4. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. - Т.10. - С. 239.
5. Голсуорси Д. Собр. соч. -Т.16. - М., 1962.- С. 372.
6. Горький А. М. О литературе. – М.: Сов. Писатель, 1955.
7. Достоевский Ф.М. Полн. Собр. соч.: В 30 т. - Т.5.- С.378.
8. Кэндзабуро Оэ. М.:Прогресс. - С.140-141.
9. Проспер Мериме: Собр. соч.: В 6 т. - Т.5. - М., 1963. - С.268.
10. Сохряков Ю.И. Художественные открытия русских писателей. - М., 1990.
11. «Современный Запад».- 1923. - № 3. - С.241.
12. Хэмингуэй Эрнест. Прощай, оружие! Рассказы.- Днепропетровск:Промінь, 1989. - С. 461.
13. Цвейг С. Три мастера. - Л., 1929. - С.121.

УДК 811.161.1373.613:811.133.1:391

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ОДЕЖДЫ)

Томилина Г.Я., к. филол. н., доцент

Запорожский государственный университет

В статье рассматриваются отношения между французским и русским языками в области материальной культуры на примере лексики одежды. Кратко характеризуются особенности фонетического, морфологического, структурно-словообразовательного и семантического освоения французских заимствований в русском языке. Определяется также их место в лексическом составе современного русского языка.

Ключевые слова: *французское заимствование, галлицизм, освоение, лексическое значение, названия одежды.*

Томіліна Г.Я.РОСІЙСЬКО-ФРАНЦУЗЬКІ КУЛЬТУРНІ СТОСУНКИ (НА МАТЕРІАЛІ НАЗВ ОДЯГУ) / Запорізький державний університет, Україна

У статті розглядаються відносини між французькою та російською мовами в галузі матеріальної культури на прикладі лексики одягу. Коротко характеризуються особливості фонетичного, морфологічного, структурно-словотвірного та семантичного засвоєння французьких запозичень. Визначається також їх місце в лексичному складі сучасної російської мови.

Ключові слова: Французьке запозичення, галіцизм, засвоєння, лексичне значення, назва одягу.

Tomilina G. Y. RUSSIAN-FRENCH CULTURAL RELATIONS (ON THE MATERIAL OF THE NAMES OF CLOTHES) / Zaporizhzhya State University, Ukraine

In this article consider names of clothes in Russian language which was adopted from French. Briefly describe peculiarity assimilation of French adoption in Russian language.
Key words: French loan words, Gallicism, adoption, lexical meaning, names of clothes.

Влияние французского языка на русский заметно усиливается с половины XVIII ст.

Как подчеркивает Л.А. Булаховский, самая большая сфера проникновения французских заимствований в русский язык относится к области, связанной со светской жизнью, особенно с модной одеждой, украшениями [1,197].

Заимствование лексики одежды из французского языка было следствием появления в русском обществе соответствующих реалий. С XVIII ст. в результате заметного оживления торговых связей с Западом в Россию ввозятся заграничные товары. Франция , законодательница мод и утонченных вкусов, была главным источником ввоза модной одежды.

Наряду с внеязыковыми причинами – социальными (гарибальди, жилет), прагматическими (фрак) , стремлением выразить национальный колорит (жабо) – заимствование галлицизмов вызывалось собственно лингвистическими причинами – необходимостью назвать новые предметы одежды (сюртук, шинель) , а также разграничить значения синонимов (одежда – повседневная и нарядная; туалет – только нарядная одежда). Для правильного понимания процессов заимствования и дальнейшего освоения иноязычного слова заимствующим языком важную роль играют культурно-исторические условия.

При взаимодействии русского и французского языков в области лексики одежды действовали две противоположные тенденции: 1) введение новых названий французского происхождения в связи с изменениями быта господствующих классов России, с развитием моды; 2) стремление предохранить русский язык от иноязычных заимствований путем замены их синонимами исконного происхождения [2,47].

Значительное влияние на усиление заимствования бытовых галлицизмов оказал салонно-дворянский жаргон, сформировавшийся в России во второй половине XVIII ст. Галломания проявлялась в стремлении русских дворян широко употреблять в речи французские слова и выражения, которые проникали не только через письменные источники , но и устным путем. Так, в рифмованных поговорках, служивших надписями к лубочным картинкам, употребляются такие галлицизмы, ставшие неологизмами XVIII ст., как фантаж «род женского головного убора», карнет (корнет) «женский головной убор», лаброн (роброн): парусиной лаброн да танцелеровай балахонъ; алебастровый карнетъ, в котором ходить на банкетъ; липовой фантажъ хат дехтемъ смашъ [3, 21].

В русский язык проникают французские заимствования, образованные от нарицательных существительных (газ, волан, жабо, пальто) и от имен собственных (блуза из Пелузия, жилет, галифе). Русская лексика обогатилась не только общими наименованиями одежды (гардероб, туалет), но также целым рядом видовых наименований (пальто, манто, капот, салоп, сюртук), обозначений головных уборов (корнет, шапокляк, берет, боливар), а также деталей одежды (манжет, волан, жабо, браденбурги «шнуры, галуны и проч. на платье»).

Иногда французский язык выступает посредником между русским и другими языками, например, фр. камзол проникло через нем. Kamisol или франц. camisole из ит. camiciuola [4, 174].

Семантическое освоение галлицизмов в русском языке определяется рядом факторов. Во-первых, направлением развития семантики заимствованного слова, причем это направление определяется положением иноязычного слова в русской лексико-семантической группе, куда оно вошло. Так, слово шинель первоначально обозначало в русском языке пальто, плащ особого покроя, а затем постепенно закрепилось как наименование форменной и военной верхней одежды. Во-вторых, на семантическое развитие слов влияют ассоциативные связи между предметами и понятиями окружающей действительности, которые сами по себе исторически изменчивы. Так, существительное шарф, обозначающее разновидность одежды в виде матерчатой или вязаной полосы, покрывающей шею, голову или плечи, уже не используется как средство отличия одного рыцарского ордена от другого, как это было в средневековье. В-третьих, на смысловое освоение галлицизмов влияет характер их сочетаемости во французском и русском языках. Появление новых контекстов употребления французских слов в русском языке может привести к смысловому смещению. Так, существительное салоп уже в 30-ые г.г. XIX в. обозначало бедную и немодную одежду. В языке произведений В.Маяковского название этого простонародного вида женской одежды употребляется переносно в результате метонимического сдвига:

Салоп (речь о человеке) говорит чуйке, чуйка салопу: Заерзали длинноносые щуки!

В-четвертых, в процессе освоения заимствования может возникнуть семантическая декорреляция. Например, у существительного самара, обозначающего верхнюю одежду с длинными полами, в русском языке могла возникнуть новая связь с топонимом Самара. В-пятых, на смысловое развитие французского

бытового термина иногда влияло забвение его внутренней формы, т.е. образа, положенного в основу называния. Так , существительное блуза уже не связывается с именем египетского ойконима Пелузий, называющим город, в котором изготовлялись блузы, окрашенные в синий цвет, которые еще крестоносцы надевали поверх доспехов. Видоизменился сам предмет одежды: слово закрепилось в значении женской нарядной одежды. Существительное костюм утратило отвлеченное значение, так как вследствие фонетических, семантических изменений в нем исчезла связь с лат. consuetudo «привычка», с которым оно генетически связано.

Иногда в семантике французских заимствований происходит сужение. Исследователи отмечают, что в заимствующий язык слово нередко приходит с более узкой смысловой структурой, чем оно имело в языке – источнике. Так, существительное жакет восходит к франц. Jaquete, образованному как уменьшительное от франц. Jaque «короткое и узкое платье, надевавшееся под панцирь». Во французском языке жакет обозначал «род простонародного костюма, состоящего из короткого сюртука», а также «детский костюм вроде куртки». Эти значения не закрепились в русском языке. Возможен и противоположный процесс – расширение. Так, слово сюртук (от франц. surtout) вначале обозначало одежду, предназначенную для улицы, затем неофициальную одежду, принятую среди близких людей; постепенно галлицизм стал обозначать прообраз современного пиджака и превратился в название форменного костюма [7, 222]. В настоящее время слово устарело.

В процессе заимствования происходит фонетическое освоение галлицизмов (декольте из décolleté, шинель из chenille). На морфологическое освоение бытовых галлицизмов значительное влияние оказывали грамматические особенности русского языка. Так, имена существительные на твердый согласный входили в русскую лексику как слова мужского рода (жакет, жилет); несклоняемые существительные на -о, -е – как слова среднего рода (манто, кашне). Колебания в грамматическом роде в период освоения французских заимствований вызвали появление вариантов в русском языке: манжет – манжета, эполет – эполета.

В процессе структурно-словообразовательного освоения заимствований у них возникает целый ряд производных. Свидетельством более полного освоения иноязычного слова является возрастание его словообразовательной активности: жилет, жилетик, жилетка, жилетный, пальто, пальтишко, пальтецо, пальтовый. Суффиксы французского происхождения нередко тесно сливаются с производящей основой, в результате чего русское слово воспринимается как непроизводное (берет, плюмаж).

Различны пути семантического развития иноязычных слов. В одних случаях оно приводит к детализации, суть которой состоит в том, что в лексическом значении русского слова появляются новые дифференциальные семы. Например, в существительном костюм на основе родового значения «одежда, платье» возникли употребления:

1) «дорожный, домашний, рабочий костюм; 2) театральная или маскарадная одежда, а также новые значения: 3) мужское платье, состоящее из брюк, пиджака, иногда и жилета; 4) женское платье, состоящее из жакета и юбки [5, 1526]».

Новые употребления слова продолжают возникать во второй половине XX ст.: водолазный костюм, костюм космонавта, костюм спасателя, брючный костюм (о женской одежде). Иногда в семантике французских заимствований происходит обобщение. Так, слово гардероб было известно вначале как обозначение места хранения одежды. Метонимический сдвиг и последующее обобщение дали толчок развитию собирательного значения «одежда, платье, головные уборы и т.п., находящиеся в чьем-либо употреблении» [6, 36].

Названия одежды французского происхождения нередко выполняли идеологическую функцию: они выражали политические симпатии и могли служить средством протеста против общественного порядка. Так, в 20-е годы мужчины носили шляпу-цилиндр с очень широкими полями – боливар. Ее название восходит к имени Симона Боливара, лидера освободительного движения в Латинской Америке. В правление императора Павла (1796-17801) запрещалось ношение жилета как проявление французского революционного духа. Не случайны пушкинские строки: Но панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет («Евгений Онегин»).

Не все слова французского происхождения сохранились в русском словаре. Некоторые из них можно охарактеризовать как хронизмы (фру-фру, роброн, дульет, помпадур). Так, галлицизм помпадур в русском языке XVIII ст. имел ряд значений, среди которых к лексике одежды относились: 1) летнее дамское пальто из легких узорчатых тканей, вошедшее в моду в первой половине XIX в., 2) орнаментированный фартучек в стиле XVIII в., который вошел в моду во второй половине XIX в., 3) платье, покрой которого был популярен в 1750 -1774 г.г. Этот хронизм с разветвленной семантикой охватывает почти полтора столетия [7, 188].

Перенос значения как форма развития семантической структуры слова обычно происходит в языке-источнике. Так, метонимические сдвиги в значениях антропонимов боливар, галифе, способствовали

превращению их в наименование одежды. Метонимическая связь также стала основой для появления в русском языке галлицизмов палантин, гамаши.

На метафорическом переносе основано семантическое развитие слов боа, волан, картуз. Таким образом, французские заимствования в области бытовой лексики сближают семантическую систему русского языка с одним из западноевропейских. Многие из французских заимствований этой тематической группы прочно вошли в состав общеупотребительной лексики русского языка: костюм, блуза, пальто, кашне, шарф, жакет, берет, шинель, жилет. Некоторые галлицизмы с конечными гласными -а, -о, -е, -и образуют в русском языке особую группу несклоняемых существительных: боа, трико, манто, жабо, канотье, декольте, гарибальди. Отдельные французские слова, обозначавшие предметы одежды, совершенно исчезли из употребления в русском языке: тюрлюлю «длинная женская накидка без рукавов из шелковой шуршащей ткани», дульет «одежда наподобие русской душегрейки», робронд (роброн) «нарядное женское платье с фижмами колоколообразной формы», ток «маленькая женская шапочка без полей». Устарели французские заимствования, обозначающие предметы одежды: камзол «старинная мужская верхняя одежда без рукавов, плотно облегающая тело», сюртук «мужская двубортная одежда с открытым воротником и длинными полами», корнет «женский головной убор». Историзмами стали слова салоп, тальма, шемизетка, трен «шлейф». Сравнительно редко употребляются в настоящее время такие заимствования, как фрак ливрея, сак.

Некоторые галлицизмы перестали употребляться как названия одежды: капот, карманьола, шапокляк.

Отдельные галлицизмы получили специальное употребление в профессиональной речи работников швейной промышленности: манжет, лифт, жабо, волан, корсет, рюш, бретель.

Небольшая часть французских заимствований в области лексики одежды, до конца не освоенная русским языком, сохраняется как экзотизмы: домино, палантин, декольте, пеньюар, плюмаж.

Некоторые галлицизмы этой тематической группы закрепились в лексике русских народных говоров, например, саян, самара.

Русская лексика одежды продолжает обогащаться французскими заимствованиями (комбинезон, блузон, диско и др.), однако этот процесс не отличается активностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаховский Л.А. Русский литературный язык I половины XIX века . – К.: Рад.шк., 1941
2. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-ые годы XIX века. – М.- Л. : Наука , 1965.
3. Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке.- М.: Изд-во МГУ, 1958.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.-Т.II. - М.: Прогресс. 1967.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.-М.-Л.:Сов.эницкл., 1948-1965.-Т.5.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.-М.-Л.:Сов.эницкл., 1948-1965. -Т.3.
7. Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века:-М.: Книга, 1989.

УДК 811.161.1`42 Набоков

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО МИРА В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ДАР»

Удовиченко Ю.А., аспирант

Харьковский государственный педагогический университет им. Г.С. Сковороды

Статья посвящена лингвистическому анализу предметного мира романа В.В. Набокова «Дар». В работе исследуются языковые (прежде всего лексико-семантические) способы реализации концепта «вещь»; показана роль и место предметного мира в структурно-семантическом пространстве романа.

Ключевые слова: концепт, вещь, человек.

Удовиченко Ю.А. МОВНІ ЗАСОБИ ВТІЛЕННЯ РЕЧНОГО СВІТУ РОМАНУ В.В. НАБОКОВА “ДАР” / Харківський державний педагогічний університет ім. Г.С.Сковороди, Україна

Стаття присвячена лінгвістичному аналізу предметного світу роману В. Набокова “Дар”. У роботі досліджуються мовні (перш за все лексико-семантичні) засоби втілення концепта “річ”; відображене місце предметного світу в структурно-семантичному просторі романа.
Ключові слова: концепт, річ, людина.

Udovichenko J.A. LINGUISTIC EMBODIMENT OF OBJECTIVE WORLD IN V.V. NABOKOV`S NOVEL “THE GIFT” / Kharkov State pedagogic Skovorods University, Ukraine
The annotated article is devoted to the linguistic analysis of the objective world in V.V. Nabokov`s novel “The Gift”. In the article linguistic (first of all, lexical and semantic) ways of the realization of the concept “object” are considered; the role and the place of objective world in the structural and semantic space of the novel are shown.
Key words: concept, object, man.

Парадигматическая структура романа В.В. Набокова «Дар», совмещающая различные тематические пласты, позволяет, на наш взгляд, выделить в ней сущности, получившие в науке наименование **концепты**.

Понятие концепт не имеет в лингвистике всеми признанного научного определения. Ряд исследователей концептуально-культурологического направления (Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая) трактуют его как «культурный концепт», как психоментальное явление. Носителем концептуального смысла является слово и непосредственно связанное с ним переживание.

Имплицитно в концепте заключена система понятий, несущая в себе определенную идею, тенденцию, воззрение, обобщение. «В семантику слова-концепта входит комплекс внеязыковых значений, основанных на знаниях о мире, полученных в результате коллективного опыта человечества. Слово-концепт осуществляет связь веков и народов, концентрирует духовный опыт и в конечном итоге сохраняет единство человеческой культуры» [1].

Выделяют концепты коллективного сознания, отражающие ключевые понятия ментального мира человека, и индивидуальные концептуальные образования. Индивидуальные концепты расширяют свой объем за счет многообразия контекстов употребления, авторских ассоциаций и оценок, дополнительных значений. Таким образом проявляются внутренние возможности концепта. С.А. Аскольдов назвал такие образования «художественными концептами», существующими в сознании автора и отражающимися в тексте. Они содержат в себе возможности образного развития, в них есть своя «заместительная сила» [2].

Семантика художественных концептов возникает на пересечении авторских и читательских восприятий и поэтому предполагает определенную субъективность и многозначность толкований. В. Набоков писал: «Нет одной вещи, - хотя математически вещь одна, - а четыре, пять, шесть, миллион вещей в зависимости от того, сколько людей смотрит на нее». Степень постижения концепта индивидуальным сознанием зависит от жизненного и духовного опыта человека, особенностей его мировосприятия, уровня культурного развития. Но даже при различных интерпретациях концепт должен отражать идею понятия, ее суть, ядро.

Одной из важнейших, на наш взгляд, характеристик концепта является его амбивалентность, т.е. возможность совмещать в пределах одного концепта контрастирующие смыслы.

Таким образом, концепт представляет собой слово, сопровождаемое совокупностью представлений, ассоциаций, знаний, понятий, переживаний. В нем заключен объективный смысл в его субъективной интерпретации.

Целью данной статьи является лингвистический анализ концепта вещь, важный, на наш взгляд, для понимания лингвофилософской позиции В. Набокова и выявления доминант его идиостиля.

Философ Н.О. Лосский писал: «У русских и у всех славян высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и предметам вообще. Это выражается в славянских языках в обилии уменьшительных, увеличительных, уничижительных имен…»[3]. Для поэтики В. Набокова характерно пристальное внимание к предмету как некоему образу и подобию человека. Рягузова Л.Н. отмечает, что «вещецентрический взгляд на человека представлен почти во всех набоковских текстах». В своих лекциях по литературе Набоков в обязательном порядке анализирует «участие вещей» – портретов, домов, экипажей – в структуре произведений. Сознательная повторяемость, особое употребление Набоковым понятия «вещь» – существенный шаг на пути его концептуализации, выявления эстетического смысла [4].

Вещь, с точки зрения писателя, – то, что имеет самостоятельное существование в мире. Но «…не только нет предмета без человека, нет предмета без определенного отношения к нему со стороны человека».

Рассмотрим, с помощью каких языковых средств писатель устанавливает связь между предметом и человеком. В ходе анализа романа «Дар» нами были выделены тропы, созданные на основе антропоморфизма: эпитеты – *терпеливый чемодан, одинокий буфет, живое одеяло, сонный смокинг, увертливые запонки, волнующиеся зонтики;* метафоры – *лоб фургона, пахи кресла, с кожаной хваткой*

портфель, трактор с гипертрофией задних колес и более чем откровенной анатомией, дом с добрым выражением окон. Антропоморфизм предписывает предметам предикат осмысленного действия: неодушевленные, неподвижные по своей материальной природе реалии в поэтике В.Набокова становятся живыми сущностями, способными самостоятельно двигаться, действовать. Немаловажную роль в этом играют глаголы движения: *аллея на ночь возвратилась из парка; кочерга гуляет; предметы переправились, пробно расположившись на разных высотах; погасшие дома уходили, не глядя, кто пятясь, кто боком; до сих пор эта улица вращалась и скользила, ничем с ним не связанная, а сегодня остановилась вдруг, уже застывая в виде проекции его нового жилища.* Лексемы, создающие динамизм повествования – *возвратилась, уходили не глядя, гуляет, переправились, вращалась, скользила, не связанная,* деепричастие *застывая,* использование личного местоимения *кто* указывают на свойственную набоковскому миру подвижность, пластичность, зыбкость измерений, на одушевленность образов.

Приоритет движущегося «кривого пространства», в котором метаморфозность является неотъемлемой характеристикой любого сегмента текста, декларируется автором во многих описаниях предметов: *…чуть* ***ворча****, часы идут.* ***Щелкая языком*** *иногда и странно* ***переводя дух*** *перед боем.* Антропоморфные глагольные метафоры, нанизываясь одна на другую, очеловечивают предмет, способствуя тем самым смещению границы между живым и неживым.

Сравним описание образа часов с образом телефона: *звон* (телефона) *длился, длился, с небольшими перерывами для перевода дыхания. Он не желал умереть.* Перекличка прослеживается на лексико-семантическом уровне: *переводя дух – перевод дыхания, идут – не желал умереть,* уподобляя эти образы живым существам, способным желать, дышать и действовать. Эти образы взаимодействуют, взаимодополняют, пародируют друг друга. Пародийно соотносятся друг с другом образы пианино и шарманки: *небольшое коричневое пианино, так связанное, чтобы оно не могло встать со спины, и поднявшее кверху две маленьких металлических подошвы* и *шарманка, коричневая на бедных тележковых колесах*. Со-противопоставления прослеживаются в таких характеристиках предметов, как принадлежность к определенному классу (музыкальные инструменты), размер, цвет, способность передвигаться (*подошвы - колеса*).

Употребление прилагательного *человеческий* подчеркивает категорию одушевленности, свойственную набоковским вещам: *из фургона* ***выгружали*** *параллелепипед белого ослепительного неба, зеркальный шкаф, по которому, как по экрану,* ***прошло*** *безупречно-ясное отражение ветвей,* ***скользя*** *и* ***качаясь*** *не по-древесному, а с* ***человеческим колебанием,*** *обусловленным природой тех, кто* ***нес*** *это небо, эти ветви, этот* ***скользящий*** *фасад.* Лексемы, обозначающие процесс (глаголы, деепричастия, причастие, отглагольное существительное), перекликаются со словами лексико-семантического поля **оптика** (*отражение, зеркало, экран*), в свою очередь осуществляющими связь пространственно-временных координат романа, и в совокупности реализуют художественную задачу автора.

Предмет в пространстве романа не только функционирует как живое существо, но он способен и воздействовать на человека. Прием синестезии отражает влияние вещи на чувственный мир героя:*…цвет дома, сразу отзывающийся во рту неприятным овсяным вкусом, а то и халвой.*

Вещь может являться подобием человека, являя с ним известное сходство: *Александра Яковлевна, ставшая на минуту – как это обычно бывает – замечательно похожа на свой же (синий с бликом) чайник.* Колоратив *синий с бликом*, данный в скобках, конкретизируется автором в другом описании Александры Яковлевны – *с ослепительно синими глазами женщина*. Определение *с бликом* развивается за счет усиления семы «блеск» и превращается в наречие *ослепительно.*

Вещь способна вступать в контакт с человеком: *улицу он узнал ближе, и она* ***выдала ему все свои лучшие тайны;*** претендовать на него: *Он шел по улицам, которые давно успели* ***втереться ему в знакомство****, и – мало того,* ***рассчитывали на любовь;*** даже подчинить его себе: *Федор Константинович его* (телефон) ***обслуживал*** *в отсутствие хозяев.*

Предметы могут быть весомее, значимее человека, они могут «представлять» людей: *сквозь Васильева и бледную барышню* ***просвечивал диван****, инженер Керн был* ***представлен*** *одним лишь* ***блеском пенсне****, Любовь Марковна – тоже.* Балансируя между реальным и ирреальным, тени предметов служат точкой соприкосновения миров, они способны изображать сущности инфернального мира: *Тень двух томов, стоящих на полке, изображала обшлаг и угол лацкана, а тень тома третьего, склонившегося к другим, могла сойти за галстук.*

Вещь может сродниться с человеком или отторгать его. Герой романа Годунов-Чердынцев отмечает *невозможность жить на глазах у совершенно чужих вещей…Палевые в сизых тюльпанах обои будет трудно превратить в степную даль. Пустыню письменного стола придется возделывать долго, прежде чем взойдут на ней первые строки. И долго надобно будет сыпать пепел под кресло и в его пахи, чтобы сделалось оно пригодным для путешествий.* Слова, символизирующие пространство, свободу (*степная даль, пустыня, путешествие*), применительно к денотату **комната**, создают на речевом уровне конфликт

между явью и мечтой. Но употребление будущего времени указывает на возможность преображения мрачной комнаты. Сравним этот пример с описанием внешности хозяйки пансиона: *ее палевое в сизых тюльпанах платье прекрасно*. Лексическая тавтология, основанная на принципе языковой игры, уподобляет вещь человеку, а эпитет *прекрасно* отражает изменившееся настроение Годунова, которому сообщили о положительной рецензии на сборник его стихов. Мир поворачивается новой гранью, и вещи в представлении героя диаметрально меняют характеристики.

Покидая навсегда эту комнату, герой размышляет о судьбе предметов: *Случалось ли тебе, читатель, испытывать тонкую грусть расставания с* ***нелюбимой*** *обителью?…но в лучшем уголке души мы чувствуем жалость к вещам, которых собой* ***не оживили, едва замечали****, и вот* ***покидаем навеки****. Этот* ***мертвый уже инвентарь не воскреснет потом в памяти: не пойдет*** *вслед за нами постель, неся самое себя; отраженье в зеркальном шкафу* ***не восстанет из своего гроба****; … Я бы тебе сказал – прощай, но ты бы даже не услышала моего прощания. Все-таки – прощай. Ровно два года я прожил здесь…, но теперь* ***путешествие*** *кончилось. Он обошел комнату, напоследок осмотрел ее ящики, но ничего не нашел:* ***мертвецы*** *не воруют.* Перегруженность данного фрагмента текста словами, относящимися к лексико-семантическому полю **смерть**, выполняет определенное функциональное задание, а именно: создает фон для выявления авторского отношения к предметам. Отсутствие эпитетов в описании, многократные повторы отрицательной частицы *не* перед глаголами рисуют неподвижные вещи, обреченные на забвение. Ни в одном из измерений им не суждено существовать, так как они уже не интересуют героя*: путешествие* завершилось, замкнув вещи в небытие. И все же Годунов испытывает жалость к *бледным и озябшим предметам*, которые было возможно оживить и полюбить.

Таким образом, многослойная структура концепта ***вещь*** *включает в себя и негативно окрашенные элементы. Экспрессивная и эмотивная функции этих отрицательных сегментов наиболее отчетливо видны при наложении «концептуальной сетки» ценностей. Одной из ее составляющих является понятие «пошлость». В. Набоков определил пошлость как воплощение глупости, серости, низменных инстинктов, заклишированности. Пошлость, по словам В. Набокова, самодовольное, величественное мещанство. Как нравственная категория, пошлость не делает различия между предметами и людьми: и те и другие* мертвы, убоги. *Оппозиция* ***истинное – ложное*** *является одной из важнейших доминант в творчестве писателя* – «мир прекрасных демонов» *существует «*бок о бок с нами, в зловеще-веселом соответствии с нашим бытием».

Воплощением ложных ценностей жизни является у В. Набокова реклама. На ней: мальчик в… **красном** галстуке, девочка в **красных** зашнурованных сапожках; он… **сладостно** затягивается папиросой или держит в богатырской руке, **плотоядно осклабясь**, бутерброд с чем-то **красным (ешьте больше мяса!)**, она улыбается собственному чулку на ноге или **развратной радостью** обливает **искусственными** сливками **консервированный** компот. Внимание к лексемам, воплощающим мотив еды как символа материальных благ (бутерброд, сливки, компот), привлекает обращение-провокация, данное во вставной конструкции. Негативная семантика словосочетаний **плотоядно осклабясь, развратная радость** активизирует отрицательные значения слова-цветообозначения **красный,** которое многократно употребляется в подобных описаниях. Определения **искусственный, консервированный** гиперболизируют отрицательную характеристику мертвых рекламных образов. Жизнь вторит пошлости рекламы: вечеринки в мастерской, с музыкой, бутербродами, **красными абажурчиками**; **хамская дребедень** громкого немецкого веселья, обожгли пищевод **поганые** спиртные **напиточки**. Негативно окрашенная лексика подчеркивает мерзость этого мертвого инвентаря: **животной роскошью** обставленный кабинет; **старый хлам советских** журналов, **книжонок** с **лающими** обложками,… зажимчики, карандаши; квартира малюсенькая, но **хох-модерн**; световая реклама двух оттенков (на большее число не хватило берлинского воображения) озонно-лазурного и портвейно-красного. В. Набоков прибегает к приему трансформации фразеологизмов: комната была отталкивающей, враждебной, совершенно **не с жизни ему** (как бывает «не с руки»); все было невыносимо. Использование уничижительных суффиксов и слов-оценок, употребление колоратива **красный** и его окказионального синонима **портвейно-красный** маркирует понятие «пошлость».

Можно говорить о том, что концепт **вещь** выполняет в структуре романа сюжетообразующую функцию. Лексема **ключи** разворачивает действие всего романа. Развертывание пространства стихотворного сборника Годунова-Чердынцева определяется местонахождением **мяча**: сборник открывался стихотворением «О Пропавшем Мяче», а заканчивался «О Мяче Найденном». Одним из главных мотивов новеллы о Яше Чернышевском становится **револьвер**: *К весне револьвер вырос. Он принадлежал Рудольфу, но долгое время незаметно переходил от одного к другому, как теплое на веревке кольцо или карта с негритяночкой; стал уже совсем толстым и самостоятельным револьвером.* Револьвер одновременно отождествляется с талисманом, который охраняет от бед, и с картой «дама пик», символизирующей зло, смерть. Глагол *вырос,* определения *толстый, самостоятельный* возводят предмет в ранг живого существа, способного не только жить своей жизнью, но и решать судьбы людей.

Таким образом, вещи не просто становятся значимой деталью повествования, не только дополняют человека, но часто и предопределяют его участь, теснят его.

На основе проанализированного языкового материала мы можем сделать вывод, что слово ***вещь*** *является концептуально значимым для поэтики В. Набокова. Оно представляется «сгустком смысла», обладающим основной идеей, способным вместе с тем вбирать в себя контрастирующие смыслы. Функционирование в различных пространственно-временных плоскостях позволяет совмещать в пределах концепта оппозиции* ***реальное/ирреальное, одушевленное/неодушевленное, истинное/ложное.*** *Концепт* ***вещь*** *является органической частью сложного структурно-семантического пространства романа «Дар». Он взаимодействует, пересекается, совмещается с концептом* ***человек.***

Для создания многоплановости концепта автор широко использует антропоморфизм, находящий свое воплощение в эпитетах, метафорах; динамизм и подвижность образов достигается использованием большого числа глагольных форм; прилагательные усиливают образность изображения. Окказионализмы разных типов (*хох-модерн, тележковые колеса, площадь выслякощило, не с жизни*) подчеркивают своеобразие творческой манеры автора. Все эти составляющие включаются в процесс «языковой игры», присущей идиостилю В. Набокова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синельникова Л.Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках. – Луганск, 1993. - С.98.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово //Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. - С.18.
3. Лосский Н.О. Характер русского народа. – М., 1957. - С.7.
4. Рягузова Л.Н. Система эстетических и теоретико-литературных понятий В.В. Набокова. – Краснодар, 2001.
5. Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. – СПб., 2000.-Т.4.

УДК 811.111’42:821.162.1-32.09:821.111-32.09

РЕЧЕВОЙ ЖАНР И ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ «ДОМА» А.П. ЧЕХОВА И «ЭВЕЛИН» ДЖ. ДЖОЙСА)

Фоменко Е.Г., к. филол. наук, доцент

Запорожский государственный университет

В рассказе концептуальная сетка формируется узлами, в которых пересекаются и трансформируются значения заголовка и ключевых слов. Выводимая текстовая константа является интерпретацией фрагмента текстового концепта. В рассказах Чехова «Дома» и Джойса «Эвелин» епифанизация определяет концептуальную сетку, в которой многократным зацеплением заголовка и ключевых слов обеспечивается движение к фокусу как познаваемой истине.

Ключевые слова: концептуальная сетка, информативность, концепт, текстовая константа, рассказ

Фоменко О.Г. МОВНИЙ ЖАНР І ТЕКСТОВА КАТЕГОРІЯ ІНФОРМАТИВНОСТІ (на матеріалі оповідання “Вдома” А.П.Чехова та “Евелін” Дж. Джойса) / Запорізький державний університет, Україна

В оповіданні концептуальна сітка формується вузлами, у яких пересікаються і трансформуються значення заголовку та ключових слів. Виводима текстова константа є інтерпретацією фрагменту текстового концепту. В оповіданнях Чехова “Вдома” та Джойса “Евелін” епіфанізація визначає концептуальну сетку, в якій багаторазовим зацепленням заголовку та ключових слів забезпечується рух до фокусу як до істини, що пізнається.

Ключові слова: концептуальна сітка, інформативність, концепт, текстова константа, оповідання

Fomenko E.G. SPEECH GENRE AND TEXTUAL CATEGORY OF INFORMATUALITY (on the basis of “At home” by Chekhov and “Eveline” by Joyce) / Zaporizhzhya State University, Ukraine

In a short story conceptual network is formed by the ties in which the meanings of a title and key words are intersected and transformed. The inferred textual constant is the interpreted fragment of a textual concept. In the stories “At home” by Chekhov and “Eveline” by Joyce epiphanization influences the conceptual network,

in which by repeated catch of the title and key words the movement to the focused cognition of truth is provided.

Key words: conceptual network, informatuality, concept, textual constant, short story

«Дублинцы» Джеймса Джойса считаются чеховскими по духу. В них раскрывается мир маленького человека, далеко не всегда способного всмотреться в зеркало своей жизни. Хотя Джойс подчеркивал, что в период работы над циклом не был знаком с рассказами Чехова, он также пользуется техникой епифанизации, то есть постепенно подводит своего персонажа к познанию истины, в которой фокусируется бытие. В рассказах Чехова и Джойса вспомянутая жизнь служит водоразделом между тем, как персонаж относился к себе до того, как мы узнаем о нем в рассказе, и его новым отношением к себе и окружающим. Тонким психологизмом, трансформацией значения в повторяемых ключевых словах оба автора достигают необыкновенной глубины, сопереживаемой читателем.

По убеждению Н. Корнуэлла, посвятившего специальное исследование влиянию русской словесности на Джойса, малая проза Чехова и Джойса несет в себе черты «пост-ибсеновской европейской литературы, отмеченной влиянием символизма» [1: 36]. Исследователь подчеркивает, что на позднего Джойса наибольшее влияние оказала, однако, чеховская драматургия, что ощутимо в «Улиссе». Красноречивым свидетельством об интересе Джойса к творчеству Чехова являются чеховские аллюзии в «Поминках по Финегану».

В своем творчестве к малой форме Джойс обращался несколько раз. Вслед за Чеховым, Джойс реформирует рассказ. В малой прозе Джойса прослеживаются принципы построения рассказа, реформированные Чеховым. По слоам русского мастера, к ним относятся: 1) отказ от словесных излишеств, 2) «объективность сплошная», 3) правдивость, 4) краткость, 5) «смелость и оригинальность» и 6) «сердечность». Новаторство Чехова коснулось всех компонентов рассказа, став достоянием мирового литературного процесса [2:37]. Епифаниями, словно губкой, пропитаны рассказы Джойса. В епифанизируемом пространстве ведется диалог между адресантом и адресатом текста.

Наша цель – рассмотреть, как создается концептуальная сетка рассказа, в которой прослеживаются фрагменты формируемого текстового концепта. В монографии Е.А. Селивановой близким является понятие когнитивной карты, в которой между информационным фильтром адресанта и интерпретантой адресата устанавливается определенный информационный баланс. Как подчеркивает исследователь, в когнитивной карте происходит интеграция концепта текста [3:247]. Следовательно, овладение информативностью текста зависит от полноты читательской интерпретации, воспринятой им когнитивной карты.

Поскольку «поступательно-реверсивный ход восприятия – явление облигаторное для коммуникативного функционирования целого текста» [4:61], в малом прозаическом жанре рассказа организующая роль концепта проявляется в непосредственной проекции заголовка в текст, знаком которого он является. Входя в текстовую ткань, заголовок вступает в общий с ключевыми словами смысловой ряд, который перестраивается по требованию описываемой ситуации. Прямое включение заголовка в текст характерно для «Дублинцев» Джойса, где нами выявлено 134 таких включения.

В концептуальной сетке рассказа семантика действия раскрывается в текстовых константах (читательских интерпретантах), выводимых в узлах пересечения повторяемых заголовка и ключевых слов. Согласно П.Рикеру, «овладеть концептуальной сеткой в целом и каждым ее термином как составной частью – значит быть компетентным, то есть обладать практическим пониманием» [5:69]. В серийных текстах, каковыми являются «Сумерки» Чехова [6] и «Дублинцы» Джойса [7], при размыкании границ отдельного рассказа интерпретируются сквозные текстовые константы, раскрывающие многогранность текстового концепта на разных этапах универсализации его значений. Это означает, что в серийных текстах, в условиях циклизации, концептуальность формируется на разных уровнях обобщения.

Для построения концептуальной сетки необходима система координат, точка отсчета, которая предоставляется заголовком (наречие «дома» в анализируемом одноименном рассказе Чехова из сборника «Сумерки» [6:41-54]) или ключевым словом (“home”, “her new home” в рассказе Джойса «Эвелин» из «Дублинцев» [7:37-43]).

Рассказ Чехова строится движением извне (первая проекция заголовка «нет дома» интерпретируется как [ВЫНУЖДЕННАЯ РАЗЛУКА], во время которой, покуривая, семилетний Сережа имитирует присутствие в доме отца), внутрь дома, в окне которого темное «извне», напоминающее о [РАЗОБЩЕНИИ СМЕРТЬЮ], отсекается «домашними мыслями» о [СОПРИКОСНОВЕНИИ, ЕДИНЕНИИ ДУШ] (в глазах сына его отец видит «и мать, и жену, и все, что он любил когда-либо» [6:51]). В «Эвелин», напротив, воспоминание о прошлом «выталкивает» девушку из дома наружу (детские игры на пустыре, застроенном новыми домами, работа, свидания, планируемый отъезд в Южную Америку). Подобно Сереже, девушка разобщена смертью с матерью. Но ее [ВЫНУЖДЕННАЯ РАЗЛУКА] не компенсируется [СОПРИКОСНОВЕНИЕМ, ЕДИНЕНИЕМ ДУШ], как у Чехова. Мир

чеховских отца и сына, испытавших разлуку смертью близкого человека («смерть», «покойники», ср.: “her mother was dead”, “her dead mother’s sake” в «Эвелин») зиждется на диалоге, взаимопонимании, поддержке. В разговоре («чужое»/ «не наше»/ «твое», «мое», ср.: “he wasn’t going to give her his hard-earned money to throw about the streets” в «Эвелин»), рисунке в голове и на бумаге («аршинная папироска», «дом с кривой крышей», «возле дома» часовой «выше дома», ср.: “Home!..In her home anyway she had shelter and food, she had those whom she had known all her life about her” [7:38]), и сказке («от курения царевич…умер, убили старика», ср.: сказки Фрэнка о далекой стране и мысль о том, что станется с отцом в разлуке с дочерью у Джойса) епифанизируется [ЕДИНЕНИЕ МЫСЛЯМИ САМОГО ЛЮБИМОГО ДРУГОГО] как главный концепт, который выводится из текстовых констант. История об Эвелин и ее отце развивается в том же направлении, хотя диалог дочери с отцом остается воображаемым.

В познании истины герои русского рассказа идут от души к «житейскому смыслу» (=разуму), в то время как Эвелин движется в обратном направлении, от разума к душе (“heart”). Несмотря на это различие, «домашние мысли» одинаково приводятся персонажами в порядок: исчерпана «дурная привычка» курения чужого табака из чужого стола, на котором стоит «моя», теперь уже «твоя» маленькая собачка; отменен отъезд в «другую жизнь», в которой рухнут ценности «долга» (“duty”) и «заботы» (“her promise to keep the home together”). В обоих рассказах сближение героев происходит через драматическое разобщение смертью, ведущее к «ленивым», мыслям, внешней вялости (Сережа), «пассивности (“passive, like a helpless animal”) молодой девушки. Но внешнее безволие обманчиво; внутри этих людей обнаруживается сила, которая дает им возможность двигаться к «соприкосновению, единению душ» как жизненной универсальной ценности (ценностный ряд «свой мирок», «дом с кривой крышей», «смерть матери», часовой для Сережи и “her home”, “other houses”, “her father”? “her dead mother” для Эвелин). И в ирландской, и в русской семье с «домом» ассоциируются любовь и долг. Жизнь в «доме с кривой крышей»/”brown houses” лучше жизни в «стеклянном дворце»/ “her hew home”.

Таким образом, в обоих рассказах концептуальная сетка строится «домашними мыслями»: «курит»/ «курение»/ «дурная привычка»/ «дурные привычки»/ «табачный дым, папироска»/ «закон общежития»/ «куришь»/ «мать (матери)», «скрипка (скрипки)» и другие в чеховском «Дома» и “her home”/ “her new home”/ “another life”/ “her promise”/ “her duty”/ “her distress”/ “her heart” в джойсовском «Эвелин». Дети страшатся новой потери. В отце, как у Быковского в глазах сына, Эвелин видит весь свой мир. Моменты единения, известные Сереже, драгоценны для девушки и уже стали достоянием «вспомянутой жизни». Рисунок (изображение святой) дается Эвелин в готовой литографии, сказку о далекой стране рассказывает сам «царевич», а правдивый, откровенный разговор заменяется белеющим конвертом на коленях. Восстановление единения становится самым важным для возвращающейся обратно домой девушки.

Интересно, что епифанизирцется Эвелин теми же текстовыми константами, что и Быковский. Она ищет душевное соприкосновение, направляя мышление на манер отца, стремясь к контакту, овладевая искусством взаимопонимания и познавая истину. В обоих рассказах возникают образы шарманщиков и замолкнувших музыкальных инструментов (скрипка дядя Игнатия, которую забрали Григорьевы, разбитая фисгармония в комнате Эвелин). И Эвелин, и отец Сережи ценят гармонию семейного очага, дом: «Прокурор чувствовал на лице его дыхание, то и дело касаясь щекой его волос, и на душе у него становилось тепло и мягко, так мягко, как будто не одни руки, а вся душа его лежала на бархате Сережиной куртки» [6:51]; “Another day, when their mother was alive, they had all gone for a picnic…She remembered her father putting on her mother’s bonnet to make the children laugh…”[7:41].

Следует отметить, что в обоих рассказах техника епифанизации проявляется в текстовой константе [ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО], когда настоящее с разных сторон осмысляется через призму более счастливого и гармоничного прошлого. В памяти как приобретенном опыте персонажи черпают источник самопознания; в сравнении «прежде» и «сейчас» (ср.: «прежде, в мое время» и “that was a long time ago”) переоцениваются жизненные действия, выказывающие страстное стремление души к свободе выбора в условиях нарушенной смертью гармонии. Жители разных домов и стран, Эвелин и отец Сережи дышат «семейным союзом». Эвелин близка Сереже, которому невыносима мысль о возможной смерти папы из-за покуривающего «карапуза»; прокурор Быковский близок отцу Эвелин желанием связать себя со своим ребенком не только долгом и памятью об умершей жене, но и гармонией неполной семьи. Такие «домашние мысли» епифанизируются издалека, потому что о «великом, вечном» нельзя назидательно «вещать».

Епифанизацией своего «мирка» персонажи вживаются в истину, которая оказывается, на деле, совсем не «фальсификацией» и не «обманом». Они осознают, что [ЛЮБОВЬ] и [ЖИЗНЬ] – не «целесообразный обман», не «иллюзия». Отсюда особый смысл приобретают включения заголовка в текст, которые в рассказах Чехова и Джойса выводят на общий текстовый концепт с разных направлений (домой к Сереже и в дом к отцу). Душевность русских, свойственная им от природы меланхолия обретают черты здравого смысла (повторы однокорневых слов «дом», «дома», «домашние»), в то время как житейская мудрость и

необузданность ирландцев наполняются душевностью (повторы имени собственного девушки), которая в обычных ситуациях прячется в подсознании.

Проведенное исследование показывает, что при разработке сходных тем используются ключевые слова одного ряда, что приводит к выведению сходных читательских интерпретант. В фрагментах текстового концепта проявляются разные стороны [СОПРИКОСНОВЕНИЯ, ЕДИНЕНИЯ ДУШ]. Для Джойса важно, чтобы его дублинцы отошли от охватившего их паралича и познали истину о том, как обеднена их жизнь апатией, безразличием. У Чехова, где контакт между персонажами более живой и тесный, возникает тот же медицинский образ «пилюли» как лекарства, в которое заворачивается истина. Движение к истине в концептуальной сетке идет путем срывания с нее красивой обертки, оголения правды общения, правды подлинной любви. В этом отношении концептуальные сетки как чеховского «Дома», так и джойсовского «Эвелин» обнаруживают поразительное сходство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнуэлл Н. Джойс и Россия. – СПб.: Академический проект, 1998. – 191с.
2. Гречнев В.Я. Русский рассказ конца XIX-XX века. – Л.: Наука, 1979. – 208с.
3. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: ЦУЛ, «Фитосоционцентр», 2002. – 336с.
4. Колегаева И. М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. – Одесса: ОГУ им. И.И. Мечникова, 1991. – 120с.
5. Рикер П. Время и рассказ. – Т. 1. – М.: Университетская книга, 1999. – 313с.
6. Чехов А.П. В сумерках. Очерки и рассказы. – М.: Наука, 1986. – 571с.
7. Joyce J. Dubliners. – L.: Penguin: 1996. – 256p.

УДК 808.2-1:27 «19»

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ДЕХРИСТИАНИЗАЦИИ И РЕХРИСТИАНИЗАЦИИ В РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ XX ВЕКА

Хейлик Т.А., к.филол.н., доцент

Запорожский государственный университет

В статье исследуется проблема прописной буквы в русской орфографии. Особое внимание уделено результатам влияния дехристианизации и рехристианизации на употребление большой буквы в религиозных названиях. Анализируется современная орфографическая практика, обсуждается вопрос упорядочения написания некоторых групп религиозных слов, фразем.

Ключевые слова: орфография, прописная буква, дехристианизация, рехристианизация, строчная буква, религиозные названия.

Хейлік Т. О. ВІДОБРАЖЕННЯ ПРОЦЕСІВ ДЕХРИСТИЯНІЗАЦІЇ ТА РЕХРИСТИЯНІЗАЦІЇ В РОСІЙСЬКІЙ ОРФОГРАФІЇ XX СТОЛІТТЯ /Запорізький державний університет, Україна.

У статті досліджується проблема великої літери в російській орфографії. Особлива увага приділяється результатам впливу дехристиянізації і рехристиянізації на вживання великої літери в релігійних назвах. Аналізується сучасна орфографічна практика, обговорюється питання упорядкування написання деяких груп релігійних слів, фразем.

Ключові слова: орфографія, велика літера, дехристиянізація, рехристиянізація, мала літера, релігійні назви.

Kheylik T. A. REFLECTION OF PROCESSES DE-ORTHODOX AND RE-ORTHODOX IN RUSSIAN ORTHOGRAPHY OF THE 20-TH CENTURY / Zaporizhzhya State University, Ukraine.

In this article the problem of capital letter in Russian orthography is investigated. Special attention is paid to the results of influence de-orthodox and re-orthodox on the usage of capital letter in the religions names. Also analysis of real modern orthographically practice is given. The question of regularity in spelling of some groups of religions words is discussed by the author.

Key words: orthography, capital letter, de-orthodox, re-orthodox, small letter, religions names.

Как известно, религиозно-конфессиональные факторы играли и играют немаловажную роль и в судьбах языков, и в истории человечества. Это обусловлено тем, что религия представляет собой *«универсальные*

смыслы, трансформируемые в общении, заветные смыслы, самые важные для человека и общества» [1, 4].

Религия видится верующим как связь между высшей сущностью и людьми. Эта связь состоит в том, что Бог сообщил людям самое главное знание и между Богом и людьми установился договор: люди должны жить по заповедям, полученным от Бога, надеясь на его помощь, поддержку. *«В самых разных религиях в круг ключевых значений входят понятия, связанные с передачей информации:* ***Откровение, слово Бога, заповедь, завет, пророчество, благая весть, вестник, послание, пророк, Священное Знание (Писание, Предание), Символ Веры, истолкование священного Слова, проповедь, молитва…****»* [1, 5] То есть религия (и, естественно, христианство) является зоной чуткого, пристального внимания к слову – к передаче заветного смысла, в том числе и в графической форме. В связи христианства и русского языка проявилась и своя логика, обусловленная фидеистическим отношением к миру, и некий драматизм, обусловленный дехристианизацией общества после Октябрьской революции.

Процессы дехристианизации и рехристианизации ярко проявились в русской орфографии XXв. – в области, лингвистически традиционно устойчивой, не приемлющей разнобоя. Ощутимо они сказались на использовании большой буквы, что позволяет говорить о трех периодах в употреблении прописной в религиозных названиях:

- дореволюционный;
- советский (связанный с дехристианизацией);
- постсоветский (рехристианский), когда в конце 80-х годов воинствующий материализм сдал позиции, на смену ему пришло либеральное отношение к религии, приведшее первоначально к вызывающему, гипертрофированно неумеренному, подчеркнуто оппозиционному написанию слов, обозначающих религиозные понятия, с прописной буквы. Установившийся разнобой требовал упорядочения и унификации. Заговорили о необходимости возвращения к дореволюционному написанию.

Формально, механически заменяя строчные буквы прописными, многие полагали, что восстанавливают в орфографии историческую справедливость, попранную большевистскими декретами.

Дореволюционное написание названий, номинирующих религиозные понятия, регламентировалось «Русским правописанием» – руководством, составленным по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я.К.Гротом. И хотя сам Я.К.Грот отмечал что *«мудрствующие писцы довели употребление»* больших букв *«до излишества»,* что *«везде замечается стремление ограничить насколько можно пестроту письма, происходящую от больших букв»,* и вообще *«правилам об употреблении больших букв»* не следует придавать слишком много значения, тем более что невозможно дать точных указаний на все встречающиеся случаи [2, 87-88], тем не менее, излагая правила употребления прописной буквы, религиозные названия Я.К.Грот подает 4-ым пунктом (после: 1. Первого слова строки… 2. Первого слова чужой речи… 3. Каждого слова, начинающего стих, т.е. после рекомендаций к организации текста, к его оформлению). Фактически изложение непосредственно правил употребления прописной буквы в названиях начинается именно с обозначений предметов религиозного почитания, что свидетельствует о важности этой орфографической позиции, опережающей даже правило о титлах *«царствующего в России Дома».* (Заметим, что в опросном листе первой всеобщей переписи в России -1897г.- не ставился вопрос о национальности, но был вопрос о вероисповедании).

По Гроту, с большой буквы пишутся «имена трех лиц Божества и высших существ, составляющих предмет религиозного почитания христиан: **Бог, Господь, Творец, Всевышний, Спаситель, Богородица, Святой Дух, Св.Троица** и т.п..; также слова: **Провидение, Промысел, Небо, Церковь** в духовном смысле. Не требуют большой буквы названия целых разрядов или видов существ, признаваемых Церковью: **«ангел, херувим, серафим»** [2, 88] Регламентируется написание «имен исповеданий» или «учений и последователей их», они «пишутся в обоих числах с малой буквы: **христиане, христианство, католики, православные, лютеране; ислам**» [2, 89]. Обращает Я.К.Грот внимание и на написание с заглавной геортонимов: «Некоторые названия праздников, недель, дней, имеющих **особое религиозное значение** (выделено нами – Т.Х.): **Рождество Христово, Пасха, Благовещение, Великий пост, Страстная, Светлая неделя, Великий четверг, Преполовение».** [2, 90] Но «народные названия праздников и разных эпох года пишутся с малой буквы: **святки, масленица, мясоед, семик**».

В настоящее время в написании народных праздников отмечается частое употребление прописной.

В отдельный параграф выделено правило о написании библионимов: «с большой буквы пишутся заглавия книг, периодических изданий: **Деяния святых Апостолов».** Но названия книг, приводимые не в виде их заглавий, а для означения содержания их, (внимание!) не пишутся с большой буквы: **календарь, святцы, священное писание, евангелие, грамматика** [2, 91].

Таким образом, православная традиция, предполагавшая написание с заглавной буквы слов, передающих высокие и высочайшие понятия, была закреплена Руководством Грота.

«Бог называется не только **Творцом** и **Создателем** мира, но также **Владыкою, Вседержителем** и **Промыслителем**» [3, 5]. «Посредине алтаря находится св.престол, на котором невидимо присутствует **Господь**, как **Царь** и **Владыка Церкви**» [3, 5]. Эти слова потому и начинаются с заглавной буквы, что за ними, по православному пониманию, стоят не только самые высокие понятия, но эти понятия представляют абсолютную единственность, а их имена являются именами собственными и даже, по замечанию Н.К.Подольской, «более, чем собственными.» [4, 51].

Написание с прописной и строчной поддерживалось и закреплялось дореволюционными лексикографическими изданиями: «Лицо - образ Божий» (5, 667]; «За правду Бог лица набавляет» [там же]; «Крещенье – церковный праздник в память крещения Спасителя»; «Богоявление, Иордань» [5, 492]. В дореволюционной орфографической практике четко прослеживалось двоякое (дифференцирующее) написание омонимичных слов: **Крещение, Иордань** и др. Как геортонимы, т.е. имена собственные, и как нарицательные: **иордань** – помост, беседка на реке для водосвящения в день Богоявленья, купель, в которую погружают младенца при крещении: «Кто о святках родился, купается во иордани» [5, 492], «Увидеть Господне крещение: в полночь чаша с водой сама колыхнется» [там же].

После Октябрьской революции в стране усиливаются процессы секуляризации, наблюдается планомерно агрессивное, насильственное обмирщение жизни общества и частной жизни, законодательно поддерживаемое Декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 года и целым рядом постановлений, отделивших церковь от государства и школы от церкви, лишивших ее господствующего статуса. И хотя свобода вероисповедания декларируется (она включается в число конституционных прав гражданина) и де-юре за разными конфессиями признается равный статус, де-факто в стране отсутствует веротерпимость и религиозный плюрализм. Новые отношения церкви и государства находят отражение в языке, уничижение религии приводит к уничижительному написанию со строчной многих духовно значимых названий. «Сталинская тирания, равно преуспевшая в искоренении христианства и уничтожении крестьянства, - пишет в журнале «Человек и природа» А.Морозов, - торжественно пообещала самой себе, что к Первомаю 1937 года из русского языка вообще навсегда исчезнет даже само слово Бог. Когда же этого не случилось, угодливые реформаторы нашей орфографии постановили считать это слово пишущимся с малой буквы» [Цит.по: 7,64]. Место Бога занимают другие кумиры (вспомним у Маяковского: «Бывало – сезон, наш бог – Ван Гог, другой сезон – Сезан»/ «Верлен и Сезан», 1925/ или «Дней бык пег. Медленна лет арба. Нам бог бег. Сердце наш барабан» («Наш марш», 1917).)

Начинают писать со строчной буквы почти все религиозные наименования. С этой точки зрения весьма показателен «Новый орфографический справочник» И.В.Устинова (1930г.) В это пособие для школ и самообразования с «кратким толкованием малопонятных слов» включено лишь несколько религиозных геортонимов: **пасха, крещение** – без объяснения значения, хотя значение слов «мирских», «светских» приводятся почти без исключения, **воскресение** толкуется как «оживление» и «день недели» [6, 28], **заутреня, ладан, масленица** также вводятся без толкований, **вечерня** дается в словарном гнезде со словами **вечер, вечерний, вечеринка** [6, 25], вводятся – при отсутствии самостоятельного слова **крестины** – слова, обозначающие новые советские обряды, замещающие религиозные: **звездины** – «красные гражданские крестины, иначе октябрины» [6, 49], **октябрины** – «торжественные гражданские «крестины», входящие в обычай в СССР вместо отживающего церковного обряда крещения младенцев»[6, 96].

Написание религиозных названий со строчной буквы закрепилось в практике печати, было зафиксировано в сло́вниках Орфографического словаря русского языка и толковых словарей. Более того, при переиздании дореволюционной литературы авторское написание, как отмечает Л.В.Чельцова, «исправлялось» нередко с серьезными потерями [7]. Ярким примером, на наш взгляд, могут служить «Пословицы русского народа» В.И.Даля [8], переизданные в 1984г.: «Велико имя господне на земли»; «В мале бог, и в велике бог»; «Божья роса божью землю кропит», «Одно трости: господи, прости!»; «Кто в пяток на первой неделе великого поста постится, не умрет напрасною смертию»; «Кто перед рождеством Христовым постится, узреет перед смертию пресвятую богородицу; «Жить – богу служить», «Жив бог – жива душа моя», «На поле Никола общий бог» [8].

В трех последних пословицах слово **бог** используется в разных значениях: в значении имени собственного, вмещающего сущностные свойства Всевышнего, и в значении имени нарицательного: «самый главный». Употребление строчной буквы нарушает дифференциацию высокого духовного смысла имени и переносного метафорического его использования.

В словаре-справочнике Д.Э.Розенталя «Прописная или строчная?» (1985г.) религиозным названием посвящено всего два абзаца, регламентируется написание геортонимов и библионимов:

1. «Названия церковных праздников, религиозных постов пишутся со строчной буквы: **рождество, пасха, масленица, святки, ильин день, николин день, петров день, троицын день, великий пост, страстная неделя**. 2. Названия культовых книг пишутся с прописной буквы, если книга не имеет других названий, например: **Библия, Евангелие, Коран, Часослов** (но: по библии, по евангелию, по корану)» [9, 323].

До середины 80-х годов XXв. такое написание было абсолютно устойчивым. Начавшаяся во второй половине 80-х гг. рехристианизация общества не только способствовала возвращению к старому, гротовскому употреблению прописных букв во многих группах онимов, связанных с христианством, но и, существенно поколебав законодательно закрепленные написания, привела к чрезмерному «разнописанию», о чем свидетельствует анализ периодической печати, новейших словарей, энциклопедий, специальной и художественной литературы.

Приведем лишь несколько примеров из так называемой массовой литературы, где проявляются современные орфографические тенденции, порой весьма уродливо.

«Обычная история: следователь возбудит уголовное дело, оперативник заведет розыскное дело, папки положат в сейфы и извлекут их на **свет божий**, если по другому убийству задержат человека с оружием…» [10, 152].

«Извлеченный **на свет Божий** пакет с маковой соломкой тянул на 6 кг» [11, 112].

«В газетах каждый **божий день** читаешь: поймана такая-то банда, такая-то [11, 132]».

«Что связывало, например, таких во всем совершенно не схожих **созданий Божьего каприза**, как Король жизни – Оскар О'Флаэрти Уальд и Альфред Брюс Дуглас» [11, 133].

«**Господи Боже**, третье тысячелетие на дворе» [11, 45].

«Ах ты, **боже мой**, да прости Христа ради! Не со зла и уж совсем не из любопытства» [10, 138].

«Дорогая Елена Владимировна, алкоголь – яд, **слава богу**, доехали благополучно и в таком состоянии» [10, 173].

«Свои песни Газманов – композитор создает не по принципу «свободного времени», а **как Бог на душу положит**»[«Арт-Мозаика», 1999. - №32. – с. 17]

«После школы поступал в педагогический институт, **слава Богу,** не поступил» (из интервью Дмитрия Певцова).

«Кстати, лично ко мне, как к человеку, имеющему отношение к русской нации, могут быть большие претензии со стороны православия, которое не одобряет… гадания, волшебства и тому подобного. Я пыталась оправдаться перед собой и **небом**, что гадание – это метод моих расследований» [12, 391]. Здесь явно уместно написание слова **небо** с прописной.

«Мы тут с нашими даже в лес ездили, чтобы ощутить на природе дух языческой **Масленицы**» [11, 103]. Заметим, что по Гроту народные праздники писались со строчной.

«После **масленицы** Великий пост, а за страстною Пасха» [5, 788].

Разнобой в написании отмечается не только из-за формального подхода (писать с прописной все наименования, если в них есть «божественный», «религиозный» семантический компонент). Двоякое написание может быть вызвано лексико-грамматической омонимией : одно слово – имя собственное, другое – нарицательное, за ними стоят разные понятия. «Очень характерно, - замечает С.Аверинцев, – что в языке постсоветской (и не только постсоветской) прессы существительное **«апокалипсис»** (со строчной буквы) употребляется исключительно в словосочетаниях типа «ядерный апокалипсис», то есть означает не откровение (каковой смысл имеет греческое слово **«Апокалипсис»**), но и не событие, которое, при всей катастрофичности, было бы эсхатологически содержательным (как предполагает настоящий **Апокалипсис**, то есть Откровение св. Иоанна Богослова), а просто несчастный случай, который может стать тотальным, может прикончить жизнь на земле, но от этого отнюдь не получает способности что-то значить» [13, 143].

Вместе с тем в языке художественной литературы и публицистике дифференцированное употребление прописной и строчной букв в религиозных словах стало неожиданным дополнительным стилистическим средством, невозможным в советских светских текстах. Вот как, например, тонко и точно передает предперестроечную атмосферу гуманитарных вузов, сложные взаимоотношения преподавателей литературы, духовные поиски интеллигенции С.Вул:

-*... Костромин – враг. Хвалит антисоветчика Некрасова, украинских националистов. А как он отзывается о Кочетове, о Софронове! Студенты к нему липнут. Ты что, не замечаешь, что они уже не слышат нас? И после этого ...Побойся* ***б****ога, опомнись, Павел!*

-Я и боюсь Бога, - негромко сказал Парака.

Медведков остолбенел.

-Павел! – изумленно выговорил он. – Ты что? О господи.

*-О **Господи**, - с усмешкой повторил Парака.*

Медведков ошеломленно смотрел на него.

-Ты что это, всерьез? Стал… верующим?

-Почему – стал?

-Хочешь сказать, что всегда верил?

-Это мое дело, - Парака замкнулся. [14, 51].

Единообразное письмо – необходимый компонент культуры. Необходимость единообразного написания религиозных названий отмечена лингвистами [4; 7; 15].

Важна эта проблема для школы. Учебники русского языка для русскоязычных и украиноязычных школ, пособия по русскому языку, не дают филологически обоснованных правил употребления прописной буквы, а порой и дезориентируют, следовательно, в школе не закладываются основы единообразного написания. Анализ новейших учебников для 5-9 классов (под ред. Е.П.Голобородько) показывает, что составители игнорируют эту проблему. В 6 классе изучаются правила употребления прописной буквы, но ни в формулировке правил, ни в дидактическом материале религиозные онимы не отмечены. Лишь два обращения к религиозным названиям фиксируются в учебнике Н.А.Пашковской и В.А.Корсакова для 10-11 классов (К.: Освіта, 98г.): в легенде о вавилонской башне (Бог) и в тексте на морально-этическую тему. *«Если самолюбие покидает человека насовсем, он становится бесхарактерным. О таком резко и справедливо говорит русская пословица: «Плюнь в глаза – скажет, **Божья роса**»,* где употребление прописной семантически не обусловлено.

Рекомендации по написанию религиозных названий, представленные в 2-х изданиях «Справочника по правописанию, произношению, литературному редактированию» Д.Э.Розенталя [16; 17], не снимают всех противоречий, а в некоторых случаях их усугубляют: *«Слово **Бог**, как правило, пишется с прописной буквы в составе устойчивых сочетаний (**Бог даст, слава Богу, помилуй Бог, не приведи Бог**)»* [16, 22]. Выражение *«как правило»* оставляет место для разночтений. В издании 1997 года: *«Со строчной буквы пишется слово **«бог»** в устойчивых сочетаниях, употребляемых в разговорной речи вне связи с религией: **не бог весть** (кто, что, какой), **бог его знает** (не знаю), **бог с ним** (с ней, с тобой, с вами) – согласен, хотя мне это не нравится; … **не приведи бог, избави бог** и под., а также междометия: **боже, боже мой, господи**…»* [17, 24]. Но *«когда **Боже, Господи** выражают обращение к **Богу,** следует писать эти слова с прописной буквы»* [17, 24], т.е. выбор написания зависит от контекста (как и написание выражения **«Слава Богу!»**), следовательно, толкование нечеткого, размытого, неоднозначного контекста может привести к вариативности написания подобного рода фразем.

Надо полагать, что издание нового Свода правил русского правописания с особым разделом, предусматривающим употребление прописных букв [18, 683]; [19], законодательно закрепит новые написания обозначений священных понятий религии и остановит тот орфографический беспредел, ту орфографическую вкусовщину, что господствует ныне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечковская Н.Б. Язык и религия.–М.: Агентство «ФАИР», 1998.–352 с.
2. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я.К.Гротом. – Спб.,1886.–120 с.
3. Чельцов Г. Объяснение символа веры, молитв и заповедей.– Петроград: Синодальная типография, 1917.–206 с.
4. Подольская Н.В. Заглавная и строчная буквы в культовых словах// Русская речь.– 1994. – №4.– С.49-57.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка /Под ред. И.А.Бодуэна де Куртенэ.– 3-е изд. – Т.2. – 1903-1909 гг. – 2030 с.
6. Устинов И.В. Новый орфографический справочник с кратким толкованием малопонятных слов и сборником задач для самостоятельных орфографических упражнений. – М.-Л.: Госиздат, 1930. – 230с.
7. Чельцова Л.В. бог или Бог?// Русская речь. – 1991. –№4. – С.64-67.

8. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т.– М.: Худ.лит., 1984.– Т.1. – 383 с.

9. Розенталь Д.Э. Прописная или строчная? Опыт словаря-справочника. – М.: Русский язык, 1985. – 328с.

10. Леонов Н. Наркомафия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. – 519 с.

11. Степанова Т. Звезда на одну роль. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998.

12. Серова М. Веселый кошмар. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 512 с.

13. Аверинцев С. Моя ностальгия // Новый мир. - 1996. – №1. – С.140-144.

14. Вул С. Эма и три толстяка // Радуга. – 2000. - №1. – С. 3-71.

15. Иванова В.Ф.Вести из Орфографической комиссии РАН// Русская речь.– 1996. – №3. – С.48-51.

16. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М.: Московская международная школа переводчиков, 1994. – 400с.

17. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. – М.: Рольф, 1996. – 368 с.

18. Лопатин В.В. Орфография: саморазвитие и упорядочение // Вестник Российской академии наук, 1997.– Т.67. –№8. – С.681-687.

19. Лопатин В. В. О новом своде правил русского правописания // Русская словесность в школах Украины. – 2002. - № 3. – С. 6-10.

УДК 811.161.1’282.4

ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ

Хейлик Т. А., к. филол. н., доцент, Богомолова О. В., студент

Запорожский государственный университет

Статья посвящена некоторым проблемам отражения этнических стереотипов в русском языке.
Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, национальная самобытность, коннотативность, этнос, этнический стереотип.

Хейлік Т. О., Богомолова О. В. МОВА ТА ЕТНІЧНІ СТЕРЕОТИПИ / Запорізький державний університет, Україна.
Стаття присвячена деяким проблемам відображення етничних стереотипів в російській мові.
Ключові слова: вільний асоціативний експеримент, національна самобутність, конотативність, етнос, етнічний стереотип.

Kheylik T. A., Bohomolova O. V. LANGUAGE AND ETHNICAL STEREOTYPES / Zaporizhzhya state university, Ukrane
The article deals with some problems of ethnical stereotypes in Russian.
Key words: free associative experiment, national originality, connotation, ethnos, ethnical stereotypes.

Язык играет роль посредника при восприятии человеком большинства важнейших мировых явлений и представляет собой главное средство оказания обратного воздействия на внешний мир [1, 78].

Социолог Р. Бинкли рассматривает два мира, в которых живет каждый человек. “Один из них – “внешний мир” – включает в себя то, что с нами происходит, то, что мы сами видели, чувствовали, оценивали. Этот мир невелик. Бóльшую же часть знаний о мире мы получаем из различных источников через язык, что и образует так называемый «вербальный мир». Соотношение между этими мирами такое же, как между картой и той реальной территорией, которую она представляет» [Цит. по 2, 96].

Человеческий мозг и психика способны вырабатывать стереотипные формы мышления. В основе этого явления лежат физиологические процессы. К стереотипным формам мышления человека относят общие понятия, ассоциации, моральные нормы и предрассудки. «Стереотипы человеческого мышления выражаются с помощью языковых стереотипов» [3, 47].

Термин «стереотип» введен в научный оборот американским социологом У. Липпманом. Под стереотипом Липпман понимал «особую форму восприятия окружающего мира, оказывающую

определенное влияние на данные наших чувств до того, как эти данные дойдут до нашего сознания» [2, 95].

Проблемой этностереотипа интересуются и отечественные специалисты. Так, по словам И. Кона, «у каждой этнической группы ... есть как образ собственного языка и собственной культуры, так и устойчивые представления о других народах ... Любая нация интуитивно ассоциируется с тем или иным образом» [4, 9]. Представления «о человеке вообще» люди, как правило, формируют на основе наблюдений над собственным этносом, отличительные черты которого, т. о., принимаются за норму. Соответственно, черты, свойственные иным этносам, воспринимаются как отклонение от стандарта. Это касается как характерных черт поведения, так и речевых особенностей [5].

Интересные исторические факты межкультурной коммуникации приводит С. Лурье: «... Несмотря на бессчетные объяснения народу, что русские состоят в кровном родстве с южнославянскими народностями, крестьяне все же называли сербов, черногорцев, болгар одним совокупным словом «греки», которые в их глазах (даже при том положительном ореоле, который пытались сформировать им славянофилы) были какими-то беспомощными недотепами, не умеющими за себя постоять» [6]. Характеризуя русско-японскую войну 1904-1905 гг., генерал М. И. Драгомиров весьма едко назвал ее «войной кое-каков с макаками» [7]. И. Кон рассуждает о противоречивости национальных предрассудков: «... Те же отрицательные черты, которые в Европе и Америке приписываются евреям, в других частях света ассоциируются с совершенно другими этническими группами, которые символизировались в качестве торговцев. В Закавказье это относилось к армянам, во многих странах Юго-Восточной Азии – к китайцам, которых король Таиланда Рама VI прямо назвал «евреями Востока» [4, 36].

Некоторые этнонимы используются метафорически, правда, фиксированных нормативными источниками, немного:

негр – о том, кто выполняет тяжелую неблагодарную работу [8, 79]

арап – 2. Плут, мошенник [9, 26].

чукча - иронично или шутливо-иронично. О глупом, необразованном, несообразительном человеке [10, 664].

В разговорной речи эта тенденция представлена гораздо шире:

- Вы что, не видите, здесь же написано: «Вход»
- Это ж по-русски написано, мы ж китайцы.
- Ну зануда, ну педант, ну вылитый англичанин!
- Ну что ты в самом деле, турок, что ли? Не понимаешь?
- Ну ты молдаванин (румын, уругваец, чукча)!

Владимир Жельвис видит причину того, что «русские избрали в качестве «мальчика для битья» чукчей в том, что «...само название народности звучит смешно: «чук-ча» ... В анекдотах про чукчей те изображаются как доверчивые, простодушные и невероятно тупые люди» [11, 10].

Б. Я. Шарифуллин говорит, что слово «чукча» может служить иллюстрацией сложившихся в народном восприятии межнациональных отношений, и не только в известном цикле анекдотов [12, 162].

Для многих народов в русском языке наряду с официальным названием используются этноклички, отражающие типичные физические черты, пристрастия и т. д. (см. табл. 1). Так, американцев называют янки, гамбургерами, Джонами, богатого американца - «дядюшкой Сэмом».

Таблица 1 – Этноклички

№ п.п.	Этноним	Прозвище
1	Американец	янки, гамбургеры, Джон, дядюшка Сэм (богатый американец)
2	Англичанин	Томми
3	Белорус	бульбаш
4	Болгарин	перец
5	Грузин	Гоги
6	Еврей	француз (из-за картавости), жид, Абрам, Хаим
7	Жители Юго-Восточной Азии	узкоглазые, обезьяны, макаки

8	Жители Кавказа	черные
9	Жители Средней Азии	чучмеки, чурки
10	Итальянец	макаронники
11	Латиноамериканец	мачо
12	Немец	солдафон, бюргер, Ганс, Фриц (немец-фашист)
13	Поляк	жулик, пшек, лях
14	Румын	цыган
15	Русский	москаль, кацап, кое-каки, кое-какеры, Иван, Ваня
16	Украинец	хохол, чуб, оселедець
17	Француз	лягушатник, Жан
18	Югослав	юг

По словам Ю. Н. Караулова и М. М. Коробовой, язык существует в трех сферах: собственно языковой системе, в тексте и в ассоциативной вербальной сети [13] В ассоциативном эксперименте, о котором мы уже рассказывали в наших статьях [14, 5], выявлены поверхностные и глубинные стереотипы русских, евреев. Как известно, поверхностные стереотипы – это представления о том или ином народе, обусловленные исторической, международной, внутриполитической ситуацией или другими временными факторами. Это, как правило, образы-представления, связанные с конкретными историческими реалиями [14].

В ассоциативном эксперименте, который был проведен в конце 1999 года, 8% участников на слово-стимул «Россия» отреагировали словом «Ельцин».

Данный период – время перед выборами в России. Поэтому упоминание имени «Путин» в ряду слов-ассоциаций на слово-стимул «Русский мужчина» и «Русский народ» является естественным. Больше ни один политический деятель, кроме Ленина, в ответах-ассоциациях эксперимента 1999 года не упоминается. Эксперимент, проведенный через 3 года, показал подвижки в поверхностном стереотипе: появление новых реалий повлекло за собой появление новых ассоциаций. Если в первом эксперименте на слово-стимул “Россия” 8 % участников эксперимента дали одинаковый ответ “Ельцин”, то во втором – 12 % участников дали одинаковый ответ “Путин”. К числу изменившихся поверхностных стереотипов можно отнести такие: двуглавый орел, сине-красно-белый флаг. Глубинный стереотип практически не меняется. В эксперименте 1999 года слово «кацап» было зафиксировано как реакция на слова-стимулы: «русский», «русский мужчина»; «москаль» – на слово-стимул «русский». В эксперименте 2002 года этномаркеры русских проявились в большем количестве слов-стимулов.

Одна из функций, которую, по мнению А. С. Баронина, должна выполнять этнопсихология, воспитательная, она «позволяет избегать формирования этнических предрассудков и способствует интернациональному воспитанию общественности, целью которого является бесконфликтное общение в пределах многонационального государства» [1, 25].

Этнические стереотипы как относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических качествах, характерных для представителей различных этнических общностей фиксируют оценочные суждения об указанных качествах. Картины России, ее ежедневной жизни, духовной культуры, функционирующие в сознании студентов-украинистов, являются субъективными.

Итоги эксперимента 1999 г. выявили довольно сложное, неоднозначное отношение к России. Эксперимент 2002 показал, что восприятие России становится нейтральнее. Но, несмотря на это, остается актуальным наличие отрицательных и враждебных оценок. Деконструкция этнических стереотипов способствует гармонизации этнических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баронин А. С. Этническая психология. – К.: Тандем, 2000. – 264 с.
2. Павловская А. В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации // Вестник МГУ. –Серия 19, лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – № 1. – С. 94-105.
3. Евсеева Н. А. Культура и языковые запреты // Вестник МГУ. – Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – № 2. – С. 43-47.

4. Кон И. Психология предрассудка // Психология национальной нетерпимости. – Минск: Харвест, 1998. – С. 5-48.

5. Хейлик Татьяна. Словесные ассоциации как способ описания стереотипа еврея // Шестые Запорожские еврейские чтения. – Запорожье, 2002. – С. 190-193.

6. Лурье Светлана. Российская государственность и русская община // http://svlourie.narod.ru/hist-ethnology

7. Хейлик Т. А. Кое-каки и кое-какеры // Русская речь. – 1993. - № 1. – С. 124.

8. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб: Наука, 1993. – 153 с.

9. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1988. – 608 с.

10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – С.-П.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

11. Жельвис Владимир. Эти странные русские. – М.: Эгмонт, 2002. – 96 с.

12. Шарифуллин Б. Я. О лексике и фразеологии политизированного языка // Лексика и фразеология: Новый взгляд. – М., 1990. – 161-162.

13. Караулов Ю. В., Коробова М. М. Индивидуальный ассоциативный словарь // Вопросы языкознания. – 1993. – № 5. – С. 5-15.

14. Богомолова О. В., Хейлик Т. А. Субъективный образ России в сознании студентов-украинистов (по итогам свободного ассоциативного эксперимента) // Вісник Запорізького державного університету: Збірник наукових статей. Філологічні науки. – Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2000. – С. 20-24.

УДК 821.161.1

О ФЕНОМЕНЕ ПРЕДСИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Чернышова Т.А., аспирант

Харьковский национальный университет им. В.Н.Каразина

Статья представляет собой попытку анализа трансформационных процессов в контексте общесоциальных и общекультурных трансформаций. Автор предлагает рассматривать российскую поэзию конца XX века как предсистему, характеризующуюся такими типологическими признаками, как неоднородность, аморфность, эклектизм стиля. Очерчиваются контуры грядущей литературной системы, которая будет иметь «неосентиментальную» направленность.

Ключевые слова: предсистема, неоднородность, аморфность, эклектизм стиля, постмодернизм, неосентиментализм.

Чернишова Т.О. ПРО ФЕНОМЕН “ПЕРЕДСИСТЕМИ” В РОСІЙСЬКІЙ ПОЕЗІЇ НА ЗЛАМІ XX-XXI СТ. / Харківський національний університет ім.В.Каразіна, Україна

Стаття є спробою аналізу трансформаційних процесів у сучасній російській поезії в контексті загальносоціальних та загальнокультурних трансформацій. Автор пропонує розглядати російську поезію кінця XX століття як передсистему, що характеризується такими типологічними ознаками, як неоднорідність, аморфність, еклектизм стилю. Окреслюються контури майбутньої літературної системи, яка матиме “неосентиментальну” спрямованість.

Ключові слова: передсистема, неоднорідність, аморфність, еклектизм стилю, постмодернізм, неосентименталізм.

Chernishova T.A. ABOUT PLUNOMENON OF “BEFORE-SYSTEM” IN RUSSIAN POETRY FODDERING XX-XXI CT. / Kharkiv National University by V.N. Karazin, Ukraine

This article is an attempt of analysis of the transitional processes in a context of generally social and generally cultural transformations. The author offers to consider the Russian poetry of the end of XX century as a before system, described by such typological attributes, as heterogeneity, amorphous state, eclecticism of style. The contours of future literary system are outlined which will have a "neo-sentimental" orientation.

Key words: before system, heterogeneity, amorphous state, eclecticism of style, postmodernism, neo-sentimentalism.

Конец XX века ознаменовался трансформационными процессами во всех сферах жизнедеятельности общественного «организма». Три кита («кризис жизни», «кризис мысли» и «кризис искусства»), на которых «стояли» все порубежные эпохи, снова «всплыли» в современной пограничной ситуации. Преобразования, происходящие в социальной сфере, коснулись также и научного мышления (в связи с чем картина мира классической науки, основанная на детерминизме и исключающая из эволюционного процесса всякого рода случайности, сменилась новым образом мира – открытым, непредсказуемым и непрерывно становящимся), и литературы.

В мае 2000 года Институт искусствознания РАН провел конференцию «Искусство и наука об искусстве в переходные периоды истории культуры», которую можно считать знаковой для литературоведения современного транзитивного общества, поскольку устроителей и участников симпозиума интересовала, прежде всего, динамика культурных трансформаций. В резюме конференции отмечалась актуализация исследовательских поисков именно в области переходных явлений, мотивированная тем, что весь век предстает грандиозным переходным явлением.

Действительно, ситуация перехода от сложившейся парадигмы к формирующейся новой, еще не имеющей определенных признаков и потому не могущей быть охарактеризованной, стала «знаменем» современности. Но если нестабильные, трансформационные процессы в общественной жизни или в естественных науках демонстрируют множественную и неопределенную перспективу развития, то литература в переходные периоды все же обнаруживает более определенную направленность, основанную на преемственности явлений как «субстрате всего историко-литературного процесса» [5,426]. Путем ряда умозаключений можно предположить, какой образ будет иметь складывающаяся литературная система.

Прежде всего, следует констатировать такой непреложный факт: почти полувековая эпоха постмодернизма, бытовавшего в литературе как ситуация «эпистемологического и онтологического кризиса, когда утрачено доверие к аутентичности всех культурных концепций или стилистических манер художественного письма» [10,119], исчерпала себя. Культурная формация, оказавшаяся с самого начала своего существования в ситуации «конца» (провозгласившая «конец культуры») и культивировавшая кризис в качестве творческой концепции и метода, в результате в современной российской литературе развилась до такой регрессивной стадии, как арьергард – течение, ставшее «отступлением в тыл литературы, к ее могилам и пепелищам» [11,166] и находящееся в одном контексте с «некрореализмом», занятым изображением трупов в кино, и «танатологией» в философии. В противовес авангарду с его жесткими конструкциями и пафосом переделки, новое течение культивирует принципиальную аморфность стиля, иными словами, в созданиях его представителей («Видимости нас» и «Равновесии света дневных и ночных звезд» Валерии Нарбиковой, «Жертвоприношении коня» Игоря Герба, «Призме – кино» Руслана Марсовича и др.) исчезает тот костяк (и формальный, и смысловой), на который традиционно наращивалась «плоть» произведения: подобный текст лишается начала и конца и одинаково долго тянется по всем направлениям, создавая некий «континуум невесомости». Литературный арьергард лишен всякой идейной направленности: в децентрализованной прозе, которой он представлен, нет того структурообразующего места, где укреплялась бы даже анти-концепция. Становится очевидным, что самое современное течение российской литературы, завершая цикл постмодернистского существования, имеет тупиковую перспективу.

Наряду с традиционной оценкой постмодернизма как фазы «послемодерного» бытия искусства следует рассмотреть и трактовку обсуждаемого явления, данную Ф.Лиотаром и являющуюся далеко не бесспорной, однако достаточно конструктивной в аспекте нашего анализа. Согласно этой трактовке, префикс «пост» в контексте термина «постмодернизм» несет несвойственную ему смысловую нагрузку: не «post», а «ante», не «после», а «до». Это означает, что постмодерное искусство не наследует модерному, а предшествует ему, а именно: прежде чем стать модерным (новым), искусство всех «измов» (романтизма, реализма и т.п.) появлялось в виде постмодерного, ибо ломало эстетические каноны предшествующего искусства (далее, завоевав доминантное положение, становилось модерным, канонизировалось и уже не создавало эстетические реалии, а только повторяло и защищало себя). По логике этой схемы, постмодернизм – «постоянный спутник обновления», а не исторически-конкретный период в развитии искусства.

Таким образом, можно считать, что постмодерное искусство, исчерпав себя, «устав от себя», пришло к необходимости обновления, либо полагать, что оно само по себе – сигнал к данному обновлению. В любом случае, о ревизии постмодернизма заявили уже не только критики, но и сами его творцы (так, Владимир Сорокин всерьез заговорил о сознательном абортировании своей литературной деятельности), отказавшиеся от тотального и пресытившего постмодернистского «отказа». То, что было отвергаемым в постмодернизме, начинает «реабилитироваться»: утверждение об исчерпанности гуманизма постепенно сменяется постулированием «человекоцентризма»; характеристика реальности как «совокупности симулякров» – использованием реалистических, натурных средств изображения; принципиальная

обезличенность авторской интонации – восстановлением в правах голоса повествователя, акцентуацией субъекта наррации.

Развитие современной российской поэзии (как и литературы вообще) получает все более выраженную гуманистическую направленность. В контексте современного интеллектуального движения (*универсализма*), связанного с решением глобальных экологических, социальных и культурных проблем человечества, литературе предстоит обратиться к исследованию диалектики человеческой души, ибо гуманистика универсализма основывается на идее Человека Универсального, а «человечество становится человеком, впервые как целое очеловечивается» [12,388]. Являясь совершенно особым типом мироощущения, универсализм связан с ренессансно-просветительскими традициями культуры эпохи Нового времени, поэтому уместным будет говорить о неосентиментальной, «неоискренней» направленности новой литературы.

Безусловно, подобный вектор движения современной литературы не имеет характера возврата к прошлому (тем более, к сентиментализму). Дмитрий Бак – один из участников конференции «Русская поэзия в конце XX века», призванной разрешить «старинный спор» об архаистах и новаторах (применительно к современным поэтам) – совершенно справедливо полагает, что архаичные и новаторские тенденции ныне почти не различимы, но «за их формальным тождеством кроется не обезличенная нейтральность интонации, а заново обретенная невыносимая легкость ответственного поэтического высказывания» [8,165]. Таким образом, следует говорить не о ретрансляции прежних поэтических ценностей, но об особом взгляде на них, новом их обретении и утверждении. М. Эпштейн называет лиризм грядущей литературы «транслиризмом», который знает о своем поражении, но желает выразить себя именно в форме повтора, провозглашая, таким образом, самобытность любого высказывания, даже стереотипного: «Эта пост-постмодернистская, неосентиментальная эстетика определяется не искренностью автора и не цитатностью стиля, но именно взаимодействием того и другого, с ускользающей гранью их различия, так что и вполне искреннее высказывание воспринимается как тонкая цитатная подделка, а расхожая цитата звучит как пронзительное лирическое высказывание» [11, 202].

Таким образом, просматриваются некие виртуальные контуры будущей литературной системы. А поскольку наиболее «мобильным» (живо реагирующим на «слом традиции») родом литературы является поэзия, то именно она уже в конце XX века продемонстрировала феномен «переразложения элементов». По всем формальным признакам, описанным З.Г.Минц [6], период 1990-х годов в поэзии может быть определен именно как предсистема.

Прежде всего, по сравнению со стабильной системой этот этап эволюции демонстрирует одновременное существование ряда объективно обособленных друг от друга подсистем, или распыление на огромное количество различных течений, что позволяет критике говорить о разноукладности современного поэтического хозяйства, где «патриархально-народнический тип частушечного распева соседствует с сознательной десемантизацией и деконструкцией текста» [11,138]. Михаил Эпштейн предпринял попытку схематичного описания данного явления и представил его в виде спектра, к левой части которого, тяготеющей к языковой диверсии, к антиискусству, предложил отнести концептуализм, постконцептуализм, «нулевой стиль», неопримитив, шаржированно-гротескную поэзию; к правой же части, тяготеющей к сверхискусству, к языковой утопии, - метареализм, континуализм, презентализм, полистилистику и «лирический архив», или поэзию исчезающего «я». При этом ученым подчеркивается, что далеко не все направления вошли в данную схему; существует множество поэтов, творчество которых нельзя охарактеризовать однозначно, поэтому подобная каталогизация и является не вполне точной. Однако эти замечания только подчеркивают такую типологическую черту поэтической предсистемы, как неоднородность. Следует сказать, что в качестве структурообразующего начала при объединении данных течений выступили не сложившиеся творческие принципы, а, по замечанию А.Алехина, «приятельство» и «совместные кухонные бдения» [1,21]. Многие современные критики единодушно признают «случайностную» природу образуемых поэтами поколения 1990-х группировок, очень пластичных «в отношении стиля и поэтической манеры» и являющихся «чем-то вроде содружеств или клубов со свободной структурой членства и широким диапазоном личных эстетических позиций» [2:,219].

Кроме вышеизложенного, совершенно справедливым будет говорить и об аморфности обсуждаемого нами явления предсистемы, об отсутствии его автометаописаний. Современная антология литературных манифестов последним фиксирует манифест куртуазного маньеризма, родившегося в декабре 1988 года. Это означает, что ни одно поэтическое течение, возникшее в 90-е годы XX века, не зарегистрировало себя, не заявило о себе публично, представив читателю программу своей творческой деятельности.

Перед нами формальные признаки переходного, нестабильного явления, которое является промежуточным звеном между двумя системами и генерирует (на основе случайных «выпадов» и ошибок) новый «большой стиль».

Необходимо подчеркнуть, что ярчайшим показателем художественной мысли переходных периодов становятся явления конгломеративных свойств, то есть одновременного развития разных эстетических тенденций. Что касается современного поэтического контекста, то критикой отмечено в нем «небывалое жанрово-стилевое разлитие, эклектизм, пестрота», синтез разных манер [9,197], в частности, классических и авангардных, традиционных достижений и элементов концептуалистской игры, «соединение стилевых уроков постмодерна с восстановлением утраченных смыслов и ценностей» [3,199].

Говоря об эклектикообразующем характере поэтики новых авторов, следует отметить артистическое столкновение различных стилевых пластов и культурных знаков в творчестве Максима Амелина (активно проявляющего ретроспективный интерес к допушкинской эпохе); соединение архаизации с наследием «серебряного века» Дмитрия Полищука; материал, собранный Дмитрием Воденниковым в пространстве культуры и не представляющий собою более концептуалистскую игру, поскольку проникнут стихией неподдельной боли; композиции из закавыченных строк Всеволода Зельченко, которые одновременно являются «попыткой метафизической оценки действительности» [2,215] и т.д.

Наиболее примечательным явлением рассматриваемого переходного периода является поэзия Тимура Кибирова, причисляемого многими критиками к концептуалистам. Сам автор не идентифицирует себя с представителями названного направления, хотя и входит в известную одиозную «тройку»: Кибиров, Пригов, Рубинштейн. По мнению Т.Постниковой, у него третий путь между авангардизмом и «слепым» следованием традиции, предполагающий не концептуалистское глумление над цитатами и паразитирование на расхожих литературных штампах, но новое переосмысление сложившихся стереотипов и, соответственно, генерацию элементов новой поэтики, принадлежащей уже XXI веку. Показательно, что один из стихотворных сборников поэта называется «Сантименты»; огромная роль в нем принадлежит таким сентиментальным жанрам, как идиллия, элегия, послания. Так, одно из посланий Льву Рубинштейну имеет следующие строки:

В небе темно-бирюзовом
Тихий ангел пролетел.
Ты успел запомнить, Лёва,
Что такое он пропел? (...)
Осененные листвою,
Небольшие мы с тобой,
Но спасемся мы с тобою
Красотою, Красотой!...[4,179].

Казалось бы, концептуализм совершенно исключает возможность употреблять слова «слеза», «душа», «ангел», «Красота» в их первичном значении. Но попытки десемантизации в данном случае мы не усматриваем. Автору, действительно, важно сохранить первоначальный смысл этих слов, пусть и прошедших осмеяние и дискредитацию, зато возвращенных в каком-то новом трансцендентном значении, словно не от мира сего. «Космос всей предшествующей русской поэзии и хаос сегодняшней речи одинаково дороги» поэту и причудливым образом переплетаются в его творчестве. Поэт верит, что из «рассыпавшейся в труху культуры, в которой все слова уже обесчещены и скомпрометированы, можно еще сложить новый смысл» [7,72].

Итак, будущая система в российской литературе (и в поэзии, в частности) начинает проявлять себя в каких-то еще не совсем сложившихся, хаотичным образом взаимодействующих и «случайно» сталкивающихся различных эстетических тенденциях и элементах стиля. Таким образом, «уклад поэтического хозяйства» на рубеже веков обнаруживает явные признаки переходного процесса. Становится совершенно очевидным, что «поэзия в России – не изгой» [1:3] и именно она наиболее «живо» генерирует элементы новой эстетики, будущей иметь «неосентиментальную» направленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Алехин – И.Фаликов. «Поэзия в России – не изгой…» // Вопросы литературы. – 1999. - № 6. – С. 3-30.
2. Вязмитинова Л. От полыньи Полины к снам Пелагеи Ивановны (поэзия поколения 90-х) // Знамя. – 1998. - № 11. – С. 211-220.
3. Иванова Н. Преодолевшие постмодернизм: [О соврем. лит.] // Знамя. – 1998. - № 4. – С. 193-204.
4. Кибиров Т. Сантименты. Восемь книг. Белгород: Риск, 1994.
5. Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – М.: Наука, 1972.
6. Минц З.Г. «Новые романтики» (К проблеме русского предсимволизма) // Тыняновский сборник / Третьи Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1988. – С. 144-158.

7. Постникова Т.В. «Если ты носишь начало времен в ушах»: (Авангардная поэзия 80-х – начала 90-х годов): Библиографич. очерк / РГБ. – М., 1995.

8. Русская поэзия в конце XX века // Знамя. – 2001. - № 1. – 154-166.

9. Славецкий В. Обратная перспектива. «Амелинский сезон» в поэзии конца века // Новый мир. – 1998. - № 9. – С. 197-207.

10. Фізер І. Постмодернізм: post/ante/modo – термін із нульовим значенням // Сучасність. – 1998. - № 11. – С. 117-123.

11. Эпштейн М. Постмодерн в России: Литература и теория. – М.: Элинин, 2000.

12. Эпштейн М. Эпоха универсализма // Эпштейн М. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX-XX вв. – М.: Наука, 1988.

УДК 821.161.1:82-1

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИСТИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ В.А. ЖУКОВСКОГО

Эмирсуинова Н.К., к. филол. н., доцент

Запорожский государственный университет

В статье дается интерпретация стихотворений В.А. Жуковского в свете его философско-эстетических представлений, в соотношении с его мистическими переживаниями.

Ключевые слова: романтизм, мистика, поэтика, символика.

Емірсуїнова Н.К. ІНТЕРПРЕТАЦІЯ МІСТИЧНИХ ВІРШІВ В.А. ЖУКОВСЬКОГО / Запорізький державний університет, Україна

У статті надається інтерпретація поезій В.А. Жуковського у світі його філософсько-естетичних уявлень, у співвідношенні з його містичними переживаннями.

Ключові слова: романтизм, містика, поетика, символіка.

Emirsuinova N.K. THE INTERPRETATION OF ZHUKOVSKY'S MYSTICAL POEMS / Zaporizhzhya State University, Ukraine.

The interpretation of Zhukovsky's poems is given in the article according to his mystical feelings.

Key words: romanticism, mystic, poetics, symbolism.

Первый русский романтик, начавший своё творчество перепевами традиционных элегических мотивов сентиментализма, прошёл своеобразную эволюцию, где мистическая лирика занимает особое место. Именно она определила оригинальный художественный мир поэта, вызвала резкую критику литературных противников, мягкую иронию бывших друзей-арзамасцев, повышенный интерес к ней русских романтиков и символистов от любумудров до А. Блока.

Сами понятия «мистика», «мистическое», «мистицизм», «мистический опыт» стали входить в литературоведческий оборот лишь в конце 1990-ых годов. Вот как трактуют эти понятия современные ученые. Мистика – это «попытка уйти от чувственного мира, погрузиться в глубины собственного бытия, которые открывают путь к интенсивному богообщению»[1,23]. Далее говорится об основных признаках “мистического опыта” по книге У. Джеймса “Многообразие религиозного опыта”, среди которых можно выделить как ведущий – «неизреченность». Этот признак осознан многими романтиками, переживающими драму восприятия и воплощения высшей духовности, божественной красоты мироздания. Одно из программных стихотворений В.А. Жуковского так и называется «Невыразимое».

Заявляя о том, что «универсальная интуиция двоемирия включает в себя двоемирие метафизическое, мистическое», – другой современный ученый называет некоторых русских романтиков, тяготеющих к изображению мистики как разновидности реальности – «это Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский, М.Ю. Лермонтов» [2,559].

Особая впечатлительность, поэтизация духовных сторон бытия, напряженная душевная жизнь, религиозность и этический максимализм, музыкальность мышления, - всё это неизбежно приводило В.А. Жуковского к восприятию мистических мотивов из западноевропейской романтической традиции и к собственным попыткам поэтической артикуляции мистических переживаний.

О глубинном переживании эстетического чувства поэт писал, подбирая слова, психологически достоверно объясняющие суть прорыва сквозь земную реальность в некий сверхчувственный мир абсолютной красоты: «Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам только минутами, для того единственно, чтобы нам сказаться, оживить нас, возвысить нашу душу – но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем, ему нет *ни имени, ни образа*; оно ощутительно и непонятно; оно посещает нас в лучшие минуты нашей жизни...»[3,311].

Замечательно, что этот комментарий к известным словам Ж.Ж. Руссо: «Прекрасно лишь то, чего нет», – В.А. Жуковский писал, пытаясь для себя и для других объяснить необычность восприятия Красоты. Выделенные слова свидетельствуют об особенном мистическом озарении, которым был наделен русский поэт. Романтическая стихия культурной жизни начала XIX века лишь укрепляла и углубляла эту природную особенность дарования В.А. Жуковского.

С этим, очевидно, связана и “кладбищенская” тема в лирике поэта, мистика любовного чувства – стихи, посвященные М. Протасовой и баллада «Эолова арфа». В 1815-1820-ые годы написан целый ряд стихотворений, где В.А. Жуковский пытался запечатлеть самые разные варианты собственных мистических переживаний. Они свидетельствуют о настойчивом желании выразить, то «тёмное», «тайное», «непостижимое», «необъятное», «скоротечное», «без имени», «без образа», – состояние души человека в момент проникновения в незримый, идеальный мир Вечной Красоты. Стихотворения: «Славянка», «Весеннее чувство», «К мимо пролетавшему знакомому гению», «Лалла – Рук», «Мотылек и Цветы», «Таинственный посетитель», «Жизнь», «Я музу юную бывало», – объединяются общностью темы и специфической поэтикой. Романтические художественные приемы призваны максимально описать сущность мистического чувства красоты, заразить читателя этим душевным состоянием.

Эмоциональность картин природы подготавливает настроение ожидания чуда, волшебства, проникновение в скрытые тайны бытия. Это может произойти в ночной тишине, во время прогулки по Павловскому парку, когда «сонный лист зашевелится» «над усыплённою водою»:

Как бы эфирное там веет меж листов,
Как бы невидимое дышит,
Как бы сокрытая под юных древ корой,
С сей очарованной мешаясь тишиною,
Душа незримая подъемлет голос свой
С моей беседовать душою

Так появляется образ «души незримой» – своеобразный знак романтической мистики поэта, его философии мироздания. Поэту известна одухотворенность природы, очевидность и реальность «души незримой», он подбирает слова для описания её: «некто... безмолвный», «без образа лицо», «зрак туманный», «видение прекрасное». Время единения лирического героя и загадочно-таинственной «души незримой» очень коротко, но оно всеобъемлюще, в это мгновение «воскресает и все, что жизнь сулит, и все, чего в ней нет». Оно столь скоротечно, что остаются лишь вопросы, на которые ни сам поэт, ни читатель не может дать ответа. Так складывается своеобразная поэтика «безответных» вопросов в мистической лирике В.А. Жуковского

О! Кто ты, тайный вождь? Душа тебе вослед!
Скажи: бессмертный ли пределов сих хранитель,
Иль гость минутный их? Скажи: земной ли свет,
Иль небеса твоя обитель?...

Вопрошающая интонация свидетельствует о жажде объяснения происходящего, о непостижимости и таинственности встреч души человеческой с душой мироздания. Романтическое двоемирие поэта приобретает свою абсолютность и взаимосвязанность:

Как будто мир земной в ничто преобратился;
Как будто та страна знакомей стала ей,
Куда сей чистый ангел скрылся.

Стихотворение «Весеннее чувство» распадается на две части, в первой – даётся реальное переживание весеннего настроения на фоне пробуждения природы, во второй части появляется характерный для поэзии Жуковского оттенок неразгаданности.

«Безответные вопросы», а их задано в стихотворении 10, призваны создать размытую, лишенную четких, рационалистических контуров картину-настроение, или, по Г.А. Гуковскому, «пейзаж души». Романтическое стихотворение постепенно наполняется мистификацией, где даже песня жаворонка, о которой можно догадываться, воспринимается «вестью» и «милым голосом» из «края желанного», «неведомого» «очарованного». «Перелётные птицы - вестники оттуда», - писал В. Тик, немецкий романтик родственным художественному миру В.А. Жуковского. Перекличка мотивов с одним из самых мистических немецких романтиков знаменательна [4,134].

“Перелётная весна” в стихотворении русского романтика символизирует и порыв человека в неизведанное, и напоминание о былом и ещё что-то, что не названо в стихотворении, в котором нескончаемые вопросы обращены и к миру природы, и к самому себе, и к читателю. Символика стихотворения становится предельно многозначной, почти неисчерпаемой, она сознательно неопределённа, разомкнута.

В связи с такой трактовкой романтического двоемирия в мистических стихотворениях оказалась актуализированной символика «полёта» и связанных с ним персонажей: «ангел неземной», «гений чистой красоты», «бессмертья вестник - мотылёк», «птичка, странник поднебесный». Все они объединены некоей общей жизнью в «поднебесной стороне», наделены способностью посещать земную жизнь, становясь «добрыми вестниками» «небесного» мира, чтоб о нем «сердце знало в тёмной области земной».

В этих стихотворениях нет мрачных, пессимистических мотивов, иной мир не сопряжён с потерями, с тоской; наоборот, встречи с «гением чистой красоты» вселяют в душу читателя «животворные» силы, веру в существование «очарования», в возможность соприкосновения с идеально-прекрасным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич П.С. Современный гуманитарный словарь-справочник. - М., 1999.
2. Яковлев М.В. Мистическое/ Литературный словарь терминов и понятий. - М., 2001.
3. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и "сердечного воображения". - М., 1999.
4. Жирмунский В. Немецкий романтизм и современная мистика. - СПб., 1996.

УДК 821.161.1С’-1.09:82.02

МИНИАТЮРА СЛУЧЕВСКОГО: ЭКСПЕРИМЕНТ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ

Юферева Е.В., соискатель

Днепропетровский национальный университет

Анализ поэтического текста Случевского привел автора к заключению о разнообразии жанровых и стилистических направлений в поэзии 19-20 ст. Необходимо отметить, что миниатюры освобождается от влияния традиционных жанров и формирует новые устойчивые художественные принципы: открытую структуру, трансформированный локальный сюжет, сконцентрированный на одном впечатлении или мысли. Все эти процессы свидетельствуют о широком спектре поисков и экспериментов, характерных для творческих систем романтиков и символистов.

Ключевые слова: миниатюра, открытая структура, локальный сюжет, эксперимент.

Юферева О.В. МІНІАТЮРА СЛУЧЕВСЬКОГО: ЕКСПЕРИМЕНТ І ХУДОЖНЯ ТРАДИЦІЯ / Дніпрпетровський національний університет, Україна

Аналіз поетичного тексту Случевського довів автора до висновків про різнобарвність жанрових і стилістичних напрямів у поезії 19-20 ст. Необхідно зауважити, що мініатюра звільняється від впливу традиційних жанрів і формує нові сталі художні принципи: відкриту структуру, трансформований локальний сюжет, сконцентрований на одному враженні або думці. Усі ці процеси свідчать про широкий спектр пошуків і експериментів, що є характерними для творчих систем романтиків і символістів.

Ключові слова: мініатюра, відкрита структура, локальний сюжет експеримент.

Yufereva E.V. MINIATURE OF SLUCHEVSKIY: EXPERIMENTATION AND ARTISTIC TRADITION / Dnepropetrovsk National University , Ukraine

Analysis of poetic text of Sluchevskiy has enabled the author to come to the conclusion about the jahrous and stylistic trends in the poetry of 19-th – 20-th century. It should be noted that miniature had released of traditional jahr influence, had formed new stabile artistic principales such as open structure, transformation of the local plot, concentrated on one impression or idea. All these processes manifest in a broad spectrum of searching and experimentation, characted for the creative system of romanticism and symbolism.

Key words: miniature, open structure, local plot, experimentation.

Миниатюра, несмотря на отсутствие особенных формальных предписаний, – жанр строгий и сложный. История ее развития сопровождается стремлением избежать, нарушить свою ограниченность, что вырабатывает колоссальную энергию, находящую выход не в расширении художественного

пространства, а в интенсификации средств выражения. Индивидуальное мышление расшатывает, а позже и вовсе выводит из сферы нового жанра, принципы источников миниатюры и замещает собой утратившуюся опору на опыт жанра. Миниатюра Баратынского, например, постепенно освобождается от эпиграмматических и эпитафических закономерностей, исчезает дидактичность, императивность, не свойственная его пониманию относительности, переменчивости мира и человека в нем. Миниатюра – объект жанровых экспериментов. Уже в творчестве Тютчева мы наблюдаем несколько разновидностей миниатюр, различающихся актуализацией способа видения мира, отношением между художественным объектом и субъектом, выбором средств поэтического выражения. Ко времени творческой активности Случевского миниатюра впитала множество признаков жанров-источников (кроме упомянутых, важную роль сыграл фрагмент, афоризм, ода), испытала жанровые трансформации и проявила себя гибким, подвижным и открытым жанром для поэтического мышления романтика или предсимволиста.

Эксперимент для Случевского не только путь жанрового обновления, но и способ отношения к миру и его проявлениям. Сталкивание, разведение или слияние разнородных процессов или явлений порождает противоречивые образы, эмоции, мысли. За обманчивой прямолинейностью, простотой стоит представление мира, его концепция, также как за очевидностью изображенного факта кроется закон или первопричина, наряду с импрессионистичностью, углублением в чувство, впечатление уживается рассудочное истолкование внешнего и внутреннего мира. Онтологически, целое мира Случевского – множественно, многосоставно; одновременно и дискретно, и непрерывно. Художественный детерминизм (созвучие всех элементов образа мира, их взаимопереход) и дифференциация (атомизация, отчетливое и ясное восприятие иерархиезированного мира) – гносеологическое соответствие, подкрепляющее характер мировоззрения. Именно поэтому исследователи отмечают две тенденции в поэтике Случевского: «стремление к разграничению, к поляризации противоположных начал» и «поиск связей и взаимообусловленности явлений» [1, 69]. Эксперимент с жанром является не только общей для периода 80-х гг. XIX ст. реформации романтического стиля, но определенным знаком при понимании смысла стихотворения, при осознании воспринимающим модели мира поэта. К примеру, «Кукла», которая открывает цикл «Мгновение», удивляет оголенностью смысла, эмоциональной схематичностью. Аллегория куклы / человека переходит в обобщение, раскрывающее и без того понятное подразумеваемое. И фактуально (стертая образность), и структурно (традиционная закрытость, монолитность) эта миниатюра, кажется, – результат эстетической безвкусицы. Однако, совсем в ином ракурсе мы увидим «Куклу», если обратим внимание на жанровый компонент. Отголосок эпиграммы – мотив куклы, который хорошо узнаваем, трансформируется путем его внедрения в сюжетное поле эпитафии. Подсвечивание одного жанра другим – действенный способ оживления постаревших образов. Слияние жанров, ставящих бок о бок жизнь и смерть, причем разделенных мгновенной случайностью или нелепостью, раскрывает смысловую динамику всего цикла:

Куклу бросил ребенок. Кукла быстро свалилась,
Стукнулась глухо о землю и навзничь упала...
Бедная кукла! Ты так неподвижно лежала
Скорбной фигурой своей, так покорно сломилась,
Руки раскинула, очи закрыла...
На человека та, кукла, вполне походила! [2, 12]

В этой миниатюре, как и в остальных в цикле, можно отметить окончательное избавление от внелитературности, которая когда-то освобождала миниатюру, а впоследствии сковывала ее. Определенные жанровые «сигналы» эпитафий или разрушены, или видоизменены: обращение эпитафии перевернуто к умершему или умирающему с традиционного к постороннему, абстрактному адресату. Истории миниатюры известно обращение к собственной смерти (речь идет о миниатюре-эпитафии «Эпитафия себе заживо» Вяземского). Но у Случевского, в отличие от Вяземского, иные предпосылки к изменениям: Случевский, также как и Баратынский в «Надписи», разворачивается непосредственно к феномену смерти и жизни, их различным проявлениям. В результате данной трансформации, «эйдогенный» фактор [3, 113] становится избыточным, он исчезает. Бессмысленно увековечивать еще и потому, что сама жизнь обесценена властью смерти. В таком «диаволическом» [4] преломлении мы узнаем концепцию Баратынского, который не мог примирить в себе жизнь и смерть, для которого смерть отравляла жизнь и не оправдывала ее несовершенства:

Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнь,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти страдной страшиться [5, 62]

Случевского и Баратынского сближают не только общий концептуальный фон цикла, но и интерес к «смежным» явлениям, осциллирующим между «миром ставшем» и «миром в становлении». Процесс замирания, преодолевая «неуловимость» мгновения, воссоздан у Баратынского в миниатюре «Надпись», в которой намечается не психологический параллелизм, а, скорее, «мыслительный»: изображенная картина раскрывает, с одной стороны, становления явления, с другой – формирует образ омертвления

живого окаменения духа. Случевский также стремится представить явление в динамике, пытается уловить и вложить в миниатюру такое сложное состояние, как миг до или после смерти, делает акцент на диалектике этих состояний. Даже в цвете жизни сквозит приближение смерти:

Градины выпали! Счета им нет...
Подле них вишен обившийся цвет...
В царственном шествии ранней весны,
В чаяньи смерти смертельно бледны,
Бедные жертвы и их палачи
Гибнут, белея, в безумной ночи... [2, 16]

Для решения этой задачи Случевский сужает до предела объект наблюдения. Склонность миниатюр к обобщенным замечаниям, удаленному спектру обозрения здесь преобразуется в максимально приближенный крупный план запечатления предмета, который словно под микроскопом рассматривает лирическое «Я». Фиксация наблюдений, внимание к очевидным фактам присущи и поэзии Тютчева. Однако у него зримое бытие – объективность, которая и реализует истину, и сама ею является. Свободное созерцание, не перегруженное предустановленной рационалистической целью, рождало открытую – впервые в истории этого жанра! – миниатюру, в которой развитие смысла не «захлопывается» эффектным афористическим пуантом, сентенцией или мудрым вопрошанием, а продолжается в минус-тексте, выраженном троеточием, разворачивающим цепь свершений в мире и его гармоническую причастность к скрытому, высшему началу. «Тихой ночью, поздним летом» [6, 123], «Не остывшая от зною» [6, 150], «Под дыханьем непогоды» [6, 140], «Яркий снег сиял в долине» [6, 100] и т.д. – примеры подобного рода миниатюр Тютчева. Но у Случевского миниатюра – эскиз исследования, и в этом он продолжатель традиции, начавшейся с Баратынского. В миниатюрах «Зернышко», «Очи впавшие, рот запекшийся» на соприсутствие полярных процессов (жизни и смерти) накладывается рационалистическое познание, сообщающее схематичную, обобщенную структуру стихотворениям. Эмоции и впечатления требуют логического заключения, вращаются вокруг поиска причины. Так приглушается импрессионистичность, безусловно присущая, но не доминирующая в цикле, и связанное с этим стилистическим признаком жанровое определение миниатюр Случевского как «мгновение» [8, 52]. По мнению исследователя, в «мгновениях» поэта – образ времени, центральный в цикле, дискретен. И «дискретность» времени и его мгновенность, ставшая жанровым показателем, уступает тому, что мы именуем «непрерывностью» в видении мира Случевского, в жанровом отношении реализуемое циклом, который у нашего поэта характеризуется «текучестью» и «раскованностью» [7, 142]. В цикле смысловой вектор от мгновения переходит в вечность, а согласуемые с этими точками жизнь и смерть образуют как бы параллельную, но однонаправленную смысловую линию. Утесненный образный ряд в цикле, напоминающий сцепленность, уплотнение слов-образов («бездна», «покров», «ночь») в творческой системе Тютчева организует перекличку значений между миниатюрами, переброс акцента с одного на другое. В дополнение к дилогичности цикла, эти свойства открывают миниатюру, изначально обладающую закрытостью, заставляют играть ее разнообразными значениями, разрушают локальность лирического сюжета, прикрепленного к выражению одной мысли или чувства. Проанализируем реализацию этих средств в первых четырех миниатюрах цикла. Первая – «Кукла». Мы уже говорили о ее структурной закрытости, о преобладании «смерти» над «жизнью». Здесь встречаются такие слова: «упала», «очи», «лежала». В следующей миниатюре, напротив, утверждается жизнь, но обратим внимание на лексическое наполнение: «упала», «глаза», «лежит», «живет», «в каждом», «весною». Далее, первый план слова занимает «смерть»: «каждою весною», «ничем не быть». И, наконец, в четвертой миниатюре «жизнь» и «смерть» соединяются, и она полемична по отношению к предыдущему стихотворению: «конечно, был», «жить». Миниатюры не уточняют, не дораскрывают друг друга, но отрицают, и в этом отрицании, в положении «между» заключена истина для Случевского-диаволиста. Качество дуализма Случевского отличает его от дуализма романтиков, который основывается на «внимании к констатации и анализу самих элементов диалектики», но который не поднимался до осмысления единства и причин этих противоречий...», и выражается в контрасте и антиномии [8, 23]. Но если рассматривать «мгновение» не как жанровый признак, а как осознание, объективацию внутреннего – идеального – времени, то Случевский, также как и романтики, находит в нем сущность жизни и, также как они, ищет красоту в бесконечной мимолетности мгновений. Ведь все эти снежинки-звезды, синие глаза незабудок, капельки блестевшие удивительно трогательны и красивы в стремительности своего существования.

Но все же – как определить жанр «Мгновений»? Когда мы говорим о малых формах в творчестве Баратынского, мы употребляем термин миниатюра; когда мы говорим о малых формах в творчестве Тютчева, мы чаще употребляем термин фрагмент. Они не исключают друг друга, но имеют определенную специфику. Так, фрагмент в большей степени опирается на контекст (это генетически обусловлено [9, 46]). У Тютчева даже самые «догматичные» [10, 43] миниатюры приводят к жанрам «первично философским: афоризмам, сентенциям, фрагментам. Его миниатюры застыли между искусственностью, риторичностью афоризма и личностностью фрагмента. Поэтому и внелитературность

исходит не из функциональности, практичности надписей, а из философской установки формулировать, разрабатывать мысль. Миниатюра Случевского приближается к фрагменту в силу структурных причин (открытие миниатюры происходит благодаря контекстуальным связям), в силу сюжетной специфики (тематизация мгновений отвечает жанровым симпатиям фрагмента), в силу протеизма фрагмента, способного отобразить протеизм мировоззрения Случевского, его переменчивость, диалектичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мирошникова О.В. Лирика К.К. Случевского (жанрово-композиционное своеобразие). – Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. – Л., 1983.
2. Случевский К. Сочинения в стихах. – М.-СПб.: Летний сад, 2001. – 788 с.
3. Турбин В. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. – М.: Просвещение, 1978. – 240 с.
4. Ханзен-Лева А. Русский символизм. – СПб.: Академический проект, 1999. – 512 с.
5. Баратынский Е.А. Стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1971. – 399 с.
6. Тютчев Ф.И. Стихотворения: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1984. – 495 с.
7. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе 19 в. – СПб., 1999. – 279 с.
8. Хрулев В.И. Романтизм как тип художественного мышления. – Уфа, 1985. – 80 с.
9. Вайнштейн О. Язык романтической мысли. О философском стиле Новалиса и Ф. Шлегеля. – М.: РГГУ, 1994. – 80 с.
10. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 575 с.

УДК ……

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ СТАТЕЙ У “ВІСНИК ЗАПОРІЗЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ” ЗА ФАХОМ “ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ”

Іваненко В.А., д. філол. н., професор

Запорізький державний університет

1. МАКЕТ СТОРІНКИ

Для оригінал-макета використовується формат А4 з такими полями:

Верхнє та нижнє поля – 2 см, ліве поле – 2 см, праве поле – 3 см.

Шрифт набору – Times New Roman.

У разі необхідності для шрифтових виділень у таблицях і рисунках дозволяється застосовувати шрифт Courier New (наприклад, для ілюстрації текстів програм для ЕОМ). Для стилістичного виділення фраґментів тексту слід вживати начертання *курсив*, **напівжирний**, ***напівжирний курсив*** зі збереженням гарнітури, розміру шрифта та інтервалу абзаца.

Гарнітури, розміри шрифтів та начертання:

a) для заголовку статті: Times New Roman, – 14 пт, напівжирний, усі великі.

b) для підзаголовків: Times New Roman, – 12 пт, напівжирний, усі великі.

c) для основного тексту, УДК, авторів, виносок, посилань, підписів до рисунків та надписів над таблицями: Times New Roman, – 10 пт.,

d) для анотацій, ключових слів -9 пт.

Інтервал між абзацами – 6 пт, міжрядковий інтервал – одинарний.

2. ТИПОГРАФСЬКІ ПОГОДЖЕННЯ ТА СТИЛІ

УДК набирається в першому рядкові сторінки і вирівнюється за лівим краєм. Заголовок статті набирається у наступному за УДК рядкові і вирівнюється посередині. Потім указують: прізвища, ініціали авторів, їх посади, учені ступені, звання, нижче - *місце роботи (курсивом*). Далі розташовуються анотації українською, російською, англійською мовами і ключові слова (також трьома мовами). Анотації повинні також містити: прізвища, ініціали авторів, назву статті, місце їх роботи або навчання.

Початок абзаца основного тексту виділяється збільшеним інтервалом між абзацами і не виділяється відступом або пустим рядком.

Усі ілюстрації мають бути оригінальними рисунками або фотографіями. Фотографії скануються у 256 градаціях сірого. Усі ілюстрації розташовуються у відповідних місцях тексту статті (по можливості угорі сторінки) і повинні бути послідовно пронумеровані: Рис. 1, Рис. 2,… (слід вживати арабську нумерацію).

Ілюстрації, так само як і підписи до них, вирівнюються на середину рядка (за виключенням невеликих рисунків – не більш 7 см, які можуть розташовуватися по декілька в ряд).

Усі таблиці розташовуються у відповідних місцях тексту (по можливості угорі сторінки) і повинні бути послідовно пронумеровані: Таблиця 1, Таблиця 2, … (слід використовувати арабську нумерацію). Надписи розташовуються над таблицями.

Кожен рисунок та надписи до нього включаються до тексту публікації у вигляді одного графічного об'єкта з необхідним обтіканням і, при потребі, прив'язаним до тексту. Створення графічного об'єкта може здійснюватися будь-яким графічним редактором у форматі BMP файлів.

Виконання рисунків засобами Microsoft Word здійснюється через використання команд панелі "Рисование". Підписи здійснюються командою "Надпись". Усі графічні компоненти рисунка і надписи об'єднуються командою "Группировать" (меню "Действия" на панелі " Рисование ") і повинні мати необхідне обтікання.

Посилання на літературні джерела подаються у квадратних дужках і послідовно нумеруються (слід використовувати арабську нумерацію) у порядку появи виноски в тексті статті. Перелік літературних джерел розташовується в порядку їх нумерації, в останньому розділі статті з підзаголовком **ЛІТЕРАТУРА**.

3. СТИЛІСТИЧНІ ПОГОДЖЕННЯ

- Не допускається закінчення сторінки одним або декількома пустими рядками, за винятком випадків, спричинених необхідністю дотримання попереднього пункту (висячі підзаголовки і початок абзаца) та кінця статті.
- Не допускається починати сторінку незакінченим рядком (переноси в останньому рядкові заборонені).
- Не дозволяється підкреслювання в заголовках, підписах і надписах.
- Слід дотримуватися правила про мінімальні зміни в шрифтовому та стильовому оформленні сторінки для того, щоб максимально уникнути різнорідності макета і зберегти єдиний стиль журналу.
- Не допускається часте використання виносок (виноска повинна розглядатися як виняток і вживатися тільки у випадку дійсної необхідності).
- Ілюстрації мають бути підготовані та масштабовані таким чином, щоб розміри букв тексту на ілюстраціях не перевищували розмір букв основного тексту статті більш ніж на 50%.
- Сторінки тексту статті слід пронумерувати.
- На етикетці дискети треба обов'язково вказувати прізвище, ініціали автора, імена файлів.
- На дискеті повинно бути **два файли**:

✓ **перший** - із текстом статті та анотацій з ключовими словами,

✓ **другий** - з відомостями про авторів (прізвище, ім´я, по батькові; посада; вчений ступінь;учене звання; місце роботи або навчання; адреса електронної пошти; дом. адреса; номери контактних телефонів).

4. ДЛЯ ОПУБЛІКУВАННЯ СТАТТІ АВТОРУ НЕОБХІДНО ПОДАТИ ДО РЕДАКЦІЙНО-ВИДАВНИЧОГО ВІДДІЛУ:

1. Роздрукований текст статті з анотацією та ключовими словами.
2. Відомості про авторів.
3. Витяг з протоколу засідання вченої ради факультету.
4. Зовнішню рецензію.
5. Дискету з текстом статті, анотації, ключовими словами та відомостями про авторів.
6. Лист-клопотання (для співробітників сторонніх організацій) на ім'я ректора ЗДУ з проханням опублікувати статтю.

Адреса редакції : Україна, 69063, м. Запоріжжя, МСП-41, вул. Жуковського, 66

Довідки за телефонами*: (0612) 64-26-05 – відповідальний редактор*

69-98-26 – редакційно-видавничий відділ

(IV корпус, кімн. 323)

Адреса електронної пошти: sveta@zsu.zp.ua

Збірник наукових статей.
Вісник Запорізького державного університету

Філологічні науки

№4, 2002

Технічний редактор - Толок О.В.

Підписано до друку 2.01.2003. Формат 60 х 90/8.
Папір Data Copy. Гарнітура “Таймс”.
Умовн.-друк. арк. 26,3. Обл.-вид. арк. 34,4.

Замовлення № 2. Наклад 100 прим.

Верстка, дизайн-проробка, оригінал-макет і друк виконані

у лабораторії видавничих технологій та комп'ютерної графіки

Запорізького державного університету

69063, м. Запоріжжя,63,

вул. Жуковського, 66, к.21,

тел. 224-42-47

ЗДУ
ЛАБОРАТОРІЯ
ВИДАВНИЧИХ
ТЕХНОЛОГІЙ
Т А
КОМП'ЮТЕРНОЇ
ГРАФІКИ